

Сексуальный миф Третьего Рейха

Андрей Васильченко

Нацисты пытались регламентировать все стороны жизни подданных Третьего Рейха, в том числе и самые интимные, потаенные области человеческих взаимоотношений. Под жесткий контроль попало все: добрачные половые связи, супружеская жизнь, рост рождаемости и «качество» новорожденных, проституция и гомосексуализм. Целью такой политики было разведение «элитного человеческого материала» — будущей «расы господ», призванной править миром.

Это коллективное помешательство, этот «сексу-

альный миф» Третьего Рейха оказался настолько живуч, что даже на либеральном Западе до сих пор существует болезненная мода на «порнонацизм»—и в кино, и в одежде, и в литературе.

Новая книга Андрея Васильченко—первое серьезное исследование этого феномена, первая успешная попытка описать и проанализировать как реальную «сексуальную политику» нацистов, так и «половую магию» и «сексуальный миф» Третьего Рейха.

Оглавление

Введение. Завтра был Третий рейх	5
----------------------------------	---

Глава 1. «Я дал вам мужчину»	45
	46

Портрет в интерьере. «Моя невеста— Германия» (Адольф Гитлер)	122
--	-----

Глава 2. Служанка бога	184
	185

Портрет в интерьере. Последний человек эпохи Возрождения—Герман Геринг	240
--	-----

Глава 3. Разрешенные пороки	258
	259

Портрет в интерьере. Озабоченный Мефистофель. (Йозеф Геббельс)	308
--	-----

Глава 4. Раскрепощение тела	333
	334

Портрет в интерьере. Чреватая страсть к мужчинам. (Эрнст Рём)	357
---	-----

Глава 5. Запретная слабость	382
	383

Криминальная статистика по осужден-
ным в вермахте за гомосексуализм 403

Глава 6. Половая алхимия (ра-
совая селекция в нацистской
Германии) 413

Глава 7. «Лебенсборн» («Ис-
точник жизни») 467

468

Портрет в интерьере. «Образцовый»
супруг. (Мартин Борман) 521

Глава 8. Особая мораль для но-
вой элиты 533

Глава 9. Проституция: пресле-
дования и государственная под-

держка в Третьем рейхе	570
	571
Портрет в интерьере. Развод по-нацистски. (Герман Эссер)	622
Глава 10. Разноликая война	630
Заключение. Сексуальное «обаяние» нацизма	677
Приложения	683
Список использованной литературы	730

Введение. Завтра был Третий рейх

В 1942 году немецкая криминальная полиция натолкнулась на труп изнасилованной и ограбленной пожилой женщины. Все немецкие газеты тут же хором стали провозглашать, что подобное зверство не мог совершить немец, и преступника надо искать среди иностранных рабочих. Убийцей же оказался бродяга— немец по национальности. Более того, он сознался еще в 84 убийствах, совершенных на сексуальной почве! Это составило две трети подобных нераскрытых преступлений, которые произошли в период с 1928 по 1942 год. Этот субъект, напоминающий нашего современника Чикатило, был, мягко говоря, не вполне нормален. Сейчас между этим маньяком и руководством Третьего рейха пытаются поставить знак равенства. Мол, и те, и этот—монстры.

Попытка демонизировать верхушку Третьего рейха мне кажется излишней и даже вредной. Нацистские бонзы отнюдь не были порождением зла, во многом являясь посредственными людьми, которыми руководили их пороки.

«Когда мы создадим Великую Германию, о нас могут думать все что угодно. У нас нет ни-

какой необходимости цепляться за буржуазные понятия чести и морального облика. Пусть это будет уделом “воспитанного” дворянства. То, что они делают, виновато скрывая от других, мы делаем с чистой совестью», – заявил однажды Гитлер. Заявил, правда, не перед широкой публикой, а в узком кругу. Тогда он еще не был в зените славы, а только поднимался на вершину власти. Когда он произнес эти слова, шло лето 1933 года. Сама эта фраза показывает: ему и его окружению были чужды моральные предрассудки буржуазии.

Малоизвестный факт: Гитлер отказался от зарплаты рейхсканцлера. За все время существования Третьего рейха он получал единственное денежное вознаграждение—это были платежи от реализации его книги «Майн кампф». Учитывая, что эту книгу вручали в день бракосочетания всем молодоженам, тиражам «нацистской библии» мог позавидовать любой всемирно известный писатель. Так что надо полагать, что гонорары от реализации этой книги были колоссальными. Сам Гитлер не раз заявлял, что его невестой

является немецкий народ. Что он посвятил все свое существование служению нации, пожертвовав личной жизнью.

На фоне его очень выделялись приближенные фюрера, которые не собирались отказываться от удовольствий жизни и чем-то жертвовать. Они всячески потакали своим прихотям. Возьмем хотя бы Германа Геринга, наци № 2. Этот человек, с детства привыкший к показанной роскоши, считал себя «последним человеком Ренессанса». Геринг не менее демонстративно изображал из себя образцового мужа, когда после смерти первой жены поставил у нее на родине помпезный памятник. Но на самом деле это было удовлетворением его личных амбиций, непомерного тщеславия, чрезмерным желанием показать всем свое могущество. Не менее «внимательным» он был и со второй женой, которая так и не смогла принести ему сына. Их единственная дочь, Эдда, стала поводом для шуток злобного Юлиуса Штрейхера, который называл ее не иначе как результатом искусственного оплодотворения.

На самом деле Геринг был страшно далек

от идеалов Возрождения, для этого он не обладал ни аристократической изысканностью, ни интеллектуальной утонченностью. Когда он не справлялся с трудностями, которые рухнули на его плечи, то глотал за день до сотни таблеток паракодина—слабой производной морфия. Опьяненный наркотиком, он упивался роскошью, которая окружала его, поручив решение всех государственных и партийных дел своим подчиненным.

Или другой персонаж. Глава «Немецкого трудового фронта» и организационный руководитель НСДАП—Роберт Лей. Над его низменным грубым юмором потешался даже Гитлер. Фюрер потешался, когда слушал историю об очередной выходке вечно пьяного Лея. Однажды Роберт явился в строительное бюро Мюнхена. Он был облачен в костюм, белые перчатки и нелепую соломенную шляпу. По обыкновению пьяный, Лей тащил за собой испуганную жену и горланил: «Я буду строить новый квартал. Сколько это стоит?! Несколько сотен миллионов? Ерунда. Построим даже модный салон, моя жена позабо-

тится об этом. Для этого нам потребуется специальное здание. И... нам потребуется шлюхи! Много шлюх! Целый дом шлюх!» Фюрер смеялся до слез, когда ему повествовали об этом. Он вообще любил поиздеваться над чужими слабостями, как бы осознавая собственную исключительность.

Но для жены Лея поводов для веселья частенько не наблюдалось. Однажды личный массажист Гиммлера Феликс Керстен был приглашен на обед в дом Лея. Когда он пришел, хозяин был уже вдребезги пьян. Он набрасывался на свою жену и норовил сорвать в нее одежду. Плачущая женщина назвала Лея животным и скрылась в своей комнате. Когда Керстен попытался успокоить ее, она пожаловалась: «Он обращается со мной по-свински. Это закончится тем, что он как-нибудь прибьет меня». До этого не дошло. Несчастливая женщина сама лишила себя жизни. «Безутешный вдовец» предпочел горевать об утрате в постели с молоденькой смазливой девчонкой из Эстонии.

Или совсем другой тип. Бесцветный министр

иностранных дел Иохам Риббентроп. Типичный подкаблучник. Вся его карьера, в том числе и политическая, была творением рук его жены—Эльзы Хенкель, дочери известного производителя вин. Собственного говоря, он и был при-
смотрен ею, когда работал в фирме отца мелким клерком. Позже Эльза знала не только его секретарей и приближенных, но была в курсе дел всего министерства. Иногда складывалось впечатление, что именно она была министром.

Устав НСДАП 1926 года предусматривал в § 4 исключение из партии тех, кто совершал «постыдные действия» и своим аморальным образом жизни дискредитировал организацию. За этим, как правило, следил Арбитражный комитет внутренних расследований, который возглавлял Вальтер Бух, тесть Мартина Бормана. В основном к нему попадали дела членов партии, которые отличались неумеренным потреблением спиртного или были известны своими амурными похождениями. Примечательно, что из компетенции этой комиссии были исключены штурмовики, которые были известны своим разгульным

поведением.

Но подобные разбирательства касались только рядовых нацистов. Верхушка, как правило, была неподсудна. Герман Раушнинг, один из первых национал-социалистических диссидентов, в своих воспоминаниях подчеркивал, что в партии существовало две модели поведения. То, что навязывалось массам, вовсе не было обязательным для нацистской верхушки. Она не была подчинена ни политическим, ни идеологическим, ни моральным принципам. Она подчинялась только фюреру, руководствуясь лишь соображениями «борьбы компетенций», той возни, которая неустанно шла за кулисами Третьего рейха.

Как-то Геббельс обрушился с саркастической речью на реакционные моральные установки «старомодных людей». Гитлер в одной из застольных бесед подхватил эту мысль: «Я ненавижу ханжество и морализаторство. Что они сделали для нашей борьбы? Эти понятия присущи реакционным старухам наподобие Гугенберга, который только лишь и может, что констатировать омоложение нации, прибегая к взглядам добро-

детельных обычаев и строгости. Наше восстание не имеет ничего общего с буржуазной моралью. Я не буду мешать нашим молодым людям только потому, что это не нравится пожилым церковным курицам. Мои парни не ангелы, и никогда такими не станут. Но они куда лучше сусальных героев из “Лиги достоинства”. Я не собираюсь стоять у них за спиной и совать нос в их частную жизнь. Наша партия не имеет никакого отношения к торжественным заявлениям о моральном возрождении нации, основанном на многовековых традициях нашего государства».

К счастью или к сожалению, пастор Адольф Сельман не слышал этой реплики. Он был лидером «Западногерманского этического союза». Адольф Сельман видел фюрера и его партию совершенно в другом свете: «Он изменил многие вещи в Германии. Из общественной жизни исчезли весь хлам и грязь. Улицы наших городов стали чистыми. Проституция, свившая свое гнездо в крупных и мелких городах—изжита. Правительство занялось демографической политикой в самом лучшем значении этого слова».

От имени своей организации А. Сельман радостно приветствовал решение прусского министерства внутренних дел, принятое 22 февраля 1933 года. Оно предусматривало борьбу с венерическими болезнями. В качестве одного из средств достижения этой цели предполагалось «очищение улиц от проституток». Не менее радостно он воспринял декреты, принятые на следующий день, которые предполагали закрытие гостиниц сокращенного рабочего дня, которые в годы Веймарской республики превратились в места обитания гомосексуалистов. Его радости не было предела, когда 3 марта 1933 года был запрещен нудизм, признанный сексуальным извращением, а потому подлежащий полицейскому преследованию. 7 марта его ждало еще одно известие—Герман Геринг дал распоряжение полиции бороться с порнографией и запретил публичную рекламу противозачаточных средств.

От имени своего союза Сельман высказывал благодарность национал-социалистическому правительству за преследование гомосексуалистов, всячески поддерживая кампанию, направ-

ленную против расового смешения немцев с неграми, азиатами и евреями. «Западногерманский этический союз» одобрял пункты закона по борьбе с распространением наследственных болезней.

Можно подумать, что «Западногерманский этический союз» был некой мелкой буржуазной организацией. Но это было не так. История этой протестантской ассоциации уходила корнями в XIX век. До 1885 года она возглавлялась клерикальными школьными учителями. Союз в основном оказывал помощь «падшим девушкам и женщинам», способствуя их возвращению к нормальной жизни. Уже тогда главным врагом члены этой организации считали проституцию и публичные дома. Тогда центральной фигурой в этом морализаторском движении был священник Адольф Стёкер, который был также учредителем появившейся на свет в 1887 году «Мужской ассоциации по контролю за безнравственностью». Уже в те времена эти организации сделали своими тремя основными постулатами: здоровье, расовую чистоту и «нормальное» воспроизводство.

Как видим, цели, весьма созвучные с идеологией нацистской партии.

В свое время один современник суммировал подобный фанатизм и морализаторство в одной фразе: «Национал-социализм—это бред немецких средних слоев. Но его яд сможет на десятилетия отложить дегенерацию Германии и всей Европы».

Новые властелины Германии в основном также были выходцами из средних слоев. Если они не были мелкими буржуа по рождению, то полностью соответствовали им по своему кругозору. Ни в Гиммлере, ни в Геббельсе, ни в Бормане, ни в Рёме не было ничего демонического. Уж тем паче не было ничего сверхчеловеческого. Их отличительной чертой была посредственность—обыкновенная буржуазная посредственность. Йозеф Геббельс, всегда пытавшийся вырваться из этого окружения, под конец жизни с печалью констатировал: «Средние слои создают посредственных политических деятелей, об их политическом калибре говорить не приходится. Все мелкие буржуа остались в пивной “Бюргербройкел-

лер”, где, собственно, всегда и пребывали. Что касается той капельки интеллекта, которая привела их в движение, то они ее полностью пропили за 12 лет сладкой жизни».

Можно согласиться с мыслью о «банальности зла» в Третьем рейхе. Немецкие средние слои долгое время развращались научно-философскими догмами, колебавшимися в диапазоне от Дарвина до Ницше. Буржуа придерживались устаревшей картины общества, оказавшись неспособными отдать должное техническому прогрессу. В итоге старые моральные установки оказалось легко заменить новыми стандартами поведения, на этот раз лишенными какого-либо морального обоснования. Во многом старое оказалось почти полностью идентичным новым нацистским веяниям.

По сути, то, что национал-социалисты выдавали за новую мораль, было старой этикой, облаченной в новые одежды. Мелкобуржуазные устои оказались почти неповрежденными, за исключением того, что новая верхушка теперь не считала нужным руководствоваться каким-то от-

влеченными принципами. Но нельзя не отметить, что появился и принципиально новый элемент— тотальный контроль. Однажды (то, что говорится не для печати) Гитлер сказал: «Мы определяем условия, при которых совершаются половые сношения! Мы вылепляем будущего ребенка!»

Оставалось только примирить между собой общественные потребности нового режима и индивидуальные требования конкретного человека. Тотальное подчинение не должно было вызывать отторжения. Этот процесс, получивший название унификации, принимал две формы.

Сначала были призывы к национальной солидарности: «Вы ничто, наша нация—все!» Этот призыв должен был навести порядок, ликвидировать общественный хаос. Теперь человек освобождался от тяжкого бремени самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность. За него все решало общество. После потрясений Веймарской республики расколота и перепуганная немецкая нация хотела вновь обрести единство и получить долгожданную стабильность. Учитывая экономические тяготы и несо-

вершенство демократической системы, эта извечная тоска по гармонии могла повести за собой многих людей. Эту гармоничную жизнь и спокойствие мог дать только один человек—вождь, харизматический избавитель Адольф Гитлер. Теперь каждый конкретный человек знал, что есть тот, кто примет правильное решение. Так Гитлер стал воплощенным в жизнь избавителем немцев.

Вторая форма достижения гармонии между нацией и ее деспотическими правителями строилась как бы на обратной связи. Фюрер был выше любых законов. Ганс Франк, глава Национал-социалистического союза юристов, как-то объяснял своим подопечным: «При решении любого вопроса думайте о фюрере. Спросите себя: как бы фюрер поступил на моем месте? И поступайте соответственно, и вы окажетесь на высоте положения. Укрепленные этой мыслью, вы будете целиком облечены новыми моральными полномочиями. Не проявляйте лицемерия, мелкой озлобленности, не скатывайтесь до уровня мелких буржуазных споров». Получается некий замкнутый круг: фюрер думает за нас, мы думаем как

фюрер.

Здесь мы сталкиваемся с понятием морального прецедента, которое ставится выше любых законов и дает право на произвол всем тоталитарным системам.

Нацистские властители очень четко следовали этому рецепту. В 1935 году они своим декретом ввели дополнения к Уголовному кодексу, согласно которым, если человек за свои проступки не попадал под действие существующих уголовных статей, то к нему применялись наиболее близкие по духу параграфы. Это было только одним из шагов, предпринятых тоталитарным режимом, чтобы узаконить свой произвол. Нацисты должны были получить на него общественное одобрение. Власти могли возбудить уголовное дело фактически против любого человека, который хоть как-то отличался от общепринятого стандарта. Теперь не требовалось ничего доказывать, такие понятия, как презумпция невиновности, стали уделом прошлого. Теперь все, что добропорядочные граждане считали сексуально недопустимым или даже извращенным, не

просто противоречило моральным понятиям, но и подлежало искоренению. Посредственность и обыденность могли праздновать победу.

Дело было даже не в предпочтениях немецких бюргеров или нацистской диктатуре. В те годы это был общераспространенный процесс— во всем мире законы пытались подгоняться под требования «маленького человека». «Дисциплина и хорошее самочувствие»— вот лозунг этих «маленьких людей». Диктатура была всего лишь сдерживающим фактором, перед лицом ужасных наказаний никто не рисковал вести себя «неправильно».

Но нацистские власти неверно оценили свои возможности. «Сексуальных преступников», склонных к «неправильному» поведению, нельзя было вылечить или перевоспитать при помощи угроз. Поэтому приходилось объяснять эту «аморальную тягу» плохим воспитанием или преступными наследственными наклонностями. В итоге молодые немцы в годы Второй мировой войны попали в некий моральный вакуум. Они были воспитаны исключительно в «правиль-

ном» духе, но их уже не пугала угроза псевдосудебных преследований. Они не просто отказывались от обязательных стандартов поведения, они ставили под сомнение сами принципы и успехи нацистской тоталитарной системы. Их воззрения не были систематическими и в большинстве своем воспринимались как незначительные проступки. Но это был симптом, который говорил о том, что юноши и девушки чувствовали противоречие между моральными установками режима и этическим поведением окружающих их людей. Их раздражали бюргерское ханжество, трусливость обывателей, которые маскировали свою личную жизнь нацистскими идеологическими установками.

Мелкие буржуа называли XIX век эпохой изобретений, пара и электричества. Они считали Томаса Эдисона величайшим в мире изобретателем, а железную дорогу величайшим достижением этого столетия. В этом сладкоголосом хоре нельзя услышать озабоченности по поводу гигантских экономических и социальных проблем, которые были вызваны быстрой индустри-

ализацией Европы. Сама структура общества мучительно менялась. Уходили в прошлое старые сословия и бывшие противоречия. Новые социальные слои порождали новые обычаи, идеи, вызвали к жизни новые социальные конфликты. Но бюргеры Второго рейха не хотели замечать этого. Они, подобно детям, прячущимся от строгих родителей под одеяло, полагали, что, отказываясь видеть новые противоречия, они тем самым были способны избежать социальных конфликтов.

Читатели «Берлинского иллюстрированного журнала» провозгласили женщиной столетия прусскую королеву Луизу (1776–1810). Но это было сделано вовсе не по причине ее отважной позиции во время наполеоновских войн, которая сделала ее более значимой политической фигурой, нежели ее слабовольный муж Вильгельм III. Ее исключительная популярность была вызвана незатейливой простотой ее характера. В определенной мере ее можно было назвать немецкой королевой Викторией, чье эпохальное правление дало название времени самодовольного буржуаз-

ного этикета и притворной стыдливости. Королевы Луиза и Виктория стали символами нового буржуазного порядка. Женщины на переломе эпох! В течение многих десятилетий немецкие дети проходили этот факт в школьных учебниках. Но это не имело никакой связи с тем, что ожидало женщин в действительности.

Правление кайзера Вильгельма было эпохой просвещенного среднего класса. Либеральные идеалы стали господствовать в немецком обществе после 1848 года. Но немцы не решались отказываться от старых устоев. Они продолжали упорно придерживаться псевдофеодального этикета. Жизнь за фасадом вильгельмовской Германии была стесненной, но достаточно комфортной. Главными культурными событиями XIX века образованные бюргеры считали отмену рабства, начало колонизации Африки и Азии, строительство Суэцкого канала. Но они пугливо обходили стороной индустриализацию, появление пролетариата, бисмарковское законодательство, эмансипацию женщин. Именно женщины впервые в истории стали той категорией населения, которая

хотела быть в курсе всех проблем и событий, которая жаждала приблизить «рассвет новой эпохи», начать социальные и моральные преобразования в обществе.

Тем временем в Германии «бушевал» затяжной демографический взрыв. За XIX век ее население увеличилось почти втрое. Менялась и социальная структура общества: если в 1849 году 70 % немцев было занято в сельском хозяйстве, то к началу XX века на селе проживало лишь 30 % населения. Города очень быстро росли. Если в 1800 году в Германии население лишь двух городов (Берлин и Гамбург) превышало 100 000 человек, то в 1850-м к ним присоединились Мюнхен и Бреслау, а в 1913 году таких «мегаполисов» вообще насчитывалось 47. Обратной стороной этого процесса было катастрофическое обнищание широких слоев городского населения. В этих условиях не могло быть и речи о следовании господствующей буржуазной морали. С другой стороны, стал рушиться традиционный патриархальный уклад. Исчезала традиционная единица немецкого общества—патриархальная семья.

Муж и отец, плохо зарабатывавший, а нередко и вовсе безработный, был обречен на борьбу за выживание. Постепенно мужчина терял роль главы семейства. Функции жены также перестали ограничиваться заботой о домашнем очаге. Она тоже была вынуждена включиться в экономическую деятельность, чтобы хоть как-то содержать семью. Все это приводило к тому, что дети удалялись от родителей. Появление школ ускорило этот процесс. Неизбежным следствием этого стало изменение самих принципов воспитания детей и трансформация привычных взглядов на взаимоотношения полов. В городских трущобах буржуазная мораль оказалась «непригодной для эксплуатации». Неудивительно, что пролетариат стал восприниматься средними слоями как источник всех социальных бед, питательной почвой для безнравственности и морального разложения.

Во многом это были два различных мира: средние слои, унаследовавшие из прошлого свои устои, социальные связи, и бывшие крестьяне, переселившиеся в город в поисках работы, кото-

рые рождали новую, ранее не знакомую субкультуру.

Но в средних слоях тоже происходило брожение. Отправной точкой немецкого феминизма можно считать 1792 год, когда в Германии вышла книга Теодора Готтлиба фон Гиппеля (1741–1796) «Об улучшении гражданского положения женщины». С ее публикации началась история феминистской мысли в этой стране. В своей книге фон Гиппель требовал равных прав для обоих полов и настаивал на том, что достижение этой цели должно быть уделом просвещенных мужчин, поскольку «женщинам внушили, что они неспособны к независимой политической деятельности». Непосредственной основательницей немецкого феминистского движения являлась Луиза Отто Петерс. Она добилась разрешения посещать девушкам неполные женские школы с последующим обучением в частных школах и пансионатах семейного типа. В 1850 году в Гамбурге были открыты воскресные школы.

С середины XIX в. берет начало противостояние либерального европейского и американ-

ского движения за права женщин и марксизма. К.Маркс и Ф.Энгельс не считали тему угнетения по признаку пола важным аспектом своей теории, поэтому их взгляды не включали анализа женского социального опыта. Их последователи, развернув широкую пропаганду в середине—второй половине XIX в., считали себя выразителями интересов всех угнетенных без различия пола. Они открыто критиковали либеральных феминисток как выразительниц интересов лишь образованной и сравнительно обеспеченной части женского населения и рассчитывали привлечь на свою сторону тех, чьи интересы оказались обойдены либералками—прежде всего женщин из рабочей среды.

Вынужденные нести двойное бремя—семейных забот и работы на фабрике, — работницы и жены рабочих оставались в то время социально пассивными. Улучшение своего положения они видели не в приобретении гражданских и политических прав, а в возможности оставаться в семье и спокойно вести хозяйство.

Как ни странно это прозвучит, реализации

прав работающих женщин содействовали вовсе не марксистские или феминистские организации, им содействовала мировая война. Десятилетия борьбы не смогли обеспечить того, что наступило в один момент по причинам, далеким от политических. В годы войны женщины должны были заменить мужчин, ушедших на фронт. Они стали работать кондукторами в трамваях, служащими в правительственных заведениях. Женщин можно было обнаружить в тяжелой промышленности и за прилавками магазинов. Три миллиона женщин оказались в одночасье задействованными в оборонной промышленности. Теперь страна полностью зависела от их труда. То, что раньше отвергалась как противоречащее женской природе, тут же в шовинистическом угаре было провозглашено патриотическим порывом.

Веймарская республика предоставила женщинам то, за что они так долго боролись, – право участия в политической жизни. Но если посмотреть, за кого отдавал свои голоса женский электорат, то увидим, что политическое поведение женщин вовсе не отвечало требованиям

феминисток. Почти на всех выборах женщины отдавали предпочтение консервативным и реакционным партиям. Либеральным и социалистическим партиям, так ратовавшим за равноправие женщин, приходилось довольствоваться голосами избирателей-мужчин. Это еще раз подтверждает мысль, что цели «старомодных» политических сил соответствовали представлениям большинства немецких женщин.

Тем временем роль женщины в немецком обществе вновь стала снижаться. С войны возвращались мужчины, которые занимали свои прежние места на предприятиях и в конторах, еще недавно «захваченные» женщинами. Мужчина вновь становился столпом немецкой экономики и хозяйственной жизни. Но женская занятость все равно не скатилась до довоенного уровня. Постепенно она продолжала расти. В 1925 году почти треть работников были женщинами. Профессиональная эмансипация вылилась в эмансипацию морали и женского поведения. Прежде всего это проявилось в таком индикаторе общественных настроений, как мода. Огромные изделия

модисток, ранее значительно уменьшавшие пропорции женской головы, сменились скромными и простыми нарядами. Юбки, еще недавно опускавшиеся до самых лодыжек, значительно укоротились, представив обществу женские ноги, которые буквально несколько лет назад были стыдливо закутаны в причудливые складки. Именно в те годы сложился стиль девчонки-сорванца, неизменными атрибутами которого стали не только короткая юбка, но и почти мальчишечья прическа.

Подобные нарушения почти вековых традиций не сразу были восприняты обществом, которое считало, что эти модные проявления приведут к потере женственности у прекрасной половины человечества. Соседство мужчины и женщины на службе, формирование нового облика независимой девушки рано или поздно должны были отразиться на отношениях полов. С одной стороны, женщины, ставшие более деловитыми, способствовали появлению новых форм товарищеских отношений с мужчинами. С другой стороны, либеральные настроения в обществе приве-

ли, как выразился один современник, к «дуновению эротизма». Теперь неотъемлемыми символам женственности становились не забота о домашнем очаге, а обаяние, кокетство, молодость. Общество стало смотреть сквозь пальцы на то, что не так давно казалось не просто предосудительным, а недопустимым для женщины. Теперь девушки могли показаться на людях с сигаретой, не стесняясь, могли заказать себе вина в кафе или ресторане.

Но новая действительность вызвала опасения у многих выдающихся феминисток, которые подозревали, что отсутствие моральных ограничений приведет к гедонистическим, поверхностным отношениям между полами. И тут появлялся риск выплеснуть вместе с водой и младенца— женщины могли потерять те ценности, за которые столько лет вело борьбу женское движение.

Эти идеи, как ни странно, были подхвачены консервативными мыслителями, которые видели в новой социально-культурной реальности предзнаменования гибели не только немецкой нации, но и всей Европы в целом. Эта реакционная

линия в основном сводилась к следующим постулатам: маскулинизация женщины, моральная развращенность в городском болоте, деградация прекрасного пола, вызванная романами о городской жизни, пренебрежение функцией материнства, потеря юными немками морального облика.

Однако, упадок нравов и утрата старой модели поведения были иллюзорными. Опасность была явно преувеличена. Вследствие изменения моды и реформ, коснувшихся женщин, только небольшая часть из них была готова отказаться от традиционной морали. Дерзкие и рискованные предложения, публикуемые в желтой прессе и иллюстрированных журналах, вовсе не находили отклика у значительного числа немок. Традиции никогда не умирают легко. И уж подавно в одночасье не утрачивают силу социальные правила и принципы, которые столетиями определяли взаимоотношения мужчины и женщины. Ноябрьская революция 1918 года, которая, по мнению многих, осталась незаконченной, фактически не коснулась этой области жизни немецкого общества. Средний класс, продолжавший оста-

ваться становым хребтом большинства государственных контор, мелких фирм, продолжал диктовать свои нормы социального поведения. Да и сами власти Веймарской республики предпочитали поддерживать этот дореволюционный моральный кодекс.

«Сексуальные отношения должны иметь место только в рамках института брака. Женщина должна оставаться целомудренной, пока не вступит с браком с мужчиной. Меры по борьбе с распространением сифилиса—выявление проституток, использование презервативов—являются неэффективными. Активные сексуальные отношения имеют смысл только для супружеской жизни. Во время сексуального акта для женщины наиболее естественной является позиция лежа на спине. Чрезвычайная частота половых актов между супругами неуместна, для супружеской пары вполне достаточно 2–3 контактов в неделю. Цель брака—рождение детей и их воспитание. Национальный подъем требует, чтобы в каждой семье было как минимум четыре ребенка. Но женщины не должны производить на свет

больше семи-восемью детей. Большое количество родов истощает жизненную силу женщины, что выражается в слабой конституции рожденных детей».

Это цитата из книги «Гигиена сексуальной жизни», написанной профессором Мюнхенского университета Максом фон Грубером. Она была напечатана в год смерти автора. Книга почти сразу же стала бестселлером, в 1927 году ее тираж составил 325 тысяч экземпляров. Ее исключительная популярность была предопределена чрезвычайно либеральным подходом, по тем временам, к проблемам сексуальной жизни. В те годы в основном литература поэтому ограничивалась трактатами, полными неясных намеков о подготовке девушки к будущему браку. Новая книга, почти сразу же ставшая учебником по сексологии, соединяла в себе подробные описания физиологических процессов воспроизводства и рождения детей. Изложение материала оказалось настолько удачным, что «Гигиену сексуальной жизни» читали как уже подготовленные студенты, так и люди, не обладавшие специ-

альными знаниями.

Вместе с тем этот трактат наглядно демонстрировал моральные стандарты той эпохи. В частности, Макс фон Грубер был убежден, что мастурбация наносит непоправимый ущерб умственному развитию детей. В итоге он советовал родителями зашивать карманы брюк, которые должны были быть вместе с тем достаточно просторными, чтобы не оказывать давления на гениталии. Само сексуальное самоудовлетворение Грубер считал явление неприличным, выходящим за рамки традиционных устоев. Другими словами, по его мнению, граница между естественным и неестественным в сексуальной жизни людей определялась моралью и нормами, господствовавшими в обществе. С подобной же оценкой Грубер подходил и к оценке гомосексуализма. Это явление должно быть запрещено государством, в противном случае количество гомосексуалистов и бисексуалов рисковало вырасти до астрономических размеров. Всего в Берлине насчитывалось 56 тысяч гомосексуалистов, по Германии же в целом их число составляло 1,2

миллиона.

Но даже появление этой книги не стало признаком принципиального изменения отношений между полами. Да и сами термины «сексуальность», «эротизм» были некими пугалами для немецкой общественности. Профессор фон Грубер «компетентно» заявлял, что половые отношения могут мотивироваться только двумя аспектами: желанием союза между мужчиной и женщиной, а также желанием продолжения рода. «Для женщин, сохранивших моральный облик, последнее имеет куда большее значение, чем первое желание», – подытоживал фон Грубер. То есть женщинам фактически отказывалось в чисто любовном контексте сексуальных отношений.

Это категорическое утверждение, граничившее с антинаучным подходом, использовалось как аргумент для нападок на женскую занятость. «Наиболее пагубная особенность так называемой эмансипации и занятости женщин заключается в конфликте между материнством и профессиональными обязанностями. Если у такой женщины есть дети, то они растут болезненны-

ми». Для Макса фон Грубера даже частичная занятость женщин была предпосылкой грядущего крушения всех цивилизованных народов. Его идея относительно целомудренности воплотила в себе наиболее примитивные положения патриархального кодекса, которые были облачены в новую форму. «Мы должны уважать и лелеять женское целомудрие, как высшее национальное достояние, поскольку в целомудрии женщины мы обретаем гарантию, что действительно являемся отцами наших детей, что мы трудимся на благо собственной расы».

Другими словами, женщина должна быть целомудренной лишь настолько, чтобы ее супруг мог быть уверенным в собственном отцовстве. Но при этом сам выбор супруга должен быть predetermined расовыми критериями. Отсутствие физической ущербности еще не являлось гарантией достижения высшей цели в браке. «Поэтому очень важно изучить родословную, а не только физическое состояние претендента, который собирается выбрать жену. В целом же хорошая генетика—лучшая гарантия прекрасно-

го потомства».

Сама форма сексуального образования, к которой стремился этот специалист по гигиене, не собиралась опираться на практику сексуальных взаимоотношений полов. Грубер построил достаточно противоречивую модель, которая, придерживаясь консервативных понятий, отвергала традиционные националистические взгляды на семью. В этом отношении для него семья переставала быть ячейкой общества в биологическом смысле. Процветание должен был обеспечивать весь национальный организм, а не его отдельная клетка.

Когда Грубер говорил о сексуальной гигиене, собственно половые отношения между женщиной и мужчиной были для него вторичным явлением. Они были лишь предпосылкой для «наследственного здоровья нации», которое должно было предполагать последовательную селекцию. В этом вопросе он опирался на результаты, полученные при селекции животных: «Если бы вы занимались отборным скрещиванием в той же самой кропотливой манере, то мог-

ли бы за несколько поколений достигнуть поразительных результатов. Новые люди превзошли бы всех своих предшественников и по красоте, и по силе, и по результативности. Человечество как раз очень страдает оттого, что рождается слишком много глупых, слабых, примитивных, антиобщественно настроенных особей, и очень немного производится на свет умных, талантливых, сильных, трудолюбивых, добросовестных и патриотически-настроенных людей». Здесь консервативно-культурный пессимизм, популярный в те годы, был помножен на медицинскую точку зрения, позаимствованную из социал-дарвинизма. Сам же социал-дарвинизм начинал находить все большее признание среди сторонников расовой гигиены и евгеники, выливаясь во все более радикальные формы.

Культурный пессимизм в Германии конца 20-х—начала 30-х годов был не просто широко распространен, он являлся повсеместным настроением немцев. Для них крушение старых культурных устоев должно было вылиться в новое «вавилонское столпотворение». В феврале 1930

года немецкий Красный Крест пригласил Августа Майера, специалиста по гинекологии, сделать особый доклад. Сам Майер с 1917 года заведовал женской клиникой при Тюбингском университете, считаясь крупнейшим экспертом в своей области знаний. Цель его жизни сводилась к изучению физических, наследственных, умственных и социальных аспектов гинекологии. Сама лекция, прочитанная в Красном Кресте, называлась «Восприятие современной сексуальной этики». В целом она была посвящена нападкам на либеральную модель воспитания детей и новые функции, которые стали получать женщины в обществе. Майер решительно отвергал предложенную фон Грубером схему сексуального образования молодежи. Он полагал, что новомодное половое воспитание зашло слишком далеко. Он считал его абсурдным, называя книгу фон Грубера «Евангелием от плоти». Он предполагал, что результатом такого воспитания станет не облагораживание, а разрушение человека. Майер полагал, что молодежь, прикрываясь сексуальным самообразованием, стремится вовсе не к само-

совершенствованию, а к отрицанию моральных устоев общества, что в итоге приводит к распространению венерических болезней.

Не менее резко Майер нападал на феминисток. Хотя он и попытался более полно показать причины возникновения этого движения: «Неприятие двойных стандартов среднего класса побудило женщин бороться за равные права». Но исследователя не устраивало, что равные права привели к пропаганде свободной любви и отрицанию института брака. И тут он вставал на позиции фон Грубера—чувства каждой истинной женщины он сводил исключительно к материнскому инстинкту. По его мнению, естественные законы природы сами диктовали мораль. Именно поэтому контрацепция была противоестественной. Она была насилием над природой женщины. Материнская функция должна была стать главной и чуть ли не единственной функцией женщины в обществе.

Многие сторонники патриархальных взглядов видели корень всего социального зла в Веймарской республике. Именно она предоставила жен-

щине политические права, сделав ее равной мужчине, что противоречило ее естественной функции матери и хранительницы очага. Сторонники демократических преобразований, говоря о свободе, на самом деле пропагандировали разложение общества. Результат этой общественной дегенерации был особенно хорошо замечен в крупных городах, где дети утратили почтение к родителям и покидали отчий дом в очень юном возрасте. Исчезла семейная сплоченность. Молодые женщины вели себя фривольно с молодыми людьми, а юные девушки буквально охотились за мужьями. Неудивительно, говорили критики существующей системы, что проституция превратилась почти в новую экономическую отрасль, полиция явно не справлялась. Впрочем, стоит отметить, что еще до начала Первой мировой войны в Берлине насчитывалось около 20 тысяч особ легкого поведения. Венерические заболевания рисковали превратиться в эпидемию, а гомосексуалистов можно было встретить в общественных уборных, мужских клубах, молодежных организациях.

Эта тревожная ситуация была неким обвинительным актом ненавистной для многих Веймарской республике. Вся вина за упадок в обществе возлагалась на новую государственную систему. Берлин был заклеен как греховная Гоморра вырождавшейся цивилизации. Тем временем новоявленная элита закатывала экстравагантные банкеты и вечеринки, которые вызвали глубокое возмущение у нищих народных масс. Культура постепенно умирала. Театр превратился в храм необузданной чувственности. Мюзик-холлы потворствовали бесстыдной жажде развлечений. Литература была во власти упадка, непристойности и псевдоискушенности. Искусство стало демонстрировать наиболее отвратительные и отталкивающие проявления жизни. Современная музыка была варварской. Истинное классическое немецкое наследие, все, что было красивым, правильным и прекрасным, напрочь отбрасывалось. Рецепт от всех этих бед был простым: «Веймарская система была виновата во всем. Демократия привела к культурному упадку и моральному разложению. Ее надо было устранить».

Глава 1. «Я дал вам мужчину»

Среди многих представителей возмущенных и оскорбленных мелких бюргеров был слесарь Антон Дрекслер. Он вместе с несколькими десятками своих сторонников создал «Немецкую рабочую партию». Это высокопарное название организации могло ввести в заблуждение. Членами этой партии были в основном мастера мюнхенского железнодорожного депо, мелкие торговцы, служащие, преподаватели и демобилизованные солдаты, только что вернувшиеся с фронта. Набор политических требований «Немецкой рабочей партии» был достаточно традиционным для немецкого национализма—борьба против коммунистов и жидомасонов. Определение немецкого рабочего, данное А. Дрекслером, было во многом комическим: «Тот, кто физически или умственно

трудится на благо родины, является рабочим, а стало быть, должен вступать в “Немецкую рабочую партию”. В деятельности этой группировки эмоции брали верх над глубоким анализом, риторическая бессмыслица заменяла ясные политические цели. В сентябре 1919 года в эту организацию вступил бывший фронтовик Адольф Гитлер, которому буквально за несколько лет удалось превратить мелкую политическую организацию, ютившуюся в мюнхенских пивнушках, в мощное националистическое движение, получившее название Национал-социалистической рабочей партии Германии.

Как талантливый оратор Гитлер сразу же сделал ставку на расизм в его социал-дарвинистском виде. Он буквально провозгласил новый моральный кодекс общества, который должен был быть воплощен в тысячелетнем рейхе. Но новые моральные законы он обосновывал при помощи уже господствовавших в массах этических представлений. Гитлер буквально провозгласил себя главным борцом против морального и физического

загрязнения немецкого народа. Под физическим загрязнением он, прежде всего, подразумевал сифилис, который в трактовке Гитлера превратился в некую новую чуму. Бороться с этой болезнью надо было не при помощи медикаментов, а устраняя сами причины ее появления—проституцию, аморальный образ жизни, «ожидование духовной жизни Германии».

В принципе Гитлер не сказал ничего нового—о моральном упадке Германии в те дни вещали многие. Но именно фюрер додумался связать антисемитизм и причины нравственного гниения. В словаре Гитлера сифилис стал некой отличительной чертой евреев. «Французская болезнь», как называли его во времена «галантного века», превратилась в еврейскую заразу. Для Гитлера евреи были подлыми противниками, которые собирались сломить немецкий народ не в открытых битвах, а исподволь, разлагая и разрушая его изнутри. По Гитлеру, евреи принесли в мир «новый первородный грех», который заключался в том, что представители национальной буржуазии предпочитали родниться с богатыми еврейскими

семьями. Эти брачные союзы он называл не иначе как «продажным спариванием, между жертвами финансовой целесообразности». В «Майн кампф» он писал по этому поводу: «Проникновение еврейского духа в область половой жизни, мамонизация этой стороны нашей жизни неизбежно подорвут раньше или позже жизненные силы молодых поколений. Вместо здоровых детей, являющихся продуктом здоровых человеческих чувств, на свет божий начинают появляться одни нездоровые дети—продукт коммерческого расчета. Ибо ясно, что основой наших браков все больше становится голый коммерческий расчет; инстинкты любви удовлетворяются где-то в другом месте».

На первый взгляд могло показаться, что Гитлер объявил войну преуспевающему среднему классу. Это впечатление усиливалось, когда он отпускал гневные тирады в адрес буржуазии и ее лицемерного ханжества. Но это было лишь хитрой политической тактикой. Критике в основном подвергалась та буржуазия, которая поддерживала Веймарскую республику. К тому же, про-

возгласив концепцию «лба и кулака», Гитлер открыл путь в НСДАП для всех, кто не являлся евреем, марксистом и демократом. Не стоило забывать, что Гитлер как одаренный оратор очень чутко чувствовал публику. В пивных он льстил пресловутому среднему классу. Там он громогласно заявлял, что стоит различать здоровую, энергичную и национально мыслящую часть немецкого общества и декадентское «высшее общество», пораженное расовой инфекцией космополитизма. Но в Индустриальном клубе Дюссельдорфа тон его выступлений был совершенно другим.

Социореволюционная концепция Гитлера была на самом деле всего лишь разновидностью буржуазной этики, призванной усилить «лучшие инстинкты здоровой части общества». Гитлер стремился сражаться с проституцией, приветствуя ранние браки. В любом случае это касалось только мужчин, женщин фюрер всегда рассматривал как пассивную субстанцию. Этот тезис он аргументировал ошибочным мнением, что женатые мужчины не склонны шлаться по проститут-

кам. Он яростно нападал на высшие слои, где матери хотели, чтобы их дети заключали браки с представителями знатных фамилий. Подобная замкнутость приводила к вырождению. Гитлер требовал, чтобы государство всячески поощряло многодетные семьи и занималось расовой гигиеной. Для него брак не был самоцелью, он всего лишь служил высшей задаче—преумножению и сохранению немецкой расы. Как мы помним, именно так сформулировал цели института брака профессор Макс фон Грубер. Не исключено, что Гитлер был знаком с его трудами. По крайней мере в 1925 году он взял на вооружение евгенику. Гитлер, следуя за Грубером, требовал предотвратить появление на свет наследственно больных детей. Для этого было необходимо проводить в жизнь широкую программу селекции, предполагавшую в том числе, стерилизацию. Личная жизнь должна была быть поставлена на службу государству и расе.

Теории воспитания молодежи были построены Гитлером так, чтобы вызвать доверие у простого обывателя. Они были незамысловатыми.

«Все дело воспитания должно быть поставлено так, чтобы свободное время молодежи использовалось для физических упражнений. Наш юноша не должен празднично шлаться по улицам и кино, а должен после трудового дня посвящать все остальное время закаливанию своего организма, ибо жизнь еще предъявит к нему очень большие требования. Задача воспитания нашего юношества должна заключаться вовсе не в накачивании его школьной премудростью... Надо положить конец и тому предрассудку, будто вопросы физического воспитания являются частным делом каждого отдельного человека. Нет, это не так. Нет и не может быть свободы, идущей в ущерб интересам будущих поколений, а стало быть, и всей расы».

И завершающим аккордом звучал уже знакомый многим немцам нравственный приговор Веймарской республике: «Ведь, в сущности, вся наша теперешняя общественная жизнь является сплошным рассадником половых соблазнов и раздражений. Присмотритесь только к программе наших кино, варьете и театров, и вы не смо-

жете отрицать, что это далеко не та пища, в которой нуждается наше юношество. Афиши и плакаты прибегают к самым низменным способам возбуждения любопытства толпы. Каждому, кто не потерял способности понимать психологию юношества, ясно, что все это должно причинять громадный моральный ущерб молодежи. Тяжелая атмосфера чувственности, господствующая у нас всюду и везде, неизбежно вызывает у мальчика такие представления, которые должны быть ему еще совершенно чужды. Результаты такого “воспитания” приходится констатировать теперь, увы, на каждом шагу. Наша молодежь созревает слишком рано и поэтому старится преждевременно. В залах судов вы можете часенько слышать ужасающие вещи, дающие ясное представление о том, как неприглядна жизнь наших 14—15-летних юношей. Что же удивительного после этого, если сифилис находит себе распространение и среди этих возрастов. Разве не страшно видеть, как проститутки больших городов дают первые уроки брачной жизни этим еще совсем молодым, физически слабым и морально

развращенным мальчикам. Кто всерьез хочет бороться против проституции, тот должен прежде всего помочь устранить идейные предпосылки ее, тот должен помочь положить конец той аморальной культуре больших городов, которая является настоящим бичом для юношества. Конечно, по этому поводу поднимется страшнейший шум, но на это не следует обращать никакого внимания. И если мы не вырвем нашу молодежь из болота, окружающего ее сейчас, она неизбежно в нем утонет. Кто не хочет видеть всей этой грязи, тот на деле помогает ей и сам становится соучастником постепенного проституирования будущих поколений, от которых зависит вся дальнейшая судьба нашей нации. Эту очистительную работу необходимо предпринять во всех областях. Это относится к театру, искусству, литературе, кино, прессе, плакату, выставкам и т. д. Во всех этих сферах приходится констатировать явления распада и гниения. Только после основательной чистки сможем мы заставить литературу, искусство и т. д. служить одной великой моральной государственной и культурной идее. Нужно осво-

бодить всю нашу общественную жизнь от затхлого удушья современной эротики, нужно очистить атмосферу от всех противоестественных и бесчестных пороков. Руководящей идеей во всей этой работе должна быть систематическая забота о сохранении физического и морального здоровья нашего народа. Право индивидуальной свободы должно отступить на задний план перед обязанностью сохранения расы».

Так что же было подлинной нацистской этикой, провозглашенной Гитлером? Спартанское воспитание, ранний брак, воспроизводство расово чистого и генетически здорового потомства? Эти требования, действительно, были противопоставлены новым ценностям презируемой Веймарской республики, ее сексуальной распушенности и эротической развращенности. Но разве эти моральные установки соответствовали поведению штурмовиков, печально известных своим пьянством и дебошами, и образу жизни купавшихся в роскоши нацистских бонз? Или, может, этому моральному облику соответствовали Герман Эссер, Юлиус Штрайхер, Эрнст Рём или Ро-

берт Лей? Отнюдь, даже сами нацисты говорили об отвратительном поведении их высокопоставленных вождей.

По сути, нацисты не предложили никакой новой этики. Нацистские ораторы предпочитали разъяренно нападать на призрак повсеместной безнравственности, зарабатывая одобрение озлобленной толпы. Собственные радикальные идеи, построенные на расистских представлениях и моральных установках доиндустриального общества, выдавались за панацею, способную спасти государство. Но нацисты нигде ясно не говорили о роли, предназначенной женщине в будущем рейхе. Указывалось лишь, что в девушках надо воспитывать будущую мать. Единственное место в официальных документах НСДАП, где упоминалась женщина, был 21-й пункт нацистской политической программы. Но и в нем шла речь о защите здоровья матери и ребенка.

Самих женщин предполагалось защитить от мира труда. Работающая женщина для нацистов была потенциально неполноценной, так как не могла заниматься воспитанием детей и рожать

здоровое потомство. Но, принимая во внимание, что почти третья часть женщин была занята на производстве, нацисты пошли на некие уступки. Национал-социалисты «даровали» им право зарабатывать на жизнь специальными «женскими занятиями». Может быть, не случайно указывались профессии, которые занимали жены людей среднего достатка: розничная торговля, сельское хозяйство, образование детей, пошив одежды.

Во время выборов 1932 года Грегор Штрассер, один из лидеров левого крыла НСДАП, великодушно заявил: «Работающая женщина в национал-социалистическом государстве будет обладать равноправием вместе с замужними особами и матерями». Но почти тут же он сделал оговорку, касаясь будущих ограничений: «Но в рамках этого необходимо постепенно подготавливать переход к свертыванию сложившейся экономической системы, где используется женский труд».

Национал-социалистическая политическая теория с самого начала предусматривала существенные огра-

ничения на участие женщин в политике. Например, они не могли входить в высшие руководящие органы НСДАП (предписание 1921 года). Даже в качестве рядовых членов партии их функции сводились к уходу за ранеными в ходе уличных стычек с штурмовками. Но их энтузиазм, их восхищенное отношение к Гитлеру были просто незаменимы для нацистской пропаганды и агитации. Герман Эссер, старый друг Гитлера, известный своими многочисленными любовными похождениями, цинично заявлял: «Их место на кухне и в спальне». Даже Грегор Штрассер при всем своем антикапитализме придерживался подобной же буржуазной установки. Однажды в своей газете «Национал-социалистические письма» он написал, что мужчина предоставляет женщине душу, а та в ответ свое тело. Для него ценность женщины заключалась только в ее материнстве.

«Нацистская амазонка» Амалия Лауэр в своем трактате, написанном в 1932 году, информировала женщин, состоявших в НСДАП, что национал-социалистическое мировоззрение видело в них только биологический аспект—

воспроизведение расово чистого потомства.

Грегор Штрассер уже в 1926 году поднимал вопрос о предоставлении многодетным матерям особых политических привилегий. Таковыми могли быть двойной голос в ходе выборов или приравнивание подобных женщин к военно-служащим, что влекло за собой предоставление особых льгот. Но Гитлер воспротивился этим начинаниям, он полагал, что это чрезмерная компенсация за выполнение естественных обязанностей. В государстве, которое собирался построить фюрер, женщина не получала общественного признания, пока не становилась матерью. Только родив ребенка, она могла стать полноправным членом общества: «Немецкая девочка становится гражданином Германии только после женитьбы. Но гражданские права можно предоставить и женщинам, которые активно заняты в экономике страны». Последняя фраза была небольшим реверансом в сторону работающих женщин, которые в годы прихода Гитлера к власти были еще и избирателями, но она вовсе не отражает подлинных намерений нацистов.

Для среднего класса, ненавидевшего как Веймарскую республику, так и феминисток, уступки, предпринятые в отношении женщин, были противны по самой своей природе. «Приходилось ли вам видеть, как сбегается народ, когда на улице начинается драка? Жестокость внушает им уважение. Жестокость и грубая сила. Простой человек с улицы уважает лишь грубую силу и безжалостность. В особенности женщины, женщины и дети. Людям нужен целительный страх. Они хотят чего-нибудь бояться. Они хотят, чтобы их пугали и чтобы они, дрожа от страха, подчинялись кому-нибудь. Разве не об этом свидетельствует опыт побоищ во время наших митингов, когда побитые первыми записывались в члены партии? Что за болтовня о жестокости, что за протесты против мучений?! Массы хотят этого. Им нужно что-нибудь ужасающее», — заявил как-то Гитлер Раушнингу. А затем добавил: «Масса, народ—для меня это как женщина. Любой, кто не понимает присущего массе женского характера, никогда не станет фюрером. Чего хочет женщина от мужчины? Ясности, решимости, силы, дей-

ствия. Ради этого она пойдет на любую жертву». Это могло показаться сомнительным аргументом в споре, но успех гитлеровской партии подтверждал его правильность. На выборах 1930 года в рейхстаг пришел к НСДАП первый крупный политический успех. Из 6,5 миллиона избирателей, отдавших свои голоса нацистам, 3 миллиона составляли женщины. Несомненно, что большинство из них руководствовались эмоциями, а не трезвыми рассуждениями. Тысячи женщин просто боготворили фюрера.

Социал-демократическая газета «Мюнхнер пост» от 3 апреля 1923 года с большой издевкой писала о «втюрившихся в Гитлера женщинах», которые с увлажненными глазами восторженно упивались его речами, отдавали в заклад украшения и делали взносы в пользу своего кумира. В качестве реванша за такие и подобные статьи Гитлер повелел разгромить 8 ноября 1923 года редакционные помещения газеты.

Женщины в самом деле были с первых часов верными помощницами Гитлера. Они прокладывали ему дорогу, устанавливали контакты и фи-

нансировали его.

Карола Гофман посетила в 1920 году партийное собрание, на котором выступал Гитлер. Конечно, она выделялась в этом зале, где за кружками пива сидели в основном мужчины. После выступления Гитлер подошел к ней и сказал, что у нее голубые замечательные глаза, которые напоминают ему о глазах его матери. Карола почувствовала себя польщенной, так как подобный комплимент доводилось услышать далеко не всем женщинам, отпраздновавшим свой восьмидесятый день рождения.

Для Каролы началась, можно сказать, почти новая жизнь. Внезапно у нее появился кто-то, о ком она могла заботиться, после того как ее муж, директор гимназии, умер. Она заботилась об Адольфе Гитлере как мать, она стирала его рубашки, гладила брюки, пекла ему пироги. И она предоставила ему свой загородный дом для тайных совещаний, которые Гитлер постоянно проводил со своими товарищами по партии. В знак благодарности Гитлер называл ее «моя любимая дорогая мамочка».

Эта «мамочка» была склонна к реакционным мыслям и для своего возраста была довольно крепкой. Бывшая учительница, она участвовала в «боях» на заседаниях, дома же, в престижном квартале Мюнхена Золльне, состоявшем из вилл, основала местную партийную ячейку—ортсгруппе. В восемьдесят три года она каждый месяц ездила в Ландсберг, который находился в 60 километрах от города. Там она навещала Гитлера в тюрьме, привозила ему пирожные со взбитыми сливками. Спустя двадцать лет Гитлер сказал о ней: «Среди всех моих подруг преклонного возраста только одна госпожа директор Гофман отличалась благородной заботливостью». Но Карола Гофман была первой в том длинном списке старых и пожилых дам, которые совершенно странным образом способствовали карьере Гитлера.

В Мюнхене тогда, как, впрочем, и сейчас, элита встречалась на приемах и вечеринках, где множество людей вели абсолютно пустые и бессмысленные разговоры. Люди эти от скуки любое событие воспринимали как развлечение и считали

себя чрезвычайно важными особами. На первый взгляд Адольф Гитлер, казалось, совершенно не вписывался в этот сиятельный круг предпринимателей, политиков, деятелей искусств. Он пах казармой и пивными трактирами, носил запятнанный макинтош или длинное черное пальто, снимал комнату на Тирш-штрассе, 41, в убогой квартирке с дешевым истертым линолеумом на полу. Он ничего не умел делать, кроме как молоть языком. Его острые слова произвели в высоких кругах поначалу отталкивающее действие, его антисемитские лозунги еще не считались тогда повсеместно приличными. Но очень скоро все изменилось.

Супруга одного известного фабриканта роялей Хелена Бехштейн была одной из первых, кто пригласил Адольфа Гитлера в свой аристократический салон. Поэт и драматург Дитрих Экарт, фанатичный приверженец расистского учения и автор слов «Песни штурмовиков», спросил ее, не хочет ли она познакомиться с «будущим освободителем Германии». Хелена пришла в совершенный восторг от этой идеи. И Экарт привел с собой

в июне 1921 года господина с коротко подстриженными усами, который производил впечатление довольно неуклюжего и зажатого человека.

В этот вечер на Гитлере был потертый голубой костюм. У него самого и, вероятно, у многих гостей было чувство, что он не в своей тарелке. Гитлер чувствовал себя маленьким и что он здесь не к месту, в этом доме рядом с этой госпожой Бехштейн в элегантном вечернем платье, рядом с господином Бехштейном в смокинге, и даже рядом с официантами в их ливреях. С открытым ртом стоял Гитлер и поражался роскоши, которую ему не приходилось видеть раньше. Особенно ему понравились водопроводные краны в ванной комнате. «Представьте себе, госпожа Ганфштенгль... можно даже регулировать температуру воды», – рассказывал он благоговейным голосом жене партийного друга так, как будто бы он присутствовал при совершении чуда. Хелене Бехштейн сразу понравился этот неотесанный молодой человек и его пламенные речи, которые принесли искру в ее скучное существование жены фабриканта. Хелена нашла кого-то,

кого она могла бы взять под свое крылышко. Она решила сделать из этого убогого чудака настоящего государственного деятеля. Во время одного из его первых визитов она взяла его черную шляпу со старомодными, слишком широкими полями, которую она считала «ужасным монстром». Итак, Хелена порылась в платяном шкафу своего мужа и нашла симпатичную светло-зеленую фетровую шляпу, почти еще новую, которую Гитлер с тех пор очень часто надевал во время своих визитов к Бехштейнам.

Хелена охотно общалась с Адольфом Гитлером. Он ругал «ноябрьских преступников», коммунистов, евреев; она говорила ему, что следует одевать и как двигаться. Она подарила ему собачью плетку, заставила его носить блестящие кожаные сапоги, уговорила одеваться в смокинг и рубашки с манжетами. Она научила его вежливым светским фразам и показала ему благородные жесты, которым Гитлер, тем не менее, за всю свою жизнь так и не научился. Во время приемов, на которые его вскоре часто стали приглашать, кланялся он часто немного ниже, чем

требовалось; букеты цветов, которые он приносил с собой, были слишком велики, его поцелуй рук—слишком преувеличенным и театральным.

Но именно это делало его интересным. Уже вскоре он считался в высшем обществе экзотикой, на которую стоило взглянуть. Этот Гитлер подслащал вино кусочком сахара. Он мог фыркать, как дикий зверь, — и то, и другое вызывало и улыбку, и восхищение. Присутствовать на приеме, на который был приглашен Гитлер, было для элиты таким же развлечением, как посещение цирка простым народом.

Хелена Бехштейн и ее муж давали эти приемы в двух местах: в берлинском районе Шарлоттенбург на вилле, которая была построена в стиле периода грюндерства, или в Мюнхене, в личных апартаментах в отеле «Баварский двор». В обоих домах Гитлер отныне регулярно появлялся, он был звездой и постоянным гостем одновременно. Хелена утвердилась в мнении о том, что он «молодой мессия Германии». Владельцы берлинского отеля «Эксельсиор» считали по-другому: они отказали Гитлеру, когда он хотел

провести там заседание народного крыла Немецкой национальной партии. Но зато Хелена Бехштейн открыла двери своей виллы, и заседание все же состоялось.

«Я бы хотела, чтобы он был моим сыном», — сказала Хелена Бехштейн о Гитлере. И она попыталась, хоть и безуспешно, сделать из него своего зятя. Но все попытки обручить его с ее дочерью Лоттой провалились. Более успешным оказались знакомства Гитлера с важными предпринимателями. Она брала его с собой в оперу и давала приемы, единственная цель которых состояла в том, чтобы представить ее фаворита по возможности большему количеству влиятельных людей—почти все трясли ему руку, но некоторые поддерживали его и его партию щедрыми взносами и пожертвованиями. В салоне Хелены Бехштейн Гитлер познакомился с Винифрид Вагнер, невесткой композитора, которая позже сыграла важную роль в его жизни.

Хелена Бехштейн консультировала Гитлера не только в вопросах поведения и внешнего вида, она также поддерживала его финансово, сде-

лавшись его благотворительницей. Так, один из друзей Гитлера сказал как-то во время банкета на вилле Бехштейнов: «Милостивая государыня, украшения, которые вы носите, могли финансировать наше национал-социалистическое движение многие месяцы». В ответ на это Хелена сняла одно из колец и передала его фюреру.

Хелена помогла также Гитлеру летом 1923 года, когда ему очень нужны были деньги для подготовки антиправительственного путча. Наличных денег дать ему она не могла, но зато в ее распоряжении были ценные предметы искусства и много украшений: венецианское кружево ручной работы XVII века; испанское покрывало для рояля из розового шелка с золотой вышивкой; изумрудный кулон; рубиновое кольцо, сапфировое кольцо, оба украшенные бриллиантами. Адольф Гитлер принял все эти украшения, заложил их в банкирском доме в Мюнхене и получил за них заемное письмо. Его он отдал берлинскому производителю кофе Рихарду Франку как залог за заем в 60 000 швейцарских франков. Позже Хелена Бехштейн облегчила свой карман еще на

26 000 марок. На эти деньги она купила Гитлеру черный «Бенц-Лимузин» с откидным верхом. Гитлер отблагодарил ее на свой манер: он подарил Хелене Бехштейн золотой партийный значок.

Была еще одна женщина, которая хотела сделать из Адольфа Гитлера государственного деятеля и поэтому вступила в отчаянную конкурентную борьбу с Хеленой Бехштейн, – Эльза Брукман, супруга мюнхенского издателя. Это она научила Гитлера, как галантно целовать руки светским дамам. Она показала ему, как есть омара или артишоки. Она купила ему те самые светлые английские макинтоши, которые он позже носил с такой важностью. И кроме того: как и Хелена Бехштейн, она подарила ему собачью плетку как знак элегантности и одновременно могущества. На плетке Эльзы Брукман сиял серебряный набалдашник, на котором она приказала выгравировать свои инициалы. Каждая из обеих женщин утверждала позже, что именно ей впервые пришла идея снабдить Гитлера плеткой как своеобразным символом власти.

По происхождению Эльза была румынской

принцессой. В Штарнберге она вышла замуж за издателя и коммерции советника Гуго Брукмана, который зарабатывал очень много денег, издавая роскошные книги по искусству. Ему принадлежала вилла в Мюнхене на Каролиненплатц, дом 5, где встречались все те, кто имел имя и положение в обществе. До Адольфа Гитлера здесь вращались Фридрих Ницше и Райнер Мария Рильке. Брукманы вели современный и экстравагантный образ жизни. Они владели открытым белым «Мерседесом», очень красивым и броским—другой такой машины в Мюнхене ни у кого не было. Тот, кто был приглашен в салон на их вилле, автоматически входил в высшее общество Мюнхена.

Гитлеру попало приглашение к Брукманам от его товарища по партии Эрнста Ганфштенгля. Ганфштенгль был сыном одного мюнхенского мецената, женатого на американке. Он рассказал Брукманам, что его друг обожает Рихарда Вагнера и читает изданные ими книги, в которых культивировался «арийский дух». Этого было достаточно. Вскоре слушатели Адольфа Гитлера под-

нимали уже не только кружки пива, но среди них появились такие, которые держали в руках бокалы с шампанским.

Гитлер быстро научился обставлять свои выступления перед мюнхенской элитой. Он намеренно приходил слишком поздно, приносил хозяевам огромный букет роз, бросающихся в глаза, и где-то час сидел молча. Он ждал подходящей реплики, которая давала ему возможность сказать речь. Эльза Брукман никогда не упускала случая подкинуть ему подходящую фразу, даже если это была всего лишь дружеская фраза о евреях. Тогда Гитлер вставал, отодвигал свой стул назад и начинал пламенно говорить, брызгая слюной. Его голос гремел, постепенно усиливаясь, пока не становился хриплым рычанием, и потому его было трудно понимать. Потому взоры благородных гостей были буквально прикованы к губам этого человека, который выступал так, как в этих кругах никто еще не пытался. Гитлер дико размахивал руками и произносил «получасовую очень смешную, но одностороннюю речь о евреях. . . ».

Эльза Брукман была скорее суровой женщи-

ной, лицо которой с детства было усыпано шрамами от оспы, поэтому ее чайные вечера и ужины начинались самое раннее в сумерки, и она сидела в большинстве случаев у затемненных ламп. Адольф Гитлер позволил ей почувствовать себя красивой и желанной. И он действительно так к ней относился: как к женщине, которая подняла его в глазах общества и давала деньги. Брукманы временами оплачивали квартиру Гитлера. После его освобождения в 1924 году они предоставили ему помещения своего издательства, чтобы он мог выступать там с докладами, хотя Гитлеру и было пока запрещено выступать с речами. Тогда Эльза сидела впереди, сложив руки, и впитывала в себя каждое слово. Она писала ему письма, в которых мелькали такие предложения: «Дорогой господин Гитлер! У меня есть лишние наручные часы. Не хотите ли попользоваться ими?»

Разумеется, Гитлер этого хотел. И он с удовольствием воспринял предложение Эльзы посмотреть несколько предметов мебели, которые ей больше были не нужны. Между тем были моменты, когда даже этой щедрости не хватало, —

моменты, когда Гитлер и его партия стояли на грани банкротства. Сам Гитлер описывал эту ситуацию следующим образом: «Я подписал для партии вексель на 40 000 марок. Деньги, которых я ожидал, не пришли, партийная касса была пуста, срок оплаты приближался, а я не имел даже надежды собрать деньги. Мне уже начали приходить мысли о самоубийстве, так как другого выхода мне не оставалось. За четыре дня до срока оплаты я рассказал госпоже тайной советнице Брукман о моем бедственном положении, которая сразу же взяла дело в свои руки, позвонила тайному советнику Кирдорфу и велела ехать к нему. Я рассказал Кирдорфу о своих планах и сразу же расположил его к себе. Он предоставил в мое распоряжение деньги, и так я смог вовремя погасить вексель». Этот тайный советник Кирдорф был основателем большого предприятия по добыче и переработке угля и стали в Рурской области. Он помог Гитлеру установить контакты с наиболее влиятельными из «стальных королей» Германии.

Гитлер с удовольствием пользовался финан-

совой поддержкой Эльзы Брукман, но любил и подшучивать над ней. «Я знаю одну женщину, — рассказывал он как-то, — голос которой от возбуждения стал хриплым, когда я перекинулся парой слов с другой женщиной». Эту женщину он больше не называл «госпожа тайная советница», а просто «Брукман»—и Гитлер описывал, как она исключила одну светскую даму из списка приглашаемых гостей только потому, что та однажды улыбнулась Гитлеру. Ревность Эльзы Брукман, очевидно, относилась к тем немногим явлениям в жизни Адольфа Гитлера, которые доставляли ему удовольствие.

Хелена Бехштейн и Эльза Брукман были наверняка важнейшими благотворительницами, которые поддерживали Гитлера уже в начале 20-х годов. Но они были не единственными. Не только в предпринимательских, но и в аристократических кругах были дамы, расположенные к Гитлеру. Баронесса Лили фон Абегг жертвовала ему деньги и предметы искусства. Гертруда фон Зейдлиц относилась к тем, благодаря кому он смог выпускать ежедневную газету «Фёль-

кише беобахтер»—она была совладелицей финской бумажной фабрики и имела много денег. Восторженной поклонницей Гитлера в аристократических кругах Германии была, без сомнения, и жившая в Берлине Виктория фон Дирксен. Вдова тайного советника была одновременно и национал-социалисткой, и, как многие ее современники, монархисткой. В отеле «Кайзерхоф», куда обычно она приглашала Гитлера на свои «четверги», собирались только избранные гости из мира экономики, политики, дипломатии и аристократии. Там она знакомила Гитлера с влиятельными господами со всего мира. Она заботилась о том, чтобы ему в 1922 году было разрешено выступить с докладом в аристократическом «Берлинском национальном клубе», где он смог завести полезные связи в националистических кругах Северной Германии.

Временами в доме Виктории фон Дирксен на еженедельные совещания собирались Гитлер, Геринг, Геббельс и другие крупные националистские политики. Виктория фон Дирксен на каждом приеме прикрепляла к груди свастику так,

чтобы она была хорошо видна. И она научилась, как никто другой, восхищенно закатывать глаза, когда кто-либо в ее присутствии произносил имя Гитлера—даже вскользь. Но с годами Гитлеру надоела его поклонница, и 15 декабря 1933 года он дал ей это понять.

В этот вечер еврейская журналистка Белла Фромм посетила концерт «Ла Скала» в Берлинской опере. Свои впечатления она писала так: «Джилы давал благотворительный концерт в пользу “зимней помощи”. Все было напыщенно, но очень ловко поставлено. Орды СА перед театром готовили Гитлеру прием, который требовала “его божественность” . . . Я сидела недалеко от ложи Гитлера—номер семь. Зал был набит до отказа, так что господа во фраках и дамы в парчовых одеждах толпились у сцены. Когда аплодисменты после первой арии Джилы утихли, весь зал ждал следующей, внезапно раздались новые аплодисменты в ложе номер семь. Сильные аплодисменты! Гитлер—хороший актер. Джилы был забыт. Все слушатели, обычно безупречно ведущие себя, разразились громкими торжествующи-

ми криками. Букеты фиалок летели в ложу семь. Люди взбирались на стулья и перила, чтобы лучше видеть “фюрера”. У меня кровь застыла в жилах. Он сидел в своем отвратительном коричневом одеянии между Магдой Геббельс и супругой итальянского посла—красавицы и чудовища. В следующей ложе, к великому раздражению Гитлера, сидела Виктория Дирксен. Говорят, Гитлер очень жалеет, что ему приходится так часто сидеть вблизи этой “старой ведьмы”. Потому он издал приказ, чтобы в будущем в этом отношении были приняты меры. “Старая ведьма”, которая была отделена от славы и почести толстой стеной ложи, казалось, негодует от ревности и зависти».

После прихода Гитлера к власти также и Хеленой Бехштейн овладела ярость по отношению к тому, кого она называла «волчонком». Хелена относилась к тем немногим женщинам, которые отваживались критиковать Гитлера. Человека, которому она подарила собачью плетку, она теперь называла «жалким подобием рейхсканцлера». Но прозрение пришло слишком поздно. Во

время байротского музыкального фестиваля состоялся последний разговор между Хеленой Бехштейн и ее бывшим воспитанником. Она дала ему свой адрес в Байройте и пригласила посетить ее. Гитлер не ждал ничего хорошего. Его адъютанты уже давно называли Хелену «ужасом партии», и ему совершенно очевидно было неприятно засвидетельствовать ей свое почтение. Он пригласил детей Вагнера сопровождать его. Они должны были смягчить Хелену Бехштейн, но не имели ни малейшего желания делать это. Тогда вместо детей Гитлер взял с собой огромный букет красных роз. Но ни розы, ни поклон, ни поцелуй руки, казалось, уже не импонировали Хелене Бехштейн. Она в последний раз высказала ему свое мнение. Беседа длилась всего несколько минут. После этого они больше не встречались.

Другой женщиной, покровительствовавшей Гитлеру, была Хелена Ганфштенгль. Один современник вспоминал: «Это было во время одного приема в отеле “Баварский двор”, где многие красивые женщины выглядели просто бле-

стояще благодаря своим бриллиантовым украшениям. Но тут вошла женщина, такая красивая, что сразу же затмила всех. Украшений она не носила. Это была госпожа Ганфштенгль». Так Гитлер описывал одну из своих первых встреч с той женщиной, которую он отныне называл «прекрасная Хелена». Описываемое событие происходило в мюнхенском отеле, но познакомился он с ней несколько раньше, в цирке «Кроне». Там, где обычно свои представления давали клоуны и дрессированные животные, он выступал с речью. После выступления к Гитлеру подошел его товарищ по партии Эрнст Ганфштенгль и с гордой улыбкой представил ему свою жену. Несколько секунд Гитлер молча смотрел вверх, на красивое лицо высокой стройной блондинки. На приглашение Ганфштенгля навестить их как-нибудь Гитлер согласился очень охотно.

Хелена относилась к тем немногим женщинам в окружении Гитлера, которые излучали какой-то «международный» шарм. Она родилась в Бремене в семье крупного торговца, но большую часть своего детства провела в Нью-

Йорке. Там в 1919 году на благотворительном балу в старой Вальдорф-Астории она познакомилась с сыном одного издателя. Эрнст Ганфштенгль, которого друзья называли «Putzi» («Чистюля»), руководил в Нью-Йорке крупнейшим филиалом отцовской фирмы и салоном искусств на Пятой авеню. После Первой мировой войны Ганфштенгль считался в Америке «враждебным иностранцем», его художественное издательство было конфисковано. Какое-то время он «держался на плаву» благодаря школе искусств. Хелена вышла замуж за Эрнста в 1920 году, хотя он уже не мог обеспечить ей такой же высокий уровень жизни, как раньше. Годом спустя на свет появился сын Эгон. В 1922 году семейство Ганфштенгль на пароходе вернулось обратно в Германию.

Как раз в это время американское посольство в Берлине хотело составить представление о состоянии политики в Баварии. Советник посольства был знаком с Ганфштенглем благодаря совместной учебе—и американцы послали его в качестве шпиона. Он должен был посетить в Мюнхене собрание в «Киндльброй» на Розенхаймер-

штрассе, послушать выступление этого Гитлера и передать свои впечатления в Берлин. Уже в тот же вечер шпион превратился в члена партии. Ганфштенгль вступил в партию и с тех пор уже не оставлял Гитлера. Двухметровый мужчина выполнял различные задания: он входил в группу «Шлагетер», изображал придворного шута и играл для Гитлера на пианино.

Хелена нашла Гитлера симпатичным. По сравнению с ее Эрнстом, шумным великаном, она воспринимала его как «робкого молодого человека». Это не был сорвиголова, который приста- вал к ней, а робкий человек, который в самом начале тем не менее украдкой бросил взгляд на вырез ее платья. Во время своих посещений он сидел с маленьким сыном Хелены на полу и играл с ним. Гитлер блеял, как овца, фыркал, мычал, трещал и квакал. Маленький Эгон визжал от восторга, его мама улыбалась, тронутая таким вниманием к ее малышу. Потом началась игра в железную дорогу. Гитлер ползал на четвереньках и заставлял Эгона проползать под ним. Эгон изображал железную дорогу, а Гитлер сви-

стел, как локомотив. Этот свист получался у него невероятно правдоподобно благодаря затяжному резкому звуку.

Адольф Гитлер стал постоянным гостем в доме Ганфштенглей; он, как говорила Хелена позже, «наслаждался у нас спокойной и уютной атмосферой. Когда он хотел, он мог спокойно сидеть у нас в уголке и делать заметки. Мы не мешали ему». Но это было и не нужно. Гитлеру было достаточно того, что Ганфштенгли познакомили его с профессорами, оперными певцами, художниками и писателями. Хелена открыла ему двери в мир творческой и культурной элиты, невероятно важных и знаменитых людей. В этом отношении она походила на Хелену Бехштейн и Эльзу Брукман.

Так же и Хелена, и Эрнст Ганфштенгль напрасно пытались сделать из Гитлера светского человека. Они помогали ему учить английский язык, рассказывали об Америке—в надежде расширить его узкий кругозор. Но в Америке Гитлеру нравился только ку-клукс-клан, который он считал движением, аналогичным его НСДАП. Он

отказывался учиться танцам, несмотря на постоянные просьбы Хелены позволить научить его нескольким шагам вальса. Также он не хотел сбривать свои усики ни при каких обстоятельствах.

Однажды вечером в дверь Ганфштенгля позвонили: снаружи стояли врач, санитар и Адольф Гитлер. Хелена Ганфштенгль провела этот день 9 ноября 1923 года в Уффинге на Штаффельзее, где она и ее муж незадолго до этого купили домик.

Хелена испугалась. Таким она Гитлера еще никогда не видела. Человек, обычно издававший только веселые звериные звуки, теперь стонал от боли. Его брюки свисали клочьями, черный галстук был повязан на руке как жгут. Хелена пригласила его и сопровождающих зайти, быстро накрыла им поест.

Во время этого позднего ужина он рассказал, при каких обстоятельствах его ранило. Он маршировал вместе с товарищами по партии к Фельдхеррнхалле, чтобы совершить государственный переворот. На их пути внезапно возникло поли-

цейское оцепление. Послышались выстрелы. Сосед Гитлера в строю, которого он держал за руку, смертельно раненный упал на землю, потянув его с собой. При этом Гитлер неудачно упал на плечо. Из общей неразберихи его вытащили два телохранителя и посадили в машину, которая была припаркована неподалеку. Помощники предложили бежать в Австрию. Но Гитлер этого не хотел. Он решил обратиться к Хелене Ганфштенгль.

Во время попытки путча было убито четверо полицейских, а также пятнадцать его товарищей и один посторонний человек. Сейчас он сидел у Хелены Ганфштенгль, показывал свою опухшую руку и жаловался на невозможные боли и на то, что потерял своего телохранителя. Хелена заметила, как он был разочарован. Она пошла наверх на чердак и постелила ему постель в маленькой комнатке, которая служила ее мужу спальней и кабинетом. Эрнста Ганфштенгля в этот вечер дома не было. Он проспал попытку путча в своей мюнхенской квартире. Но так как он считался доверенным лицом Гитлера, то все же переехал на

время к югу от Мюнхена, поближе к австрийской границе.

В ту ночь Гитлер, чтобы хоть как-то согреться, укутался в английский дорожный плед, принадлежавший Эрнсту Ганфштенглю. До этого тем не менее он приказал санитару немедленно ехать в Мюнхен и найти там машину, на которой можно было бы скрыться. Конечно, Гитлер знал, где можно было достать эту машину—у Хелены Бехштейн, которая в это время еще совершенно безоговорочно обожала Гитлера. 11 ноября, спустя два дня после бегства Гитлера, у свекрови Хелены зазвонил телефон. Полицейский, который обыскивал ее квартиру, пришел как раз тогда, когда горничная сказала по телефону: «У нас полиция», и выхватил трубку из ее рук. После краткого допроса Хелены Ганфштенгль по телефону полиция сразу же догадалась, где прячется Гитлер.

До этого момента Гитлер напрасно ждал свою машину. Хелена пошла в каморку Гитлера и предупредила, что полиция уже недалеко. «Эти свиньи никогда не схватят меня. Я застрелюсь!»—

закричал Гитлер и схватился за свой браунинг. Итак, Гитлер опять хотел застрелиться. Но Хелена Ганфштенгль «спасла» ему жизнь—так, по крайней мере, описывал это Эрнст Ганфштенгль в своих мемуарах. Она подошла к нему и при помощи приема джиу-джитсу (в Нью-Йорке она ходила на курсы) отняла у него оружие. Пистолет полетел по коридору и приземлился на мешок с мукой.

После этого Хелена прочла нотацию своему гостю. Она говорила о движении, о множестве приверженцев фюрера, о том, что многие верят ему. Она достала несколько листов бумаги, ручку и заставила Гитлера продиктовать его политическое завещание. Она собиралась передать его своему адвокату. Решимость Хелены подкреплялась действием, и Гитлер продиктовал свое политическое завещание. Хелена быстро взяла бумагу и спрятала ее, в то время как полицейские уже стучали в дверь. Потом она пошла к входной двери и пригласила полицейских войти. Гитлер молча стоял за ней на лестнице. В то время как Хелена собирала самые необходимые вещи

для первых дней в тюрьме, Гитлер снимал белый купальный халат Эрнста. Он отказался взять с собой этот халат—он был ему слишком велик—и спустился вниз в пижаме. Кто-то накинул ему на плечи его макинтош, к которому все еще был прикреплен Железный крест 1-го класса. Хелена дала Гитлеру еще два шотландских дорожных покрывала, чтобы он не мерз в тюрьме. Полицейские повели его к машине и поехали с ним в Вейльгейм. Спустя несколько минут после отъезда Гитлера от Бехштейнов загородному домику Ганфштенгля в Уффинге подъехала машина.

В Ландсберге Гитлер объявил голодовку. И каждому, кто хотел это услышать, он кричал в лицо: «Все! Конец!» Отговорить его не смог ни тюремный психолог, ни председатель его партии. Был только один человек, который мог его еще спасти: Хелена Ганфштенгль. Она поговорила с его адвокатом, который взял завещание Гитлера и сказал: «Откройте ему глаза! Объясните ему, что вы спасли его от смерти не для того, чтобы он сейчас заморил себя голодом». Хелена навестила Гитлера и уговорила его. Вскоре по-

сле этого Гитлер закончил свой недельный пост и вновь начал есть с аппетитом. О самоубийстве речи больше быть не могло. Эти заявления вряд ли были сделаны серьезно—для этого Гитлер выражался и вел себя слишком театрально.

В тюрьме Гитлера навестило более пятисот посетителей, среди них—многочисленные благотворительницы и подруги пожилого возраста, начиная с Каролы Гофман с ее тортами с взбитыми сливками и заканчивая Хеленой Бехштейн, которая выдала себя за его приемную мать, чтобы ее пропустили к нему в камеру. Винифрид Вагнер послала ему рождественскую посылку с пишущей машинкой, бумагой, ручку, чернила, карандаши и резинку—в общем, весь необходимый для работы материал, чтобы он написал книгу о себе и своих взглядах. Название он уже придумал: «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости». Его издатель сделал из этого названия краткое и запоминающееся—«Майн кампф» («Моя борьба»).

Так же и Карин Геринг ездила к Гитлеру в Ландсберг, чтобы посмотреть вблизи на своего

кумира. Гитлер великодушно дал ей автограф— он нацарапал свою подпись на обратной стороне одной фотографии, изображающей его на фоне крепости в Ландсберге. Хелена Ганфштенгль уже ждала Гитлера, когда он 20 декабря 1924 года был выпущен из тюрьмы. Она пригласила его провести сочельник на новой вилле в Мюнхене недалеко от Херцогпарк, в которую переехала ее семья. Гитлер придумал для хозяев и их трехлетнего сына Эгона совершенно неожиданный рождественский сюрприз. Прежде чем представить его, он попросил своего старого друга Эрнста Ганфштенгля сыграть ему на пианино «Песнь любви» из «Тристана и Изольды». После этого Хелена накрыла рождественский стол: индейку (главное блюдо), на десерт—различные сладости и венское печенье. Гитлер выпил немного вина. Он сильно поправился в тюрьме и потому отказывал себе сейчас в мясе и алкоголе.

После еды и вручения подарков наступило время подарка Гитлера: он приятно поразил семью тем, что маршировал по комнате взад-вперед. При этом он имитировал шум сражений

времен Первой мировой войны. Он трещал, свистел, гремел, выл так, как будто бы Ганфштенгли сидели прямо перед окопами. Они слышали прямо под рождественской елкой залпы орудий, шум гаубиц и мортир. При этом Гитлер подражал шуму выстрелов так же замечательно, как и вою снарядов в воздухе и грому взрывов. Другого такого рождественского вечера семье Ганфштенгль пережить еще не приходилось.

Один раз между Хеленой Ганфштенгль и Адольфом Гитлером случилась встреча, которая осталась в ее памяти как очень неприятная, в то время как он, вероятно, считал ее в высшей степени эротичной. Гитлер в этот вечер навестил Ганфштенглей и допоздна засиделся в их гостиной. Потом Эрнст Ганфштенгль на пару минут вышел из дома, чтобы вызвать такси для своего гостя. Гитлер использовал это время и опустился на колени перед Хеленой. Он бросился к ее ногам, назвал себя ее «рабом», жаловался, как плохо, что он встретился с ней слишком поздно. В то время как Гитлер наслаждался этим «горько-сладким» событием, Хелена отчаянно пыталась

поднять его на ноги. И ей удалось это сделать как раз перед возвращением ее мужа.

Конечно, сразу же после отъезда Гитлера она рассказала ему, что случилось. Но Эрнст Ганфштенгль не воспринимал это трагично, он считал, что «бедный парень сидит в своем одиночестве, как в ловушке, и чувствует время от времени потребность выступить в роли миннезингера». В этот вечер Ганфштенгль верил еще, что Гитлер влюблен в Хелену. Но в последующие годы он стал свидетелем множества подобных сцен. Он был рядом, когда Гитлер заваливал всех возможных женщин цветами и целовал руки. В течение этого времени Ганфштенгль пришел к выводу, что это странное поведение не имеет ничего общего с «эротическим желанием», а только лишь с другой формой желания—желанием показать себя. Он считал Гитлера «органическим импотентом», человеком, которого приводили в глубочайшее возбуждение не женщины, а только собственные речи. Хелена Ганфштенгль разделяла эту точку зрения. Позже она сказала о Гитлере: «Он существо среднего рода, но не

мужчина».

Отношения между Гитлером и Ганфштенглями в течение нескольких лет стали заметно холоднее. Хелена приняла тот факт, что Гитлер изображал себя ее подбострастным рабом. Но она не была готова поменяться ролями, подчинять себя фюреру, как того требовал Гитлер. Так, в 1936 году на свадьбе одного из руководителей СА произошел окончательный разрыв. Все приглашенные гости приветствовали Гитлера предписанным «Хайль Гитлер». И только Хелена и ее сын Эгон сказали: «Здравствуйте, господин Гитлер». Он сразу убрал свою руку и больше не удостоил ни одного из них взглядом. Хелена еще в том же году разошлась со своим мужем и вернулась с сыном в Америку. Эрнст Ганфштенгль остался в стране еще на год, в 1937 году он покинул Германию.

Многие из современниц были знакомы с «Майн кампф» Гитлера, в которой он называл еврейскую расу «паразитом», «бациллой», «вампиром» или «грибком», который хотел уничтожить и стереть с лица земли. Одной из тех,

кого восхищали подобные мысли Гитлера, была Винифрид Вагнер. Но эта женщина не была одной из многих тысяч поклонниц фюрера. Она относилась к тем немногим, кто мог сказать о себе, что их отношения к Гитлеру были «чисто человеческими, личными и доверительными».

Чтобы понять, как могло получиться, что между ними могла установиться такая связь, необходимо рассказать о жизни Винифрид Вагнер с самого начала. Она родилась 23 июня 1897 года в Англии в Гастингсе. Винифрид была дочерью немецкой актрисы и английского инженеромостостроителя. Ее отец был музыкально одарен, в свободное время писал романы и критические статьи по музыке. В общем-то все указывало на безоблачное детство. Но родители Винифрид умерли, когда ей не было и двух лет. Девочку перевезли к датскому дедушке, который жил в очень скромном достатке в Лондоне. Но пожилой господин чувствовал себя несколько отягощенным обязательством заботиться о ребенке. Он даже подумывал убить себя и ребенка.

Но потом все-таки решил поместить девочку

в приют для сирот, который Винифрид покинула только на несколько недель всего один раз за десять лет. Позже она мало рассказывала об этом времени, вероятно, хотела забыть о нем. В начале XX века сиротские приюты часто были местом, где за детьми никто не ухаживал, напротив, их унижали, с ними плохо обращались. Многие говорили о том, что Винифрид Уильямс в решающие ранние годы своего детства имела опыт, подобный тому, какой приобрел Адольф Гитлер. И возможно, этот опыт способствовал установлению той самой даже неосознанной связи в большей степени, нежели оперы Вагнера, о которых они могли часами говорить.

В возрасте десяти лет Винифрид разрешили поехать на каникулы в Германию к дальним родственникам. С табличкой, на которой было написано ее имя, она стояла на вокзале в Ганновере, где ее встретил пианист и дирижер Карл Клиндворт. Он и его жена сразу полюбили бледного робкого ребенка. Спустя несколько лет они удочерили Винифрид. Карл Клиндворт был старым другом Рихарда Вагнера. Оба жили в одном

и том же музыкальном мире, в который отныне вошла и Винифрид. Она посещала лицей в Берлине, но большую часть своего времени посвящала музыке. Ее приемный отец давал ей уроки музыки, брал с собой на лучшие концерты в Берлине. Во время одного из этих концертов в возрасте пятнадцати лет она впервые увидела за дирижерским пультом своего будущего мужа—Зигфрида Вагнера, единственного сына композитора. Винифрид была потрясена не только концертом, но и Зигфридом. Она рисовала контуры его лица в своих школьных тетрадях, все свои карманные деньги тратила на книги с либретто опер, в которых дирижировал Зигфрид. Но прошло два года, прежде чем она лично познакомилась с ним.

Это произошло сразу после ее семнадцатого дня рождения: приемный отец взял ее с собой на фестиваль в Байройте. Затаив дыхание взбиралась она на зеленый холм, где среди елей стоял дом из красного камня. Сердце Винифрид билось, когда она вошла в «Граальсбург». Конечно, она знала, что театр имеет внутри форму

скрипки, но тем не менее была потрясена удивительным. Потом ей разрешили присутствовать на генеральной репетиции, куда допускались только специально приглашенные гости.

Вагнеры также пригласили Карла Клиндворта и его приемную дочь на чай в особняк «Ванфрид», резиденцию семьи. И тут Винифрид был очарован не только Зигфридом, но и его строгая мать Козима Вагнер. С ее разрешения, а может быть, даже по настоятельному желанию его матери Зигфрид отныне очень часто приглашал юную девушку на чай в виллу. Спустя короткое время после их встречи он поехал в Берлин в дом Клиндвортов, чтобы попросить у них руки Винифрида. Предложение было с радостью принято. Тем не менее свадьба была под угрозой срыва, но причиной этого была вовсе не Винифрид или ее приемные родители, а официальные учреждения. Шла война, и потому Винифрид была зарегистрирована в полиции как «враждебная иностранка». Она должна была отмечаться там два раза в день. О свадьбе англичанки с немцем не могло быть и речи. Тогда Винифрид по-

дала заявление о принятии прусского гражданства. Прошло три месяца, прежде чем заявление было рассмотрено и по нему было принято положительное решение, и тогда свадьбе уже ничто не мешало. Уже на следующий день Винифрид и Зигфрид стояли перед свадебным алтарем в Байройте.

Винифрид стала секретарем своего мужа, организовывала концертные турне и сопровождала его на каждом выступлении. Но ее важнейшей задачей была совсем другая: она должна была родить детей и тем самым позаботиться о том, чтобы продолжилась династия Вагнеров. Молодая женщина превосходно выполнила эту задачу. Она родила двух девочек и двух мальчиков. И во всем прочем она тоже великолепно подходила к строгому порядку дома «Ванфрид». Там после смерти Рихарда Вагнера царила его вдова Козима. Чем старше она становилась, тем строже был внутренний распорядок. Все, за исключением внуков, обращались с ней осторожно и с глубоким почтением, никто в ее присутствии не решался даже произнести громкого слова. Козима

возвела музыку Вагнера в статус религии, членов ее семьи—в первосвященников, а театр—в часовню. Критики и инакомыслящие после недружелюбных высказываний навсегда бывали отлучены от «Фестшпаххауса» на холме. Биограф Вагнера Иоахим Кёлер писал: «Централизованная власть исходила только от одной Козимы, которой должны были подчиняться молодые члены семьи. Как в современных сектах, все вращалось вокруг одного внутреннего круга, к которому были допущены только избранные». Козима, которая любила носить черные вуали, сделала из себя «олицетворение великосветской дамы», принадлежащей к тому же к выдающейся расе. Ее фанатичное рвение, благодаря которому она подчинила почти все свое окружение, подготовило почву для последующих выступлений Гитлера в Байройте. И не случайно, что он стал там желанным гостем.

Винифрид познакомилась с Гитлером в Мюнхене в салоне фабриканта роялей Эдвина Бехштейна и его жены Хелены. Гитлер выступал там с одним из своих докладов, и Винифрид была

так же потрясена, как тогда, когда она впервые увидела своего мужа за дирижерским пультом. По дороге в Байройт она с блестящими глазами мечтательно думала о «спасителе Германии», с которым она встретилась. Ее муж не воспринял мечты своей жены всерьез и даже посмеивался над Винифридом. Но он позволил ей пригласить этого Гитлера в Байройт.

1 октября 1923 года Адольф Гитлер впервые нанес им визит. Именно в то время, когда он особенно сильно нуждался в поддержке влиятельных кругов. Семья с нетерпением ждала человека, о котором Винифрид так лестно отзывалась. Но в условленное время на Каштановой аллее машины видно не было. Гитлер фактически потерял расположение всей семьи еще до того, как заработал его. Дети Фриделинд и Вольфганг постоянно бегали к двери и выглядывали на улицу. Наконец машина выехала из-за поворота с Рихард-Вагнер-штрассе. Дети возбужденно позвали родителей. Когда Гитлер поднимался по лестнице, все стояли у дверей и каждый протянул ему руку.

Винифрид сияла, но остальные были понача-

лу скорее разочарованы. «Он выглядел вполне обычно, – считала дочь Винифрид Фриделинд, – в своих коротких баварских кожаных штанишках, толстых шерстяных носках, рубашке в красно-синюю полоску и голубой короткой куртке, которая свободно болталась на его худом теле; острые скулы, казалось, вот-вот пробурят насквозь впалые бледные щеки, его голубые глаза неестественно блестели фанатичным огнем; у него был оголодавший взгляд».

Гитлер, очевидно, чувствовал себя неуверенно. Он казался очень смущенным, постоянно кланялся, проскользнул тихонько, как побитая собака, в библиотеку и музыкальную комнату, где он удивленно осмотрелся. Медленными, осторожными шагами он приблизился к коллекции бабочек, которую Рихард Вагнер купил в Неаполе. Потом он подошел к последней фотографии Рихарда Вагнера. Благоговейно, открыв рот, Гитлер стоял перед ней, как католик перед папой римским, и казалось, что он стесняется своих коротких кожаных штанишек. Спустя какое-то время он вновь обрел дар речи и рассказал, как в двена-

дцатилетнем возрасте впервые услышал «Лоэн-грину» и что он считает Вагнера самым великим немцем из когда-либо живших на свете.

Разумеется, Гитлер хотел также посетить могилу композитора, которая находилась в саду за домом «Ванфрид». Гитлер один подошел к простому, лишенному украшений гранитному камню, и взволнованный простоял несколько минут. Потом он отрывисто развернулся и вновь вернулся в круг хозяев дома. Жестикулируя, он рассказывал потом о государственном перевороте, который он планировал еще в этом году, о «захвате власти», благодаря которой он спас бы Германию. Сейчас удивлены были Вагнеры. Фриделинд позже рассказывала: «Мы сидели вокруг него, как стайка маленьких зачарованных птичек, которые слушали музыку, и при этом совсем не обращали внимания на то, что он говорил».

Напротив «Ванфрида» стоял дом, в котором жила дочь Вагнера Ева со своим мужем—британским философом культурологом Хьюстоном Стюартом Чемберленом. Этот писатель посвятил себя изучению народно-мистической

идеологии и совершенно неприкрытому расизму. В своих книгах он проповедовал «арийское видение мира», которое оказало большое влияние на Гитлера и стало философской основой его расовой политики. Сейчас, во время своего визита в Байройт, он лично встретился со старым больным человеком, книги которого читал заповсем. Во время этой встречи Гитлер и Чемберлен были одни, и никто не знал, о чем они говорили. После этого разговора практически парализованный Чемберлен впервые за очень долгое время смог глубоко и спокойно заснуть. Позже он написал Гитлеру благодарственное письмо.

После первого визита Гитлера в Байройт мнения о нем еще сильно разделялись. Зигфрид Вагнер, казалось, не был особенно впечатлен встречей с ним. Он не верил, что Гитлер осуществит свои идеи. Его жена, которая была младше его на двадцать восемь лет, бурно возражала ему: «Разве ты не чувствуешь, что ему суждено стать спасителем Германии?»

С того дня Винифрида Вагнер регулярно виделась со своим другом Гитлером. В тот день, 9 но-

ября 1923 года, когда Гитлер в Мюнхене маршировал к Фельдхернхалле, она была совсем недалеко, так как в этот самый день ее муж собирался дирижировать на премьерном концерте, который потом внезапно незадолго до начала был отменен. И Винифрид, и ее муж жили в отеле, из окна их комнаты они могли хорошо видеть площадь перед Фельдхернхалле. Они внезапно услышали залпы орудий и увидели, как многие поддались панике и, толкаясь, разбегались. Винифрид беспокоилась о Гитлере и вначале не знала, случилось ли с ним что-нибудь. Но уже вскоре стало известно, что он был ранен в плечо и прятался в тайном месте. Она также узнала, что друг Гитлера по партии Герман Геринг бежал в Инсбрук, где был вынужден лечь в клинику.

Потому Винифрид уговорила своего мужа ехать в Инсбрук и навестить раненого. Там она оплатила счета Геринга. Кроме того, она назвала ему адрес одного отеля в Венеции, где он мог скрываться целый год, причем совершенно бесплатно. Спустя три дня после провала путча Винифрид начала акцию, с помощью которой хоте-

ла привлечь широкую общественность на сторону Гитлера: она передала прессе открытое письмо, которое написала от имени всей семьи и выступила против подозрений, что члены семьи из дома «Ванфрид» участвовали в путче. Но в то же время семья Вагнер подчеркивала свое «дружеское отношение» к Гитлеру, свое «участие и согласие» по отношению к его «созидательной работе». И они объявили, что «мы, дружившие с ним в счастливые дни, храним ему верность и в дни несчастья». Письмо оказало свое влияние. Уже вскоре после его публикации в Байройте началась акция по сбору подписей, во время которой десять тысяч подписавшихся требовали освобождения Адольфа Гитлера. Зигфрид Вагнер писал одной подруге: «Мы храним ему верность, даже если при этом нам придется сесть в каторжную тюрьму. Моя жена борется за Гитлера, как львица! Великолепно!»

Винифрид Вагнер активно поддерживала Гитлера и его товарищей по партии. Она собирала деньги, одежду и продукты питания для семей национал-социалистов, которые после попытки

путча сидели в тюрьме. Поэтому шеф полиции города Байройт вызвал ее к себе в управление. Он призывал ее немедленно прекратить «этот вздор», иначе ей придется рассчитывать на то, что однажды ее тоже арестуют. Но это не удержало Винифрида от того, чтобы послать Гитлеру по меньшей мере пакет с симпатичным рождественским подарком.

После праздника она продолжила сборы пожертвований для запрещенной НСДАП, но уже не в Байройте, а в Соединенных Штатах Америки. 28 января 1924 года вместе со своим мужем и одним из руководителей СА Куртом Людеке она полетела в Нью-Йорк. Официально они явились туда для того, чтобы найти спонсоров для Байройтского оперного фестиваля, так как в это время предстояло повторное открытие фестиваля после десяти лет вынужденной паузы. Наряду с этим они хотели также найти кредитора для Гитлера.

При этом они положили глаз на Генри Форда, производителя автомобилей из Детройта. Крупный промышленник действительно пригласил их

к себе в загородное поместье, где Людеке рассказал ему, почему Адольфу Гитлеру так срочно требовались деньги. Сколько денег пожертвовал Генри Форд партии и жертвовал ли вообще, осталось, конечно, в тайне. Но тем не менее: нацисты пожаловали Генри Форду к его семидесятипятилетию высший знак отличия, который присваивался иностранцам: Большой крест ордена Германского орла.

После освобождения Гитлера из заключения 26 февраля 1925 года Винифрид Вагнер посетила первое собрание воссозданной НСДАП. Фриделинд Вагнер сообщала, что ее мать вступила в партию в 1920 или 1921 году в числе первых двухсот членов. Сама Винифрид, напротив, рассказывала, что она получила свой партийный номер только в 1926 году.

В июле 1925 года Гитлер впервые посетил оперный фестиваль в Байройте. Винифрид была счастлива. Она уже говорила Гитлеру «ты» и обращалась к нему по имени, которое он сам себе дал—«Wolf» («Волк»). Гитлер вскоре стал вхож в дом к Вагнерам как близкий друг семьи.

Он приезжал в Байройт не только на фестиваль, но и частенько останавливался там по дороге из Мюнхена в Берлин. Винифрид считала, что он может немного расслабиться в Байройте, немного насладиться семейной атмосферой, которой у него помимо Байройта и не было. Часто Гитлер оживленно беседовал с Винифрид о музыке Вагнера или играл с детьми.

Дети, кстати, были в восторге от «дяди Волка». Гитлер чаще всего приезжал по вечерам, но независимо от того, поздно было или нет, каждый раз поднимался в детскую комнату. Дети, конечно, сразу просыпались. Они возбужденно скакали вокруг дяди и ныли, пока он не соглашался рассказать им об одном из своих приключений. Потом они, окружив его, сидели и слушали, от страха покрываясь гусиной кожей, пока Гитлер описывал им опасности, которые он преодолевал в своих путешествиях. Он показал им собачью плетку и утверждал, что это было его единственное оружие, с помощью которого он побеждал злых великанов, которые вставали на его пути. Для детей это был чужой, но невероятно

захватывающий мир, который Гитлер так живо им описывал. Им казалось, что он пришел к ним из сказки.

Гитлер также рассказывал детям, что его жизнь находится в постоянной опасности; иногда его визиты в Байройт действительно выглядели так, как будто он скрывался от кого-то. Машина Гитлера приезжала только глубоко за полночь, и Гитлер тайком пробирался в дом. Или он находился в тайном месте. В этом случае дети с матерью садились в машину, ехали в лес или отдаленный ресторанчик, где они встречались с Гитлером. Дети были едины в мнении, что с такими приключениями не мог сравниться ни один урок игры на фортепиано.

1930 год стал годом траура в Байройте: 1 апреля в возрасте 92 лет умерла Козима Вагнер. Четыре месяца спустя—4 августа—от последствий эмболии в возрасте 61 года умер ее сын Зигфрид. В 8 часов утра этого дня Винифрид Вагнер села за письменный стол мужа и взяла на себя его работу.

В последующие месяцы визиты Гитлера в

«Ванфрид» участились. Более того: Винифрид передала ему виллу своего умершего мужа рядом с «Ванфридом», где Гитлер мог чувствовать себя как дома. Спустя некоторое время начали ходить слухи, что Винифрид собирается обручиться с Гитлером. Такие домыслы нравились фюреру, хотя он и подчеркивал постоянно, что жениться не собирается. Но в случае, если бы он решил на «брак по расчету», то он дал понять товарищам по партии, что Винифрид была бы самой подходящей кандидатурой, так как связь с именем Вагнер—и Гитлер это прекрасно понимал—еще больше возвышала его в глазах немецкого народа.

Зигфрид Вагнер, однако, предпринял до своей смерти меры, которые делали такой брак невозможным. В его завещании было написано, что Винифрид должна взять на себя руководство оперным фестивалем, но при одном условии: она не могла повторно выйти замуж. В противном случае она лишалась доли наследства.

В последующие годы, когда Гитлер строил мощную партию, они постоянно писали друг дру-

гу письма. Одно из них Винифрид получила в берлинском отеле «Эден», где она останавливалась незадолго до «взятия власти» Гитлером. Гитлер, очевидно, написал шесть страниц в декабре 1932 года, когда он считал, что его партия находится в глубоком кризисе. Письмо, которое Гитлер написал Винифрид, имело примерно следующее содержание: «Я полностью потерял надежду. Ни одна моя мечта никогда не осуществится. После стольких лет бесконечной борьбы разочарование кажется огромным. До сих пор я еще ни разу не терял мужества. Мне удавалось спасти все и вновь построить, даже в 1923 году, но сейчас у меня больше не осталось никакой надежды. Мои противники очень сильны. Так как я уверен, что все потеряно, Вы знаете, что я сделаю. Я всегда был решительно настроен на это. Я не смогу пережить поражение. Я сдержу свое слово и закончу свою жизнь при помощи пули. В этот раз все серьезно, потому что я не вижу другого выхода».

Спустя несколько недель после написания этого пронизанного депрессией письма Адольф

Гитлер был назначен рейхсканцлером. От радости и, наверное, из благодарности за ее поддержку он подарил Винифрид свою большую фотографию. Она поблагодарила его письмом со словами: «Бесконечное Тебе спасибо, Ты, кто жертвует безымянную радость». Эту благодарность она варьировала в бесконечном количестве строк, писала о «чудесном подарке» и о том, что она и ее дом одарены «и освящены Твоим постоянным присутствием».

Фотограф партии Генрих Гофман писал в своих воспоминаниях: «Такие женщины были лучшими пропагандистами партии, они уговаривали мужей примкнуть к Гитлеру, отдавали свободное время своему политическому увлечению, самоотверженно посвящали себя делу партии. Так, в Бамберге “истинно немецкие” женщины устраивали вечера-чаепития с целью агитации за Гитлера и его единомышленников».

Гитлер умело пользовался симпатиями своих сторонниц. В то время, когда недалекие члены партии, причислявшие себя к ее основателям, устраивали уличные побоища и при помощи гру-

бого террора устраняли противников, Гитлер в считавшихся культурными салонах, заполненных в основном дамами, играл роль шармёра из Австрии и, рассылая воздушные поцелуи, открывал для НСДАП новую прослойку членов партии, прежде всего из числа состоятельных людей. Некоторые рядовые партийцы были не способны правильно расценивать активные действия своего председателя. Гитлера внутри партии даже порицали за то, что он «общество красивых женщин» ставит выше обязанностей партийного вождя.

В число «подруг господина Вольфа, относившихся к нему по-матерински», как кокетливо выразился Гитлер, входила такая великая покровительница и спутница в разъездах, как баронесса Лили Абэгг, которая жертвовала не только золото и предметы искусства, но даже, как сообщала газета «Мюнхнер пост» от 3 апреля 1923 года, отдала партии дом.

Наряду с поддержкой общественности и очень щедрой материальной помощью, политический агитатор более всего наживал капитал на культе

собственной личности, создаваемом его сторонниками. Гитлер с удовлетворением высказывался: «Я думаю, что и слова “мой фюрер” отчеканены женщинами». Гитлер умел мастерски манипулировать индивидуальными качествами как мужчин, так и женщин. Попасть в круг женской нацистской элиты было невозможно, не выказав беззаветной преданности «фюреру». Влияние Гитлера заставляло забывать о программе НСДАП, отличавшейся беспрецедентно презрительным отношением к женщине.

Женщин приветствовали как рядовых, платящих взносы членов партии, но не более того. «Судьей, солдатом, рулевым государства должен быть и оставаться мужчина», – провозгласил нацистский теоретик Розенберг. «Эмансипация женщин от женской эмансипации» стала основной доктриной национал-социалистического движения. Возвышение Германии считалось делом мужчин. Еще в 1921 году генеральное собрание членов партии единогласно постановило, что «женщина никогда не может быть допущена в руководство партии и руководящие комиссии».

Ведь надо уберечь от гибели народ, расу и культуру. А разве можно это доверить женщинам?

Гитлер выразился проще: «Баба в политике вызывает у меня отвращение. В 1924 году мне нравились две политизированные особы: госпожа фон Тройенфельс и Матильда фон Кемниц (по мужу—Людендорф), но они хотели стать депутатами рейхстага! Рассуждали о военных делах! Это совершенно невыносимо! Ни в одной местной партийной группе у женщин не должно быть даже ничтожнейшего поста... Я говорю, девяносто девять процентов всех обсуждаемых вопросов—это не их ума дело». При этом Гитлер знал, что многие сторонники нацистов, такие, как, например, кандидат в президенты от НСДАП генерал Эрих Людендорф, стали радикальными политиками только под влиянием своих жен. Так, врач Матильда Людендорф писала замечательные тексты и была в супружестве задающим тон политическим партнером.

Кстати, вернемся к Хелене Бехштейн. Отто Штрассер описал в своих мемуарах такую сцену: «Она щедро одаривала его своей исступ-

ленной, почти материнской преданностью. Когда Гитлер приезжал в Берлин, он, как правило, останавливался у нее, и именно в ее доме он встретился с политиками, с которыми так жаждал познакомиться. Когда они оставались наедине, а порой и в кругу друзей, он садился у ног своей хозяйки, закрыв глаза и положив голову на ее пышную грудь. Прекрасные белые руки нежно гладили волосы большого ребенка и теребили историческую челку будущего диктатора. “Волчонок, – ласково шептала она, – мой маленький волчонок”.

Даже если все-таки допустить, что Штрассер перегнул палку и вряд ли «волчонок» мог мирно уютиться в гостиной, то он все-таки отметил одну бесспорную истину: Гитлер обладал просто магнетическим воздействием на женщин преклонных лет и прекрасно знал, как использовать этот талант. Он мог создавать этот магнетический эффект как в частных беседах, так и в своих публичных выступлениях перед огромной публикой. По свидетельству одного очевидца, Гитлер систематически подстраивался под вкусы своих слуша-

тельниц. Он четко использовал придуманную им психологическую формулу: женщина жаждет от мужчины ясности, решимости и силы. Женщины были готовы подчиниться своим эмоциям и покориться фюреру. И это при том, что Гитлер не отводил женщине никакого главенствующего места в обществе. Гитлер умело использовал желание женщины почувствовать сильное плечо, быть ведомой.

Женщины дрожали при каждом слове его речи. Его утверждения не отличались риторической изысканностью. Но Гитлер был уверен в восторженном одобрении женщин—одобрении, которое больше походило на безумие. Это было неким сексуальным волнением, которое Гитлер разжигал в своих слушательницах. Он как бы проецировал на них свою близость со всеми подобающими ей элементами страсти и экстаза. Недаром эффект от речей Гитлер многие описывали исключительно в сексуально-эротических терминах. Речи Гитлер вызвали буквально оргазм у толпы.

Во время одного из выступлений на партий-

ном собрании 1937 года, где присутствовало 20 тысяч женщин, Гитлер закончил свою речь словами: «Что дал вам я? Что дал вам национал-социализм? Мы дали вам мужчину». Присутствовавших просто захлестнула волна экстаза.

По мере того, как росли самоуверенность и эгоизм Гитлера, ему все чаще и чаще требовалась женская компания. Женщины стимулировали его, но вовсе не на дружеские беседы или какие-то заумные дискуссии. Их присутствие должно было поднимать настроение фюреру. Женщин он ценил лишь в качестве восхищенных и обожающих его слушательниц. От представительниц прекрасного пола не требовалось ни малейшего наличия интеллекта. Боже упаси, не допускались какие-либо, даже малейшие возражения. Гитлер упивался женской лестью. Это особенно ярко проявилось во время чаепитий, организованных Магдой Геббельс. Супруге главного пропагандиста Третьего рейха специально предписывалось приглашать на эти вечеринки молодых актрис. Как правило, Гитлер появлялся с цветами и конфетами, источая обаяние и благо-

душие. В душе он, видимо, надеялся быть полным членом артистического братства. Но в этом намерении он потерпел полнейшую неудачу. Позже терпеливой аудиторией, которая выслушивала его утомительные и самодовольные монологи, стали секретарши рейхсканцелярии.

Если верить личному фотографу Гитлера Генриху Хофману, то фюрер не имел склонности к какому-то определенному типу женщин. Вероятно, он сделал это внутренним правилом, дабы не отвергнуть от себя какую-то часть своей многомиллионной женской публики. Но еще больше его пугали сплетни. Сплетни относительно его отношений с женщинами приводили фюрера просто в состояние паники. Это касалось и его отказа от женитьбы. Если этот вопрос все-таки всплывал, то Гитлер предпочитал смущенно отшучиваться: «Если я люблю цветы, то это еще не повод становиться садовником». Но такие аргументы он приводил обычно с светских бесед. Массам он навязывал только одну мысль: «Его невестой является немецкий народ». Впрочем, это не спасло Гитлера от множества сплетен,

касавшихся его холостой жизни. Фрау фон Пфедер, жена одного из руководителей штурмовых отрядов партии, утверждала, что Гитлер просто-напросто боялся женщин. Супруги Ганфштигели были убеждены, что Гитлер был импотентом. Наконец был еще устойчивый слух, что фюрер заразился сифилисом во время своего пребывания в Вене. Эта молва в итоге вылилась в один злобный стишок, который в свое время был очень популярен в Германии:

Он тот, кто управляет на русский ма-
нер,

Стрижется на французский лад,
Бреет усы подобно англичанину,
Не рожден в самой Германии,
Но навязывает нам римское привет-
ствие

Его обожают наши жены и дети,
Однако он не способен иметь своих —
Он фюрер Германии.

Кстати, за цитирование этого стишка один стенографист был приговорен специальным три-

буналом к пребыванию в концентрационном ла-
гере.

Портрет в интерьере. «Моя невеста—Германия» (Адольф Гитлер)

«Лицо и голова несформированные, гибридные. Низко посаженные брови, непривлекательный нос, широкие скулы, маленькие глаза, темные волосы. Производит впечатление фанатика»—так охарактеризовал Гитлера Макс фон Грубер после встречи, которая состоялась в середине 20-х годов. Его приговор звучал очень сурово—фюрер НСДАП не походил ни на скандинавский, ни германский тип. Грубер считал, что фенотип Гитлера имел славянский характер.

Несколько лет спустя в 1933 году сподвижники Грубера дали совершенно иное заключение.

В качестве примера можно привести выдержку из одобренной руководством НСДАП книги Альфреда Рихтера «Наш фюрер в свете расового вопроса». Рихтер, являвшийся директором «Частного институт практической характерологии и этнографии», описывал Гитлера как «призрачный свет северного сияния»: «Блестящий, творческий, обладающий духовными способностями лидера, энергичный, жесткий, пользующийся огромной любовью, готовый на бесконечные страдания и самопожертвования». Результаты практической характерологии дополнялись выводами из области этнографии. Изучая фотографии фюрера, на основании которых Рихтер делал свои умозаключения, он был поражен исключительно нордическими надбровными дугами фюрера: «Светлая кожа и синие глаза Гитлера указывают на его исключительную принадлежность к германской расе».

Впрочем, этой характеристики Гитлеру показалось мало. Он, следуя своим безумным расистским установкам, хотел во что бы то ни стало установить собственное происхождение. Фор-

мально его предки проживали в Австрии, между Дунаем и чехословацкой границей. Казалось бы, этого было достаточно, чтобы констатировать, что в венах фюрера текла кровь немецких крестьян, истинных сыновей почвы. Но Гитлера не устраивал один момент. В соответствии с Законом о восстановлении профессионального чиновничества от 8 апреля 1933 года любой государственный служащий должен был предоставить документы, подтверждающие его арийское происхождение. Этого, конечно, никто не требовал от Гитлера. Да он бы и не смог этого сделать, так как ему не было известно имя своего деда.

Официальная родословная Гитлера выглядела следующим образом. В 1837 году незамужняя Анна Мария Шикельгрубер, проживавшая в австрийской деревне Штронес, родила мальчика, которого называли Алоизом (отец Адольфа Гитлера). Спустя пять лет она вышла замуж за мельника Иоганна Георга Гидлера, который был родным братом владельца фермы, на которой проживала Анна Мария. Предполагалось, что именно он был отцом Алоиза Шикельгрубера.

Подобная неопределенность не устраивала Гитлера, и тот поручил своему приближенному Гансу Франку расследовать подробности своего происхождения. Следы привели в штирийских городок Грац. Перед тем как родить ребенка Анна Мария Шикельгрубер работала там у семьи Франкенбергов. Вероятно, настоящим отцом ребенка был 19-летний сын Франкенбергов. Об этом говорил хотя бы один факт. В течение 14 лет это семейство выплачивало Анне Марии денежное пособие. Именно это обстоятельство помешало сразу же усыновить ребенка Иоганну Гидлеру. Именно по этой причине в течение долгого времени отец Гитлера носил фамилию Шикельгрубер. Он сменил ее в возрасте 40 лет, когда его родители уже умерли. Очевидно, родители Алоиса никогда не жили вместе и после свадьбы, и будущий отец Адольфа Гитлера рос в семье своего дяди, который, приходясь Иоганну Георгу Гидлеру братом, произносил свою фамилию на иной лад и был известен как Иоганн фон Непомук Гютлер. Принимая во внимание оголтелую с ранней молодости ненависть нацистско-

го фюрера к чехам—нации, которую он впоследствии полностью лишил независимости, следует сказать несколько слов об этом славянском имени. Непомук был национальным святым чешского народа, и некоторые историки усматривают в этом наличие чешской крови в его роду.

В 1876 году его дядюшка убедил священника округа Доллерсхайм изменить запись в церковно-приходской книге, под присягой поклявшись, что его брат приходился настоящим отцом Алоиза. С того времени это семейство стало носить несколько искаженную фамилию Гитлер, а сам Алоиз уже не считался незаконнорожденным.

Любые попытки точно выяснить, кто являлся действительным дедушкой фюрера—Франкенберг или Иоганн Гидлер—потерпели неудачу. Ситуацию усугубляло то, что Франкенберг был евреем. Гитлер был взбешен результатами произведенного расследования. Он решил навсегда закрыть этот вопрос. В мае 1938 года, спустя несколько недель после аншлюса Австрии, в Доллерсхайме был создан полигон вермахта. Место рождения отца фюрера и его пред-

ков было в буквальном смысле стерто с лица земли немецкими танками. С учетом того, какую заботливость нацисты проявляли к своему прошлому, это обстоятельство кажется далеко не случайным.

Впрочем, само семейство Адольфа Гитлера не было идеальным, как это рассказывалось его фанатичным многомиллионным поклонникам. Алоиз Шикельгрубер вначале изучал сапожное дело в деревне Шпиталь, но будучи, как и его отец, натурой беспокойной, вскоре отправился на заработки в Вену. В восемнадцать лет он вступил в пограничную полицию австрийской таможенной службы, через девять лет получил повышение и женился на Анне Гласль-Херер, приемной дочери таможенного чиновника. За невесту дали небольшое приданое, и социальный статус Алоиза повысился—обычное явление в среде австро-венгерского чиновничества низшего звена. Алоиз Гитлер занимал неплохой пост на таможне. У него был вполне хороший заработок—2600 крон в год, что придало ему авторитет в тех городках, где проходила его служба. Однако в личной

жизни он был далек от безупречного облика добропорядочного австрийского служащего.

Его первый брак с дочерью чиновника Анной Гласль-Херер оказался неудачным. Анна была на четырнадцать лет старше мужа, слаба здоровьем и не могла иметь детей. Алоиз стал, что говорится, гулять по бабам. Прожив шестнадцать лет, супруги расстались, и через три года, в 1883 году, Анна умерла.

После смерти своей первой супруги в 1883 году он вновь женился. Его второй женой стала повариха, работавшая в гостинице, – Франциска Матцельбегер, которая в 1882 году родила от него сына, тоже Алоиза. Но и этот брак не продлился долго, после рождения дочери Анжелы, сводной сестры Гитлера, Франциска умерла от туберкулеза. Вдовец ждал полгода, прежде чем женился в третий раз на совсем юной Кларе Пельцль.

Новой невесте, которая в скором времени станет матерью Адольфа Гитлера, было двадцать пять лет, ее мужу—сорок восемь, и они давно знали друг друга. Клара была родом из

Шпиталя—деревни, в которой проживали многочисленные родственники Гитлеров. Иоганн фон Непомук Гютлер, в семье которого вырос племянник Алоиз Шикельгрубер—Гитлер, приходился ей дедушкой. Таким образом, Алоиз доводился Кларе двоюродным братом, и на их брак, как мы уже знаем, потребовалось разрешение епископа.

Это был союз, о котором таможенный чиновник подумывал задолго до момента, когда Клара вошла в его первую семью, где не было детей, в качестве приемной дочери. Девочка прожила с Шикельгруберами в Браунау несколько лет. Первая жена Алоиза часто болела, и у него, по видимому, возникла мысль жениться на Кларе, как только он станет вдовцом. Отцовское признание и получение Алоизом наследства совпали с шестнадцатилетием девушки, когда она по закону уже могла выйти замуж. Но, как известно, первая жена после разрыва прожила еще несколько лет, а Алоиз тем временем связался с кухаркой, и Клара в двадцать лет, покинув родную деревню, уехала в Вену, где нанялась служанкой.

Вернулась она через четыре года, чтобы вести хозяйство в доме двоюродного брата, – Франциска, в последние месяцы жизни тоже жила отдельно от мужа. Алоиз Гитлер и Клара Пельцль поженились 7 января 1885 года, а через четыре месяца и десять дней у них родился первенец Густав. Он умер в младенчестве, как и вторая малышка Ида, родившаяся в 1886 году.

Адольф Гитлер был их третьим ребенком. Младший брат Эдмунд, родившийся в 1894 году, прожил всего шесть лет. Пятый, и последний, ребенок—дочь Паула—родилась в 1896 году и пережила своего брата. Сводный брат Адольфа Алоиз и сводная сестра Ангела—дети Франциски Матцельсбергер выросли и стали взрослыми.

Родился Гитлер 20 апреля 1889 года в Австрии, в Браунау на Инне, в деревушке в гористой части страны. Семья часто переезжала с места на место и наконец осела в Леондинге, пригороде Линца, где и обзавелась собственным домом. На надгробии родителей Гитлера высечены слова: «Алоиз Гитлер, обер-офицаль по таможенному ведомству, домовладелец. Его супруга

Клара Гитлер». Алоиз Гитлер, строгий и раздражительный человек, не был хорошим отцом, он почти никогда не заботился о своих детях и не был к ним привязан. К тому же Адольф не давал поводов для проявления родительской гордости. Сам фюрер признавался, что, несмотря на очевидные способности, ему не хватало усидчивости и настойчивости в получении знаний.

В тот год, когда отец в возрасте пятидесяти восьми лет оставил службу в таможне и вышел на пенсию, шестилетний Адольф начал ходить в школу в деревне Фишльхам неподалеку от Линца. Это произошло в 1895 году. Затем в течение четырех-пяти лет беспокойный пенсионер несколько раз переезжал из одной деревни в другую в окрестностях Линца. К тому времени, когда сыну исполнилось пятнадцать лет, семья сменила семь раз место жительства, а мальчик пять школ. Два года он посещал занятия в монастыре бенедиктинцев в Ламбахе, по соседству с которым отец приобрел ферму. Там юный Гитлер пел в хоре и, по его собственным словам, мечтал о духовном сане. В конце концов вышедший

на пенсию таможенный чиновник прочно обосновался в деревушке Леондинг, к югу от Линца, где семья занимала скромный дом с садом.

Когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, он стал посещать среднюю школу в Линце. Для отца это было связано с определенными финансовыми издержками, но свидетельствовало о его честолюбии—сын должен пойти по стопам отца и стать государственным служащим. Юноша же меньше всего стремился к этому.

«Мне едва исполнилось одиннадцать, — рассказывал впоследствии Гитлер, — когда я впервые был вынужден сказать “нет” собственному отцу... Я не хотел быть чиновником». Невеселая история непримиримой борьбы мальчика, по сути, еще ребенка, с упрямым и, как он уверяет, даже деспотичным отцом—один из немногих эпизодов биографии, подробно и откровенно описанных Гитлером в «Майн кампф».

Этот конфликт стал, по существу, первым проявлением необузданной силы воли, которая впоследствии завела Адольфа так далеко и, несмотря на казавшиеся непреодолимыми пре-

пятствия и трудности, сокрушила всех, кто стоял у него на пути, наложила неизгладимую печать на судьбы Германии и Европы.

«Я не хотел быть чиновником. Нет и еще раз нет! Все старания отца привить мне любовь и уважение к этой профессии, примеры из его собственной жизни имели совершенно противоположный эффект. Меня... тошнило от одной мысли, что придется сидеть в конторе, не располагая свободой и собственным временем, сведя цель жизни к заполнению бумажных формуляров...

В один прекрасный день я понял, что стану художником... Отец мой лишился дара речи.

– Художником?

Ему показалось, что я не в своем уме, или, может, он считал, что ослышался и неправильно меня понял. Когда же отец выяснил, о чем идет речь, и осознал всю серьезность моих намерений, он в свойственной ему категоричной манере стал возражать...

– Художником? Нет! Никогда, пока я жив!... Отец долго повторял свое «никогда». А я тем не

менее настаивал. . . »

Ссора привела к тому, что мальчик бросил школу. «Я подумал, – объяснял Гитлер, – что, как только отец убедится, насколько неблагоприятно обстоят мои дела в школе, он позволит мне осуществить свою мечту, независимо от того, по душе это ему или нет».

Профессор Эдуард Хюмер, принадлежавший, очевидно, к числу тех «полных идиотов», о которых высказывался Гитлер, поскольку преподавал французский язык, приезжал в 1923 году в Мюнхен давать свидетельские показания по делу своего бывшего ученика, обвиненного в измене за участие в «пивном путче». Разделяя взгляды Гитлера, он заявил, что от всей души желает осуществления его идей, и набросал портрет своего бывшего ученика;

«Гитлер, безусловно, был способным учеником, хотя способности его проявлялись лишь по отдельным предметам. Ему не хватало самоконтроля, поэтому, мягко говоря, его считали спорщиком, деспотичным, самонадеянным, невыдержанным, не подчиняющимся школьной дисци-

плине. Усердием он также не отличался, иначе добился бы лучших результатов, принимая во внимание его способности».

Один из учителей средней школы в Линце оказал сильное и, как выяснилось, роковое влияние на молодого Адольфа Гитлера. Это был преподаватель истории доктор Леопольд Петч— выходец с юга, где проходила граница с южными славянами. Региональные конфликты на расовой почве превратили Петча в фанатичного немецкого националиста. До приезда в Линц он преподавал в Марбурге, который позднее, когда данная область после Первой мировой войны отошла к Югославии, был переименован в Марибор.

Несмотря на то, что доктор Петч ставил своему ученику лишь «удовлетворительно», он единственный из учителей, о ком фюрер тепло отзывался в «Майн кампф». «Для всей моей последующей жизни определяющим моментом, пожалуй, явилось то, что судьба ниспослала мне такого преподавателя истории, который, как никто другой, понимал принцип... сохранения главного и отбрасывания в сторону всего несуществен-

ного... В моем учителе средней школы в Линце докторе Леопольде Петче это требование сочеталось идеальным образом. Пожилой человек, добрый и одновременно твердый, он умел не только привлекать наше внимание своим поразительным красноречием, но и вести за собой. Даже теперь я с трепетом вспоминаю этого седого человека, который своей страстной речью иногда заставлял нас забывать настоящее, который словно по мановению волшебной палочки переносил нас в прошлое и превращал сухие исторические факты вековой давности в живую реальность. Мы внимали, зачастую обуреваемые энтузиазмом, растроганные до слез... Он использовал зарождавшийся в нас национальный фанатизм как средство воспитания, нередко обращаясь к чувству нашего национального достоинства. Благодаря стараниям педагога история стала моим любимым предметом».

Когда Гитлеру было почти шестнадцать, обнаружили, что он болен легочным заболеванием, и юноша вынужден был прервать учебу, по крайней мере, на год. На какое-то время его отослали

в деревушку Шпиталь к родственникам. В доме у тетки по матери, крестьянки Терезы Шмидт, Адольф быстро поправился. После выздоровления он ненадолго вернулся в среднюю школу. В последнем отчете об успеваемости от 16 сентября 1905 года Гитлеру выставлены оценки «хорошо» по немецкому языку, химии, физике, геометрии. По географии и истории он имел «удовлетворительно», а по рисованию на свободные темы «отлично». Его настолько воодушевила перспектива навсегда распрощаться со школой, что он напился в первый и последний раз в жизни. Позднее он вспоминал, что на рассвете где-то на проселочной дороге под Штейром его подобрала молочница и помогла добраться до города. И он тогда же поклялся, что такое больше не повторится. Эту историю он рассказал, пребывая в благодушном настроении, в ночь на 9 января 1942 года в ставке верховного главнокомандующего. В данном случае Гитлер сдержал слово—он стал трезвенником, воздерживался от курения, был вегетарианцем сначала в силу обстоятельств, когда без гроша в кармане бродяжничал в Вене и Мюн-

хене, потом—по убеждению.

Детство Гитлера и его личные неудачи в учебе стали предпосылкой формирования собственных взглядов на воспитание детей и школьное обучение, в которых акцент делал не на интеллектуальную подготовку, а на физкультуру. Попытки юного Гитлера снискать себе академические лавры окончились полнейшим провалом. Ему не удалось достигнуть успехов в школе. Его ждало разочарование в Вене, где он хотел поступать в Академию искусств. Его рисунки были оценены как достаточно слабые. Тут надо внести небольшую коррективу. Действительно, Гитлер почти всегда отдавал предпочтение пейзажам и акварелям, на которых изображалась архитектура. Прожить в Вене, рисуя открытки с видами австрийской столицы, мог только человек, который неплохо обращался с кистью. Но дальше архитектурных набросков таланты Гитлера не распространялись. Заметив это, приемная комиссия в Венской Академии искусств порекомендовала молодому Гитлеру стать архитектором. Но об этом не могло быть речи—знание

математики и других обязательных для архитектора дисциплин у Адольфа было просто отвратительным.

В узком кругу друзей, помощников и секретарш Гитлер позднее не раз любил описывать свое детство, представляя себя вожаком мальчишечьих компаний и редкостным сорвиголовой. Его живые и непосредственные истории не раз вызывали аплодисменты этих «бесхитростных друзей» фюрера. Он рассказывал, что как-то очарованный одной девочкой он вызвался помочь ее матери донести сумки, на самом деле желая лишь познакомиться с юной особой. Рассказывал он о своих проказах в церкви, где строил рожицы или изображал сбривание бород и усов, как бы пародируя своего отца. Этим он привлекал к себе внимание присутствующих в церкви девчонок, заставляя их хихикать. Была и другая история, как он строил глазки юной доярке, работавшей у его тетки. Смущенная девушка была вынуждена просто-напросто сбежать от хозяйки.

Но все эти истории, скорее всего, были выдумкой. Молодой Адольф Гитлер не был ни во-

жаком, ни сорвиголовой. Он был с одной стороны слишком властным и высокомерным, а с другой—чересчур замкнутым и необщительным юношей. Его контакты с противоположным полом были редкими, если вообще не сказать случайными. Известна лишь одна подобная история, которая заслуживает доверия. Она показывает молодого Гитлера как нерешительного и самолюбленного юношу. Его внимание как-то привлекла девушка Стефания. Она была старше Гитлера. Когда тот пытался хоть как-то окончить школу, она поступила в колледж в Линце. Затем она училась два года в Женеве и Мюнхене. Ее отец был высокопоставленным чиновником. Адольфу нравилась светловолосая, хорошо сложенная девушка, и он ежедневно поджидал ее в пять часов, разодетый в пух и прах, в том месте, где эта красотка обычно прогуливалась под руку со своей матерью, и каждая ее улыбка делала его счастливым. Он никогда не говорил со Стефанией. В письмах он скрывал свое имя.

Как-то родители Стефании купили огромный новый дом в стиле ренессанс с музыкальным са-

лоном и особенно хорошей акустикой. «А где должен стоять рояль?»—спросил недоучка реальной школы своего друга, подмастерья обойщика, Кубичека, а тот—зная, как дорого стоит инструмент, — завел разговор о деньгах. «Что деньги!»—опять услышал он от человека, абсолютно уверенного в том, что эти бумажки можно получать и не имея профессии. Он планировал завлечь Стефанию своей живописью, а затем жениться на ней. Но вскоре Стефания перестала ему улыбаться, как раньше, и за ней начали ухаживать молодые лейтенанты (она была старше Гитлера и для нее он был всего лишь мальчишкой). «Пустоголовые дураки», — бросил в адрес ее ухажеров молодой Адольф. Мечтатель Гитлер решил броситься с моста в Дунай, разумеется, вместе со Стефанией. Но этого не случилось, и мировая история пошла своим путем.

Стоит ли преувеличивать значение этой влюбленности, которую пришлось в юности пережить Гитлеру? Как знать. По крайней мере, это действительно реальная история из его биографии, а не какая-то выдумка. После войны один

из первых биографов Гитлера нашел означенную Стефанию, которая была вдовой полковника вермахта. Она не могла вспомнить застенчивого поклонника, но зато рассказала о странном письме, в котором неизвестный автор сообщал, что после окончания Венской Академии искусств он вернется в Линц и обязательно женится на ней. Так что художественное фиаско Гитлера, его неудача при поступлении в Академию были не просто неприятностью, а фактическим крушением его надежд влюбленного.

Этот случай наиболее наглядно показывает склонность Гитлера обманывать себя, добровольно погружать в мир иллюзий и заблуждений. Для Стефании он даже написал любовную поэму «Гимн влюбленному». Со слов Кубичека она звучала приблизительно так:

Стефания, благородная девушка,
Одетая в гладкое платье из темно-синего бархата,
Скачет на заре по лугам на белом коне.
Ее распущенные волосы спускаются на плечи
Подобно золотому потоку.

Высокое яркое весеннее небо.

Чистое, сияющее счастье

Стефания стала для молодого Гитлера первым объектом идеализации. Кубичек говорил, что Гитлер не считал нужным разговаривать с ней, так как «для таких исключительных людей слова были лишними, и традиционные формы устного общения им не требовались. Исключительные люди должны были понимать друг друга без слов, при помощи интуиции».

Здесь мы видим, как Гитлер пытался выдавать желаемое за действительное. Но говоря об исключительных людях, он уже подразумевал себя, строя самонадеянные планы на будущее. Характер единственного письма, написанного им своей возлюбленной, показывает, что Гитлер не был готов преодолеть свою робость и застенчивость. Он предпочитал жить в выдуманной им стране, мире своих фантазий и иллюзий. Характер отношений с противоположным полом, казалось, не претерпел кардинального изменения во время пребывания Гитлера в Вене. Да и вряд ли его внешний облик мог произвести благоприят-

ное впечатление на женщину: изношенный сюртук, сальные нечесанные волосы, спускавшиеся до плеч, многодневная щетина.

В этот период жизни Гитлер в основном пребывал в ночлежках, дешевых столовых, перебивался случайными приработками. Он был переполнен ненавистью к массам и отвращением к революционному рабочему движению. Именно в венских трущобах формировалась его философия жизни, которая нашла выражение в наиболее примитивных представлениях социал-дарвинизма, который он интерпретировал как выживание наиболее сильнейших. В «венский период» жизни Гитлер оказался наиболее восприимчивым к идеям городских низов и мелких буржуа. Тогда в этих социальных слоях популярными были не только пангерманизм и антисоциалистические настроения, но и набиравший силу антисемитизм. Внезапно для себя он отыскал виновников своего бедственного положения. Это были евреи. Он ассоциировал их со всем злым, грязным и отталкивающим. Он оказался во власти новой иллюзии. Ему казалось, что нашел

ответ на все вопросы. Теперь он был готов выплеснуть свою социальную ненависть, свой гнев на конкретного врага. Антисемитизм превратился в некую расовую категорию, когда Гитлер стал знакомиться со множеством дешевых «просветительских» брошюр и журналов.

Расизм всегда содержал в себе примитивную примесь эротизма. Белокурому, голубоглазому, светозарному существу, являвшему собой высшее творение человечества, всегда противопоставлялся, отталкивающий и отвратительный антипод. Расовые теории, основанные на чувствах, всегда использовали мощь двусмысленных, а нередко и просто неприличных намеков. Интонации превратились в оружие, которое било «ниже пояса».

Едва ли есть необходимость приписывать гитлеровскому антисемитизму некий сексуально-половой оттенок. Версия о том, что его настроения стали результатом половых сношений с еврейкой, которая заразила его сифилисом, кажется более чем надуманной. Существует более простое объяснение— Гитлер, с его недостаточным

сексуальным опытом, вылил всю свою сексуальную зависть на евреев, соседей по ночлежкам, которые вели «неправильный образ жизни». В итоге он с сатанинской радостью обнаружил, что сексуально распущенные евреи, равно как и все другие расово неполноценные субъекты, только и ждут, чтобы заполучить в свои сети невинную немецкую девушку, опорочить ее. Это было не просто аморальной выходкой, Гитлер воспринимал это как преступление против расы, арийской культуры, которые вследствие инородного влияния дегенерировали и находились на грани своего крушения.

Половые отношения Гитлера с женщинами так и замерли на стадии ранней юности. Не решившись переступить порог созревания, пойти по пути становления мужчины, он предпочел скрыться от своих проблем в царстве фантазий. Он пробовал объяснить свои непростые, во многом детские, отношения с девушками высокими романтическими мотивами, но не хотел даже видеть свою беспомощность и неспособность к социальным контактам. Решение примитивное, но

очень удобное.

Его иллюзорный мир оказался разделенным на борцов и побежденных, на господ и слуг. В основу этого деления он положил расовый принцип. По самой своей природе женщины оказались исключенными из этого жестокого мира. Они не были призваны вести борьбу, единственно, что они должны были делать, так это помогать истинным борцам производить на свет новое поколение господ. Это было не просто одной из женских функций, это было провозглашено Гитлером их основной ролью. Они должны были не только подчиняться мужчине, но и осознавать свою неполноценность по сравнению с ним.

Личные проблемы Гитлера, его неудачные отношения с женщинами, породили некий противоположный полюс, на котором все эти неудачи считались вторичными и неважными. Он решил полностью посвятить себя политической борьбе, решив, что судьба предназначила ему более высокую участь, нежели обыкновенное человеческое счастье. А потому он был убежден, что не должен был распылять свои жизненные силы, и

тем более тратить свою энергию на женщин.

Но с другой стороны, ему постоянно требовалось одобрение и поддержка со стороны женщин. Речь шла не столько о массовых митингах, сколько о личном непосредственном общении. Скоро он стал даже в некоторой мере зависим от этих похвал. Он специально взывал к женским эмоциям, чтобы вызвать у своих собеседниц глубокое восхищение. Незрелость половых отношений с женщинами вылилась в желание превратить себя в харизматического, исключительного героя. Позже Гитлер не раз говаривал, что его создали женщины. Это, конечно, было преувеличением, но доля правды в этом утверждении есть.

Многие исследователи уверены, что поворотным пунктом в развитии характера Гитлера стали его отношения с племянницей Гели Раубль. После войны Патрик Гитлер, племянник фюрера, рассказывал о своей встрече с Гели Раубль в Оберзальцберге. «Гели скорее напоминал ребенка, нежели девушку. Вы точно не смогли бы называть ее симпатичной, но она обладала гигантским естественным обаянием. Обычно она ходи-

ла без шляпки и носила очень простую одежду, плиссированные юбки и белые блузы. Она не надевала никаких украшений, кроме золотой свастики, подаренной ей дядей Адольфом».

Это была живая привлекательная девушка, мечтавшая посвятить жизнь музыке. Гитлер сам был большой ценитель музыки и особенно Вагнера, который, по его словам, «заставлял ощущать его первозданное дыхание мира». Он считал своим долгом заняться музыкальным образованием девушки и вскоре обнаружил, что влюблен в нее по уши. Внимание известного дядюшки льстило бесхитростной девочке. Тот же не упускал случая, чтобы показаться с нею на публике, сводить ее в театр, кино или просто прогуляться по магазинам. Ради нее он даже нарушил свое золотое правило не вести жизнь на широкую ногу. Именно с ее появлением Гитлер стал позволять себе некие развлечения и даже стал организовывать пикники. В 1929 году он арендовал своей племяннице девятикомнатную квартиру в Мюнхене на Принц-регенте-штрассе и стал оплачивать уроки вокала. Это очень тронуло юную девушку. Тон-

кая художественная натура, она оценила дядино благородство.

Но вдруг настроение девушки стало меняться. Она выглядела подавленной и часто ссорилась на людях с дядей. Гитлер был ошеломлен и почти уничтожен морально, когда в сентябре 1931 году во время предвыборного турне, ему сообщили, что Гели застрелилась в их маленькой уютной квартире. В течение двух месяцев он был безутешен, постоянно угрожая самоубийством. Озабоченные товарищи по партии приставили к нему телохранителей, которые были начеку. Никто не сомневался в искренности переживаний Адольфа, однако и тут дальше угроз о самоубийстве дело не дошло.

Довольно долго никто не мог найти убедительного объяснения поступку девушки. Но постепенно стали вырисовываться интересные детали трагедии, разыгравшейся на Регентштрассе. Это случилось после бурной перепалки Гели с дядей. О чем они спорили, никто впоследствии так и не узнал. Девочка она была экзальтированная, и под влиянием ссоры вполне мог-

ла пойти на крайний шаг. Ссоры, не менее бурные, случались и раньше, но все они благополучно кончались сентиментальным примирением.

Мушсировались слухи, что Гитлер застал племянницу в момент интимной близости с личным шофером Эмилем Морисом: беседы за роялем наскучили ей, и она решила пофлиртовать, пока дядя делал большую политику. Но это маловероятно: те, кто навредил фюреру, и даже те, кто просто числился в потенциальных врагах, безжалостно уничтожались им. Что касается Мориса, он долго еще возил бесценного босса и пользовался его особой благосклонностью. Именно ему принадлежит одно из самых ярких свидетельств о восторженном преклонении женщин перед фюрером. «15–16 летние девушки, – вспоминает шофер, – рискуя жизнью, бросались под колеса автомобиля, чтобы удостоиться прикосновения сверхчеловека. Ежедневно он получал тысячи писем от женщин, которые хотели иметь от него ребенка».

Причину самоубийства девушки следуют искать в исключительном характере сексуальных

взаимоотношений партнеров. Английский историк Десмонд Сьюард утверждает, что отношения эти, если не брать в расчет кровосмесительного аспекта, могли быть вполне нормальными, разумеется, принимая в расчет небольшое расстройство половых функций фюрера.

Отсутствие глубоких человеческих привязанностей у Гитлера работало на него в политическом плане: он воспринимал людей лишь как фигуры, которыми можно играть. Никто не мог преодолеть ту зону, которой он отделил себя от других, люди из ближайшего окружения были удалены всего лишь на меньшую дистанцию, чем посторонние. Характерно, что самые сильные чувства он испытывал к некоторым покойным. В личных покоях его резиденции в Оберзальцберге висел портрет матери и умершего в 1936 году водителя Юлиуса Шрека, портрета отца не было, и Гели Раубаль была ему после смерти также явно ближе, чем при жизни. «В известном отношении Гитлер просто не человек, он недостижим, до него не дотянешься», — отмечала Магда Геббельс уже в начале тридцатых годов. Уже на вершине

власти, находясь в центре внимания миллионов, он сохранял в себе нечто от того бесследно исчезнувшего молодого человека венского или мюнхенского периода, обстоятельства жизни которого были неизвестны даже ближайшим родственникам. Альберт Шпеер, в ком он временами, не без сентиментальных чувств, видел воплощение своей юношеской мечты о блестящей и изящной жизни буржуа, заявил на Нюрнбергском процессе: «Если бы у Гитлера вообще были друзья, то я наверняка был бы одним из них». Но и он не преодолел барьера, отделявшего Гитлера от других, и, несмотря на столь многие дни и ночи, проведенные вместе за разработкой планов и совместными грандиозными мечтами, он никогда не был для фюрера кем-то большим, чем исполнителем, которому отдавалось предпочтение перед другими. Хотя Гитлер и называл его, воздавая необыкновенную честь, «гением», он оказывал ему доверие только в рамках деловых вопросов. Оно отсутствовало и в отношениях интимных, не было его и в связи с Евой Браун: в отличие от Гели Раубаль она была лишь его любовницей, со

всеми страхами, играми в прятки и унижениями, с которыми связано это положение. Она сама рассказывала, как она сидела три часа рядом с Гитлером во время ужина в мюнхенском отеле «Четыре времени года», а он ей не разрешал говорить с ним, только незадолго до ухода он сунул ей «конверт с деньгами».

Итак, как все же развивались отношения дяди и племянницы? После очередных выборов Гитлер вернулся в Берхтесгаден, источник своего вдохновения. Наконец он имел собственный дом в горной местности Оберзальцберг. Это был обычный деревенский дом в баварском стиле, окруженный деревьями, с валунами на крыше, чтобы в бурю ее не сдуло. Ему повезло в том, что хозяйка, вдова промышленника, была членом партии и сдала дом фюреру в аренду всего лишь за сто марок в месяц. Гитлер сразу же сообщил эту новость сводной сестре Ангеле, живущей в Вене, и попросил ее взять на себя обязанности хозяйки дома. Ангела приехала с двумя дочерьми—Фридль и Ангелой-Марией, которую домашние звали Гели. К этой живой девушке

со светло-русыми волосами окружение Гитлера относилось по-разному. Ильза Прель, жена Гесса, вспоминала впоследствии: «Не то чтобы она была очень красивой, но в ней было то самое знаменитое венское очарование». Ганфштенглю, наоборот, она не нравилась. Он считал Гели «пустоголовой бабенкой с грубыми повадками служанки, без мозгов и характера», хотя Хелен и не соглашалась с ним, называя Гели «приятной, довольно серьезной девушкой», совсем не кокетливой. А фотограф Хофман охарактеризовал ее как «прелестную молодую женщину, которая своими беззаботными и естественными манерами очаровывала всех». С другой стороны, дочь Хофмана Генриетта считала племянницу фюрера «неотесанной, вызывающей и немного сварливой». В то же время Генриетта была убеждена, что «неотразимо очаровательная» Гели была единственной настоящей любовью Гитлера: «Если Гели хотела идти купаться, для Гитлера это было более важным делом, чем самое важное совещание. Мы брали еду и ехали на озеро». Но даже Гели не могла убедить дядю окунуться. Ни один политик,

утверждал он, не может позволить сфотографировать себя в плавках.

Их разница в годах—девятнадцать лет—была примерно такой же, как и между Гитлером и Митци Райтер, бывшим объектом его увлечения. По ее собственным словам, в припадке ревности Митци пыталась покончить с собой. Она едва не удушила себя, привязав один конец веревки к двери, а другой, обмотав вокруг шеи, но муж сестры освободил девушку, когда та потеряла сознание. Кстати, это далеко не единственная попытка самоубийства, которую предприняли женщины, окружавшие Гитлера.

В этой любовной платонической связи с Гели (большинство близких к Гитлеру людей считают, что физической близости между ними не было) фюрер был ревнивым партнером. По воспоминаниям фрау Гесс, Гели однажды нарисовала костюм, который хотела бы сшить к следующему карнавалу, и показала дяде. «Уж лучше тебе пойти голой, чем в таком безобразном виде», — вознегодовал он и набросал свой эскиз. Девушка так разозлилась, что схватила свой ри-

сунок и выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Расстроенный вконец Гитлер уже через полчаса отправился ее искать.

Сам Гитлер в начале сентября переселился в просторную девятикомнатную квартиру в одном из фешенебельных районов Мюнхена. Для присмотра за квартирой он пригласил фрау Райхерт и ее мать, фрау Дахс. Сестру Ангелу Гитлер оставил в Берхтесгадене вести дом, ставший его собственностью, а Гели, которой уже исполнился 21 год, было разрешено жить в новой квартире дяди Адольфа.

Девушка училась на медицинских курсах и Мюнхене. Чувства Гитлера к племяннице за эти годы изменились. Дядя стал уже открыто, хотя и весьма осторожно ухаживать за юной родственницей. Их иногда видят вместе в театре или в ресторане. По словам Ганфштенгля, Гитлер был очарован Гели и, как влюбленный подросток, не сводил с нее преданных собачьих глаз. Она таскала дядю Адольфа по магазинам, хотя он признавался Хофману, что ненавидит это занятие.

В то же время Гитлер оставался строгим дя-

дей, не позволяя племяннице бывать с друзьями в театрах и ресторанах. Даже когда Гели убедила покровителя отпустить ее на бал, он выдвинул довольно жесткие условия: сопровождать Гели будут его помощники—Аманн и Хофман, и они же доставят ее домой в 11 часов вечера. Хофман попытался вступить за девушку, говоря, что она огорчена такой строгостью, но фюрер серьезно ответил другу: «Я люблю Гели, и мог бы на ней жениться, но хочу остаться холостяком». То, что Гели считала ограничением, по его мнению, было продиктовано здравым смыслом. «Я не хочу, чтобы она попала в руки какого-нибудь авантюриста или прохвоста», — закончил он разговор.

Некоторые современники утверждали, что Гитлер и Гели были настоящими любовниками. Отто Штрассер в своем на шумевшем разоблачении доказывал даже, что у них была половая связь в извращенной форме. Но этому мало кто верил даже среди недругов Гитлера. В это верилось с трудом, но был один неоспоримый факт, который ставил под сомнение возможность чисто

платонических отношений между Гели Раубль и Гитлером.

Дело в том, что в 1929 году Гели предоставила себя в распоряжение дяди в качестве натурщицы в студии для рисования—признак того, что в ее чувствах и настроениях произошли изменения. Какие мотивы побудили к этому 21-летнюю девушку? Девушка влюбилась в дядю Адольфа? Между дядей и племянницей существовали уже эротические любовные отношения? Портретные этюды Гитлера не имели художественных достоинств. Они были для него лишь средством выражения своей личности и ставят много вопросов. Вопросов, на которые нет ответов. Интересным также кажется, что Гитлер не стеснялся датировать и подписывать свои акварельные рисунки. Весьма щекотливое занятие для политика, готовящегося к прыжку во власть. В руках многочисленных оппонентов Гитлера рисунки голы Гели были бы желанным оружием, из-за них позднее в связи с самоубийством Гели могли бы возникнуть тяжелые последствия. Можно предположить, что по этой причине они—как и другие

подобные материалы—были помещены на хранение в сейф партии, находившийся под личным надзором абсолютно надежного казначея партии Франца Шварца. В подлинности этих рисунков, находящихся ныне в частной собственности, нет сомнений. К тому же они явственно схожи с той картиной, на которой фюрер изобразил голую Еву Браун.

Осенью 1931 года Гели увлеклась молодым художником из Вены. Разумеется, Гитлер вскоре узнал об их связи и устроил племяннице очередной скандал, вынудив ее порвать с возлюбленным. Обозленная Гели через несколько дней уехала в Берхтесгаден к матери. Гитлер потребовал немедленного ее возвращения в Мюнхен. Гели вынуждена была подчиниться. 17 сентября между ними произошла крупная ссора—девушка была возмущена тем, что дядя запрещает ей съездить в Вену, а сам уезжает в Нюрнберг на какое-то очередное совещание.

Страсти достигли своего накала за обедом, когда Гели выскочила из-за стола и заперлась в своей комнате. Но, услышав, что дядя спускает-

ся вниз встретить прибывшего за ним Хофмана, она вышла попрощаться. Гитлер подошел к ней, погладил ее по щеке и что-то тихо прошептал. Позднее Гели, вновь уходя к себе, сказала экономке: «Честное слово, у меня с дядей ничего нет и не было». «Мерседес» Гитлера мчался по улицам Мюнхена, фюрер сидел молча. Но вдруг он повернулся к Хофману и сказал: «Не знаю почему, но у меня какие-то странные предчувствия». Хофман, желая отвлечь его от мрачных мыслей, стал объяснять это влиянием сезонных альпийских ветров. Гитлер промолчал.

Тем временем в квартире Гитлера происходило следующее. Гели, роясь в карманах куртки дяди, нашла письмо, написанное на листке голубой бумаги. Позднее Анни Винтер заметила, что девушка гневно его разорвала и выбросила в мусорную корзину. Любопытная экономка сложила клочки и прочитала: «Дорогой герр Гитлер. Спасибо еще раз за чудесное приглашение в театр. Это был памятный вечер. Я очень Вам благодарна за доброту и считаю часы до нашей следующей встречи. Ваша Ева». Письмо было от Евы

Браун, с которой Гитлер несколько месяцев назад возобновил тайную связь.

Гели заперлась в комнате, приказав не беспокоить ее. Но подавленное настроение девушки не насторожило фрау Винтер, которая, как обычно, вечером ушла домой. Фрау Райхерт с матерью легли спать. Ночью они слышали какой-то глухой хлопок, но не придали этому значения: они тоже привыкли к выходкам капризной девицы. Но утром кухарка встревожилась, когда Гели не вышла из комнаты, а ее дверь оказалась запертой. Она позвонила Аманну и Шварцу, которые вызвали слесаря. Гели лежала на полу, рядом валялся пистолет. Она выстрелила себе в сердце.

В то утро Гитлер и Хофман выехали из Нюрнберга в Гамбург. Когда «Мерседес» уже был на городской окраине, Гитлер заметил, что их преследует какая-то машина. Опасаясь покушения, он уже хотел приказать шоферу увеличить скорость, но увидел, что в поравнявшемся с ними такси рядом с водителем сидит посыльный из отеля и жестами просит остановиться. Посыльный сообщил, что из Мюнхена звонит Гесс и тре-

бует немедленного разговора с фюрером. Гитлер приказал повернуть обратно. Вбежав в вестибюль, он бросился к телефону. Дверь в кабину осталась открытой, и Хофман слышал разговор. После короткой паузы Гитлер воскликнул: «О Боже, это ужасно!», а потом истерически завизжал: «Гесс, ответь мне—она еще жива, да или нет?» Но Гесс, вероятно, уже положил трубку.

«Горе Гитлера было невообразимым, – вспоминал Хофман. – На предельной скорости мы мчались в Мюнхен. В зеркало я мог наблюдать лицо фюрера. Он сидел, стиснув зубы, глядя вперед невидящими глазами». Когда они прибыли, тело Гели уже вынесли. Поскольку была суббота, то сообщения о ее смерти появились в газетах только в понедельник. А по городу поползли слухи, что фюрер сам разделался с племянницей. Убитый горем Гитлер сказал своему адвокату Франку, что эта клеветническая кампания убьет его, что он уйдет из политики и больше никогда не появится на людях. Хофман увез его в загородный дом одного из знакомых, где никто в то время не жил. Новый шофер Юлиус Шрек

спрятал пистолет фюрера, опасаясь, что тот может застрелиться.

Как только Гитлер оказался в отведенной ему комнате, он со сцепленными за спиной руками начал шагать взад-вперед. Так продолжалось всю ночь. На рассвете Хофман постучал в дверь. Ответа не было. Он вошел. Гитлер продолжал шагать, уставившись в одну точку.

От еды, несмотря на уговоры, Гитлер отказывался в течение двух суток. За это время он единственный раз подошел к телефону узнать, какие меры принял Франк для прекращения клеветнической кампании в прессе.

Наконец пришло сообщение, что Гели похоронена в Вене. Хотя Гитлеру из-за его нацистских взглядов въезд в Австрию был запрещен, вечером того же дня «Мерседес» фюрера пересек границу. Все обошлось. Не доезжая до Вены, Гитлер с Хофманом пересели в другую машину, чтобы не привлекать внимания, и поехали прямо на кладбище. На мраморной плите были высечены слова: «Здесь покоится наше любимое дитя Гели. Она была для нас лучом солнца. Родилась

4 июня 1908 года, умерла 18 сентября 1931 года. Семья Раубаль».

На кладбище Гитлера встретил лидер австрийских нацистов Альфред Фрауэнфельд. У него приезжие позавтракали. И здесь Гитлер впервые заговорил, но не о случившейся трагедии, а о будущем Германии. В словах о том, что он придет к власти не позднее чем в 1933 году, звучала жесткая уверенность. Сев в машину, он долго и пристально всматривался вдаль и, наконец, словно думая вслух, произнес: «Итак, борьба начинается, и мы победим». Через несколько дней фюрер отправился в обычную поездку на очередное совещание. За завтраком в гостинице он неожиданно отказался есть ветчину. «Это то же самое, что есть труп!»—сказал он Герингу. Теперь уже ничто в мире не заставит его снова есть мясо. По словам фрау Гесс, отныне Гитлер действительно перестал употреблять мясо, если не считать запеченной в тесте печенки.

Как мы видим, Гитлер опять потерпел личную неудачу, может быть, в его единственном серьезном увлечении женщиной. Ему не удалось

добиться расположения девушки, которая ему была крайне не безразлична. Реакция на смерть Гели была настолько исключительной, что вряд ли можно сомневаться в его искренности, даже принимая во внимание его любовь к позерству и перевоплощению.

После самоубийства Гели Раубаль Гитлеру не везло во взаимоотношениях с женщинами. Ему хотелось окружать себя красавицами, но он опасался чересчур привязаться к одной из них. «Умному человеку следовало бы иметь примитивную и глупую женщину, — говорил Гитлер. — Вообразите, если бы у меня была женщина, которая вмешивалась бы в мою работу». Его пугала сама мысль о женщине, участвующей в политике. Многие годы министр пропаганды Геббельс безуспешно пытался завоевать расположение фюрера, знакомя его с поразительно красивыми блондинками с истинно нордическими чертами. Вместо этого Гитлер обратил внимание на Еву Браун—нетребовательную помощницу фотографа, ведущего летопись буржуазного мира и нацизма.

Несомненно, она была главной женщиной в жизни Гитлера. Родилась Ева в Мюнхене в семье школьного учителя. В юности была ассистенткой Генриха Гофмана, личного фотографа Гитлера, который их и представил друг другу. Высокая, стройная, с правильными чертами лица, скорее симпатичная, чем красивая, она с удовольствием занималась спортом, увлекалась плаванием, гимнастикой, лыжами и скалолазанием. Она необычайно любила танцы, которыми занималась профессионально. Сдержанная, даже застенчивая, она мало интересовалась политикой, предпочитая уделять больше внимания спорту, чтению романов и просмотру кинофильмов.

Однажды в фотоателье, где работала Ева, вошел Гитлер. Она, стоя на лестнице, доставала нужные папки. Будущий фюрер Третьего рейха успел разглядеть стройные ножки девушки. Девушка торопливо спустилась вниз, и Гофман их познакомил. В конце 1930 года Гитлер и Ева Браун стали ездить в оперу и на концерты.

Ева была очень внимательной слушательницей и могла часами внимать разглагольствовани-

ям Гитлера, очень любившего поговорить. Ева к тому времени для себя уже решила, что Гитлер—это и есть тот единственный мужчина, которого она будет любить всю жизнь. Странно, конечно, что красивая восемнадцатилетняя девушка могла полюбить мужчину на двадцать три года старше себя, физически непривлекательного, плохо одетого, над которым в то время часто издевались немецкие газеты. Единственной целью в жизни стало для нее—быть полезной любимому фюреру. Гитлер обладал абсолютным влиянием на нее.

Следующие два года Гитлер и Ева встречались редко. После смерти Гели у Евы не осталось соперниц, и в 1932 году, то есть через три года после знакомства, она стала любовницей Гитлера. Но, несмотря на это, их встречи оставались редкими. Девушка умная и наблюдательная, Ева видела, какое сильное впечатление произвела на Адольфа смерть его племянницы, и она решила сделать то же. Устав от бесконечного ожидания их редких встреч, она послала прощальное письмо Гитлеру, взяла отцовский пистолет и вы-

стрелила себе в грудь. Неизвестно, умышленно или нет, но девушка промахнулась. В последний момент ее рука дрогнула, и пуля вместо сердца попала в шею. Ее сестра нашла Еву в луже крови. Перепугавшийся Гитлер примчался к постели раненой Евы с огромным букетом цветов. Когда доктор удивился тому, что такая красавица пыталась покончить с жизнью, фюрер воскликнул: «Она сделала это из-за любви ко мне!»

После попытки самоубийства отношения между Евой и Адольфом перешли в качественно новую стадию. Став в январе 1933 года канцлером Германии, Гитлер часто посылал за Евой правительственный лимузин, на котором она приезжала к нему в Берхтесгаден или на его мюнхенскую квартиру. Однако к достижению своей заветной цели—стать фрау Гитлер—Ева так и не приблизилась. Ева неизменно держалась в тени, поставленная в такое положение фюрером. Прислуге было запрещено разговаривать с ней без крайней необходимости. Хотя Ева Браун и входила в ближайшее окружение Гитлера, но ее отсылали в ее апартаменты всякий раз,

когда появлялись важные гости. Очень немногие в Германии знали о ее существовании.

Ее участием было печально ожидать возвращения своего хозяина. При этом страдания Евы были столь велики, что ее неоднократные попытки покончить с собой вполне понятны... Но Гитлер объяснил ей, что должен оставаться холостяком. Немецкий народ должен знать, что он отдает служению ему все свое время и силы. Единственное, на что отважился пойти фюрер, — это снять маленький домик для Евы и ее сестры.

Приезд в Берлин в 1935 году Юнити Митфорд, дочери пронацистски настроенного английского лорда Редесдейла, поверг Еву в панику. Ева Браун очень мучилась от ревности к другим дамам, в особенности, к аристократке Юнити. Об отчаянии девушки в этот период жизни говорят строчки ее дневника: «6 февраля 1935. Я достигла возраста 23, но счастлива ли я, это совсем другой вопрос. Именно сейчас я совсем не счастлива. И я слишком много делаю выводов из этого “случая”. Если бы только у меня был щенок, тогда бы я не была так одинока. Но, без сомнений,

я прошу слишком многого. 11 февраля 1935. Он только что был. Но никаких щенков или одежды. Он даже не побеспокоился спросить меня, чего бы я хотела на день рождения. Я сама вынуждена была покупать свои безделушки. 1 цепочка, серьги и кольцо за 50 марок. 4 марта 1935. Я опять отчаянно несчастлива, и поскольку я не могу написать ему, я плачусь в свою записную книжку. 11 марта 1935. Я хочу лишь одного: так заболеть, чтобы быть не в состоянии, по крайней мере, неделю заботиться о нем. Почему со мной ничего не случается? Лучше бы я никогда не встречалась с ним. Я в отчаянии. 29 апреля 1935. Мне плохо. Очень плохо. Во всех отношениях. Я продолжаю петь “скоро все станет лучше”, но это не помогает. В настоящий момент любовь не является частью его программы. 19 мая 1935. Как мило и бестактно сообщила мне фрау Гофман, что у него теперь есть для меня замена. Ее зовут Валькирия (Юнити Валькирия Митфорд. – Авт.), и она так выглядит, включая ее ноги. Ему нравятся женщины таких размеров, но он так о ней заботится, что она станет худой, как вешал-

ка. 28 мая 1935. Я решила принять 35 таблеток, на этот раз я хочу, чтобы была “верная смерть”.

После того, как Гитлер, занятый государственными делами, не приезжал к Еве целых три месяца, она в полном отчаянии вновь прибегла к уже испытанному средству—самоубийству. Она приняла огромную дозу снотворного. Но и на этот раз ее вновь спасла сестра. И Гитлер снова примчался к ней с цветами и снова каялся в том, что она пыталась покончить с жизнью из-за него и его невнимания. Но ни о какой женитьбе на Еве не было и полунамека. Правда, вскоре Гитлер уволил свою сводную сестру, мать Гели, всегда недолюбливавшую Еву, с поста экономки своей резиденции и пригласил на ее место свою любовницу Еву Браун. С тех пор Ева проводила там большую часть времени. Вела она себя очень скромно. Всякий раз, когда к фюреру приезжали гости, Ева уходила к себе, и о ее существовании знали только люди, самые близкие к Гитлеру.

Вскоре, все в том же 1935 году, Еве был куплен собственный дом—сбылась ее давняя мечта. Впрочем, документы на этот дом на собственное

имя Ева Браун получила лишь в 1938 году. Ева стала обустроить свой домик по вкусам и на деньги рейхсканцлера. Главным украшением дома, несмотря на обилие музейных редкостей, считался портрет Гитлера. С этой картины сделали открытку, расходившуюся миллионными тиражами. Так дом Евы Браун стал первым личным пристанищем ее мужчины, Адольфа Гитлера. Жизнь вроде бы наладилась. К Еве приходят друзья и знакомые. Она посещает выставки, ходит в театр и кино, просто гуляет где и когда ей хочется.

Ева тайно сопровождает Гитлера в его поездках, даже зарубежных—в Италию. Но конспирация их любовных отношений продолжается. Иногда, как будто во избежание разговоров, с Евой ездит ее мать. Ева стала официально личным секретарем Адольфа Гитлера, но делами, понятное дело, обременена не была. Она гуляет, снимает собственные любительские фильмы и потом показывает их своему любимому. Все же в официальной обстановке Гитлер с Евой вежлив и холоден, а наедине не стесняется высказывать свои мысли по поводу невозможности для него бра-

ка с нею. Ева обижается, плачет. . . Вместе с тем мечтает о том, что их любовь будет когда-нибудь возвеличена и воспета: со временем о них снимут художественный фильм и она, может быть, даже будет играть в нем. Гитлер по-своему заботится о Еве: в частности, он закрывает двери своего дома перед дамами, позволявшими себе нелестные выпады в адрес его возлюбленной. Сама она защитить себя была не в состоянии. Она лишь ждала. . . ждала того момента, когда никто не позволит себе обижать ее. И этот момент должен наступить тогда, когда Адольф Гитлер возьмет ее в законные жены. В то же время, беспокоясь о собственной жизни, вернее возможности своей смерти, Гитлер в 1938 году (перед вступлением в Австрию) пишет завещание, в котором самым близким человеком ставит именно Еву. В ряду наследников она—первая. Только потом идет его родная сестра Паула, сводная сестра и другие родственники.

Адольф Гитлер и Ева Браун регулярно встречались, а затем стали жить вместе в Оберзальцберге. При этом их обоих постоянно окружал уз-

кий круг приближенных. Но даже перед ними по инициативе фюрера они держали между собой неестественную даже на взгляд современников, ненужную дистанцию. Она же стеснялась, понимая свое двусмысленное положение и годами хранила в себе горечь вместе с надеждой. Свою надежду Ева подпитывает тем, «что правильно все делает»: все устроено так, как любит Адольф, она вежливо и учтиво ведет себя с его гостями, выглядит обаятельной светской дамой, умело пользуется косметикой и радуется любому интимному свиданию со своим другом.

Собственный быт Ева устраивает с некоей педантичной избирательностью. Она собирает все журналы о кино и делает годовые подшивки. Она помешана на собственном гардеробе. О каждом платье, пальто или сумочке был составлен акт: где была вещь куплена, за какую цену, тут же прилагался эскиз модели, а также замечания по поводу того, с чем и как надо это носить. И все это составляла она сама, собственноручно. Сложно сказать, зачем была ей нужна эта кропотливая, больше никому не нужная работа. Воз-

можно, этот реестр вещей, подаренных ей Гитлером, заменял ей официальное признание ее—верной спутницы великого человека—в обществе. Как будто это были многочисленные подтверждения и свидетельства их фактического, каким бы он ни был, брака. Вспомним, как еще в 1935 году она ждет, что Адольф будет дарить ей одежду, и пишет в дневнике: «но никаких щенков, никакой одежды». Вряд ли вопрос стоял о том, что ей было нечего надеть на себя холодным февральским вечером. Теперь она получила ворох одежд, переполнивших гардеробы. И старалась со всей тщательностью подтвердить их существование на бумаге. А собачек Гитлер ей тоже в конце концов подарил, двух шотландских терьеров.

Что могло привлекать Еву Браун в Гитлере? Возможно, как и многие девушки, в своей жизни она втайне ожидала одного—Супруга. Мужчину, который возьмет в жены и сделает жизнь женщины осмысленной. Силу, движущую такими женщинами, называют «архетипом Геры»—супруги Зевса. Супруга Зевса приютила как-то раз на груди бедного дрожащего кукушонка, который обра-

тился тут же могучим Зевсом и попытался овладеть Герой. Однако она не отдавалась ему до тех пор, пока он не пообещал на ней жениться. (Слово бога—в конце концов, закон, и Зевс взял Геру в супруги.) И довольно часто обычная женщина с качествами и потребностями Геры выходит замуж, подспудно желая получить сочетание—в одном лице—бедного маленького существа, желающего тепла (которое она дает) и большого могущественного мужчины. «Многие очень успешные в мире мужчины часто обладают, как это было с Зевсом, взывающей, эмоционально незрелой мальчиковой частью, которая может тронуть женщину—Геру, когда сочетается с властью, что кажется ей таким привлекательным. У него может не быть близких друзей, он может быть не причастным к личным горестям окружающих, и может не развивать свою способность к эмпатии».

Поместье «Бергхоф», где обитал Гитлер с Евой, было и официальной резиденцией фюрера. Однако во время визитов важных гостей Ева находилась под «домашним арестом». Не все визи-

ты требовали разговоров о важных делах, некоторые были вполне светскими, особенно когда гости мужского пола приезжали со своими женами. Однако Гитлер запрещал Еве показываться перед гостями. Безусловно, это ее унижало и оскорбляло. Ее самым большим увлечением после фюрера стала фотография. Имея отличные и дорогие фотоаппараты, а также кинокамеру, она добилась значительных успехов. Именно Ева Браун сделала первый в Германии цветной фильм, посвященный будням в Оберзальцберге; часто фотографировала фюрера. Некоторые ее работы были выкуплены ее прежним начальником Гофманом и растрепаны в виде открыток.

В начале 1939 года Гитлер и Ева перебираются в Берлин, в бывшие апартаменты Гинденбурга. Однако и тут Ева была обязана пользоваться отдельным входом в дом и избегать встреч с посторонними людьми. Таким образом, как верно было подмечено современниками, Гитлер считал Еву приемлемой в обществе лишь с оговорками. И Ева почти целиком ушла в свое хобби—

фотографию. Ее работы—единственные свидетельства о днях Гитлера, предшествующих началу войны.

Война немного пугает Еву. Но больше всего она боится за своего суженого. «Если с ним что-то случится, — говорит она, — я умру». Тревога и волнения постепенно сближают Еву и Адольфа Гитлера. Они уже не скрывают свои отношения так, как раньше. Иногда он даже выказывает на людях ей кое-какие знаки симпатии. Теперь у Евы нет женщин-соперниц, только сама война. Но последняя ее интересует меньше, чем сам Гитлер. Они удаляются вновь в «Бергхоф». Но война пошла не так, как рассчитывал великий фюрер. «Отец нации» удаляется в Восточную Пруссию, в штаб-квартиру «Волчье логово».

20 июля 1944 года производится попытка устранения Гитлера от власти. Гитлер и Ева обмениваются письмами. Ева пишет: «Я вне себя. Я умираю от страха, я близка к безумию. Здесь прекрасная погода, все кажется таким мирным, что мне стыдно. . . Ты знаешь, я тебе говорила, что если с тобой что-то случится, я умру. С на-

шей первой встречи я поклялась себе повсюду следовать за тобою, также и в смерти. Ты знаешь, что я живу для твоей любви».

Безусловно, Ева Браун была способна связывать себя обязательствами, быть лояльной и преданной, вынести все и пройти вместе с партнером сквозь трудности. Но эти обязательства она взяла на себя, по ее словам, с их первой встречи. Как будто она уже мысленно вышла за Гитлера замуж. Стоит ли говорить, что эти моральные обязательства до их официального бракосочетания были односторонни?

В октябре 1944 года Ева составляет завещание, педантично разделив свое имущество, включая драгоценности, дом, шубы, ковры и эпистолярное наследство между сестрами, родителями и подругами. 9 февраля 1945 года Ева уехала из «Бергхофа» в Берлин к Гитлеру. Как Брунгильда, которая, не дождавшись брака с Зигфридом, воссоединилась с ним только на ложе смерти, Ева едет соединиться с Адольфом в смерти, как настоящая жена какого-нибудь эпического германца.

В Берлине, в бункере рейхсканцелярии, на 16-метровой глубине Ева Браун и Адольф Гитлер провели последние месяцы своей жизни. Ева добровольно стала Персефой, разделившей с Аидом подземное царство и в конце концов царство смерти. Окружающие свидетельствуют, что Ева «необычайно стойко» переносила ситуацию. Но дело было в другом. Это был ее «звездный час» — наконец-то она была действительно нужна, необходима Гитлеру. И он понял это, осознал, насколько нуждается в ней. «Я счастлива, что могу быть так близко к нему», — говорит она. Она ни на минуту не оставляет Гитлера, не выходит даже на прогулки, отказывается покинуть бункер и отправляет письмо в «Бергхоф», отпуская весь персонал. Она уже мысленно похоронила себя в этом кургане.

28 апреля, около полуночи, Ева Браун стала женой Адольфа Гитлера. Свидетелями были Борман и Геббельс. Выпили вина, завели патефон, и Ева принимала поздравления. В четыре утра молодожены удалились, чтобы провести первую брачную ночь. Что там происходило и о

чем говорилось, останется такой же эпической тайной, как и то, что сказал Один на ухо своему мертвому сыну Бальдру. А утром Гитлер диктует свое завещание. В нем же он объявляет о своей женитьбе: «... решил... перед окончанием своего земного пути взять в жены эту девушку, которая после долгих лет верной дружбы по собственной воле возвратилась в этот почти осажденный город, чтобы разделить свою судьбу с моей. Она идет по своему желанию, как моя супруга, со мною на смерть...» Заметим, что Адольф Гитлер взял Еву Браун в законные супруги только тогда, когда точно знал, что в ближайшем будущем его ждет смерть. Важным было то, что она делит с ним его смерть—он берет ее с собой, как брали имущество, любимых коней и женщин арийские предки. Однако он благодарен ей за жертву и осуществление мифа—верной жене, идущей на смертное ложе вместе с супругом.

Нацистская пропаганда упорно утверждала, что «у фюрера нет частной жизни, и днем, и ночью он посвящает себя немецкому народу». Но

как оказалось, это были не просто пустые напыщенные слова. Гитлер, действительно, получал большее удовольствие от политики, нежели от общения с женщинами. Складывалось впечатление, что он специально сторонился тех, кто был ему небезразличен. Не потому ли застрелилась Гели Раубль? Не потому ли пытались покончить с собой Ева Брун, Митци Райтер и Юнити Митфорд?

Глава 2. Служанка бога

На Нюрнбергском съезде Национал-социалистической женской организации 1934 года Гитлер сказал одну очень примечательную фразу: «Если каждая сторона будет выполнять задачи, предписанные ей природой, то какие-то конфликты между полами будут просто невозможны». Судьба предопределила, что женщина должна сохранять гармонию в обществе. Ее мир Гитлер распределил между мужем, детьми и ведением домашнего хозяйства. Это было неким разделением труда, в котором мужчины и женщины дополняли друг друга. Мир мужчин включал в себя политику, принятие принципиальных решений и готовность к конкретным действиям. Женщины всегда уважали смелых, решительных и отважных мужчин, равно как и в мужчине ни-

когда не затухало восхищение перед особами, которые демонстрировали свою женственность и силу своего духа.

Но на женщину оказались наложены очень жесткие ограничения. Они недвусмысленно загоняли ее к домашнему очагу. Но фюрер знал, что требовалось миллионам его последовательниц. Он никогда не забывал в публичных выступлениях восхищаться выдающейся ролью женщин, поддержавших его в «период борьбы». По его словам, они плечом к плечу боролись с приведенными в боевую готовность мужчинами. Они сохраняли уверенность, когда пессимистические всезнайки оказывались во власти панических настроений. Они не унывали, когда положение было действительно невыносимым. Сила восприятия мира, присущая женщинам, инстинктивно подсказывала им верный путь, указывая на истинную природу вещей. Не случайно Гитлер сосредоточил свое внимание на власти инстинктов. Он полагал, что людей, опиравшихся только на логические доводы, очень легко ввести в заблуждение. Но сама природа подсказывала женщине

доверять своим инстинктам, которые требовали только одного—национального самосохранения. Гитлер подытоживал свою речь: «В те дни женщина показала нам, что уверенно идет к своей цели!».

Экстаз и восхищение, которые охватывали женщин во время выступлений фюрера, были результатом тщательно продуманной тактики. Но на самом деле блестящее оформление речей Гитлера только скрывало пустоту его заявлений. Никто не думал возмущаться, что женщина считалась менее интеллектуальным созданием, чем мужчина. Национал-социализм вообще не считал интеллект качеством, которое должно стоять на первом месте. Идеологи партии часто не могли даже ясно обосновать те общественные факторы, которые должны были сформировать характер и облик женщины. Вместо четкого объяснения, они как бы конкурировали между собой, пытаясь изобрести новую формулу женской сущности. Официальный идеолог нацизма, Альфред Розенберг, попытался первым вывести подобную формулу. Как всегда, предаваясь псев-

дофилософским рассуждениям, он отмечал, что подход мужчины к жизни был созидательным, а женщины—лирично-созерцательным. Женщинам давали недвусмысленно понять, что им не стоило вмешиваться в мужские дела. Любые негативные последствия от подобных идеологических установок нивелировались высокопарными заявлениями о том, что они, женщины, давали жизнь новым поколениям, что они порождали будущее. Прописная истина. Эта идеологическая установка не просто озвучивалась на многочисленных митингах и собраниях, но претворялась в жизнь в практических мероприятиях.

В

1934

году члены Национал-социалистического союза учителей («лерер-бунда») проводили специальное совещание, на котором обсуждали пути развития умственных способностей школьников. Августа Ребер-Грубер, курировавшая воспитание девочек, рассказывала сельским учительницам, как надлежало решать эту задачу: «Женское восприятие мира отличается по своему подходу от мужского, которое исключает внутреннюю при-

частность и пытается сохранить некую холодную объективность. Вследствие естественного порядка вещей, женщина склонна проявлять большее почтение к жизни во всех ее проявлениях, внутреннюю причастность к происходящему, чувствовать истинную сущность вещей, благодаря своей всепоглощающей преданности».

Красивые слова о почтении к жизни, всепоглощающей преданности всего лишь завуалировали то, что нацистский режим ждал от женщины, — повиновения и покорности мужчине.

Одна из женщин-ветеранов нацистской партии, Лидия Гошевски, только радостно приветствовала эту необходимость подчинения. Новое женское движение, по ее словам, подразумевало не только энтузиазм, но и одно право—право служить народному сообществу, занимая в нем место, отведенное женщине самой природой. Гертруда Шольц-Клинк, лидер женской нацистской организации, сформулировала эту мысль более изящно. Выступая на конференции в 1934 году, она показательно скромно выразила официальную партийную линию в женском вопро-

се: «Немецкая женщина должна заниматься тем, что она умеет делать и делает это с удовольствием. Она должна думать политически. Но подразумеваемая под политикой не столкновение с другими нациями, но служение собственной. В данном случае политика для женщины—это думать, чувствовать и жертвовать собой ради нации».

Как видим, женский характер было очень сложно определить в полном объеме в специфической нацистской терминологии. Задачи, отведенные женщине в обществе, были такими же скудными, как и те слова, которые описывали ее характер. Ее, конечно, включали в борьбу за народное сообщество. Но в данном случае речь шла не столько о ее правах, сколько о ее обязанностях, которые она должна была выполнять во имя сохранения нации. Функция женщины в нацистском государстве была очень простой. Оставалось только облечь ее в красивые и напыщенные формулировки. Во время своего выступления на партийном съезде в 1939 году Гитлер обрисовал задачи женщины следующими словами: «Подобно мужчине, приносящим себе в жертву

в национальной борьбе, женщина во имя сохранения нации должна жертвовать собой в личной жизни. Подобно мужчине, проявляющему исключительную храбрость на поле битвы, женщина должна обнаруживать терпеливую преданность, а когда потребуется, то и сносить страдания. Каждый ребенок, которого она приносит в наш мир, — это сражение, которое она ведет ради сохранения нашего народа».

В то время псевдovoенный жаргон был очень модным. Это мы можем заметить хотя бы по реплике Гитлера. Гертруда Шольц-Клинк, известная как «главная мать» Третьего рейха, героически провозгласила в 1937 году: «Хотя наше оружие всего лишь деревянная ложка, но ее воздействие должно быть не меньше, чем от других вооружений!» Или другой пример, тогдашний бестселлер писательницы Куни Трелел-Эггерт, известной больше в качестве спортивной журналистки. Она описывала эмоции женщины в наивных и нередко абсурдных словах, показывая, как у женщины вырастали крылья, когда она спешила домой к своим детям, благодаря которым

она наследовала вечность. Национал-социализм провозгласил полем битвы само тело женщины. Его общественная значимость зависела только от того, могла она рожать детей или нет. Ее вес в обществе был продиктован лишь тем, как часто она рожала. Старший советник в имперском министерстве внутренних дел, Паула Зибер, ликовала по этому поводу: «Национал-социализм вновь обнаружил Немецкую женщину, которая связана в родной землей, где рождены ее дети. Судьбой этой самоотверженной матери нации является неустанная борьба за выживание». Фрау Зибер объявляла, что женщина давала душу и будущее нации посредством своих плодородных органов. Подобные заявления нередко встречались и в официальных партийных документах. Вальтер Дарре, имперский руководитель крестьян в Третьем рейхе, автор тезиса «кровь и почва», говорил нечто подобное. В одном из своих расистских пассажей он указывал, что в формировании государства большую роль играют не только мышление и характер людей, его формирующих, но и женские репродуктивные органы.

Альфред Розенберг в своем «Мифе XX века» объявил, что бездетная женщина не могла быть полноправным членом общества. «Если ввиду множества сознательно бездетных браков при избытке женщин здоровые незамужние женщины произведут на свет детей, то это явится приростом сил для германского сообщества. Мы идем навстречу величайшим боям за саму субстанцию. Но если этот факт будет установлен и из него будут сделаны выводы, то тогда появятся все пресытившиеся в сексуальном плане моралисты и президенты различных женских организаций, которые для негров и готтентотов вяжут напульсники, усердно жертвуют деньги на “миссию” зулу-кафферов и решительно выступают против “безнравственности”. Если человек заявляет, что сохранение субстанции, которой грозит смертельная опасность, является самым важным, перед чем все остальное должно отступить на задний план, — это требует культивирования здоровой немецкой крови».

На основании этого постулата он даже вывел новую юридическую формулу: если муж без-

детной жены был уличен в измене, то он не мог быть обвинен в прелюбодеянии. Ребенок появившийся от этой внебрачной связи, не должен был, в свою очередь, считаться незаконнорожденным, а его отец должен был обеспечивать его воспитание. Гитлер использовал этот принцип при написании программной части «Майн кампф», что позже было взято на вооружение Национал-социалистической женской организацией: «Гражданство в Третьем рейхе будет принадлежать каждой женщине, которая направит свою жизненную энергию на служение Родине в качестве матери и жены». Неудивительно, что брак в нацистском понимании, прежде всего, подразумевал рождение детей. В свете подобных идеологических установок в нацистском искусстве культивировался особый образ матери, некоей «нацистской мадонны». Это было своеобразной данью женщине, которую устранили из всех жизненно важных областей общественной жизни.

«Черный корпус», официальный печатный орган СС, как-то продемонстрировал, насколько нацисты довели это показное «заискивание» пе-

ред женщиной до совершенства. В первые годы существования Третьего рейха Вильгельм Штапель, на протяжении многих десятилетий считавшийся идеалом фёлькише-консервативного деятеля, начал в своем периодическом издании «Дойче фолькстум» («Немецкий народ») форменную войну против «неоязыческого нудизма». В частности, он подверг нападкам «Сельский календарь» за 1935 год, где было напечатано несколько изображений обнаженных людей. Среди этих иллюстраций был рисунок Вольфганга Вилльриха, который назвался «Мать и дитя». На нем изображалась молодая крепкая женщина, нежно смотревшая на младенца, которого она вскармливала своей грудью. «Черный корпус» тут же ухватился за критику Штапеля. Это был долгожданный повод, чтобы осадить заносчивого деятеля. В эсэсовском журнале тут же прозвучала ответная критика, которая безжалостно обрушивалась на мнимый пуританизм, который провозглашал упадничество и пытался разрушить все то, что на самом деле являлось прекрасным и благородным. «Только больной из-

вращенец мог увидеть в изображении немецкой матери что-то неприличное», — подытоживал свои обвинения эсэсовский журнал. Этой критикой эсэсовцы хотели достигнуть одновременно двух целей. Во-первых, продемонстрировать «ущербность семитских художников», которые, в отличие от Вилльриха, воспевающего «величие молодого материнства», никогда не изображали человеческое тело в его естестве. Во-вторых, попытаться избавить немецкий народ от иноземного влияния. В данном случае речь шла о католической церкви, которая «испокон веков пыталась сломить гордость немецкой женщины». Католичество всегда трактовало женщину не просто как слугу мужчины, но как грешницу и соблазнительницу, вводящую его во искушение, как некое нечистое существо, воплощение греховности. Нацисты пытались, что называется, сыграть на контрасте, представив немецкую женщину исключительно как благородное создание. «Женщина в predetermined ее естеством роли не просто прекрасна—она священна. И каждый мужчина должен к ней питать почтение. Она вершина

арийской расы, чистая по своей природе. Она — не слуга немецкого мужчины, но его товарищ и друг по жизни. Наш фюрер вновь возвел женщину на пьедестал, отвел ей подобающее место в жизни нации».

Здесь мы видим несколько модифицированные слова Гитлера о том, что женщина всегда была помощником мужчины, его истинным другом, в то время как мужчина был ее защитником. Но это был просто набор красивых фраз. На самом деле женщина в нацистском обществе была именно служанкой, а не равноправным товарищем.

Нацисты всегда рассматривали политику как занятие, которым не должны были заниматься женщины. Гитлер всегда решительно выступал против идеи присутствия в парламенте женщин, которые, согласно идеям его противников, могли «облагородить» немецкий парламент. Его основной аргумент сводился к одной фразе: «Я им не доверяю».

«Облагораживать», то, что было отвратительным по своей сущности, было уделом муж-

чин. Участие женщин в работе рейхстага, по мнению Гитлера, нарушит их жизнедеятельность. В данном случае мы видим, что фюрер упирал не на излюбленную тему «ожидовления парламентской системы», а подсознательно обращался к сфере половых отношений. Женщины плохи не сами по себе, а потому что их присутствие в рейхстаге будет противоречить их природным функциям. В итоге борьба против Веймарской республики и ее демократического устройства у Гитлера была совмещена с последовательным отказом от равноправия полов.

Само словосочетание «эмансипация женщин» Гитлер считал порождением еврейского мышления. Он нередко брюзгливо заявлял, что в «старые добрые времена в Германии не было никакой потребности в эмансипации женщин». В национал-социалистическом понимании «старые добрые времена» были доиндустриальной эпохой, когда, в соответствии с мифом о «почве и крови», женщина была хранительницей домашнего очага, воспитывала детей, в то время как ее супруг обрабатывал землю. Гитлер рисо-

вал в массовом сознании пасторальные картинки из далекого прошлого. Это был ловкий шаг, так как большинство немцев были воспитаны именно на таких образах, помещенных, как правило, на страницах школьных учебников. Фраза о «мечах и оралах» приобретала в нацистском обществе совершенно другое идеологическое звучание. Женщины оказались очень восприимчивыми к этим установкам. Казалось, они только и ждали, чтобы героические идеалы были воплощены в жизнь. Нацистская пропагандистка Гуида Диль тоже кое-что позаимствовала из этого исторического багажа, когда заявляла: «Женщина—это борец. Но свое сражение она ведет при помощи материнской любви». Действительно, было очень удобно, чтобы женщина «сражалась» таким образом за свою семью и нацию—в данном случае не могло быть и речи о каком-то равенстве полов. Сам же Гитлер подчеркивал, что равенство женщины с мужчиной состоит в ее уважении мужчиной за освоение тех областей жизни, которые предназначены ей природой.

Так что высшее благородство для нацистов

состояло в уважении к женщине как «матери сыновей и дочерей немецкой нации». Гитлер любил утверждать, что «когда либерализм взялся за женщину, то посеял в ней отчаяние, а ее облик стал мрачным и печальным». Гуида Диль как-то фыркнула в адрес феминисток, которых считала беспочвенным движением: «Нас, женщин, обманули, лишив права на уважение, женское благородство, материнское достоинство. Мы стали свидетелями редкостного бесстыдства, проявления национальной дегенерации, которая выливалась в полнейший культурный большевизм и безбожную пропаганду». Теперь, согласно Диль, на улицах вновь появились сияющие и смеющиеся лица. «Это произошло, потому что будущее нации и достоинство женщины надежно защищено национал-социализмом».

Само собой разумеется, не все женщины разделяли такой оптимизм. Множество инакомыслящих сплотилось вокруг известной феминистки Софии Рогге-Борнер, которая еще в 1933 году направила меморандум «Адольфу Гитлеру от немецких женщин». Но не стоит полагать,

что там заявлялись политические требования. В целом этот документ соответствовал национал-социалистической риторике. В нем лишь предлагалось включить одаренных женщин в решение государственных дел, чем они могли принести пользу Германии. Подписавшиеся под меморандумом женщины хотя и опирались в определенной мере на фелькише— расистскую идеологию, но выступали против одностороннего мужского доминирования. Это был достаточно смелый поступок. Желая подстраховаться, они заявляли, что вовсе не являются сторонниками либерального феминизма, но хотели указать на возможную ошибку. «Мы не боремся за права женщин, мы просто хотим более естественно использовать человеческие ресурсы».

Одна из идеологов этой группы быстро рассеяла сомнения, что подразумевалось под этими требованиями. Ленор Киин, ловко используя нацистскую риторiku, подчеркнула, что национал-социалистическая революция рискует скатиться до уровня демократического эгалитаризма. «Естественный аристократизм может быть раз-

рушен двухклассовой моделью общества, состоящего из мужчин и женщин». И тут делался ошеломляющий вывод—«Классовое общество мертво!». Не этот ли лозунг навязывали массам Гитлер и Геббельс?

Но последствия официальной политики были слишком очевидны, чтобы прислушиваться к голосам этих женщин. Введение квот для женщин и девушек в университетах ограничивалось 10 %. Но тут нацисты не совершили какой-то революции, они всего лишь закрепили уже давно сложившуюся ситуацию. Новый закон о государственной службе содержал ряд пунктов, которые фактически исключали женщин из правительственных учреждений, оставляя для них должности технического персонала. На рынке труда проводились мероприятия, которые должны были создать вакансии для миллионов безработных мужчин, в том числе за счет существенного сокращения женской занятости. Женщины должны были уступить свои рабочие места в обмен на брачные ссуды, детские пособия и другие социальные льготы. Статус женщины падал не только

в городе, но и на селе. Так, например, новый закон о наследовании земельных участков ставил дочь умершего крестьянина всего лишь на четвертое место после его сына, отца и брата. Именно здесь становилась очевидной разница между действительностью и пропагандистскими лозунгами нацистов. Нацисты рисовали романтико-героические будни крестьянства, будоража сердца городской молодежи. Но на селе все было по-иному. У молодых крестьян нередко возникали проблемы с женитьбой. Например, в одном, далеко не маленьком швабском селе в период с 1932 по 1939 год было сыграно всего лишь восемь свадеб. Несмотря на все идеологические запреты, молодежь стремилась покинуть село. Крестьянские дочери предпочитали выходить замуж за протестантских пасторов, учителей, рабочих, за кого угодно, только не за крестьян. Их родители во многом разделяли такие настроения. Один крестьянин как-то печально заявил своей жене: «Я лучше бы отослал своих дочерей, чем позволил выдать замуж за крестьянина. Вся жизнь моя была каторжным трудом, так, может быть,

они добьются чего-нибудь большего». На селе женщинам не грозила безработица, там они, действительно, играли далеко не последнюю роль в жизни крестьянского сообщества. Но жизнь их была настолько сложна, что никакие агитационные воззвания, никакая пропагандистская лесть не могла улучшить положения, когда они фактически лишились всех прав.

В принципе не было никаких различий между фактическим запретом на наследование земли крестьянками, ограничением доступа в университеты девушкам и сокращением постов, которые могли занимать женщины в органах власти. Все эти ограничения были порождением одного и того же основополагающего отношения нацистов к женщине.

В январе 1936 года Гитлер давал интервью французской журналистке Татьяне Маданик. В то время молодую женщину обуревало личное и профессиональное любопытство: на чем строилась феноменальная власть этого человека? «Фюрер прибыл, поприветствовав меня протянутой рукой. Я была поражена синим цветом

его глаз. На всех фотографиях они выглядели как карие. Но я предпочитаю действительность. Когда он заговорил, его лицо наполнилось интеллектом и энергией. Оно словно вспыхнуло. В этот момент я осознала, какой колоссальной властью обладает Гитлер над массами». Реакция француженки еще раз показывает, что Гитлер мог снискать расположение противоположного пола, когда ему это было нужно. В тот момент молодая журналистка почти забыла, что хотела спросить фюрера о роли женщины в новой Германии. Опомнившись, она все-таки задала каверзный вопрос: «Правда ли, что единственная роль немецких женщин заключается в рождении детей?» Гитлер засмеялся. «Я предоставляю женщинам те же самые права, что и мужчинам. Но я не думаю, что они идентичны. Женщина—товарищ мужчины по жизни. Она не должна быть обременена задачами, для которых создан мужчина. Я не собираюсь создавать женские батальоны. На мой взгляд, женщины лучше подходят для социальной работы».

Гитлер вновь «завел свою старую песню». Но

на этот раз он несколько сместил привычные акценты. Он решил не сосредотачиваться на естественных различиях между мужчиной и женщиной, сконцентрировавшись на проблеме женской занятости в Третьем рейхе. В качестве примера равноправия мужчин и женщин Гитлер привел пример актрисы и режиссера Лени Рифеншталь, которой в том году предстояло снять фильм про Олимпийские игры 1936 года, проходившие в Берлине. Этот образец равных прав Гитлер, видимо, специально приберег для критически настроенных иностранцев. Но, говоря о женской занятости, Гитлер не кривил душой. После первых лет кампании по «освобождению» женщин стало ясно, что немецкой промышленности было не обойтись без женского труда.

Обратимся к сухой статистике. По началу после прихода к власти нацистов доля женщин, занятых в экономике, стала уменьшаться. В 1933 году она составляла 29,3 %, в 1936 году—24,7 %. Но в этот период занятость женщин в торговле и социальной работе значительно выросла в этот период. В 1933 году в этой сфере работа-

ло 4,52 миллион человек, в 1936 году—5,2 миллиона, в а 1938 году здесь женщин работало в полтора раза больше, чем в первые дни Третьего рейха. В итоге в 1936 году по всей Германии насчитывалось 11,7 миллиона работающих женщин. После аншлюса Австрии и присоединения Судетской области их число выросло еще на один миллион. Таким образом, женская занятость возросла еще до начала Второй мировой войны. В 1933 году она составляла в целом по Германии 35 %, а накануне мировой войны—37 %. Как видим, нацистские лозунги и идеи во многом не соответствовали действительности. Национал-социалисты не смогли обойтись без женского труда.

В условиях, когда нацистское правительство не смогло вернуть женщин обратно к домашнему очагу и детям, ему неотложно требовалась создать новые условия труда, чтобы хоть так продемонстрировать заботу о женщинах. В 1936 году женское бюро «Немецкого трудового фронта» издало предписание, называвшееся «О труде и досуге работающих немецких женщин». Этим до-

кументом «Немецкий трудовой фронт» во главе с Р.Леем фактически санкционировал труд более 11 миллионов немецких женщин.

Внимание же общественности было приковано к другому закону, который запрещал женщинам некоторые виды работ. В частности, женщинам ради их собственной безопасности запрещалось работать в шахтах, заниматься лесозаготовками и строительством, работать в ночную смену. Директива, выпущенная 30 ноября 1940 года, дополняла этот список профессий. Женщины не должны были работать машинистами локомотивов, водителями автобусов и грузовиков, чья грузоподъемность превышала 1,5 тонны. Впрочем, в годы войны для любого правила были исключения. В конце войны женщинам было разрешено водить трамваи и пассажирские автобусы.

«Немецкий трудовой фронт» решил улучшить условия труда женщин. В основном все нововведения касались внешней стороны труда. В соответствии с программой, получившей название «Красота труда», старые обшарпанные корпуса фабричных цехов выкрашивались в жизне-

утверждающие цвета, на подоконниках ставились горшки с цветами, создавались комнаты отдыха, где можно было провести время в обеденный перерыв, длившийся полтора часа.

Фюрер не раз обещал женщинам равные права с мужчинами. «Немецкий трудовой фронт» использовал это обещание, превратив его в пропагандистские лозунги. Лей любил похвастаться, что женщины, выполняя более легкую работу, получали ту же самую зарплату, что и мужчины. Он лукавил. Женская зарплата хотя и выросла по сравнению с оплатой женского труда в Веймарской республике, но все равно оставалась примерно на 30 % меньше, чем у мужчин. В итоге квалифицированная работница получала меньше, чем мужчина, не имевший никакой квалификации.

Учитывая маниакальное стремление «народного сообщества» увеличить рождаемость, женщине в основном отводили только эту роль. Но в данной ситуации это имело и некоторые положительные стороны. Например, значительно увеличилась социальная забота о матерях и женщинах,

которым предстояло родить в ближайшем времени. Беременные женщины отправлялись в отпуск за полтора месяца до родов, чтобы подготовиться к появлению на свет ребенка. Впрочем, это правило не распространялось на крестьянок. Они просто переводились на более легкие работы. После рождения ребенка кормящие матери не могли наниматься на работу, которая предполагала занятость более чем 8 часов в день. Кроме этого им каждый день в течение шести месяцев предоставлялся дополнительный часовой перерыв, для того, чтобы они могли добраться до дома и покормить младенца.

Подобные социальные нововведения были положены в основу современной системы защиты материнства. Учитывая этот факт, нельзя все-таки забывать, что в Третьем рейхе они служили исключительно политическим целям. Нацисты делали все возможное, чтобы женщина все-таки занималась исключительно домашним хозяйством. В целом они проводили очень противоречивую политику. Но беременные женщины были привязаны к работе чисто экономически-

ми факторами. Они трудились вовсе не ради абстрактного общественного блага или собственно-го развлечения. Даже шестинедельный «отпуск» перед родами оплачивался только на 75 %. Если они предпочитали оставаться на работе, то получали не просто 100-процентную зарплату, но и пособие по болезни, которое составляло почти 50 % от заработной платы. Это был мощный стимул для того, чтобы не покидать своих рабочих мест.

Окончательно сомнения были развеяны после учреждения «Имперской трудовой повинности». «Имперская трудовая повинность» (РАД) для девушек была важной составной частью женской политики гитлеровского режима. В ней наиболее полно выразилось внедрение идеологических догм в практику, затрудненное в других случаях различными сдерживающими факторами прагматического характера. Именно в трудовых лагерях должен был происходить отказ от якобы навязанного немецкому народу «омужичивания» женщины и ее возвращение к «данным природой» обязанностям.

Принуждение всякого рода, в том числе принуждение к производительному труду, является сущностной характеристикой всех тоталитарных режимов XX столетия. Крайними формами такого принуждения могут считаться архипелаг ГУЛАГ в Советском Союзе и концентрационные лагеря в гитлеровской Германии. Но наряду с ними в Третьем рейхе существовали и другие, более мягкие формы, предназначенные для лояльных граждан и сочетавшие использование рабочей силы с другими задачами, причем эти другие задачи подчас выходили на первый план. В этой связи анализ истории «имперской трудовой повинности» также представляется весьма важным.

Нацистская историография возводила теоретические истоки женской «трудовой повинности» к периоду Великой Французской революции. Национал-социалисты заимствовали из теоретического багажа своих предшественников многие существенные элементы и воплотили их в жизнь в женской РАД: трудовая повинность для девушек должна быть не добровольной, а обя-

зательной; девушки должны заниматься преимущественно работой по дому, сельскохозяйственным трудом, уходом за детьми и больными; трудовая повинность препятствует работе женщин в промышленности; труд девушек используется в интересах обороны; трудовые лагеря создаются не ради самих женщин, а для блага государства. Следовательно, идея трудовой повинности, как и многие другие идеи, воплощенные в жизнь в «коричневой империи», восходила к рубежу веков и была одним из вариантов реакции на глубокие изменения в политике, экономике, обществе.

Еще 5 июня 1931 года правительство Г.Брюнинга в целях борьбы с безработицей создало организацию «Добровольная трудовая повинность» (ФАД). Однако женские трудовые лагеря оказались гораздо менее популярными, чем мужские. Девушкам предлагали такие непривлекательные виды работ, как стирка, уход за одеждой и поварская служба в мужских лагерях, возделывание земли для огородных участков, помощь поселенцам, работа в мастерских «зимней помощи». Кроме того, молодых жен-

щин отпугивали тяжелые бытовые условия. Поэтому число участниц ФАД было крайне незначительным. Так, из 5633 мероприятий, на которые были ассигнованы средства летом 1932 года, только 247 (4,4 %) были предназначены для женщин. Сначала девушки отбывали трудовую повинность в течение 20 недель, а с июля 1932 года—40 недель. Женские трудовые лагеря располагались в черте города или вблизи городов и все были «открытыми», то есть обитательницы находились в лагерях только во время рабочего дня. В качестве организаторов и руководителей женских трудовых лагерей—представителей службы—выступали различные общественные организации, большей частью антиреспубликанские и антидемократические.

Национал-социалисты встретили появление женских трудовых лагерей враждебно. До прихода к власти они мало думали о том, какое место должна будет занимать женщина при новом режиме. Немецкие исследователи отмечают отсутствие у НСДАП какой-либо четко очерченной, непротиворечивой женской идеологии.

«Здесь национал-социализм был более сумбурным, более провинциальным и более мещанским, чем в какой-либо другой области», – пишет американский исследователь Д.Шенбаум. «Уполномоченный фюрера НСДАП по трудовой повинности» полковник К.Гирль в мае 1932 года высказался за «временный отказ» от организации нацистских женских трудовых лагерей, поскольку «трудовая повинность» должна была служить «не только подготовке к будущим семейным обязанностям, но и воспитанию чувства ответственности в отношении немецкого народа».

После установления гитлеровской диктатуры интерес руководства НСДАП к женской «Трудовой повинности» оставался незначительным. Только к концу октября 1933 года все трудовые лагеря были унифицированы, причем вследствие возникшей организационной неразберихи число обитательниц лагерей сократилось с 10 111 в августе 1933 года до 7347 в январе 1934 года. Наконец, 1 января 1934 года была учреждена «Немецкая женская трудовая повинность» (ДФАД). Она была организационно

отделена от мужской «Трудовой повинности» и в вопросах финансирования подчинена Государственной службе посредничества (ГСП). Территории тринадцати «земельных учреждений» ДФАД совпадали с округами тринадцати земельных бирж труда. Руководство ДФАД было поручено Г.Шольц-Клинк, обязанной взлетом своей карьеры протекции «заместителя фюрера» Р.Гесса. «Имперский трудовой фюрер» (с мая 1933 года) Гирль мог влиять только на мировоззренческое обучение обитательниц лагерей.

Лагеря «Трудовой повинности» должны были предоставлять возможности для обучения домашнему и сельскому хозяйству, садоводству, уходу за домашними животными. Каждый лагерь специализировался в одной из этих областей, уделяя ей преимущественное внимание. Допускалось существование трех типов лагерей. Лагеря домашнего хозяйства и вспомогательной социальной работы учреждались вблизи города и охватывали в среднем 50 участниц. Их главной задачей было обучение городских девушек всем областям домашнего хозяйства путем работы в

благотворительных организациях. Сельские трудовые лагеря охватывали примерно 30 участниц и имели целью обучение сельскохозяйственному труду путем работы в специальных «образцовых» крестьянских хозяйствах и на собственных земельных участках. Эти лагеря должны были существовать главным образом за счет самообеспечения продуктами питания. Лагеря для помощи поселениям имели по 10–20 обитательниц и предназначались для оказания помощи новым крестьянским дворам.

В ДФАД могли вступать девушки 17–25 лет «арийского происхождения», которые потеряли рабочие места или в течение двух лет после окончания школы не нашли работу. Работающие девушки принимались в ДФАД, только если предприятие докажет, что может обойтись без них в течение срока службы или нанять на их место другую рабочую силу. Окончательное решение об участии в «Трудовой повинности» той или иной претендентки принимал президент земельной биржи труда. Продолжительность службы составляла 26 недель, но могла быть сокра-

щена и до 13 недель. Пребывание в ДФАД городских девушек распадалось на 2 периода по 13 недель. В течение первого периода их подготавливали к ведению домашнего хозяйства, затем переводили в другой лагерь и обучали сельскохозяйственному труду. Рабочее время составляло по меньшей мере 6 часов ежедневно, заменять производительный труд теоретическим обучением или воспитательными мероприятиями запрещалось.

Таким образом, «Директивы» представляли собой временный компромисс между воззрениями «идеологов» и «прагматиков» в руководстве нацистской Германии на задачи женской «Трудовой повинности». В то время как первые видели в этой организации прежде всего воспитательное, идеологическое учреждение, вторые стремились превратить ДФАД в инструмент регулирования социальных и экономических процессов.

Фриц Заукель, в свое время издал приказ, что беременные девушки освобождались от трудовой повинности. Многие из них использовали это как прекрасный повод, чтобы избежать этого

бесплатного, почти каторжного труда. Появилось даже целое поколение немцев, которых именовали не иначе как «дети Заукеля».

В январе 1939 года сотрудница Национал-социалистического женского союза Буреш-Риббе опубликовала в официальном печатном органе НСДАП «Фёлькише беобахтер» статью, посвященную женскому труду. В ней говорилось: «В силу ряда обстоятельств наша промышленность откатывается назад. Выход может быть найден только в женской занятости. Уже очевидны признаки того, что целые отрасли, еще недавно являвшиеся уделом мужчин, могут быть заняты женщинами. В настоящий момент очень трудно предсказать, насколько будет велик спрос на женский труд в последующие десятилетия». Эта достаточно трезвая оценка. Ее можно охарактеризовать как констатацию тщетности идеологических намерений нацистов. Роль женщины в тогдашних экономических условиях нельзя было принижать. «Половая революция» нацистов, широко поддержанная крупными землевладельцами и представителями средних слоев, закон-

чилась крахом. Высокопарное прославление крестьянского труда и деревенской женщины не было в состоянии положить конец бегству населения с села и неуклонной урбанизации Германии. Нацисты оставили нетронутым право женщин на участие в голосовании. Зачем? Все равно ликующие толпы голосовали так, как надо. Исход выборов был всегда известен заранее. Не соблюдалась и квота на обучение девушек в университетах. Нацистская пропаганда могла разве что повлиять на выбор будущих профессий, хотя и здесь было не все гладко. Доля девушек, изучавших политические и юридические науки, сократилась с 10,2 % (1932 год) до 8,3 % (1939 год). Женщины не могли стать судьями и поверенными. Они могли занимать только мелкие юридические должности в некоторых государственных конторах и министерствах. Как ни странно, но сократилось число девушек, поступавших на медицинские факультеты. При этом количество женщин-докторов значительно выросло. Небольшое снижение мы могли увидеть на факультетах искусства. Но вместе с тем очень быстро росло

число девушек, обучавшихся на фармацевтических факультетах (в 1939 году их доля составила 38,5 %). На физкультурных и журналистских факультетах их доля оставила соответственно— 52,2 % и 27,9 %. Девушки, уступив идеологическому давлению нацистов, предпочитали идти туда, где открывался путь к легкой и быстрой карьере.

Вопреки громким заявлениям нацистских пропагандистов женская занятость очень быстро расширялась. Впрочем, почти нигде они не занимали руководящих постов. Теперь к социальной и политической эксплуатации женщин добавилась еще и экономическая.

Годы войны показали тщетность нацистов сформировать новую, истинно германскую женственность. В мае 1941 года Гитлер издал декрет, согласно которому миллионы женщин должны были заменить мужчин, ушедших на фронт. Человек, который еще недавно утверждал, что не собирался создавать никаких женских батальонов, направил женщин на самый тяжелый ручной труд по производству боеприпасов.

Еще в 1931 году нацистский журналист Фриц фон Унрух писал: «Для того, чтобы женщина стала тем, для чего предназначена природой— немецкой матерью, — требуется минимум интеллекта и максимум физических данных».

В государственной концепции Гитлера женское воспитание имело только одну установку— вырастить будущую мать. Очень ловко он свел программу женского национал-социалистического движения только к рождению ребенка. Институт брака имел только одну официальную функцию— репродуктивную. Любые взаимоотношения полов рассматривались лишь с биологической точки зрения. В идеале они сводились к максимально раннему спариванию наиболее активных мужчин со здоровыми девушками, что должно было стать гарантом сохранения и процветания арийской расы.

В подобной биологической программе можно выделить два аспекта: количество и качество. Расовые качества потомства были настолько значимы, что сугубо идеологические требова-

ния отступали на второе место. Любая биологическая схема размножения автоматически предполагает наличие селекции: обора наиболее ценных детей. Целью подобного селекционного процесса должно было стать появление истинной арийской расы, являющейся идеальным воплощением немецкого человека. Элитарные поборники мистических идей вроде Гиммлера и Вальтера Дарре видели в появлении нового человека биологическую завершенность германского вида. Но для селекции лучших «образцов» требовался и обратный процесс—«выбраковка неполноценных». Чтобы облегчить воплощение в жизнь этой установки, общество нуждалось в некоем расовом противовесе—образе воплощенного зла, которое должно было сцементировать немецкое общество, обеспечить ему выход зоологической агрессии и позволить чувствовать себя высшим порождением человечества. С тактической точки зрения селекция идеального человека была не столь простой, как могло показаться на первый взгляд. Во-первых, она противоречила установке тоталитарного строя о единстве народного сооб-

щества. Впрочем, единство сообщества интересовало Гитлера постольку-поскольку. В первую очередь его волновала собственная неограниченная власть. Для дальнейшего укрепления собственного могущества ему требовалась человеческая масса, готовая повиноваться и служить ему. Но в таком случае общая демографическая политика имела приоритет над селекцией идеального германского типа. Гитлер прекрасно понимал это. Может быть, именно поэтому в 1935 году на празднике урожая на горе Бюкенберг он произнес свою знаменитую фразу о том, что благодарит сотни тысяч женщин за особую урожай, особый подарок, который они принесли ему, – сотни тысяч младенцев. В 1936 году на съезде партии он вновь повторил эту мысль: «Рождение ребенка является личным подарком фюреру». Режим взял прочный курс на повышение рождаемости и способствовал этому не только при помощи почетных наград, идеологической обработки, но подключая финансовые стимулы.

Уже в июне 1933 года новое нацистское правительство стало выдавать молодоженам осо-

бые кредиты. Это была беспроцентная ссуда в 1000 марок. Довольно приличная сумма—платяной шкаф из ореха стоил в 1933 году 30 марок, свинина—50 пфеннигов за полкило, ореховый спальный гарнитур—300 марок, дом на семью—6800 марок, четырехдверный автомобиль «Ситроен»—3550 марок, а промышленный рабочий получал около 120 марок в месяц. Одним из условий получения подобной ссуды была необходимость ухода невесты с постоянного места работы. Фактически кредиты предоставлялись только домохозяйкам. Но это было не только средство для борьбы с безработицей, так как многие девушки освобождали рабочие места. Это было эффективным средством для осуществления демографической политики. После рождения ребенка из этого кредита вычиталось 250 марок. То есть после рождения четырех детей молодая семья вообще могла ничего не возвращать государству. Эти цифры показательны, так как они еще раз подтверждают, что нацистское руководство считало оптимальным наличие четырех детей в каждой семье. Неудивительно,

что нацистам очень быстро удалось ликвидировать безработицу в стране и исправить демографическую ситуацию. В 1933–1937 годах 700 тысяч пар (25 % от вступивших в брак) получили брачное пособие. Среди тех, кому было отказано, преобладали душевно или физически нездоровые пары. С 3 ноября 1937 года ссуда в 1000 марок предоставлялась молодоженам в форме купонов, по которым различные фирмы выдавали мебель и домашнюю утварь. К 1938 году правительство предоставило более одного миллиона супружеских ссуд на общую сумму 650 миллионов марок. Эта форма вспомоществования оказалась настолько популярной, что в определенный момент возникли финансовые трудности. К 1939 году ссуды стали составлять 500 марок. Но при этом правительство доплачивало матери единовременное пособие с 125 марок за рождение каждого ребенка. Финансировалась эта программа за счет специального налога на холостых; замужним женщинам, проработавшим в социальной организации под названием «женская служба», долг целиком списывался.

Увеличение рождаемости осуществлялось и при помощи других мер экономической заинтересованности. Государственные брачные ссуды были поддержаны выплатами частных компаний. Так, табачная компания Реемстма премировала своих работниц 600 марками, если они увольнялись после вступления в брак. На предприятиях юноши и мужчины, вступившие в брак, стали получать более высокую заработную плату, нежели их холостые коллеги. При этом не учитывались ни квалификация, ни стаж работника. Герман Геринг, считавшийся главным лесничим рейха, обеспечивал молодым лесникам, вступившим в брак, специальные стипендии. Казалось, многие ведомства просто пытались перещеголять друг друга в деле способствования рождаемости. «Черный корпус» как-то опубликовал показательную заметку, в которой говорилось о бургомистре вестфальского городка Ваттеншайд, который установил специальное вознаграждение для молодых семей, где рождались дети. Дополнительно к уже имевшимся кредитам таким семьям доплачивались суммы в несколько

сотен марок. Сумма вознаграждения зависела от того, какой по счету ребенок родился в семье. В итоге после рождения пятого или шестого ребенка семейство могло приобрести либо собственный дом, либо новую благоустроенную четырехкомнатную квартиру. Ссуды сыграли весьма значительную роль в увеличении числа браков и в подъеме рождаемости (см. таблицу ниже).

Год	Число браков	Год	Число новорожденных
1931	609 068	1932	1 170 753
1932	597 941	1933	1 137 389
1933	718 467	1934	1 359 878
1934	817 629	1935	1 419 892
1935	730 065	1936	1 432 567
1936	690 070	1937	1 427 820
1937	702 303	1938	1 508 417

Размеры государственной помощи матерям также были весьма впечатляющими: только в 1935 году этой помощью было охвачено около 600 тысяч беременных женщин. Не все пары были готовы погасить долг рождением детей: в 31 % браков в 1933–1938 годах не было детей,

в 27 %—только один ребенок. Дело дошло до того, что в 1938 году был введен «штрафной налог» на пары, не имевшие детей более 5 лет после свадьбы. В этой связи росло число судебных преследований из-за аборт: в 1934–1939 годах—с 4539 до 6983; врачу, сделавшему аборт, давали 15 лет тюрьмы или лагерей. Истерия по поводу падающей рождаемости привела в 1943 году к двум смертным приговорам женщинам, сделавшим аборт. Столь же реакционной в отношении аборт была государственная политика и в других европейских странах: во Франции аборты были запрещены, за них предусматривалось уголовное наказание. В 1920 году большевики формально легализовали аборт, но впоследствии вернулись на консервативные позиции. Впрочем, аборт по расовым причинам при нацистах был обязательным; матерям-алкоголичкам запрещалось рожать, впоследствии их стали принудительно стерилизовать; в 1938 году было объявлено, что еврейки могут беспрепятственно делать аборты.

Режим стимулировал рождаемость не только

среди молодоженов: с июля 1936 года выплачивалось по 10 марок за пятого и каждого последующего ребенка в семьях, где доход был меньше 185 марок в месяц; впрочем, это касалось 2/3 семей рабочих и служащих. В 1938 году давали уже 20 марок с третьего ребенка. В 1936 году «детские деньги» получало 300 тысяч семей, а в 1938 году—2,8 миллиона семей. С 1934 года налоговые скидки на каждого ребенка школьного возраста увеличились в два раза. С сентября 1935 года дополнительно к ежемесячным детским деньгам нуждающиеся семьи стали единовременно получать по 100 марок на ребенка, если в семье было более 5 детей. В марте 1938 года 550 тысяч семей получили эту добавку, в среднем по 330 марок на семью. Интересно отметить, что современная ФРГ сохранила традицию выплаты «детских денег», а в такой богатой стране, как США, такого обычая нет и не было.

Даже матерей-одиночек—явление, которое нацисты считали следствием «марксистской» половой распущенности, — режим также поддерживал: они получали добавку к зарплате, но кре-

дита им не давали. Дотация была распространена и на женщин, имевших приемных детей. В 1937 году женщинам разрешили именоваться «фрау» независимо от их семейного положения. Два года спустя внебрачное материнство перестало рассматриваться как повод для увольнения с государственной службы.

Очевидно, что прежняя сдержанная позиция государства по отношению к матерям-одиночкам была основана на соображениях морального свойства, на стремлении показать, что государство не одобряет поведения этих женщин. Ради повышения рождаемости закон от 1938 года устанавливал новые правила развода: теперь супружеская измена являлась достаточным основанием для развода, а § 55 устанавливал, что если супруги не «жили вместе—три года, то брак мог быть расторгнут». Ясно, что этот закон был ориентирован на повышение рождаемости. Поначалу разводов стало больше, чем обычно, но потом положение выровнялось, так как распадалось, в основном, давние браки.

В 1933 году началось всеобщее фотокопи-

рование немецких церковных регистрационных книг для выяснения чистоты расы всех немцев. Эту задачу выполняло специально созданное в МВД бюро—оно называлось «Имперская инстанция для изучения кровнородственных отношений», а 12 ноября 1940 года эта организация была переименована в «Ведомство кровнородственных отношений», ее руководителем стал доктор Курт Майер. Задачей ведомства была проверка арийского происхождения в случаях, когда требовалась компетентная проверка эксперта; экспертиза считалась окончательным доказательством арийского происхождения. Ведомство было государственным учреждением и никогда не входило в партийные структуры, хотя Гиммлер и пытался отобрать у него некоторые функции. После появления 18 октября 1935 года закона «О наследственном здоровье немецкого народа», который вводил «свидетельство годности к браку», стали заводиться книги почета немецких многодетных семей, а многодетным матерям выдавали почетную грамоту за обеспечение будущего немецкого народа. Многодетным семьям выдава-

лось удостоверение, для них предусматривались некоторые льготы на общественном транспорте и преимущества при получении других видов льгот. В 1938 году был учрежден орден—«Крест матери»—в бронзе, серебре и золоте. Надпись на обратной стороне немецкого «Креста матери» гласила: «Ребенок облагораживает мать». Орден был основан 12 августа, в день рождения матери Гитлера: по замыслу министерства пропаганды, женщины должны были занять в народе такое же почетное место, как и фронтовые солдаты. Устанавливалось три степени почетного звания—3-я степень за 4 детей, 2-я степень (серебряный знак) — за 6 детей, 1-я степень (золотой знак) — за 8 детей. Награду вручали ежегодно в «День матери»; крест носили на ленте. Женщинам, удостоенным награды, выдавали удостоверение с надписью: «Самое прекрасное слово в мире—мать». Предъявление этого удостоверения обеспечивало сидячее место в общественном транспорте, почет и уважение; молодежь обязана была приветствовать носительниц креста гитлеровским приветствием. Посколь-

ку число матерей-героинь оказалось больше ожидаемого (только в 1939 году, например, выдали 5,5 миллиона крестов), в последующие годы награждали только матерей старше 60 лет. Основанная в 1920 году как общественная организация, «Лига многодетных семей» получила в Третьем рейхе официальное признание и была передана в ведение расово-политического ведомства партии.

На местах имели место разнообразные инициативы: так, в Дармштадте для популяризации больших семей местное нацистское руководство объявило о намерении выдать карточки для бесплатного посещения театров 1500 матерям, у которых 3 и более детей. В других городах многодетным семьям снизили налоги и предоставили льготы по уплате за электричество.

Такими способами нацисты хотели вернуться к широко распространенной (не только в Германии) практике больших семей конца XIX века. В этой связи решение жилищной проблемы многодетных семей было официально провозглашено в качестве приоритетных направлений соци-

альной политики. Один из нацистских функционеров писал: «Нужно убрать пугало маленьких жилищ... 47 % всего построенного в 1935 году жилья выпадает на маленькие жилища до двух комнат... Первый ребенок еще может найти там пространство, но уже второй создает трудности, а при наличии третьего и четвертого ребенка это жилище становится инкубатором болезней тела и души. Маленькая квартира является основной причиной маленькой семьи».

Многодетные семьи превозносились в прессе, в кино, в литературе и в изобразительном искусстве. Успех этой кампании продемонстрировал, сколь глубоко пропаганда смогла внедриться в интимную семейную сферу. Рождаемость выросла с 1,47 % в 1933 году до 2,04 % в 1939 году, что вкупе с увеличением числа браков превозносилось пропагандой как доказательство доверия к новому рейху. Семья и детство были хорошим предлогом требовать от немецкого народа жертв ради того, чтобы дети могли прекрасно жить в «тысячелетнем рейхе». Заботой о матери и ребенке нацисты стремились не только спо-

способствовать повышению рождаемости, но и внушить женщинам чувство самоуважения, что, в свою очередь, поднимало престиж режима в глазах женщин.

4 ноября 1939 года в формальном брачном праве последовало крупное изменение: было введено заочное обручение, теперь невеста могла стать женой в отсутствие жениха-солдата, а за несколько дней до нападения на Польшу вышло распоряжение об ускоренном браке, оно касалось солдат вермахта. Ускоренным этот брак назывался из-за того, что при его заключении не нужно было предоставлять полный документ, подтверждающий арийское происхождение брачующихся, но только имеющиеся документы. Жениху и невесте достаточно было устно подтвердить свое арийское происхождение. Этим, казалось, незначительным изменением было несколько ослаблено действие антисемитских «законов о защите крови». Следствием этого закона стало увеличение числа женитьб: за первые три месяца войны было отмечено на 55,3 % больше браков, чем за тот же период 1938 года.

В стремлении увеличить рождаемость нацисты часто доходили до абсурда: 8 ноября 1940 года Гитлер выпустил тайное (поначалу) распоряжение о заключении браков с павшими на фронте женихами, если до их смерти были доказанные намерения жениться. В народе это распоряжение остряки моментально окрестили «венчанием с мертвецом»; другое распоряжение Гитлера давало возможность развода погибшего солдата с «недостойной его женой». В ведомственном информационном бюллетене СД «Вести из рейха» сообщалось, что к «бракам с мертвецом» прибегали по разным причинам довольно часто. Следует вспомнить, что в конце концов Гитлер и сам прибег к «браку мертвецов», сначала женившись на Еве Браун, а затем совместно с ней покончив с жизнью.

В стремлении реформировать брачные отношения нацистское руководство на этом не успокоилось: одновременно с «браком с мертвецом» нацисты хотели ввести и многоженство, до Первой мировой войны планировавшееся сторонниками евгеники, а затем и нацистскими расовыми

теоретиками. Однако только к 1944 году предложения о полигамии приняли конкретные формы. Вальтер Гросс (многолетний руководитель расово-политического ведомства партии), Борман (он уже практиковал так называемый «вынужденный брак» с Маней Беренс) были сторонниками многоженства. Гросс подчеркивал, что введение многоженства не будет препятствовать параллельному существованию нормального брака, но станет расширением возможностей для воспроизводства нации. Планам этим, однако, не было суждено осуществиться. Стремление к признанию многоженства отмечалась именно у тех нацистов, которые склонялись к радикальному неприятию христианской морали, несоединимой, на их взгляд, с новоязыческой нацистской этикой.

Гиммлер собирался детально планировать многоженство: когда 28 октября 1939 года был создан «Лебенсборн», он, чтобы подчеркнуть предпочтительное положение первой жены, придумал термин «доми́на». Гиммлер считал, что вторую жену как высшую награду может полу-

чить герой войны, кавалер Золотого или Рыцарского креста. Позднее он решил награждать таким образом кавалеров Железного креста 1-й степени и обладателей золотой или серебряной пряжки за рукопашный бой.

Портрет в интерьере. Последний человек эпохи Возрождения—Герман Геринг

В последнее время отечественные журналисты уделяют самое пристальное внимание личной жизни наци № 2, шефа люфтваффе Германа Геринга. Связано это прежде всего с легендой о «самой печальной и скандальной германо-русской любовной истории». Некоторые исследователи утверждают, что у молодого Германа Геринга была любовная связь с русской девушкой Надеждой Горячевой, жившей в Липецке.

В основных чертах эта легенда выглядит так. Бывшая соседка Надежды будто бы сделала единственный снимок этой пары: к Надежде,

рассказывает пенсионерка, с осени 1925 года часто приходили два-три немца. У одного из них был фотоаппарат, и он попросил ее как соседку сфотографировать их. На пожелтевшем снимке офицер рейхсвера, им мог быть и Геринг. В историческом плане это подтверждается тем, что гитлеровский рейхсмаршал якобы входил в число тех немецких летчиков, которые с июля 1925 года проходили подготовку в Липецке в «закрытом училище по изучению тактики воздушных боев», которое просуществовало до 1929 года. Соответствующее соглашение Веймарская республика, которой Версальским договором было запрещено иметь свои военно-воздушные силы, заключила с Советской Россией в 1924 году. Немецким курсантам разрешалось брать с собой в офицерское общежитие кое-какую мебель. Геринг привез в Россию громоздкий мягкий гарнитур времен конца XIX столетия, в котором нашло приют полчище музейной моли.

Однако много времени друг для друга у Геринга и Нади не было. Наряду с визитами к ней домой, что, собственно, было запрещено, они

встречались на концертах, которые давал каждое воскресенье военный оркестр на центральной площади города. Надя, чтобы вообще как-то общаться с «Германом» — так должна была она называть Геринга, — раздобыла старый немецко-русский разговорник для дворян.

Зимой 1926 года любовным нежностям пришел конец. Геринг получил приказ вернуться в Германию, но, как говорят, он продолжал писать Надежде письма. Письма, украшенные свастикой, сначала даже с обещаниями забрать ее в Берлин. Последнее письмо, по данным российского телевидения, датировано 21 июня 1941 года — днем нападения Германии на Советский Союз. Письма стали для Нади роковыми: спустя несколько дней после начала войны она была арестована и направлена в лагерь для врагов народа. В какой — неизвестно. В 1948 году она вернулась в Липецк, совершенно седая, не в своем уме. Спустя месяц она умерла.

Споры о пребывании в городе главкома ВВС Германии и «наци № 2» вспыхивают в Липецке с завидным постоянством. Будто бы именно

благодаря этой связи на Липецк в годы войны не упало ни одной бомбы. Геринг берег свою любовь. Да и сами немецкие летчики хранили о городе своей молодости приятные воспоминания. В Липецке действительно существовала секретная немецкая летная школа, в которой осваивали современные методы ведения войны в воздухе будущие асы люфтваффе. За это время в школе прошли обучение около 700 летчиков. Тайно посещали город и видные генералы рейхсвера. Могли среди них оказаться Геринг? Не так давно в центральном архиве ФСБ было обнаружено «дело Нидермайера» — куратора школы, после войны оказавшегося на Лубянке. В протоколах его допросов о липецкой школе действительно фигурируют громкие, известные в то время не только в нашей стране и Германии, но и в мире имена. Но Германа Геринга он не упоминает ни разу. Факт присутствия Геринга в Липецке не подтверждается ни одним советским и немецким историческим архивным документом. Хотя за послевоенные годы биография «наци № 2» изучена чуть ли не по часам, и учеба рейхсмаршала в Липецке просто

не могла остаться незамеченной историками.

Не соответствует действительности и утверждение о том, что за годы войны на Липецк не упало ни одной немецкой бомбы. Липецк бомбили как минимум дважды. Больше делать этого не имело смысла. И вовсе не из-за любовницы Геринга. Город с соломенными крышами, металлургические предприятия которого были эвакуированы, просто не представлял никакого стратегического интереса.

Тем не менее легенда о липецкой любви главного германских ВВС оказалась очень живуча и более привлекательна для отечественных СМИ, нежели реальная жизнь Г. Геринга. А она была не менее романтична и сентиментальна, чем отечественная легенда. Морозным зимним днем 20 января 1920 года господин Геринг, главный пилот авиакомпании «Свенска Люфттрафик» прилетел вместе с путешествующим по свету графом Эриком фон Розеном в его замок в Рокельштаде. В конце Первой мировой войны Геринг командовал истребительным бомбардировщиком, но его сняли с полетов, и безработный гауптман отпра-

вился в Швецию.

Мэри фон Розен, жена путешественника, и его дочь оказали немцу гостеприимную встречу. И в тот момент, когда они мило болтали, сидя у камина, в зал вошла прекрасная незнакомка—высокая, статная, белокурая, именно та самая нордическая фрау, о которой мечтал каждый истинный ариец. Звали ее Карин фон Кантцов, и она была гостьей хозяев замка. На момент знакомства Карин было 32 года, а Герингу—27 лет.

На следующий день голубоглазая нордическая королева показала Герингу все покои замка, после чего они расстались—правда, договорившись предварительно о свидании. Геринг не сомневался, что сможет покорить чью-то жену и мать 8-летнего сына. А прекрасная шведка, утомленная 10-летним замужеством и скучной жизнью с офицером Нильсом Густавом фон Кантцовым, всегда мечтала о герое, который наконец появился на ее горизонте.

Вскоре после отъезда Геринга Карин получила от него письмо, в котором он благодарил ее за прекрасные мгновения, подаренные ему, и за вне-

земную атмосферу, заставившую его отрешиться от всех земных забот. Таких слов Карин ждала всю жизнь. Уже 24 февраля, через 4 дня после их единственной встречи, она выехала в Стокгольм, чтобы быть ближе к Герингу. Они стали встречаться. Своей сестре Фанки она сказала тогда:

– О таком мужчине я мечтала всегда. Мы как Тристан и Изольда, испившие чашу любовного напитка и полностью подпавшие под его власть.

Летом того же года Карин, наплевав на мужа, сына и мнение семьи, едет со своим любовником в Мюнхен, чтобы предстать перед очами его матери.

В 1922 году Карин развелась с мужем, который тут же впал в депрессию. Сына суд оставил ему. Сама Карин заболела воспалением легких, и у нее начались проблемы с сердцем. Герман Геринг и Карин фон Кантцов полностью подпали под влияние Гитлера и жили только идеями его национал-социалистической партии. Во время неудачного путча нацистов 8 ноября 1923 года Геринга ранили в бедро. Боли были такими нестерпимыми, что врачи прописали ему мор-

фий, который в дальнейшем превратил партай-геноссе в заядлого наркомана.

В 1928 году супруги переехали в Берлин, и Карин стала отвечать за прием новых членов в гитлеровскую партию. А между тем здоровье ее ухудшалось. Когда в 1931 году они поехали в Швецию, Карин была уже настолько слаба, что не выходила из машины и даже ела в ней. В отсутствие мужа, который уехал в Германию, 17 октября 1931 года с ней случился сердечный приступ, который она не смогла пережить. Похороны Карин состоялись в день ее 43-летия в той самой часовне замка, где она провела первые часы своего знакомства с Герингом.

После прихода нацистов к власти покойная красавица-шведка превратилась в своего рода культовую фигуру режима. Огромная машина официальной пропаганды нацистских времен также взяла на вооружение историю любви германского летчика и шведской дворянки. Она выдавала в свет героические и романтические детали этого союза. Роман Карин и Германа Геринга служил делу становления нового вида придвор-

ной журналистики, в которой нацистская элита занимала место коронованных особ прошлого времени. Одна из таких публикаций, преисполненных сентиментальности, называлась: «Высокая песня о любви: становление Германии». Таким образом, история Карин и Германа добавляла романтики в тотальное догматическое оболванивание населения.

В октябре 1933 года, во время процесса о поджоге рейхстага, Геринг посетил в Швеции могилу своей умершей жены и возложил венок из зеленых листьев в форме свастики. 8 ноября неизвестные растоптали его, а на украшенном свастикой могильном памятнике оставили надпись на шведском языке: «Мы, несколько шведов, чувствуем себя оскорбленными осквернением могилы, совершенным немцем Герингом. Пусть его бывшая супруга покоится с миром, он же пусть избавит нас от немецкой пропаганды на ее надгробном камне». Для Геринга это послужило сигналом к тому, чтобы на идиллической территории с лесом и озерами в Шорфхайдской пустоши, где планировалось строительство помпезно-

го поместья «Каринхалле», соорудить подземный мавзолей, а затем переместить туда останки умершей.

Но для Карин Геринг склеп в «Каринхалле» не стал последним местом упокоения. Когда весной 1945 года Красная Армия все ближе и ближе подходила к Шорфхайде, Геринг приказал взорвать свою летнюю резиденцию. Взорвали и мавзолей Карин после того, как из цинкового гроба изъяли ее останки и захоронили в окрестном лесу. Уже в мае 1945 года солдаты Красной Армии перевернули в поисках спрятанных Герингом сокровищ всю местность и осквернили новую могилу Карин. Местный лесник спас и захоронил останки и известил об этом родственников умершей. Между тем в Восточной Германии установился коммунистический режим, и официальное обращение семьи Фоков с просьбой о переносе останков никогда не было бы удовлетворено. В этой ситуации Фанни Виламовиц обратилась к шведскому пастору в Берлине Херберту Янсону и попросила его о помощи. Совместно разработали план, сделавший бы честь любому криминально-

му роману. Сначала Янсон побудил лесника тайно вскрыть могилу, загрузить бранные останки Карин в мешок и окружными путями доставить в Берлин. Затем начал действовать сам пастор Янсон. 3 февраля 1951 года он организовал сожжение останков в крематории Вильмерсдорфа, под вымышленной фамилией и с фальшивыми документами. Чуть позже Янсон с урной в багажнике отправился в Швецию. Когда он в Гамбурге после короткого отдыха вернулся к своему автомобилю, то обнаружил, что его обворовали. Исчезло все имущество всегда готового помогать людям пастора. Воры оставили лишь не имевшую для них ценности урну. Позднее она была вместе с квитанцией о кремировании передана семье Фоков. После поминальной церемонии в семейном кругу Карин Геринг, урожденная Фок, была захоронена в своей первоначальной могиле на кладбище в Лове. Это было ее пятое погребение.

Но как бы ни любил мужчина женщину, которую к себе забрал Бог, в его жизни всегда появится другая. Ее Высочеством с иронией называли

в артистических кругах провинциальную актрису Эмми Зоннеман. Как заметила известная певица из Венской оперы Хелен фон Вайнман:

– О мой Бог, Эмми, как она себя подает... А ведь я знаю ее с тех времен, когда ее можно было поиметь за чашку кофе и два с полтиной шиллинга.

Ее слова стоили актрисе свободы. По доносу ее арестовали, отправили на 3 года за решетку, откуда она вышла в 1943 году смертельно больной.

Кличка «Ее Высочество» намертво прилеплась к Эмми, которая говорила, что так ее назвал сам немецкий народ. На самом же деле ее изобрел Генрих Гиммлер, который придумал систему школ для национал-социалистских девушек и женщин—высоких, сильных, биологически и интеллектуально развитых, которые после окончания учебы должны были получать такой титул (впрочем, об этом позже).

Эмма Иоганна Хенни (Эмми) родилась 24 марта то ли 1894, то ли 1893 (никто так и не узнал) года в Гамбурге, в семье фабриканта-

шоколадника. После учебы в актерской школе Эмми появилась в 1927 году на сцене немецкого национального театра в Веймаре в амплуа юной героини. Брак с коллегой-актером к тому моменту распался, и она могла целиком посвятить себя театру, перевоплощаясь то в облик Гретхен из «Фауста», то царственной королевы из «Дона Карлоса». Так продолжалось до 1932 года. Когда Эмми приближалась к своему 38-летию, на ее пути в 1932 году появился Герман Геринг, который в числе свиты Гитлера посетил «Кайзеркафе» в Веймаре.

Уже весной того же года они еще раз случайно встретились в парке Бельведер. Эмми поразило, с какой любовью говорил второй в рейхе человек о своей покойной жене Карин. Своей подруге Эмми тогда сказала:

– Я так счастлива, что через много лет наконец познакомилась с человеком, который соответствует моим представлениям о настоящем мужчине.

После партийного собрания в Веймаре, на котором Геринг выступал, между актрисой и пар-

тийным боссом произошло объяснение. Судьба Эмми была решена по дороге домой, когда Геринг вызвался ее проводить. На свое счастье Эмми была высокой, статной, белокурой, в общем, так похожей на покойную шведскую нордическую королеву. Вскоре Эмми поняла, что завоевать Геринга она сможет только с помощью покойной супруги. И она стала всячески поддерживать культ святой умершей. 11 августа 1933 года Геринга назначили премьер-министром Восточной Пруссии, что благоприятно отразилось на актерской карьере Эмми. По его протекции ее перевели в берлинский театр, где она стала исполнять главные роли в нацистских пьесах.

В феврале 1935 года Геринг, наконец, решился и сказал:

– А не пожениться ли нам на Пасху? Фюрер будет нашим свидетелем.

Вторая свадьба Геринга разительно отличалась от первой помпезностью, роскошью и дороговизной. После бракосочетания Эмми оставила сцену, но театр продолжался уже в исполнении роли эффектной жены влиятельного партийного

и государственного деятеля. Ее признали первой дамой германского рейха. Матерью Эмми стала, если верить официальным данным, в возрасте 44 лет.

В протоколах послевоенных допросов говорилось, что госпожа Геринг не отрицает своего согласия с воззрениями мужа, и что она разделяла их, хотя сама политикой не занималась. Эмми Геринг приговорили как пособницу нацистского режима к году заключения в трудовых лагерях и 5-летнему запрету на работу. 30 % ее собственности отобрали в пользу государства. После освобождения из женского лагеря Гёггинген Эмми Геринг еще какое-то время жила с дочерью в Зак-диллинге. Позднее они с Эддой переселились в Мюнхен, где в маленькой квартире вели замкнутый образ жизни. Эдда Геринг изучала сначала право, потом сменила специализацию и стала ассистентом по медицинской технике. Она осталась незамужней и, наряду с работой по профессии, посвятила себя уходу за матерью.

В 1967 году, когда истинное лицо Третьего рейха уже давно было прояснено, нацистские пре-

ступления в полном объеме были раскрыты, а более 50 миллионов мертвых в результате Второй мировой войны взывали к отмщению, Эмми Геринг написала воспоминания «Рядом со своим мужем». По поводу мотива, побудившего ее к написанию труда, в предисловии Эмми Геринг говорится: «Обладая самым точным знанием сущности и характера моего мужа, со всех сторон атакованного после падения режима, я чувствую себя обязанной высказать о нем то, что необходимо для устранения неправды и исправления ошибок».

Геринг выступает в книге своей жены образцом добродетелей. «Он, который всегда был доступен для других. . . только отдавал душу и раздаривал: любовь, добро. . . радость, помощь. . .» Его зависимость от морфия в этой «Белой книге о рейхсмаршале» замалчивается точно так же, как и его коррумпированность, его жестокость и тысячи случаев грабежа предметов искусства. Жизнь в национал-социалистической Германии предстает слегка завуалированной идиллией в хороводе добросердечных людей. В своем стремле-

нии не отклоняться от заданной однажды линии «аполитичной женщины» Эмми Геринг заявляет, что приобрела свои знания о политике лишь после завершения войны в разговорах с оставшимися в живых людьми, знавшими ее мужа. Однако далее она наивно обсуждает ошибки Германии в ведении войны, суматоху под Дюнкерком и сражение за Англию. Геринг при этом постоянно предстает в самом благожелательном свете.

Квинтэссенция ее жизни, как ее видела Эмми Геринг, обнаруживается в заключении книги: «Сегодня, когда я оглядываюсь назад, мне кажется, будто я действительно жила только в те годы, начиная с весны 1932 года и кончая осенью 1946 года... четырнадцать лет за всю жизнь! Я чувствовала себя счастливой и надеялась, что мои современники разделяли со мной это чувство...»

Немецкий журнал «Дер шпигель» в статье «Слишком много сердца» подверг язвительной критике воспоминания Эмми Геринг. В марте 1973 года газета «Ди цайт» сообщила, что «социальная пенсионерка» Эмми Геринг отметила

свой 80-й день рождения в мюнхенском ресторане «Четыре времени года». Праздник был организован Томасом фон Канцовом, сыном Карин Геринг. А несколько месяцев спустя Эмми Геринг не стало. Она умерла в Мюнхене 10 июня 1973 года.

Глава 3. Разрешенные пороки

«Больше этики, меньше лицемерия», – под таким лозунгом в январе 1934 года Йозеф Геббельс начал новую пропагандистскую кампанию. Имперский министр народного просвещения открыто признавал, что каждая революция имеет свои недостатки. На его взгляд, одним из недостатков осуществленной в 1933 году «национал-социалистической революции» было превратное толкование новой морали. В собственной газете «Ангрифф» Геббельс яростно нападал на морализаторов, чьи «этические взгляды больше подходили для женского монастыря, а не для современного цивилизованного государства». В определенной мере Геббельс позиционировал себя как защитник прогрессивной сексуальной этики. В каждой строчке своих статей Геббельс изливал

желчь на «моральных шпионов», которые норовили «создать в каждом местечке комитеты целомудрия и превратить Германию в объект для критики по поводу ее дичайшего лицемерия». Подобное поведение он называл «постельным фырканием». Он упивался обвинениями в адрес презренного лицемерия и показного ханжества. Он громил поборников идеи о том, что немецкая женщина должна появляться в обществе лишь в сопровождении своего мужа. Она не должна пить, курить, носить короткие волосы, вызывающе одеваться. Подобные требования, по мнению министра пропаганды, могли высказывать только буржуазные фанатики и высокомерные слепцы.

Действительно, «маленького доктора» вряд ли кто мог обвинить в ханжестве. Но с другой стороны, его семейная жизнь служила образцом для общественного подражания. Он ясно понимал, что его сексуальные нападки были просто необходимы. Во-первых, он как бы давал гарантию тем людям, которые боялись вмешательства в их личную жизнь. Это как бы укрепляло со-

циальную базу нацистского режима. Во-вторых, он заботился о своих собственных привилегиях, недоступных рядовым немцам. «То, что позволено Юпитеру, не позволено быку».

Геббельс до сих пор пытался изображать из себя революционера. В своих спорах он не считал нужным опускаться до уровня аргументов о здоровом национальном бытии или экономической воздержанности. Разве национал-социализм не выступал на стороне беззаботной жизни? Разве он не хотел вселить в нацию оптимизм? Разве признаками этого оптимизма не являлось все большее количество людей, купивших себе автомобили, новые наряды, часто посещавших театры и кино? Геббельс публично обличал показанной аскетизм. Люди должны красиво и празднично одеваться, если для этого был повод. Новая Германия должна была избавиться от злобных лицемерных педантов. Приведу в пример выдержку из одной его статьи: «Недавно в одной из газет мы прочитали заметку о девичьих лагерях трудовой службы. Она заставила нас задуматься. Вот о чем в ней говорилось: “Обу-

стройство девичьих лагерей должно быть простым, но выдерживаться на уровне определенных требований, поскольку целью этих лагерей является приобщение девушек к спартанскому образу жизни: отдых на подушках из сена, подъем в ранние утренние часы, когда еще холодно, простейший утренний туалет без употребления косметики, простая одежда, по возможности униформированная”.

Но это уж чересчур. Мы приветствуем, что женщины должны вставать рано утром. Однако к чему «подъем в утренние часы, когда еще холодно»? Может, стоит обойтись без этого? А что касается «простейшего утреннего туалета», то имеется в виду, видимо, вода, подаваемая из колодцев или труб для орошения полей. Мы не знаем, женат ли автор статьи. Конечно, это его личное дело. Но тот, кто пишет о жизни, не должен, сидя за письменным столом, мечтать о «выносливой» расе и древних спартанцах, которые, как известно, все же различали воспитание мужчин и женщин, учитывая разницу полов и другие соображения. Нам нужны не несущки яиц,

а женщины—надежные товарищи в жизни. Ведь нет ни одной женщины, которая бы полностью отказалась от косметических средств для поддержания своей красоты. И не надо путать это с продукцией, выставленной на Курфюрстендамм. (Курфюрстендамм была одной из главных улиц Берлина, на которой находились престижные магазины и фешенебельные рестораны и гостиницы. Для нацистов все это представлялось как декадентская «еврейская» культура, поэтому до 1933 года на ней устраивались многочисленные беспорядки и дебоши.)

Мы предпочитаем видеть женщин, которые в отдельных случаях прибегают к пудре, чтобы, скажем, слегка припудрить свой маленький носик, если он лоснится... Тем же, кто категорически отрицает гигиенические соображения, мы скажем, перефразируя Орфея:

Если ваше лицо лоснится как бекон,
Выполняете ли вы тем самым задачи
и цели нации?

К чему нам подобные переборы?

Однако, национал-социалистические педанты настаивали на своих требованиях и выдвигали свои идеалы. Немецкая женщина не пьет, не курит, не пользуется косметикой, презрительно относится к дорогим нарядам. Одним из «апостолов» подобной этики был автор «Азбуки национал-социализма» Курт Ростен. «Немецкая женщина—это не безответственная особа, которая стремится только к легкомысленным удовольствиям, украшает себя безделушками и убранствами, напоминающими блестящую шелуху, под которой скрывается внутренняя пустота», — говорилось в нем. Подобные идеи он даже выразил в поэтической форме:

Сохраните вашу честь
Не становитесь увлечением
И игрушками иностранцев.
Нация должна остаться чистой,
Чистой, как наказывал нам фюрер.

Как видим, официальная позиция НСДАП—женщины не должны стать добычей похотливых иностранцев, а нация должна сохранить

чистоту—давала повод для самых различных трактовок. Среди нацистского руководства не было единого ответа на вопросы: должны ли были женщины отказаться от обычных удовольствий? Противодействовать ли женскому «тщеславию», стремлению быть красивой и желанной? У каждого из бонз были свои соображения по этому поводу, которые обычно были продиктованы личными склонностями, идеологическими и чисто тактическими соображениями. Каждый из них пытался найти соответствующую фразу Гитлера, которая оправдывала бы его позицию. Но Гитлер, видя подобную «борьбу компетенций», не хотел давать какому-нибудь из своих паладинов очевидное преимущество. В различных ситуациях он оказывал поддержку самым различным группам: «нацистским пуританам», сторонникам биологизации жизни или приверженцам «взвешенной цивилизованной» линии.

Для Гитлера важной была не сама идея, а ее последствия, даже если они были не очень весомы. Вначале в НСДАП велись бурные дискуссии о том, возбранялось ли нацисткам использова-

ние косметики. Консерваторы настаивали на запрете. Гитлер отклонил подобное требование. Он не имел ничего против губной помады, лака для ногтей и туши для ресниц. Возможно, тогда в нем говорил не политик, который не хотел терять женскую часть своих восторженных поклонниц, а неудавшийся художник, воздававший должное женской красоте. Когда он увидел первый проект униформы «Союза немецких девушек», девичьего подразделения «Гитлерюгенда», то возмутился: «Это старые мешки! Немедленно переделать!» В 1937 году Гитлер хвастался перед руководителем Орденсбурга «Фогельзанг», элитарного учебного заведения НСДАП, что он как фюрер немецкой нации всегда сопротивлялся пуританским веяниям в моделировании униформы для немецких девушек. Девушки должны были выглядеть симпатичными, привлекательными и здоровыми, а самое главное хорошо одетыми. «Эдак внезапно мы в вопросах моды сможем оказаться в каменном веке», — посмеивался он.

В одной из своих речей он призывал к проявлению большей любезности к женщинам со сто-

роны мужчин и юношей. На это у него имелись особые причины. Женское влияние в национал-социалистическом государстве было не так легко уничтожить, как это поначалу казалось «реакционным мужчинам». Кроме этого в ежедневной жизни партии стало складываться специфическое отношение к женщинам, которое было неким коктейлем из грубоватого высокомерия и неуклюжего товарищества. Подобные настроения никак не способствовали планам по формированию «истинно народного сообщества». Выступая в штабе фюрера в 1942 году, рейхсляйтер Альфред Розенберг говорил о формировании истинной женственности. В качестве примера он сравнивал несколько культурных групп. По его мнению, европейская женщина бездарно пользовалась косметикой, а благодаря своей бурной жестикуляции, выглядела выведенной из себя. Розенберг указывал на индийских женщин, скромно одетых, полных внутреннего и внешнего равновесия. В танцах европейская женщина просто-напросто прыгала, стремясь привлечь к себе внимание и сорвать аплодисменты. Женщины Ин-

дии и острова Бали в танцах стремились довести до совершенства каждое движение, полное особого смысла.

Во время этой лекции Розенберг допустил одну непростительную для нациста ошибку. В качестве примера он привел остров Бали, который был населен малайцами, явно выходившими за рамки классификации высшей арийской расы. В итоге получилось, что малайки были самым изяществом и женским совершенством, а европейки шумными кривляками, недостойными уважения Розенберга. Никто бы не обратил на это внимание, если бы не Геббельс.

Прагматичный Геббельс вообще всегда выступал с диаметрально противоположных позиций. В 1942 году он задался вопросом: должны ли изящные балерины нести трудовую повинность, где бы они стали «жирными и неловкими»? С одобрения фюрера он нашел путь решения подобной проблемы. Эти девушки использовались там, где не наносился урон их танцевальному изяществу. Для них были созданы специальные курсы. Впрочем, и эта затея показалась

Геббельсу неудачной. В те дни он писал в своем дневнике: «Это прискорбное состояние дел в государстве, когда балерины и певицы должны освободиться от трудовой повинности специальным указом фюрера, тем самым создавая в сфере немецкого искусства некий анклав, в котором изящество и красота могут безопасно существовать без риска быть подвергнутыми брутальной маскулинизации». Для пророков наподобие Розенберга подобная точка зрения была слишком мирской, слишком светской. Но Геббельс правильно поставил акценты—в условиях использования женщин на военных предприятиях ни о какой истинной женственности речи не шло.

Мнение относительно женского изящества и критику по поводу маскулинизации женщин, конечно, могли высказывать только очень высокопоставленные нацисты. Большинство же членов партии были вынуждены придерживаться официальной позиции НСДАП и нацистского этикета. Функционеры добросовестно следовали линии, которая была спущена сверху. И тут не обхо-

дилось без противоречий, которыми была полна вся жизнь в Третьем рейхе.

В первые дни начала Второй мировой войны последовало министерское распоряжение, фактически запрещавшее западные танцы. Региональный чин в Кобленце, отвечавший за партийную пропаганду и культурное просвещение, подготовил для гауляйтера проект решения, которым подвергались запрету танцы в стиле «свинг» (линдихоп и т. д). Они приравнивались к культурному извращению. После подобного запрета любители танцев украшали залы плакатами с недвусмысленными намеками: «Удовольствие не роняет достоинства».

Во многих городах полиция проводила рейды по ресторанам, выявляя курящих женщин. Специальный полицейский уполномоченный в Эрфурте пошел еще дальше—он призвал жителей напоминать всем женщинам о вреде курения и обязанностях матери. Подобные во многом нелепые мероприятия стали следствием пропагандистской неопределенности, которая царила среди руководства Третьего рейха. Там предпочи-

тали ограничиваться общими заявлениями о достоинстве немецкой женщины, его простого поведения, отвращения к украшениям и изысканным нарядам, ее естественного материнского изящества. Но вместе с тем не было никаких конкретных указаний о нормах поведения и правилах специфического нацистского этикета. Любое указание по этому поводу с готовностью подхватывалось мелкими партийными функционерами, что в итоге приводило не просто к произволу, но и вопиющей несогласованности.

Культурные пессимисты, помешанные на тевтонских ценностях, в изменениях тогдашней моды видели результат воздействия на общество вырождающейся, дегенеративной городской цивилизации. Но новые правители Германии подходили к этому вопросу с опаской. При этом открыто высказываться, давая какие-то конкретные оценки, побаивались. Вспомним хотя бы реакцию Гитлера на униформу «Союза немецких девочек». Но с другой стороны находились дремучие консерваторы, которые яростно нападали на любые новые веяния. Одним из лидеров та-

ковых был священник Курт Энгельбрехт. С яростью, достойной любого клерикала, он обрушивался на стремление к показной роскоши. В модных новинках он видел только лишь проявление порочной чувственности, греховного эротизма и необузданной животной страсти. По его мнению, немецкая женщина должна была одеваться просто и благородно. «Броские цвета и яркие материалы подходят только шлюхам», – провозглашал он. На культурном уровне у обывателя появился новый образ врага: это парижская проститутка, которая обшивалась у еврейских портных, диктуя моду немецким женщинам. Французская мода провозглашалась позором. Дело доходило до абсурда. Немецкий дух теперь должен был проникать даже в такое тривиальное дело, как приобретение женщинами шляпок. В этом вопросе тоталитарному государству даже не требовалось насильственно вмешиваться в эту сферу частной жизни. «Диктатура вкусов» осуществлялась при помощи пуританских обывателей, фанатичных буржуа. Героиня одного из модных в те времена романов отказалась от пудры и косметики.

Это был само собой разумеющийся шаг, так как женщина решила пойти навстречу убеждениям мужа, который величаво заявлял: «У меня есть пена для бритья, флакон одеколона и душ. Это— все, что мне требуется!»

Этот подход был очень выигрышен. Идеологические высказывания руководства Третьего рейха, направленные против изменения моды, на самом деле скрывали экономические интересы. Партия была заинтересованной стороной в этом процессе. В 1939 году имперский организационный руководитель НСДАП Роберт Лей открыл в Берлине «Дом культуры и красоты». Не возражая против женской красоты, Лей на открытии этого заведения подчеркнул, что красота вовсе не сводится к модным новшествам. Для него это были далеко не просто слова. В этом вопросе Лей мог смело ссылаться на одну из речей фюрера. В 1933 году Гитлер на выступлении, посвященном проблемам немецкого искусства, заявил, что «беспрецедентность еще не является свидетельством качества». Вслед за этим эсэсовский журнал «Черный корпус» начал критику изменения

моды и повального увлечения новациями. В качестве объекта для нападок были выбраны изделия модисток, украшенные бразильскими цветами и миниатюрными австралийскими аистами. Тогда подобные наряды стоили очень дорого. Но возмущение, как и стоило полагать, было вызвано не их ценой. Под сомнение ставились сами критерии красоты, диктуемые материалистической модой. Так началась новая пропагандистская кампания.

Хуго Кайзер, автор «Советов для немецких девушек, готовящихся стать матерями и домохозяйками», заявлял в своем пособии, что 99 % немецких девушек вообще не нуждаются в косметике. И уж подавно немецкие женщины не нуждались в косметической продукции Франции— злейшего врага Германии. Он утверждал, что немецкая промышленность была в состоянии дать все, что требовалось женщине. «Немецкая косметика ничем не уступает французской!» Использование французской косметики даже провозглашалось преступлением против немецкой экономики. Заявление далеко не случайное. Дело в том, что

только в 1932 году во Францию ушло 8 миллионов марок, которыми была оплачена тамошняя парфюмерия.

Но семь лет спустя, в 1939 году, нашлось более удачное экономическое объяснение отказа от косметики, нежели угроза хозяйственной самостоятельности Германии. В условиях начала войны немецкая промышленность должна была сосредоточиться на производстве оружия и боеприпасов, а не каких-то модных безделушек. Теперь Роберт Лей вновь вытащил на свет теорию о том, что нельзя ставить знак равенства между истинной модой и безумными новинками. Нашлось даже подходящее обоснование: бессмысленное потребление текстиля, мешавшее военному планированию. Нацистская пресса тут же подхватила эту идею, провозгласив «Войну против излишних трат». Теперь модные безделушки и изысканные наряды считались не просто отсутствием немецкого вкуса, но и чуть ли не военным преступлением.

Для более эффективного навязывания подобного мнения пришлось вновь прибегнуть к аб-

страктым суждениям. Новая Германия провозглашала в качестве идеала красоты целомудренное материнское изящество, в то время как королевы красоты в западных державах определялись только степенью обнаженности претенденток. Именно эти проституированные особы были ответственны за появление модных новинок. Манекенщицы и девушки с обложек были чужды биологической функции немецкой женщины и ее служению нации. Навязанный почти всему миру облик красавиц на самом деле являлся скрытым изображением проститутки. И тут делался новый выход—за проституцией стояли евреи. А значит, именно они диктовали и контролировали моду. В качестве «бесспорного» доказательства этого приводились слова, применяемые к западной моде—«шикарный, экстравагантный, стильный».

Перед лицом таких аргументов возражения по поводу моды и женской красоты казались более чем небезопасными. Чтобы совсем не нагнетать обстановку, «Черный корпус» как-то публиковал снисходительную заметку: «Эти замечания

не стоит воспринимать как нападки на губную помаду, пудру и шелковые чулки. Это—лишь скромное напоминание, как эти атрибуты красоты могут подменить истинные ценности».

Но кто в действительности мог официально указать, являлось то или иное платье порождением еврейского духа или нет? Только партийная верхушка. Тщетность подобных начинаний стала очевидна в годы войны. Когда в 1941 году немецкие войска окончательно закрепились в оккупированной Франции, то долгожданными подарками, направляемыми домой своим женам немецкими офицерами, стали именно нейлоновые чулки, французское нижнее белье и косметика. И это в то время, когда имперский пресс-центр заявлял, что, установив «новый порядок» в Европе, Германия должна была навязать там свою моду! Подобные статьи были скорее комичным отражением действительности. Автор одной из них, Эрнст Герберт Леманн вполне серьезно утверждал, что Франция и Англия использовали свою моду для укрепления геополитического могущества! В один момент мода из чисто культурно-

го фактора превратилась в вопрос политической важности. Поскольку, если верить Леманну, мода являлась инструментом империалистической политики западных держав, то она должна была использоваться в таком же качестве и в Великом Германском рейхе.

Даже там, где наряды женщин не противоречили нацистским установкам, было не все гладко. В соответствии с тоталитарными установками экономии ресурсов женская одежда, впрочем, как и мужская, должна была использоваться и в повседневности, и в быту. Но тут возникал еще один парадокс. Из чисто политических соображений нацистская верхушка провозгласила лозунг «Мода— враг национального платья». Но как нарядные национальные костюмы могли сочетаться с экономией ресурсов? Даже если допустить, что крестьяне могли ежедневно использовать национальные наряды, то как это относилось к жителям городов, работавшим на фабриках и заводах? Впрочем, этот лозунг никто не воспринял всерьез. Национальные костюмы очень быстро заменила униформа. Однажды надев уни-

форму «Юнгфолька», детского подразделения «Гитлерюгенда», дети фактически проводили в ней все время. Теперь униформа становилась их судьбой. Выйдя из униформы «Югенфолька», они надевали другую—«Гитлерюгенда» и «Союза немецких девушек». Затем была униформа «Имперской трудовой повинности», «Национал-социалистического союза немецких студентов», «Национал-социалистического женского союза» и т. д. Фактически каждому немцу полагалась своя униформа.

Эти унылые одеяния имели очень мало общего с нарядными национальными костюмами. Впрочем, даже ношение униформы женщинами проходило под лозунгом: «Вера и Красота!» Подлинные проявления этого идеала нацисты находили в девичьих танцах, приобретших для Третьего рейха почти ритуальный характер. Босые, с заплетенными с косы волосами, голубоглазые блондинки водили хороводы почти на каждом празднике.

Примеры того, как должна была одеваться немецкая женщина и девушка, нагляд-

но демонстрировалась на собраниях Национал-социалистического женского союза, традиционно проходивших в Нюрнберге. Корреспондент «Франкфуртер цайтунг» не без скрытой иронии описал такое мероприятие в 1938 году: «Явились взору несколько женщин, одетых в национальные костюмы всех областей рейха, и немцев, проживавших за его границами. Они предстали в искрящихся юбках, красочных платках, черных бархатных жакетах, шелковистых передниках, с красными лентам, вплетенными в волосы». Появившиеся на их фоне студентки, члены из «Союза немецких девушек», работницы «Имперской трудовой повинности», за свои бело-синюю униформу были сопоставлены с проводницами поездов. Впрочем, авторы этой газеты всегда отличались свободомыслием, насколько оно было возможно в Третьем рейхе.

В 1943 году пропагандистская артиллерия Йозефа Геббельса начала «тотальную войну». Человек, еще недавно надсмехавшийся над ханжеством партийных бонз, провозгласил «культ красоты» вредным и пагубным. Женщины долж-

ны были до окончательной победы отказать себе во всем. «Лучше походить год-два в старых, подлатанных платьях, чем носить лохмотья на протяжении веков!» Геббельс настолько рьяно взялся за дело, что Гитлеру пришлось одернуть его: «Если вы так и дальше будете бороться против красоты, то превратите ее во врага немецкой женщины». Министру пропаганды пришлось срочно исправлять положение. В одном из выступлений Геббельс не менее возвышенно заявил: «Тотальная война— это не площадка для плебейских игр. Нет никакой потребности, чтобы молодые женщины превращали себя в уродин». «Фёлькише беобахтер» тут же стала публиковать советы, как можно просто и дешево сделать нарядные костюмы из старых вещей. Вопрос о моде и вкусах было решено отложить до окончания войны.

Мода была далеко не единственным моментом, который в одночасье из второстепенного превратился в вопрос государственной важности. Взять хотя бы то же курение. Геббельс и здесь пытался быть выразителем «либеральных» на-

строений. Он неоднократно очень презрительно отзывался о тех, кто пытался бороться с курением женщин. Заядлый курильщик, вспоминая о «времени борьбы», он любил отпустить драматическую фразу: «Курение—единственное удовольствие, которое у меня осталось. Именно поэтому от него так трудно избавиться». Занимая пост государственного министра, Геббельс, действительно, не раз пытался бросить курить (по политическим мотивам), но привычка оказалась сильнее. В годы войны он выкуривал до 30 сигарет в день. Впрочем, делал он это в одиночестве. Он всячески старался, чтобы в его кабинете не было и признака табачного дыма.

Для подобного скрытного поведения было две причины. Во-первых, В Третьем рейхе существовало устойчивое мнение, что истинные арийцы не могут быть «рабами никотина и алкоголя». Геббельс как бы пытался компенсировать свою щедушность и хромоту многочисленными любовными похождениями. С другой стороны, для рядового обывателя он должен был оставаться неким «полубогом», а потому Геббельс при лю-

бом удачном поводе демонстрировал свою «идеальную немецкую семью». Публичное курение повредило бы его имиджу, которым он очень дорожил.

Второй причиной было то, что курение осуждал фюрер, идол и пример для подражания не только Геббельса, но и миллионов немцев. К тому же Гитлер был вегетарианцем. Геббельс был просто вынужден следовать за ним. В итоге на общественных приемах пища на столе семейства Геббельсов была скудной и неаппетитной. Впрочем, скрытые от глаз посторонних, они не отказывали себе в удовольствии вкусно поесть.

Гитлер категорически отказался от табака, алкоголя и мяса. Очень немногие из нацистских бонз последовали его примеру. Это вынуждало их к особой осторожности, дабы случайно не попасть на глаза фюреру с сигаретой или бокалом вина. Лучше всех удалось приспособиться Мартину Борману. Гитлер не переносил запаха табака, а Борман был заядлый курильщик. Проводя долгие часы с фюрером, партайгеноссе ни разу не закурил. Либо терпел, либо на минуту выбе-

гал из комнаты. Борман был не дурак выпить, а Гитлер не потреблял спиртного. Лишь в короткие дни отлучек Борман мог позволить себе напиться: в присутствии Гитлера он не брал в рот даже капли алкоголя. В военные годы в ставке Гитлера подавался на стол овощной суп, ломтик хлеба и творог. Обжора Борман также сидел на голодной диете.

Фанатичный трезвенник, Гитлер иногда превращал свои убеждения в странную веру, которая запрещала употреблять мясо и алкоголь, курить, так как это могло послужить началом реакции для крушения нации. В своих мечтах после победы в мировой войне он обращал всех национал-социалистов в свою «вегетарианскую религию»: «Общество будущего будет состоять только из вегетарианцев». Ему рисовалось, как курение будет запрещено государственными законами, а членам партии запретят алкоголь. Отношение фюрера к табаку и курению было известно всем немцам, да и не только им. Как это часто бывало в Третьем рейхе, его высказывания послужили поводом для начала новой про-

пагандисткой кампании. Хотя эта компания касалась только рядовых немцев. Нацистская верхушка продолжила свое прежнее существование. Кальтербрунер, после гибели Гейдриха возглавивший Главное управление имперской безопасности, выкуривал по несколько пачек сигарет в день. В итоге все его пальцы были не просто желтыми, а почти коричневыми от табака. Не собирался он воздерживаться и от алкоголя. Свой рабочий день он начинал с бутылки шампанского, а заканчивал бутылкой коньяка.

Или другой пример—Роберт Лей. Он был лидером самой крупной национал-социалистической организации—«Немецкого трудового фронта». Всем было известно, что он—пьяница и бабник. Но к другим он предъявлял совершенно другие требования. Отказ от курения и алкоголя он превратил в некую проверку мужской воли. В учебных заведениях партии, Орденсбургах, подчинявшихся Лею, обе эти «вольности» запрещались в качестве дисциплинарного требования. Иногда Лей великодушно говорил кадетам Орденсбургов: «Любой че-

ловек может пить и курить, пока это не вредит его здоровью и делу, которым он занимается». Судя по всему Лей не считал, что его ежедневные пьянки мешали его деятельности. За постоянный перегар, который несся изо рта рейхсляйтера, Лея прозвали «имперским злопахателем». Не меньшие вольности себе позволял и главный нацистский порнограф, гауляйтер Франкони Юлиус Штрейхер. Однако постоянное пьянство не мешало ему решительно выступить против курящих женщин.

Подобные кампании были обречены на провал. В основном они сводились к некоторым взысканиям с женщин, которые осмеливались публично курить. Этим все и ограничивалось. Нелепость подобной ситуации нашла свое отражение в ироничном стихе тех времен: «Лицемерие», в котором были такие строки:

Немецкая женщина, пожалуйста,
Ведите себя подобающе,
Немецкая домохозяйка не курит,
Так что, фрау, лучше жуйте.

Мелкие «недостатки» рядового немца оказались не под силу вылечить даже нацистам. Обычному было очень сложно объяснить, почему любовь к элегантности, табаку и стакану хорошего вина вдруг была заклеена как ненемецкий недостаток. Нацистская верхушка очень скоро поняла, что нельзя бесконечно закручивать гайки. Наиболее успешным решением сложившегося противоречия стал проект «Сила через радость».

«Сила через радость» была создана доктором Леем, имперским организационным руководителем НСДАП, одновременно занимавшего пост главы «Немецкого трудового фронта». Новая организация должна была заняться досугом рядовых немцев, что должно было снять напряженность и нервозность в обществе, вызванную нацистскими преобразованиями. Но это была вовсе не забота о гражданах Третьего рейха. «Сила через радость» заботилась о них лишь как о винтиках огромной машины, которая должна была служить геополитическим замыслам Гитлера.

Лей умел должным образом организовывать

досуг. «Сила через радость» никогда не сталкивалась с финансовыми трудностями. Она получала в свое распоряжение не только финансы, конфискованные у профсоюзов, но и огромные государственные субсидии. Острословы ехидно подмечали, что далеко не случайно первым мероприятием «Силы через радость» стала постановка в «Народном театре» пьесы Шиллера «Воры».

Так чем же занималась «Сила через радость»? Это бюро досуга организовывало театральные постановки, концерты, кинопоказы, выставки, социальные акции. Только в 1937 году более 38 миллионов немцев посетило около 117 тысяч подобных мероприятий. В сферу деятельности «Силы» попадали даже самые отдаленные деревни. В свою очередь, устроители подобных культурных мероприятий должны были позаботиться, чтобы атмосфера на них соответствовала нацистским установкам. Категорически запрещалось использовать комические номера, выступления танцовщиц в стиле кабаре. Параллельно с простыми развлечениями «Немецкие предпри-

ятия народного образования», курируемые Леем, организовывали просветительные лекции, вовлекая в сферу организованной политики почти 17 миллионов человек. «Спортивное бюро» за четыре года своего существования охватило более 10 миллионов человек. В декабре 1936 года нацистское правительство объявило атлетику некой начальной военной подготовкой, которая, кроме всего прочего, должна была содействовать расовому совершенствованию. Имперский спортивный руководитель Ганс фон Хаммер очень удачно подобрал определение для подобного рода деятельности—«политико-физическое воспитание». Международный Олимпийский комитет очень высоко оценил деятельность «Силы через радость», за что эта организация в 1938 году была награждена специальным кубком.

Однако «жемчужиной» в политике досуга, проводимой «Силой», были путешествия, которые организовывались специальным Туристическим бюро. «Сила через радость» использовала эти вояжи для повсеместной рекламы достижений национал-социализма. Это также имело до-

статочно ощутимый экономический эффект. Если в 1934 году железные дороги получали от туристических поездок около 7 миллионов марок, то благодаря «Силе» эта цифра увеличилась в восемь раз. И это только за один год! В следующем, 1935 году, «Сила через радость» смогла привлечь к себе 3 миллиона туристов, которые выложили в кассы железных дорог 68 миллионов марок! В основном эти суммы пошли на развитие сельского хозяйства. Это был точный расчет. Рисовалась идиллическая картинка: народ, отдыхая, не просто тратит деньги, а направляет их на помощь сельскому хозяйству. В определенный момент программа отдыха в сельской местности стала чуть ли не государственной задачей. Но далеко не все проводили свои выходные и отпуск в деревне. Некоторым посчастливилось пережить захватывающий круиз по Средиземному морю. Из 10 миллионов людей, которые до начала войны воспользовались туристическими услугами «Силы через радость», почти каждый двадцатый провел свое путешествие за границей. Для этой цели «Сила» построила с дюжину бе-

лоснежных лайнеров водоизмещением в 200 тысяч тонн. Это была очень выгодная инвестиция, так как позже они стали использоваться в военных целях. Так, уже в начале 1939 года на них из Испании был вывезен Легион «Кондор», немецкое военное подразделение, сражавшееся на стороне генерала Франко. Кстати, оплата транспортировки военных на родину—209 тысяч марок—была произведена из кассы «Немецкого трудового фронта», материнской организации «Силы». Финансово оправдана была и акция по продаже по линии «Силы через радость» «Фольксвагенов», превратившихся воистину в «народный автомобиль» (дословный перевод названия марки машины). Центр отдыха на острове Рюген, располагавшийся в Балтийском море, был в годы войны превращен в гигантскую больницу—опять же социальные инвестиции в войну.

Но зарубежные туры «Силы», несмотря на все заявления, были достаточно дорогими. Недельная поездка по Балтийскому морю стоила 32 марки, а в тур в Италию—155 марок. Для сравнения приведу несколько цифр. В 1935 году

среднестатистическая заработная плата рабочего на заводе составляла 120 марок в месяц. Так что далеко на каждый мог прокатиться на белоснежном лайнере до Италии. По этому поводу не раз отпускались критические замечания, мол, подобные туры были доступны зажиточным немцам, а не обычным рабочим. Роберт Лей в качестве ответа на эту критику приводил другие данные. 60 % немцев, воспользовавшихся туристическими услугами «Силы», зарабатывали менее 100 марок в месяц, 33 %—от 100 до 150 марок, и лишь 6 %—более 250 марок. Но, как ни крути, международным туром скорее бы воспользовался зажиточный человек, нежели обычный трудяга.

Один французский корреспондент, путешествовавший вместе в немецкой группой в 1937 году к берегам Норвегии, привел сведения о социальном статусе пассажиров. Из 939 человек, находившихся на лайнере, 217 были рабочими, 249—мелкими служащими, 202—работницами социальной сфере, 187—чьими-то женами, а 28 человек имели собственное дело. Таким образом,

только четверть путешествующих принадлежала собственно к рабочему классу.

Но у Роберта Лея и на это было запасено объяснение. Рабочими он считал не только тех, кто трудился на заводах и на шахтах. В «Немецком трудовом фронте» в качестве рабочего рассматривали любого, кто был нанят на любую работу, а потому слово «рабочий» приобретало более высокое и почтенное значение, чем «пролетарий». Подобные туристические поездки, кроме всего прочего, ставили себе вполне ясные идеологические цели. Те, кто выезжал в качестве туриста за рубеж, должны были укрепиться в сознании своего патриотизма и национальной гордости. Специально обученные организаторы должны были обеспечить ненавязчивую политическую обработку туристов. Для этого как нельзя лучше подходила сама форма морского путешествия. Отпуск превращался в некое идеологическое воспитание. В течение нескольких недель пассажиры знаменитого лайнера «Вильгельм Густлофф» совершали свою поездку под неусыпным контролем специальных сотрудников. Экс-

курсии на берег были редким явлением, к тому же сходили с лайнера только в строго определенных странах. Культурная же программа развлечений на теплоходе, начиная от утренней гимнастики, заканчивая ночным пением народных песен, должна была укрепить национальное единство Германии. Уклониться от подобных мероприятий было нереально—за этим специально следили. Кроме этого в пассажирские списки постоянно включали сотрудников СД, задача которых состояла в налаживании связей с командой и отдыхающими, проверки их лояльности режиму.

Герхард Штарк, пресс-секретарь «Немецкого трудового фронта», в этой связи был весьма откровенен: «Мы посылаем рабочих в отпуск на наши лайнеры и в наши собственные санатории не для того, чтобы конкретный человек получал удовольствие. Мы это делаем, дабы поддерживать в конкретном индивидууме работоспособность, чтобы после отдыха он принимался за работу с новыми силами. “Сила через радость” в некотором смысле проводит амортизацию трудящихся, подобно тому, как время от времени на-

до амортизировать мотор автомобиля, проехавшего большие расстояния». Роберт Лей сформулировал эту мысль еще более ясно и цинично: «Мы больше не имеем никаких отдельных личностей. Уходят в прошлое времена, когда каждый мог отдыхать, как ему нравилось». Организационный руководитель НСДАП заявил даже, что и сон постепенно переставал быть частным делом. Досуг немцев должен был быть строго регламентированным. Национал-социализм родил собственный праздничный календарь, который очень сильно отличался от того, к которому уже привыкли немцы.

Год начинался 15 января с отмечания незначительного праздника, посвященного первым политическим успехам нацистов, которых удалось достигнуть во время выборов в ландтаг округа Детмольд-Липпе. Затем шло 30 января—более известное как День прихода к власти. Это праздник сопровождался массовыми факельными шествиями и заявлениями о пробуждении Германии и наступлении «тысячелетнего рейха». 24 февраля справлялся день появления на свет в 1920

года официальной национал-социалистической программы партии. «День национального траура», пришедшийся на 16 марта, был постепенно видоизменен. Сначала он получил название «День памяти героев», а после введения всеобщей воинской повинности—«День военной свободы».

20 апреля вся Германия справляла день рождения фюрера. По своей помпезности и размаху этот праздник далеко обошел дни рождения кайзеров, которые традиционно справлялись в Германии. Гитлер как главнокомандующий принимал военные парады, а со всех концов страны устремлялись ритуальные колонны «Гитлерюгенда». Это шествие получило название «Путь к фюреру».

В 1933 году Гитлер сделал очень смелый шаг—он провозгласил 1 мая Днем национального труда. К тому времени профсоюзы были разгромлены и в «Немецкий трудовой фронт» принудительно были влиты 25 миллионов «солдат труда». Согласно доктрине народного сообщества рабочий класс должен был отказаться

от ряда своих требований во имя восстановления единства нации. Теперь же на 1 мая вместо транспарантов, призывавших к социалистической классовой борьбе, на манифестациях господствовали другие лозунги: «Сила через радость и радость через силу!»

На второе воскресенье мая был назначен День матери. В этот день женщинам дарились цветы. Это было исключительно светское мероприятие—члены «Союза немецких девушек» становились неким фоном для церемоний, на которых нацисты превозносили плодородие женщин.

В июне и декабре официально праздновались языческие праздники—День летнего солнцестояния (21 июня) и Юль (23 декабря). Эти обряды получили наибольшее распространение среди молодежи, околдованной новыми ритуалами, кострами, огненными колесами и патетическими речами эсэсовцев, которым специально навязывалась новая эрзац-религия. Но языческий маскарад был не в состоянии выкорчевать вековые христианские традиции, вместо Юля во многих

семьях продолжали справлять Рождество.

День национального труда имел свою деревенскую копию—день немецкого крестьянства, который превращался в некий праздник урожая. Центральное празднование проходило 2 октября на горе Бюкельберг. В этот день свой триумф праздновали аграрный романтизм «фёлькише» и сторонники мифа о «крови и почве». О размахах этого ритуала говорят хотя бы цифры: в 1933 года на горе собралось 500 тысяч крестьян, в 1934 году—700 тысяч, в 1935 году—почти миллион. Главный расовый идеолог Третьего рейха Вальтер Дарре приветствовал крестьян как «биологический источник расового государства». Гитлер же называл их не иначе как «будущее нации». Гигантская демонстрация заканчивалась многочасовым показом вооружений.

Каждый год 9 ноября проходило некое мифологизированное мероприятие, посвященное неудачному путчу 1923 году, более известному под названием «пивной путч». В этот день оказывались почести «мученикам движения». Для павших в 1923 году 16 человек был сооружен спе-

циальный мемориал, у которого и происходило это мрачное действие. Именно в этот день кандидаты в СС давали клятву на верность фюреру, в которой клялись пожертвовать жизнью, если это понадобится.

Частью ежегодного цикла был партийный съезд партии, который проходил каждый год в первой половине сентября. В течении целой недели в Нюрнберге проходило представление, которое должно было продемонстрировать всему миру сплоченность немецкой нации. Сценические постановки политического характера проходили на фоне средневековой архитектуры Нюрнберга, которые совмещались с многотысячными парадом, «лесами» колышущихся знамен, волшебных куполов, создаваемых ночью сотнями прожекторов.

Эти торжества, кроме собственно праздничного компонента, выполняли еще одну важную задачу—они подавляли волю человека, способствовали его слиянию с массой. Годовой цикл национал-социалистических праздников очень хорошо способствовал этому начинанию—

постановщики массовых шествий, демонстраций, собраний оказались неплохими знатоками человеческой психологии. Бесконечно повторяемые лозунги, выкроенные по одному идеологическому лекалу, лишали человека собственных убеждений, сокрушали его стремление к сопротивлению. Это, конечно, не касалось убежденных противников режима. Но рядовые немцы, еще недавно свято дорожившие своей личной жизнью, в одночасье предоставили ее в распоряжение нацистского руководства. Старые убеждения были отброшены. Это одна из причин, почему нацистский режим сделал ставку на молодежь, которая не имела богатого жизненного опыта. Ее было проще сформировать по новым образцам. В молодом поколении разжигался национальный энтузиазм, во имя которого оно могло пожертвовать своей личной жизнью. Но даже скептические наблюдатели отмечали волшебное воздействие массовых мероприятий, проводимых нацистами. Французский посол в Берлине в течение долгого времени отказывался посещать партийные съезды нацистов, так как опасался по-

пасть под их воздействие. Он не мог найти ни одного логичного объяснения для подобной мобилизации чувств. Он достаточно точно описал то, что происходило каждый год в Нюрнберге: «Древним городом овладевал коллективный энтузиазм. Тысячи простых мужчин и женщин были возвеличены, охваченны романтической лихорадкой, мистическим экстазом, священным бредом. На семь дней Нюрнберг погружался в безумие».

Роберт Лей точно следовал этому рецепту: во всех развлекательных мероприятиях главным действующим лицом был коллектив. Личное мнение должно было быть вычеркнуто «национальной анестезией».

Французский посол Андре Франсуа Понсет не раз обращал внимание, что красота нацистских мероприятий, роскошь немецкого гостеприимства околдовала многих иностранцев, которых руководство Третьего рейха тысячами приглашало к себе с страну. Но приглашали далеко не всех. Это были те люди, которые, ослепленные

немецким великолепием, могли быть инфицированы нацистским вирусом. Домой они должны были возвращаться убежденными сторонниками Гитлера, восхищенные его доктриной. Не видя обратную сторону медали: концентрационные лагеря, опыты над людьми, принудительную стерилизацию—они пытались формировать общественное мнение у себя на родине.

Нацистский режим делал все возможное, чтобы очаровать иностранных гостей. В течение многих лет зарубежных гостей окутывали заботой и дружелюбным отношением. Это было нечто большим, чем просто политической вербовкой. Это была попытка получить признание во всем мире.

Когда в 1936 году в Берлине проводились Олимпийские игры, то Третий рейх получил долгожданную возможность продемонстрировать всему человечеству свою «энергию и очарование». Немецкие атлеты выиграли медалей больше, чем их соперники. Представители различных стран и континентов были просто поражены итогами этой Олимпиады. Многие уехали обрат-

но буквально очарованные аурой нового порядка в Германии. Устроители игр в очередной раз проявили себя тонкими знатоками человеческих душ.

Летом 1936 года нацистская Германия объявила о невиданных—до 60 процентов—скидках на железнодорожные билеты, а сам год был объявлен Международным фестивальным годом по всему рейху (старая испробованная тактика «Силы через радость»). Молодежь всей Европы толпой хлынула в Германию, горя желанием посмотреть происходящую там великую социальную революцию—Олимпиада была всего лишь глазурью на пироге.

На самом деле Олимпийские игры, как и многие массовые мероприятия, были всего лишь поводом, чтобы показать людям привлекательность «нового порядка» в Германии, но теперь речь шла не столько о немцах, сколько иностранных представителях. Ведомство Геббельса буквально за несколько недель превратило Германию в сказочную страну. Первые впечатления от чистоты, порядка приглушили у многих

обостренные антинацистские чувства. Деревья в аллеях были превращены в некоторое подобие блестящих канделябров. Армейские офицеры возвели диковинный понтонный мост. Команды спортсменов и официальных лиц сопровождали немецкие девушки, облаченные в костюмы эпохи Возрождения. Они работали не только сопровождающими, но и официантками, поднося пиво, шампанское, холодные закуски. После великолепного фейерверка немецкие балерины показали гостям изысканную программу. Это все было заслугами Геббельса.

Герман Геринг, всегда стремившийся к развлечениям и саморекламе, решил тоже приложить руку к Олимпийским играм. Специально для гостей страны он сотворил некоторое подобие деревни XVIII века с пекарней, гостиницей, крестьянскими домами, ярмаркой. Тучный маршал хотел соответствовать укрепившейся за ним репутации весельчака, а потому повсюду демонстрировал гостям свое радушие. Он пил с ними пиво, катался на каруселях, танцевал, насколько позволяло его телосложение. В одну из олим-

пийских ночей он решил переплюнуть Геббельса и устроил постановку при помощи государственной оперы. Импровизированная сцена была драпирована дорогими шелками, в проходах стояли «лакеи» в красных ливреях и напудренных париках. Они держали в руках фонари.

Вслед за первыми лицами рейха откликнулись на эти мероприятия и функционеры помельче. Свою важность хотели продемонстрировать Йоахим фон Риббентроп, в 1936 году известный больше как крупный торговец шампанским и бывший вышибала и штурмовик Христиан Вебер. В 1936 году, фактически накануне Олимпийских игр, Риббентроп был назначен послом в Лондон. Несмотря на свое презрение к спорту, он все-таки решил использовать открытие Игр как удобный повод для проведения праздничного торжества. Он пригласил более 700 человек в шатер, разбитый рядом со своей резиденцией. В нем, конечно, не было ни лакеев, ни спутниц в средневековых одеяниях. Да и истинно германским это мероприятие можно было назвать с натяжкой—подавали в основном шампанское.

Но его можно считать вполне изысканным на фоне того, что было устроено Христианом Вебером, старым нацистом из Мюнхена. Вебер был в свое время телохранителем Гитлера, но со временем фюрер охладел к своему старому другу, и тому приходилось довольствоваться скромными постами в Баварии. Организованная им вечеринка больше напоминала легендарные попойки штурмовиков. Она была устроена только для мужчин, присутствовавшие на ней женщины и девушки были предназначены только для того, чтобы развлекать подвыпивших гостей. Девушек предоставил ему гауляйтер Баварии Адольф Вагнер. За самим Вебером закрепилась репутация редкостного бабника, за что он получил прозвище «жеребец Рим». Его пристрастия были более чем очевидными. В 1938 году он организовал в замке Нимфенбург так называемую «ночь амазонок», достаточно откровенное действие, лишь формально облаченное в мифологический контекст. Не решаясь критиковать отсутствие вкуса у могущественного Вебера, мюнхенские газеты называли этот мифологический стриптиз «выда-

ющимся социальным событием года».

Не было ничего новаторского в утехах нацистских бонз—все это была безвкусица, утрированная бургерская культура прошлого.

Портрет в интерьере. Озабоченный Мефистофель. (Йозеф Геббельс)

«Каждая женщина привлекает меня подобно пламени. Я брожу вокруг подобно голодному волу, но в то же время как робкий мальчик. Я иногда отказываюсь себя понимать». Эти слова написал в дневнике Йозеф Геббельс, главный пропагандист Третьего рейха, который не отказывал себе в удовольствии заниматься саморекламой. Он был большим любителем драматических эффектов. Нередко он просто-напросто пытался доказать самому себе, что не упустит возможность обольстить привлекательную женщину. Хотя от этого, судя по записям, он не получал никако-

го удовлетворения. Этим он как бы хотел возвыситься над толпой, дистанцироваться от буржуазной морали, получить всеобщее признание. Его хромота только усиливала эти желания.

Его первой возлюбленной была Анка, которую он вывел в своем романе «Михаель» под именем Герда Хойк. В этом романе он пишет: «Миссия женщины состоит в том, чтобы быть прекрасной и приносить на свет детей. И это не так уж и грубо и несовременно, как звучит. Женщина, как птица, прихорашивается для своего самца и несет для него яйца. Самец же берет на себя заботу о добыче пищи и защите гнезда, прогоняя врагов». Но со временем его возлюбленная предпочла бедному хромоту студенту преуспевающего адвоката.

После окончания Гейдельбергского университета Геббельс некоторое время работал в Дрезденском банке, затем на Кёльнской бирже. В 1924 году его друг Карл Кауфман знакомит молодого Геббельса с идеями национал-социализма. Озлобленный своими личными неудачами (разрывом с Анкой, провалом его ро-

мана) Геббельс охотно начинает писать антисемитские статьи для газеты «Немецкая свобода». В них он обрушивается на евреев, которые оккупировали всю культурную жизнь Германии. Очевидно, что именно их он сделал виновником своих неудач. В те дни дневник Геббельса полон любовных, а нередко даже эротических пассажей. «Смутное томление. Проснулся эрос. Уже мальчиком вульгарно просвещен». Сюжеты краткие и протяженные. «Я люблю женщину почти безумно. Борьба с полом. Думал, что болен. До сих пор не совсем преодолено». «Друзья отчуждаются. Только Лене. Удивительное мальчишеское блаженство. Конечно, жениться. Вопрос чести». «Я впервые поцеловал ее грудь». «Лене. Ночь с ней в Райндалене на софе. Осталась чистой. Я чувствую себя мужчиной». «Разрыв с Лене. Люблю Агнес. Холодный поцелуй на софе. Лизель любит меня, я люблю Агнес... Хассан любит Агнес... Агнес в Бонне. Ночь с ней в комнате Хассана. Я целую ее грудь». И так дальше. Страница за страницей. Геббельс просто был переполнен сексуальными порывами. Но судьбой «хро-

многого Мефистофеля», как нередко за глаза называли Геббельса недруги, стала совсем другая женщина. Ее звали Магда. Магда Геббельс.

Магда Геббельс (ее полное имя Йоханна Мария Магдалена) олицетворяла в Третьем рейхе идеал немецкой женщины. Красивая и образованная, убежденная сторонница идей национал-социалистической партии, любимица фюрера, она во всем разделяла взгляды и убеждения своего мужа, министра пропаганды Германии и гауляйтера Берлина Йозефа Геббельса. Мать семи детей, Магда Геббельс была первой награждена «Почетным крестом немецкой матери». Этот орден, приравненный по значению к высшим военным орденам, был утвержден Гитлером в 1938 году. Нацистская пропаганда называла Магду немецкой «суперматерью». По словам актрисы Аннелизе Улиг, хорошо знавшей немецкое высшее общество, Магда Геббельс по праву играла роль первой дамы Третьего рейха. Никто из женщин не был на официальных приемах и встречах ближе к Гитлеру, чем она.

Фамилию Геббельс Магда носила меньше че-

тырнадцати лет из своих неполных сорока четырех лет жизни. Те, кто знал Магду как фрейлейн Беренд, фрейлейн Фридлендер, фрейлейн Ритшель или фрау Квандт, вряд ли могли предположить, что она станет верной последовательницей и помощницей главарей нацистской Германии. Магда не раз круто меняла свою жизнь. Она могла остаться супругой одного из богатейших промышленников Германии, могла оказаться невесткой американского президента или стать женой и соратницей видного сиониста и одного из основателей государства Израиль. Но Магда Геббельс сделала иной выбор и закончила свою жизнь рядом с величайшими преступниками двадцатого века.

Первым мужем Магды был Гюнтер Квандт, один из самых богатых немецких предпринимателей, владелец целой хозяйственной империи. Квандт был очарован умной и красивой девушкой. Далее история развивалась по сюжету голливудских фильмов. Через три дня после знакомства Квандт стоял с букетом цветов у дверей квартиры Магды, а еще через несколько ме-

сяцев состоялась помолвка мультимиллионера и студентки. Но ее замужество не было счастливым.

После девяти лет брака с Квандтом Магда оказалась свободной, богатой и несчастной. Золотая клетка была открыта, но Магда не знала, чем себя занять. Внутренняя пустота и бездеятельность отравляли жизнь. Десятки тысяч женщин чувствовали бы себя на верху блаженства, если бы имели только часть того, чем обладала Магда. Ее же не устраивала бездеятельная и бесцельная судьба, ее роль в спектакле жизни должна была стать одной из первых.

С такими мыслями пришла двадцатидевятилетняя Магда в политику. То, что вполне обеспеченная дама с хорошими манерами оказалась в партии плебея Гитлера, могло бы показаться просто курьезом. Однако в Германии конца двадцатых годов многие представители высшего света, в обычной жизни не имевшие ничего общего с грубыми людьми в коричневых рубашках, были увлечены динамичной демагогией и бескомпромиссной решительностью лидера немецких наци-

СЛОВ.

Первого сентября 1930 года Магда Квандт получила от партийной ячейки Берлин-Запад удостоверение номер 297442 члена национал-социалистической партии. С рвением отличницы штудировала Магда книги Гитлера и Розенберга, выписывала партийную газету и не пропускала ни одной речи Гитлера в прессе. Так же страстно, как она когда-то мечтала о будущем сионистском государстве, теперь она была убеждена в превосходстве германской расы, в мировом еврейском заговоре и преступности Версальского мирного договора. Нацистское движение привлекало ее тем, что давало цель и заполняло внутреннюю душевную пустоту. Она не чувствовала себя больше одинокой. Успехи национал-социалистической партии на выборах свидетельствовали, что у Гитлера появляются все новые и новые сторонники. Казалось, будущее принадлежит нацизму.

Партийная работа фрау Квандт началась неудачно. Руководитель ячейки поручил Магде проводить занятия с женской группой, куда вхо-

дили, в основном, бедные домохозяйки и мелкие служащие. Появление в их рядах роскошной дамы было для них сенсацией. Слушательницы больше обращали внимания на свободные манеры и модные платья докладчицы, чем на то, что она говорила. Положение мелкого партийного функционера не могло долго устраивать Магду. Она всегда стремилась к высшему. Благодаря хорошему образованию и знанию иностранных языков Магда Квандт получила место в городском партийном архиве Берлина.

Вскоре на привлекательную и элегантную сотрудницу обратил внимание сам руководитель городской партийной организации (гауляйтер Берлина) Йозеф Геббельс, назначенный на эту должность Гитлером в 1926 году. Задачей Геббельса было завоевать для фюрера голоса жителей «красного Берлина». Геббельс с заданием справился. Благодаря своим зажигательным речам, умело организованным демонстрациям своих сторонников и уличным беспорядкам, факельным шествиям и кампаниям в прессе он сделал попутчиками и соратниками Гитлера многих из

тех, о ком говорили, что они встали под красное знамя еще до того, как на него нашили свастику.

Среди людей, приближенных к Гитлеру, Геббельс стоял особняком. Низкорослый и тщедушный, он мало напоминал идеал арийского мужчины. Уже будучи отцом семейства, Геббельс весил меньше 50 килограммов. У него была слишком большая голова по сравнению с телом. Из-за перенесенной в детстве болезни костного мозга он сильно хромотал—правая нога у него всегда была в шинах. Это доставляло честолюбивому Йозефу не только физические страдания. Тяжелейшим испытанием для него было обойти строй почетного караула. Когда этой церемонии нельзя было избежать, ему накануне всю ночь снились кошмарные сны. Физические недостатки Геббельса не только давали богатый материал карикатуристам за пределами Германии после 1933 года, но и были предметом постоянных насмешек самих нацистов.

Первая встреча Магды и Геббельса состоялась 7 ноября 1930 года и прошла по-деловому. Как рассказывала Магда своей матери, не было

сказано ни одного комплимента, почти ни одного слова о личном, но его пожирающие взгляды были красноречивее слов.

Геббельс имел опыт общения с красивыми женщинами, особенно после того, как его положение в нацистской партии позволяло ему распределять гонорары журналисткам и роли актрисам. Отношения с красавицей Квандт тоже развивались по знакомому сценарию. Магда получила задание вести личный архив гауляйтера. 28 января 1931 года Геббельс записывает в своем дневнике: «Фрау Квандт пришла ко мне домой работать с архивом. Она прекрасная женщина». 15 февраля запись в дневнике более красноречивая: «Вечерами приходит Магда Квандт и остается надолго. И цветет своей красотой. Будь же моей королевой!» Далее в записях начинают встречаться цифры, которыми Геббельс, на манер Дон Жуана, нумерует свои интимные встречи с Магдой. Через неделю Геббельс едет вместе с Магдой в Веймар на партийную конференцию. «До глубокой ночи сижу я вместе с Магдой. Она восхитительно прекрасна и добра и любит меня

сверх меры», — записывает он в своем дневнике.

В Веймаре Геббельс встретил свою прежнюю любовь Анку Штальхерм. Он познакомил ее с Магдой, а в дневнике записал: «Я встретил Анку. Она печальна. Прочь отсюда! Наконец-то я ее больше не люблю с ее вечной недисциплинированностью». Правда, окончательно пути Геббельса и Анки разошлись только в 1933 году, после прихода нацистов к власти.

Магда Квандт знала себе цену. Отношения между нею и Геббельсом были далеко не всегда такими, как хотел бы гаулейтер. По его убеждению, «задача женщины—быть прекрасной и рожать детей». При таких убеждениях конфликты были неизбежны. Но, несмотря на это, чувство Геббельса становилось все крепче, и 22 марта в дневнике появилась запись: «Я люблю сейчас только ее одну».

Вскоре роскошная квартира Магды Квандт, подаренная ее бывшим мужем, стала своеобразным салоном, где собирались партийные бонзы. В один из дней своего пребывания в Берлине в квартире Магды появился и сам Адольф Гитлер.

Шеф партии был покорен красотой и манерами Магды. Казалось, в ней воплощен идеал арийской женщины и матери. Такая женщина должна была бы принадлежать только фюреру и никому другому. Однако Гитлер, готовясь захватить власть над всей Германией, дал обет безбрачия. Любовь к власти была для него сильнее любви. Но и пройти мимо Магды Квандт Гитлер не мог. «Эта женщина могла бы сыграть в моей жизни большую роль даже без того, чтобы я на ней женился», – говорил Гитлер Отто Вагнеру, начальнику штаба СА и своему тогдашнему экономическому советнику. Своей женственностью Магда должна была вдохновлять фюрера во время его работы. Кроме того, Магда была бы полезна для пропагандистской работы партии. «Жаль, что она не замужем», – добавил Гитлер.

Этот недостаток легко было поправить. Не без активного участия Гитлера 19 декабря 1931 года состоялась свадьба Магды и Йозефа Геббельса. При венчании Гитлер был свидетелем. Для него этот брак означал, что теперь он всегда

может быть в обществе своей музы. Магда шла на брак с Геббельсом, трезво оценивая обстановку. Матери она объясняла, что после прихода нацистского движения к власти, а это вполне реально, Магда станет первой дамой Германии.

Магда относилась к Гитлеру совсем не так, как к своему новому мужу. В Гитлере она увидела отца, решительного человека, знающего, куда надо идти. Актриса и режиссер Лени Рифеншталь записала в своих воспоминаниях сказанные сразу после свадьбы слова Магды Геббельс: «Я люблю своего мужа, но моя любовь к Гитлеру сильнее, для него я готова пожертвовать своей жизнью. Только тогда, когда я поняла, что Гитлер не может любить никакую женщину, а только Германию, я дала согласие на брак с доктором Геббельсом, так как теперь я могу быть ближе к фюреру». Вегетарианскую еду для Гитлера готовила всегда сама Магда.

Герберт Дёринг, управляющий домом Гитлера в Бергхофе, часто видевший Магду Геббельс в гостях у Гитлера, вспоминал о своих предположениях, что фрау Геббельс позднее поменяла

бы супруга и охотно вышла бы замуж за Гитлера. Такую надежду, как ему казалось, она никогда не теряла. Из-за своего нового замужества Магда потеряла право воспитывать своего первого сына Харальда Квандта. Мальчик переселился к отцу, но почти ежедневно посещал мать, подружился с Геббельсом и скоро стал своим в их новой семье. С замужеством Магды прекратились ежемесячные выплаты со стороны Гюнтера Квандта, но эту потерю компенсировал Гитлер, удвоив оклад гауляйтера Берлина.

В браке с Геббельсом Магда родила пять девочек и одного мальчика: в 1932 году—Хельгу, в 1934—Хильде, в 1935—Хельмута, в 1937—Хольде, в 1938—Хедду, в 1940—Хайде. По странной прихоти Магды она всем своим детям давала имена, начинающиеся с буквы «Х». Этой же буквой начинается и имя Харальда Квандта, и фамилия Гитлера (Hitler). Увеличившейся семье потребовалось новое жилье. Гитлер помог Геббельсу и Магде купить роскошный замок на берегу Ванзейского озера. Там чета Геббельс дала грандиозный бал в честь летней берлинской

Олимпиады 1936 года. Было приглашено более трех тысяч гостей из разных стран. Земельные владения Геббельса увеличились за счет покупки имений соседей, как правило, евреев, среди которых был и один из родственников отчима Магды. Евреев силой заставляли расставаться со своим имуществом.

Нацистская пропаганда представляла семью Геббельса образцом для всех немцев. Магда получала ежедневно десятки писем от женщин, ждущих от нее помощи или совета. Но за фасадом образцового брака было не все гладко. Йозеф Геббельс не упускал возможностей доказать свою мужскую неотразимость, благо в его власти оказались все киностудии Третьего рейха. Множество кинозвезд и кинозвездочек проходили свой путь к успеху в искусстве через спальню гауляйтера. Магда не устраивала ему громких сцен ревности, но находила утешение в своих верных поклонниках. Несколько раз брак Магды и Геббельса находился на грани краха.

Чешская актриса Лида Баарова вошла в историю прежде всего как «фамм фаталь»—

роковая женщина министра пропаганды гитлеровской Германии. Она доживала свой век в Австрии, в Зальцбурге, в достатке—и в полном одиночестве. Ее красивое лицо с удлинёнными темными глазами помнят многие. Лида Баарова, чешская актриса театра и кино, в 30—40-х была международной кинозвездой первой величины. Но в историю она вошла, прежде всего, как «фамм фаталь» хромоного министра.

В 1934 году 20-летняя Баарова получила предложение от немецкой киностудии УФА заключить контракт на несколько лет—редкостное везение для начинающей чешской актрисы. Первой ее картиной в Германии стала «Баркарола», а партнером—знаменитый герой-любовник немецкого кино Густав Фрелих, почти сразу же ставший и любовником обаятельной чешки... Однажды в кинопавильоне, посреди декораций к «Баркароле», внезапно появился фюрер. Режиссер Лампрехт представил Гитлеру актрису, но она не была удостоена даже дежурного комплимента—фюрер чрезвычайно спешил.

Позднее фюрер оставил попытки завое-

вать расположение Бааровой, но, вне сомнения, она произвела на него сильное впечатление— настолько сильное, что, встретив ее как-то в сопровождении Фрелиха, он остановил киноактера и прошептал ему: «Относитесь хорошо к этой женщине, вы вызываете у нее душевные муки».

Отношения между Бааровой и Фрелихом обретали все большую взаимность. Фрелих купил дом в Берлине и снял виллу на острове Шванненвердер с теннисным кортом, бассейном и причалом на берегу озера. Лида поселилась вместе с ним. Но по иронии судьбы, именно там, в месте весьма уединенном, вскоре произошла ее первая встреча с министром пропаганды Германии Йозефом Геббельсом.

Как оказалось, Геббельс с семейством—женой Магдой и пока еще четырьмя детьми—проживал по соседству с Фрелихом и Бааровой. Как-то, проходя мимо с дочерьми, Геббельс попросил у Фрелиха разрешения осмотреть его виллу. Поговорив с хозяевами об интерьере дома, об уходе за садом и прочих пустяках, министр удалился. А вскоре от него последовало приглашение по-

участвовать в прогулке на яхте. Фрелих скрипя сердце согласился, прекрасно понимая, что отказ может губительно отразиться на кинокарьере обоих.

Здесь надо пояснить, что Лида, несмотря на неарийское происхождение, была человеком весьма амбициозным. Возможно, сознательно идя на сближение с рейхсминистром, она надеялась лишь вскружить ему голову и нажить некие «творческие дивиденды». Как оказалось, на деле Лида слишком увлеклась этой опасной игрой. Рассказывая позже о своей роковой связи, она не скрывала, что между ней и Геббельсом тотчас возникли интимные отношения, однако добавляла: события развивались под его давлением, помимо ее воли и желания. Сыграли свою роль и некоторые другие обстоятельства. В частности, осенью 1936 года Фрелих, совершенно измученный съемками, а также затянувшимся бракоразводным процессом, который мешал ему оформить официально отношения с Бааровой, уехал на две недели на баварский курорт. Лида осталась в его доме в Берлине одна...

На следующий же день после отъезда Фрелиха ей позвонил Геббельс. Он настоял, чтобы актриса села в свою машину, доехала до названного им места автостреды, а затем... пересела в его «Хорх». Министр вознамерился показать Лиде свой дом на озере Крумме Ланке. Устроено там все было со вкусом: в салоне горел камин, звучала тихая музыка... Словом, нетрудно угадать, чем завершилась их встреча. Тайные свидания стали повторяться все чаще и чаще.

Казалось бы, чем мог завоевать сердце прекрасной чешки этот тщедушный человек? Романтикой... Он возил ее кормить ланей, учил стрелять из лука, с большим вдохновением и мастерством играл на рояле. Все это сопровождалось страстными объяснениями в любви и, разумеется, ее бурными проявлениями...

Летом 1937 года Баарова уехала в Прагу, где советник кинокомпании «Метро Голдвин-Майер» господин Ритчи предложил ей сниматься в Голливуде. Был подготовлен контракт сроком на семь лет с обязательством сниматься в четырех фильмах ежегодно. Обещались сказочные

гонорары. . . Несмотря на все это, Баарова, поколебавшись, вернулась в Берлин. Она опасалась, что не сумеет добиться за океаном такого признания, которое уже получила в Германии. Геббельс часто звонил ей, представляясь прислуге как «господин Мюллер». Затем следовало приглашение Лиды на виллу. Баарова садилась за руль и ехала сквозь метель (шла зима 1937 года) 20 километров к нему на озеро. Перечить рейхс-министру она не решалась.

Развязка, впрочем, приближалась. Как-то среди ночи в квартире Бааровой раздался телефонный звонок. Звонил Геббельс. Как оказалось, в минуту душевной слабости он все. . . рассказал жене! Впрочем, Магда и без того догадывалась о романе. Выслушав признание мужа, она заявила, что хотела бы теперь поговорить с самой Бааровой! Геббельс был почти в истерике, он умолял Лиду поутру отправиться на Ваннзее, в дом Геббельсов.

Магда позвала Лиду к столу, где уже стояли чай и ликер. Разговор «первая леди рейха» начала с главного:

– Я люблю своего мужа. Но он любит тебя. Он хочет, чтобы ты всегда была рядом. Как любовница.

– Но у меня нет подобных амбиций, – возразила Баарова. – Я хочу немедленно покинуть Германию. Могли бы вы мне в этом помочь?

– Ты не имеешь права уехать—он нуждается в нас обоих. Научись его понимать. Я—мать его детей, моя жизнь—это дом, где я живу, а все остальное, что происходит вне этого, меня не касается.

– Нет, – повторила Баарова менее решительно. – Я никогда не смогла бы...

– Ты должна! – сказала повелительно Магда. – Иначе он... бросит меня. Я не допущу, чтобы дело дошло до развода. Я не ревную, Лида, поверь мне. Но если ты не послушаешь меня, он уедет с тобой из Германии...

Тут в столовую вошел Геббельс. Он вел себя так, будто не имеет ни малейшего понятия о причине визита Бааровой, и, кивнув, приветливо улыбнулся ей. Воспользовавшись его появлением, актриса поспешила откланяться.

Трудно сказать, чего именно хотела от актрисы Магда Геббельс. Искушенная в любовных играх, она прекрасно понимала, что едва ли, будучи в полтора раза старше 24-летней Бааровой, сумеет составить той конкуренцию в борьбе за мужа. Не исключено, что за высокими мотивами она пыталась скрыть свою ненасытную тягу к плотским приключениям, быть может, даже склонить хорошенькую чешку к «любви втроем» (среди многочисленных любовников Магды были и женщины). А вскоре Магда прислала записку: пожалуйста на уикенд! И Баарова приехала, опасаясь за свою кинокарьеру. Но как она потом пожалела об этом!

Начало веселья отнюдь не обещало неприятностей—министр был, как всегда, обходителен с гостями, развлекая общество показом новых фильмов. Объявив конкурс между тремя новинками—двумя комедиями и экранизацией повести Достоевского «Игрок», в которой Баарова исполняла главную женскую роль, Геббельс неожиданно провозгласил победителем именно этот фильм... Затем последовала

прогулка на яхте. Присутствовавшие почти сразу же взялись за бутылки с шампанским и шнапсом. Через полчаса большинство из них были абсолютно пьяны. Гости начали шумно требовать, чтобы яхта причалила к пустынному берегу на ночевку... Причем тон в оргии задавали дамы! Как только яхта встала на якорь, Баарова бросилась в воду и поплыла прочь ото всех. Но следом за ней... бросилась Магда! Догнав актрису, она спросила:

– Ну как тебе у нас? Нравится? Такая красота...

– Мне не нравится роль, которую ты мне отвела.

– Предупреждаю, ты все испортишь! – прошипела «первая леди»...

Вернувшись домой, актриса приняла снотворное. Но среди ночи вновь резко зазвонил телефон, и в трубке раздался глухой голос Геббельса. Запинаясь, он сказал, что Магда была у фюрера, где наговорила ему массу лжи о взаимоотношениях рейхсминистра и «неарийской» актрисы. Фюрер приказал немедленно вызвать Геббельса

к себе, и тот сейчас же едет к нему.

Перезвонил он уже под утро. В трубке раздался плач—рыдания мужчины! Оказалось, что фюрер заставил его дать честное слово (эту фразу он повторил трижды), что неподобающие отношения между «грязной чешкой» и вторым лицом рейха должны быть немедленно прекращены, иначе... Последнее, что услышала в трубке Лида, были пылкие уверения в вечной любви...

Последующие события не заставили себя долго ждать. Сначала у Бааровой отобрали новую роль. Потом освистали на премьере фильма «Игрок»—между прочим, того самого, о котором столь высоко отозвался Геббельс! С балкона летело: «Вон отсюда, потаскуха!» В травлю не замедлил вступить Гиммлер со своими «расовыми теориями» и заботой о госбезопасности. Наконец, актрисе было недвусмысленно заявлено о том, что немецкий народ больше не желает видеть ее на экране... Геббельс даже не ударил палец о палец, чтобы как-то поправить положение.

Словно комментируя эти события, Гит-

лер как-то заявил: «Геббельс в общении с женщинами—циник».

Глава 4. Раскрепощение тела

Вряд ли можно придумать что-то более бессмысленное, более противоречивое, чем борьба в нацистской Германии за «чистую» культуру, вдохновенную «арийскими идеалами красоты» изобразительного искусства. Обратной стороной этого процесса была война против дегенеративного неарийского искусства. Идеологическая борьба за «арийскую культурную гегемонию» шла под непосредственным контролем Адольфа Гитлера, Йозефа Геббельса и главного идеолога НСДАП– Альфреда Розенберга.

Искусствовед Рихард Хаманн сразу же после крушения «тысячелетнего рейха» анализировал приоритеты национал-социалистской художественной политики, которые с одной стороны определялись потребностью в общественном

признании, а с другой— естественным изображением вещей. Нацистскую художественную политику отличала преувеличенная патетика, что ярко выразилось в скульптурах Арно Брекера. Художественные произведения Третьего рейха были во многом утрированы и приукрашены, что невольно взывало у наблюдателя ощущения кича, «неприятной точности воспроизведения модели, психологический и психической чистоты». «Новый классицизм» был ничем иным, как искаженной имитацией культа обнаженного тела; и национал-социалистический идеал красоты должен был служить «расовой гигиене», заставляя рассматривать произведение искусства с политической, а не эстетической точки зрения.

Гитлер в своей книге «Моя борьба» изобразил искусство как театр военных действий между арийцами и евреями, да и все человечество он делил по расовому принципу на создателей и разрушителей культуры. Гитлер положил этот дуалистический принцип борьбы созидательного против разрушительного не только в основу культурной политики, но и сделал ядром собственной

антисемитской модели. Не задумаясь, он узурпировал все права на понимание «арийского искусства»: «Ариец является Прометеем человечества. Его ясная голова была одарена божьей искрой гения, ему дано было возжечь первые огоньки человеческого разума, ему первому удалось бросить яркий луч света в темную ночь загадок природы и показать человеку дорогу к культуре, научив его таинству господства над всеми остальными живыми существами на этой земле. Попробуйте устранить роль арийской расы на будущие времена, и, быть может, уже всего через несколько тысячелетий земля опять будет погружена во мрак, человеческая культура погибнет и мир опустеет... Если мы разделим все человечество на три группы: 1) основателей культуры, 2) носителей культуры и 3) разрушителей культуры, то представителями первых двух групп будут пожалуй только одни арийцы. Именно арийцы создали, так сказать, фундамент и стены всех человеческих творений. Другие народы наложили свой отпечаток только на внешнюю форму и окраску. Все основные планы человеческого про-

гресса, все самые большие камни, необходимые для постройки, – все это дал ариец. Другим расам принадлежало только выполнение планов. . . Вся человеческая культура и цивилизация на нашей земле неразрывно связаны с существованием арийца. Если бы арийцы постепенно вымерли или сразу погибли, то это означало бы, что весь земной шар был бы вновь обречен на полное бескультурье».

Гитлер полагал, что культуры гибнут тогда, когда арийская раса господ смешивается с разрушителями культуры. «Каждое скрещивание неравных сущностей в результате дает нечто среднее. А значит, ребенок, рожденный в таком союзе, будет в расовом отношении несколько выше, чем его несовершенный родитель, но в то же время значительно ниже возвышенной половины, вызвавшей его к жизни. В итоге несколько позже он начнет борьбу против более высокой культуры».

Гитлер полагал, что хотя арийская культура и подчинялась неким циклам подъема и спада, но тем не менее талант ее основателей никогда не

иссякал. Евреи же ни разу не смогли даже сымитировать «арийскую культуру», так как разрушительное начало было заложено в их крови. Гитлер считал, что евреи заимствовали и портили истинную культуру, выдавая ее творения за собственные достижения. Именно так, по его мнению, возникли современные направления искусства—кубизм и футуризм, которые на самом деле являлись не чем иным, как продуктом смешения рас и народов.

Гитлер создал даже собственный идеал красоты, который демонстрировал на примере греческих античных статуй. Они были для него воплощением «целесообразности» и «красоты», так как абсолютно правильно показывали строение мужского и женского тела. Уже в просто анатомическом смысле они, так или иначе, служили высокой цели. Образ мужчины выражает собой силу и энергию, что полностью соответствует роли, отведенной ему природой. В то же время изображение женщины воплощает собой продолжение жизни, что соответствует высокой цели материнства. Эта точно подмеченная

и воспроизведенная физиологическая практичность предметов искусства и являлась мерилom красоты. Здесь Гитлер ориентировался на теорию Дарвина, согласно которой, более сильный индивидум или более сильный вид одерживал верх над конкурентами. Он пытался вывести эстетическую последовательность из этого принципа, считая, что для сохранения индивидума или вида тело должно быть прекрасным. Такие явления как дадаизм были созданы вырожденками, так как их порождение было абсолютно чуждо и красоте, и практичности.

Это фактически переопределило физический идеал нового немецкого искусства. «Мы любим здоровье. Стержень нашего народа, воспринявший и тело, и душу, должен стать определенным эталоном. В нашем искусстве должен прославляться только он. Высший принцип нашей красоты всегда должен звучать одинаково—здоровье», — было заявлено на партийном съезде 1936 года, проходившем традиционно в Нюрнберге. Выставка «Дегенеративное искусство», открытая в 1937 году в Мюнхене, еще раз проде-

монстрировала, что национал-социалисты хотели подчинить людей искусства партийной мировоззренческой линии.

В те дни по Германии ходил такой анекдот. Встречаются художник и композитор. Композитор восклицает: «Какое счастье, что фюрер в юности не хотел стать пианистом». Но оставим психологам попытку разобраться в том, было ли построение нового «арийского искусства» болезненной реакцией Гитлера на его несостоявшуюся художественную карьеру.

Альфред Розенберг писал своем «Мифе XX века», что «внутренняя» красота представляет «высшую ценность» германской расы, а «формальная» красота, напротив, — это «высшая ценность» греческой античности. Но так как и германцы, и античные греки были ветвями одного общего «арийского ствола», то Розенберг полагал, что обе эти ценности должны были равно представлены в новой эстетике. Итоговое понятие красоты из уст Розенберг звучало следующим образом: «Для нас красивым может считаться наряду с нордическим расовым иде-

алом только материально выраженное внутреннее воздействие выдающейся воли. . . . Греческая красота—это формы тела, германская красота—это формирование души. Одно означает внешнее равновесие, другое—внутренний закон».

Возникшие на основе этих теорий «шедевры» выглядели во многом безвкусно и неприятно. Впрочем, искусство Третьего рейха полностью отражало его идеологию, было удивительно, если бы происходило как-то иначе. Наиболее яркие примеры нацистского творчества явил скульптор Арно Брекер, который украсил монументальными статуями героических мужчин новую имперскую канцелярию и Цеппелинфельд. Моделями для этих изваяний служили нордические эсэсовцы, но иногда складывалось впечатление, что Брекер создавал пособие по мужской анатомии. Художники Адольф Циглер, полнейший дилетант от искусства, также предпочитал работать с обнаженной натурой. Циглер за свою болезненную педантичность при изображении обнаженной натуры заработал кличку «художник немецких лобков». Впрочем, это не ме-

шало ему быть одним из любимых художников фюрера. Его картина «Четыре стихии» была даже размещена в мюнхенском «коричневом доме». Огромная картина висела над камином в чайном кабинете. Четыре нагие дамы—одна с факелом, другая с миской, третья со снопом колосьев, четвертая без ноши—должны были изображать стихии природы, как бы символизировать первоприродные начала истинно германской души. Не меньшую популярность получила картина «Суд Париса». О влиянии А.Циглера говорил хотя один факт: именно он был одним из инициаторов проведения печально знаменитой выставки «Дегенеративное искусство».

А вершиной эротического искусства «третьей империи» было выставленное в 1939 году, опять же в Мюнхене, полотно «Леда и лебедь» кисти Пауля Матиаса Падуа. Лебедь, похожий на гуся, совокуплялся с якобы упавшей в обморок, раскоряченной Ледой, будущей родительницей Прекрасной Елены. У Леды маникюр, на шее бусы. Все это вопреки некоторым критикам очень понравилось фюреру, в связи с чем последовало

специальное указание министерства пропаганды, запрещающее критиковать картину. В народе же она получила название Schwanerei—игра слов, которую, с позволения читателя, можно приблизительно перевести как «леблядство».

Изображение обнаженного человеческого тела было строго регламентировано: «Человеческое тело, обнаженная натура является вопросом полнокровной жизни. Хочется, чтобы перед глазами представляли здоровый физический базис, биологическая ценность личности, которые должны стать предпосылкой нравственного возрождения народа. В искусстве речь идет о теле, которое должно дароваться природой. То есть находиться в отличной форме, с чисто отработанной структурой, проникнутое хорошим цветом кожи, в благородном движении. Являть собой очевидные жизненные резервы. Короче говоря, тело современное и претендующее на спортивную классичность».

Искусство должно было заботиться об изображении немецкой женщины, которая не должна была являться неким определенным сексуаль-

ным объектом. Ее наготe надлежало выполнять вполне конкретные задачи. Изображение обнаженной женщины являлось скрытым мероприятием в сфере демографической политики, некой рекламой брака и материнства. Нацисты собирались окончательно очистить искусство от еврейского и педерастического доминирования. Искусство должно было прививать людям не низменные страсти, а навязывать естественный, не зависящий от времени порядок вещей.

Несмотря на лояльность фюреру, рано или поздно должна была появиться критика в адрес художественного нацистского стиля. В частности, художественный критик Бруно Э. Вернер пытался демонстративно дистанцироваться от того, что он видел. В своей заметке, написанной для «Немецкой всеобщей газеты», он иронично повествовал о «великой немецкой художественной выставке»: «Многочисленные экспонаты этой выставки исполнены радости от здорового тела и обнаженной женской натуры. Здесь нет места для экспериментов. Здесь в каждой работе должны подтверждаться руководящие прин-

ципы, которые постоянно повторялись в речах ко дню искусства: то, что в этом прекрасном доме не могут выставляться незавершенные и несовершенные картины». Но даже такую осторожную критику нацисты не были намерены терпеть: Вернера исключили из имперской палаты прессы, а затем посадили в концлагерь. Из концентрационного лагеря этому журналисту удалось бежать в 1944 году, и до конца войны он прожил в подполье.

Одной из самых известных и во многом скандальных картин Третьего рейха была «Крестьянская Венера» Зеппа Хильца. Злословы называли ее «Неуклюжим стриптизом в крестьянской комнате». Критик Габриэль Хузтер писал о ней: «Зрителям представлена клинически чистая безвольная нордическая красота в наилучшем ее проявлении. Несмотря на всю свою неприкрытую наготу, она предстает стерильным, лишенным сексуальности созданием». Но в целом это была посредственная живопись. Поза крестьянской девушки была скованной и неестественной, так что культурной критике пришлось очень по-

стараться, чтобы придать этой «голышке» глубокое значение. К тому же вскоре картины с изображением рабочих и крестьян стали надоедать посетителям выставок и тайные осведомители доносили в гестапо, что многие осмеливались критиковать выставленные картины.

Но рядом с этим народно-патриархальным кичем культивировалась другая тематика. Вот выдержка из предисловия к альбому цветных фотографии «О воспитании и красоте тела», 1940 год (обратите внимание на красочный слог): «Расовый отбор нельзя осуществлять по приказу. Расовый отбор требует создания таких условий, когда оба пола, свободные от неподобающей опеки, от искусственных ценностей так называемой цивилизации, в чистом и однозначном окружении, выступают друг перед другом в неприкрытом выражении и свободной игре движений своего тела, получая возможность познать свою ценность или неполноценность. . . Тот, кто думает, что все признаки, которые подчеркивают различия пола, нужно прятать как что-то нечистое или греховное, — тот не только грязнит область

своей собственной жизни, но и множеством своих двусмысленностей вокруг половой сферы и процесса размножения отравляет ядом душу нашего народа!»

Расово-озабоченному читателю предлагалась обширная коллекция умело выполненных фотоснимков обнаженных девочек перед зеркалами, женщин и мускулистых ребят «в неприкрытом выражении» на лугах, на пляжах, на лоне речных и морских вод. Но это не то, что можно видеть в современных иллюстрированных журналах. Это—эротика без эротики, иллюстрированное пособие для воспроизводителей нордической породы.

Но гораздо большее значение Гитлер и Геббельс придавали кинофильмам. Их они считали сильнейшим пропагандистским оружием. Плакат и листовка были хороши, но их действие было слишком скоротечно. Гитлер говаривал: «Уже по своей форме кино обладает гигантскими перспективами. К тому же человеку здесь не стоит умственно напрягаться—достаточно просто смотреть». Лени Рифеншталь, начинавшая некогда

как танцовщица и актриса, выбрав карьеру кино-режиссера, превратилась чуть ли в первую женщину Третьего рейха. Апофеозом культа тела в ее творчестве стал фильм «Олимпия», который был посвящен Олимпийским играм, проходившим в 1936 году в Берлине. В прологе к фильму было заснято несколько откровенных сцен. Группа специально отобранных обнаженных танцовщиц исполняла храмовый танец. Вслед за этим слепок знаменитой статуи Мирона «Дискобол» в натуральную величину оживал, преображаясь в обнаженного дискобола из плоти и крови. На эту роль был приглашен немецкий десятиборец Эрвин Хуберт. Судя по всему, это изваяние было выбрано далеко не случайно. В свою бытность Гитлер подарил мюнхенской Глиптотеке уменьшенную копию известной греческой статуи. Рифеншталь использовала античный образ мужчины с тщательно прорисованными мышцами для пропаганды нацистского культа тела.

Нацистская «фабрика грез» находилась в Бабельсберге, местечке рядом с Потсдамом. Девушки просто вились вокруг этого городка, же-

лая попасть в кино. Один наблюдатель писал в 1941 году: «Каждая женщина, по крайней мере, хотя раз в жизни мечтала стать актрисой. У молодых девушек эта болезненная страсть особенно распространена, и с ней бесполезно бороться».

Политику Третьего рейха в области кино можно охарактеризовать лозунгом «ласкать и подгонять». С одной стороны, в немецком кино можно было увидеть хеппи-энды и двусмысленные фантазии, а с другой стороны, появлялись отвратительные халтуры вроде «Еврея Зюса», в которых снимались те же самые актеры.

Но часто фильмы были достаточно двусмысленными и фривольными. Кинозалы были полны, когда шли так называемые «познавательные ленты». Как ни странно прозвучит, но возраст киномехаников в 1940 году составлял 18 лет, по законам Третьего рейха они еще не были совершеннолетними. В то время более взрослые мужчины находились на фронте. В фильме «Петер Фосс, укравший миллионы» нередко встречались кадры с экзотическими полуодетыми девицами. Эсэсовская служба безопасности—

СД возмущенно сообщала, что такие представления посещались публикой из-за стремления увидеть некую сексуальную сенсацию, нежели из-за желания действительно получать знания, как того требует народно-биологическое мышление национал-социализма. В итоге эсэсовские чиновники в решительной форме потребовали запретить посещать просмотр подобных фильмов несовершеннолетним юношам. Но подростки все равно тысячами проникали на такие фильмы, как «Мировой рекорд по любовным интрижкам», «Женщина по заказу», «Ева». Как заметил современник, «в то время старлетки, снимавшиеся в этих фильмах, еще не полностью покрылись тевтонской киночешуей».

Фотография также должна была подчиняться политической воле. Модели замирали в весьма несоблазнительных позах, лишённые какой либо эротической динамики. Тогдашним фотографам-любителям давался совет: «При съёмке танцев или работы, например уборки урожая, дождитесь пиковой и спокойной фазы движения. В некоторых танцевальных фигурах, при апогее движе-

ния, люди кажутся несколько длиннее». Почтовые открытки с обнаженной натурой и эротическая живопись очень быстро снискали чрезвычайную популярность в Третьем рейхе. Постепенно фотография превратилась в Германии в «мать народного искусства». Стало появляться все больше альбомов репродукций, в которых содержались фотографии обнаженных женщин. Эсэсовский журнал «Черный корпус» извиняющимся тоном писал по этому поводу: «За настоящую и благородную наготу! Мы должны бороться за нее открыто и честно. Потому что это правильно. Так как это всегда правильно. А если это правильно, то полезно для здоровья, а если это полезно для здоровья, то наверняка является естественным. Поэтому мы должны бороться за настоящую и благородную наготу как естественную данность. И так же открыто и честно изображать ее в искусстве и культуре». В «Черном корпусе» печаталось множество откровенных фотографий. При этом давался крайне циничный комментарий. «Если мы смотрим (на обнаженное тело), то это продолжается не слишком долго. Наш

взгляд на прекрасное неприкрытое тело знакомит с ним. Поскольку мы хотим поднять наш род и одновременно улучшить расу нашего народа, то действительно внутренне свободная в духовном плане и физически гармоничная красота должна быть интимной естественностью и желанной целью».

В этой фразе проявилась двойная мораль нацистского режима. Еще в 1933 году было запрещено нудистское движение, которое, казалось бы, руководствовалось теми же мотивами. По крайней мере, нудисты являлись прекрасным материалом для подобных фото. Но нацисты провозгласили «Культуру свободного тела» (именно так наименовался нудизм в Германии тех лет) очень опасным заблуждением, которое убивало естественную стыдливость женщины и уважение мужчин по отношению к противоположному полу. Совместные солнечные ванны для обнаженных мужчин вообще считались предпосылкой к гомосексуализму, что грозило попаданием в концентрационный лагерь.

Самое парадоксальное заключалось в том,

что основатели немецкого нудизма только приветствовали приход к власти нацистов! Еще на грани века обозначилась некая новация, вначале воспринятая как бунт против буржуазной респектабельности и салонной морали: «открытие тела». Из душных будуаров—назад к природе, к солнцу; отбросим ложный стыд, раскрепостим человеческое тело; прочь тесные одежды, корсеты, длинные платья и наглухо застегнутые сюртуки, все эти лицемерные уловки, целью которых было спрятать нагое тело, объявить его несуществующим и вместе с тем искусственно раздражить чувственность, превратив ее в тайное наваждение. Появились кружки и общества нудистов, которым хотелось превратить Германию в древнюю Элладу: античное искусство неотделимо от природы, античная нагота освобождает человеческое тело от сексуальности. Такова задача новой фотографии и героически-натуралистического искусства: они демонстрируют человеческое тело не в качестве пикантной приманки, не как объект постыдного вожделения, а как символ духовного и физического здо-

ровья, близости к вечной природе, чистоты и величия нации.

Как разъяснил идеолог нудизма Рихард Унгевиттер, задачей движения за раскрепощение тела должно быть воспитание новой элиты и изгнание чужеродных элементов из тела нации. «Коричневый цвет загара должен окрасить тела германских мужчин и женщин. Коричневый цвет—это цвет нации!»—изрек другой теоретик нордической голизны, Ганс Зурен.

Интересно было просмотреть некоторые журналы для нудистов, которые чудом продолжили свое существование. Для этого им приходилось маскироваться под атлетические издания, где помещались картинки с всевозможными физическими упражнениями. На них почти полностью обнаженное тело оставалось абстрактным, похожим на некую скульптуру. Для нацистских идеологов правильным изображением обнаженного тела являлся показ закаленного спортом, здорового туловища. В книге Ганса Зурена «Гимнастика для немцев» почти полностью голые тела показывались либо на фоне природы, либо во

время путешествий. Однако даже в этом случае к мужскому телу предъявлялся ряд требований— оно должно было быть гладким и загорелым. Мужская сила, по замыслу нацистских идеологов, как раз и должна была проявляться в «прохладных» неэротических позах: ариец должен был осознавать себя «скромной величиной».

Но эротическое желание все равно брало свое. До 1943 года фотография обнаженной натуры просто процветала. Продажа частных эротических фото и кинофильмов была запрещена лишь в годы войны. Впрочем, даже тогда оставались картинки в иллюстрированных журналах и откровенная живопись в выставочных залах. Многим становилось очевидной посредственность нацистских скульптур, которую все труднее становилось скрывать от публики. Чисто физическое величие должно было заменить истинную красоту. Названия этих скульптур были такими же невыразительными, как и сами изваяния: «Покорность», «Доверие», «Шагающий», «Победа». Для нацистского безжизненного художественного стиля было тут же найдено название—

«классический реализм». Название— фарс, как и все, что национал-социалисты называли собственным искусством.

В фашистской Германии сексуальность подлежала приручению: она должна была служить расовой доктрине. Результатом стал гибрид идеи целенаправленного размножения с государственной порнографией. Культ тела, освобожденного от чувственности, уживался с пошлейшим эротическим кичем. Идеологией нацистской Германии был расизм. Эротика фашизма—зеркало этой идеологии.

Эротические сюжеты активно использовались нацистами в военной пропаганде. Например, это касалось листовок, которые разбрасывались над французскими позициями. Лицевая сторона этих прокламаций была всегда одинакова: умирающий французский солдат прощально вглядывается в фотографию любимой. И надпись: «А где сейчас Томми?» Эффект достигался, когда листовку смотрели на просвет: в пустующем пространстве возникала жена солдата, забавляющаяся с английским воякой—Томми.

Портрет в интерьере. Чреватая страсть к мужчинам. (Эрнст Рём)

Не будет преувеличением сказать, что самым известным гомосексуалистом Третьего рейха был Эрнст Рём, шеф штурмовых отрядов. Как и его земляки, Геринг и Гиммлер, Рём происходил из баварской буржуазной семьи. Это был довольно полный, массивный человек сангвинического темперамента. Но под слоем жира у него скрывалась крепкая мускульная основа. Рём не отличался тучностью, как Геринг, но бесконечные банкеты, где пили и ели часами, делали свое дело, и компенсировать их верховой ездой, которой он усердно занимался, не удавалось. На этом мощном теле красовалась великолепная голова зверя. У него было почти круглое, налитое кровью ли-

цо с двойным подбородком и отвислыми щеками, покрытыми синими прожилками. Под низким, но широким лбом поблескивали маленькие, очень живые глазки, глубоко сидящие в орбитах и полускрытые жирными щеками. Глубокий шрам пересекал лицо, еще более подчеркивая его грубые черты. Широкой бороздой он шел через левую скулу и заканчивался у носа, почти разрубая его надвое. Переносица была раздавлена, расплюсчена, а конец носа, округлый и красный, торчал как бы отдельно и имел бы комичный вид, если бы не зловещее выражение всего лица. Короткий и твердый треугольничек усов скрывал длинную и тонкую верхнюю губу, приоткрывая широкий рот. Вопреки прусской военной традиции Рём не брил голову. Его коротко стриженные волосы были всегда гладко причесаны. Крупные уши, заостренная верхняя часть которых резко выгибалась наружу, придавали его лицу нечто от фавна.

Ради некой наглой бравады Рём подбирал в свою свиту юнцов редкой физической красоты. Он заботливо развращал их, если они еще не были испорченными. Его окружение, не исклю-

чая шофера и денщика, составляли гомосексуалисты. Парадокс заключался в том, что в программной декларации нацистов во время избирательной кампании 1928 года говорилось: «Те, кто допускает любовь между мужчинами или между женщинами—наши враги, потому что такое поведение ослабляет нацию и лишает ее мужества». Гитлер, разумеется, знал о гомосексуальности предводителя штурмовиков, но пока тот был нужен, защищал его от нападков антифашистской прессы, говоря: «Его частная жизнь меня не интересует».

Буржуа и обыватель, слова, ставшие в нацистском жаргоне ругательствами, были прикреплены к Эрнсту Рёму, человеку, который меньше всего подходил под эти определения. В своей автобиографии 1928 года, громко названной «История предателя», он обрушивался на буржуазные устои Германии. В своей критике он доходил до того, что заявлял, будто «скорее найдет согласие с солдатом противника, нежели немецким гражданским, так как последний—свинья», а Рём не собирался говорить на его

свинском языке. Неудивительно, что руководство НСДАП тут же запретило эти мемуары.

Для капитана Эрнста Рёма «компромисс» был грязным словечком, а война никогда не заканчивалась. Это явилось одной из причин, почему фюрер выбросил его за борт, когда ему потребовалась неограниченная власть. Но перед этим он максимально выгодно использовал способности Рёма.

Эрнст Рём начал свою борьбу против Веймарской республики в 1919 году, когда перешел из добровольческих корпусов в штатный состав рейхсвера. Именно он направил мелкого агента, работавшего в политическом бюро рейхсвера, на заседание одной немногочисленной политической группировки, которая назвалась Немецкая рабочая партия. Агента, подрабатывавшего агитатором, звали Адольф Гитлер. Именно Рём, поначалу как начальник Гитлера, помог будущему фюреру познакомиться с баварскими деятелями, которые считали, что Версальский мир и Веймарская республика—это национальный позор Германии. Именно Рём помог Гитлеру орга-

низовать в 1923 году «пивной путч», создавая тайные склады боеприпасов, подбирая необходимые кадры и координируя действия правых революционеров. Именно Эрнст Рём преобразовал штурмовые отряды в частную армию Гитлера, которая со временем превратилась в инструмент запугивания политических противников.

Первый конфликт между Гитлером и Рёмом произошел во время пребывания фюрера в тюрьме Ландсберг. Рём не был способен к какой-то политической деятельности—он привык прибегать только к силе, а единственным средством борьбы он считал вооруженный конфликт. Гитлер же, находившийся в шоке от провалившегося переворота, решил, что необходим легальный путь проникновения в демократическую систему и уничтожения ее изнутри. В новых условиях Рёму как бескомпромиссному и безжалостному борцу не нашлось места.

Уже в 1924 году Гитлеру поступали многочисленные жалобы на штурмовиков, которые устраивали дикие оргии, попойки, вели себя вызывающе и недостойно. Вокруг шефа штурмовых отря-

дов витали многочисленные сомнительные слухи. Но не стоило удивляться поведению штурмовиков. «Коричневая милиция» состояла в основном из бывших солдат, недисциплинированных обитателей городских трущоб. Подобное поведение для них было скорее естественным, нежели предосудительным. Вооружение СА больше напоминало арсенал преступников—ножи, кастеты, резиновые дубинки, револьверы, железные цепи. Штурмовые отряды Рёма доказали свою эффективность в уличных стычках, нередко перераставших в форменные сражения. В те времена для лидеров партии это был очень весомый аргумент.

Эрнста Рёма никогда не волновала его репутация. Его гомосексуальные склонности были общеизвестны. Рём «освоил» этот порок в армии, где гомосексуализм был в большой моде. Он даже послужил поводом для судебного разбирательства в Центральном окружном суде Берлина—дело 197 D 18/25. В нем шеф СА проходил по делу о краже, совершенной 17-летним Германом Сигизмундом. Согласно показаниям последнего, в январе 1925-го Рём пригла-

сил его в пивную, а затем в гостиничный номер, где «предложил участвовать в отвратительной сцене», от которой юноша отказался. Якобы случайно юноша прихватил с собой номерок от камеры хранения, в которой находились чемоданы Эрнста Рёма. Историю удалось с трудом замять.

В мае 1932 года генерал Людендорф, бывший политический союзник Гитлера, написал: «Я имею в своем распоряжении свидетельства, что герр Гитлер уже в 1927 году был знаком с теми безобразиями, которые творились в организации. В основном речь шла гомосексуализме Рёма и Хайнеса и процветавшей в “Гитлерюгенде” педерастии. Но в то время Гитлер отказался избавиться от этих людей». Но, видимо, распутная жизнь руководителей штурмовиков и нацистской молодежной организации настолько дискредитировала НСДАП, что Гитлер в итоге все-таки приостановил полномочия Рёма и Хайнеса. Такая ситуация длилась недолго. Четыре года спустя, в 1931 году, когда берлинские штурмовики взбунтовались против Гитлера, фюрер очень нуждался в энергичном деятеле, который бы заменил ли-

дера мятежных штурмовиков Вальтера Стеннеса. Преемник Рёма Франц Пфеффер фон Заломон не мог справиться с этой задачей.

Но в тот критический момент сам Рём пребывал в Боливии. Бывший капитан рейхсвера оказался в штабе Боливийской армии, где получил чин лейтенанта-полковника. После обвинений Людендорфа он охотно уехал в Южную Америку, где требовался опытный военный советник. Рём был очень доволен работой военного советника, но в Боливии он очень страдал из-за фактического отсутствия в этой стране гомосексуалистов. Подобные переживания он описывал в своих письмах другому гомосексуалисту—доктору Хаймзоту: «Я бедный дурак, который не знает, что делать. Я мечтаю вернуться обратно в печально красивый Берлин, где может быть счастлив мужчина». Хаймзота он просил найти мужскую порнографию и выслать ему несколько фотографий в Боливию.

Но Рёму не пришлось долго переживать свой «сексуальный упадок». Осенью 1930 года Гитлер отправил в отставку фрондера Пфеффера фон

Заломона и сам встал во главе штурмовых отрядов. Ситуация в СА стала накаляться. В Берлине полыхнул мятеж. Теперь «гомосексуалист из Ла-Паса», как за глаза называли в то время Рёма, стал просто необходим, чтобы успокоить и реорганизовать 100-тысячную коричневую армию. В январе 1931 года Гитлер написал «дорогому Эрнсту», что тот мог вновь занять пост руководителя штаба СА. Но теперь завыка состояла в том, что фюрер назначал Рёма именно начальником штаба, а не главнокомандующим штурмовых отрядов, который обладал бы всей полнотой власти.

3 февраля 1931года Гитлер сделал несколько заявлений, тон которых не оставлял никаких сомнений—он готовил возвращение Рёма. «Верховное командование СА рассмотрело множество сообщений и обвинений в адрес штурмовиков и различных чинов СА, которые в основном сводятся к констатации их неприличного поведения». А дальше шло поразительное заявление, что подобные наветы совершаются по политическим мотивам либо же личными врагами штур-

мофиков. Или другие высказывания Гитлера на этот счет: «Некоторые штурмовики ожидают от командования СА принятия решений по вопросам их личной и частной жизни. Я категорически отвергаю подобные намерения»; «Очень много времени, которое можно было бы посвятить борьбе за свободу, я трачу на то, чтобы доказать, что штурмовые отряды это формирование, созданное с определенной политической целью. Это—не институт для благородных девиц, где следуют определенным моральным установкам. Это—отряды закаленных бойцов. Совать нос в их жизнь можно лишь только с одной целью—установить, действительно ли тот или иной штурмовик выполняет свои официальные обязанности в СА. Его личная жизнь не может быть объектом наблюдения, если в своей деятельности штурмовик не противоречит основным принципам национал-социалистической идеологии».

На время Гитлер согласился с подобными установками. «Старая гомосексуальная гвардия» СА вновь собиралась в мюнхенской пивной «Братвурстлгок». Гитлеру с трудом удава-

лось сдерживать негодование штурмовиков. После мятежа Вальтера Стеннеса берлинские СА чуть вновь не восстали, когда к ним одним из командиров был назначен Карл Эрнст, гомосексуалист из окружения Рёма. И снова потребовалось личное вмешательство Гитлера.

Но в марте 1932 года разгорелся новый скандал. В прессу просочились «жалостливые» письма, написанные Рёмом в Боливии. Именно в тот момент партийный «судья» Вальтер Бух пожаловался своему старому другу, штурмовику-ветерану, головорезу Эмилю Данцайзену, что штурмовые отряды превращаются в притон гомосексуалистов, которые только позорят партию и дискредитируют идеи национал-социализма. Данцайзен решил исправить ситуацию. Он тут же сформировал «эскадрон смерти», который возглавил безработный архитектор Карл Хорн. Заговорщики намеревались расправиться с наиболее видными гомосексуалистами, оказавшимися с СА. Вначале планировалось убить некоего Георга Белла, затем сотрудника штаба штурмовых отрядов Ула, а потом должна была наступить

участь Эрнста Рёма. Но заговор провалился. Было проведено внутреннее расследование, выявлена причастность к планируемому убийству Вальтера Буха, который выдержал нелицеприятный разговор с Генрихом Гиммлером, тогда уже ставшим рейхсфюрером СС.

Но сохранить завесу тайны над этим делом не удалось. Члены «эскадрона смерти», миновав партийный трибунал, попали под обычный государственный суд. В той ситуации Эмиль Данцайзен взял на себя всю ответственность за подстрекательство к убийству, за что получил шесть месяцев тюрьмы. Эрнст Рём и Георг Белл, всерьез опасаясь за свои жизни, предпочли на время скрыться.

Одновременно с этим Рём послал своего информатора к бывшему сослуживцу Карлу Майеру, дабы выудить компрометирующие его письма с гомосексуальными признаниями. Проблема заключалась в том, что Майер состоял в республиканском «Имперском знамени», а стало быть, был политическим противником Рёма. В то же время Рём начал проводить свое

собственное расследование, намереваясь расправиться с теми, кто хотел его убить. Информатор Рёма опасался за свою жизнь. Действительно, он был опасным свидетелем. Именно поэтому письма, все-таки полученные от Майера, он отдал не Рёму, а в социал-демократическую газету «Форвартс!». Опубликовав их, он снабдил материал небольшим комментарием, который обличал верхушку штурмовых отрядов. Цель подобной публикации была банальной—таким образом информатор пытался обеспечить себе безопасность. Произойди с ним что-нибудь, всем бы стало ясно, что с ним расправилось руководство СА.

Дело зашло настолько далеко, что зять Вальтера Буха, Мартин Борман, направил письмо Рудольфу Гессу, своему непосредственному шефу, в котором просил повлиять на фюрера. Но фюрер разобрался с Рёмом и штурмовикам только два года спустя. В тот момент Гитлер выпустил листовку, в которой решительно заявлял, что Рём оставался и останется руководителем штаба СА, а письма, опубликованные социал-

демократами, назвал фальшивкой. Но Гитлер допустил ошибку—он потребовал провести расследование по факту дискредитации его партии. И вот во время судебного заседания Рём под присягой заявил, что все опубликованные письма принадлежали именно ему. Гитлер оказался в крайне дурацкой ситуации. Факт гомосексуализма Рёма был оглашен чуть ли не на все страну. В тот момент ультрареакционный издатель Леман, давно уже поддерживавший НСДАП, направляет ультимативное письмо фюреру с требованием избавиться от Рёма и его окружения. Письмо заканчивалось фразой: «Рыба гниет с головы».

Но гниение в тот момент не интересовало Гитлера. Он очень нуждался в способном командующем и не мог подвергать опасности свой политический успех из-за морализаторства отдельных субъектов. Для прихода к власти ему требовался весомый аргумент наподобие коричневой частной армии. Но, даже став рейхсканцлером, Гитлер не сразу смог избавиться от Рёма. Он вряд ли бы смог удержать полмиллиона штурмовиков, которые были угрожающей силой не только для

политических противников, но даже вооруженных сил. Рём же, упиваясь своей властью, хотел показать «гражданским свиньям», что «революция будет выиграна не обывателями, не фанатиками, а революционными борцами». Он не мог позволить, чтобы «штурмовики стали марионетками морально извращенных эстетов (!)».

Весь 1933 год и начало 1934 года Эрнст Рём провел в возлюбленном им Берлине, проводя ежедневные оргии в казино «Клейст», «Силуэт» или «Турецких банях». Штаб СА перестал быть командным пунктом коричневой армии. Там можно было нередко заметить полупьяных смазливых юнцов. Но этого Рёму показалось мало, и он начинает подготовку ко «второй революции». Гитлер решил, что пришло время избавиться от верхушки СА.

Всю вторую половину июня 1934 года в Германии стояла удушающая жара. 29 июня небо вдруг покрылось тучами, приближалась гроза. К вечеру она разразилась, на землю обрушился ливень, и немного посвежело. Говорят, именно тогда Гитлер принял решение, от которого уклонял-

ся уже не один месяц.

Ночью на трехмоторном самолете он вместе с Геббельсом и еще четырьмя верными людьми вылетел из аэропорта «Хангелер». 30 июня в четыре часа утра самолет приземлился в Обервизенфельде, недалеко от Мюнхена. Едва фюрер сошел по трапу, как заявил присутствовавшим офицерам рейхсвера: «Это—самый тяжелый день в моей жизни. Но я поеду Бад-Висзее и буду держать там строгий суд». Еще в полете рейхсверу был дан приказ занять партийную резиденцию нацистов, «Коричневый дом». Около пяти часов утра Гитлер и его свита, сопровождаемая эсэсовцами, агентами гестапо и военными, отправились на машинах в Бад-Висзее. Длинную колонну машин прикрывал броневедомство рейхсвера—предосторожность явно излишняя, так как на всем пути длиной в шестьдесят километров им не встретилось ни одной, хотя бы незначительной, вооруженной группы. Когда около семи часов утра караван прибыл в Бад-Висзее, маленький городок на берегу озера мирно спал.

Колонна направилась к отелю «Курхаймс Хансбауэр», где остановились Рём и его товарищи. Караул СА, который охранял вход в отель, был арестован без сопротивления. В отеле никто еще не вставал. В состоянии сильного возбуждения Гитлер проник в здание во главе своего войска. К нему присоединились также несколько его старых соратников времен баварского путча. Первым человеком, встретившимся Гитлеру в отеле, был юный граф фон Шпрети, адъютант Рёма, известный своей смазливой внешностью. Разбуженный шумом, он выскочил, чтобы узнать, что происходит. Гитлер ринулся к нему и своей собачей плетью из кожи гиппопотама, подаренной ему когда-то его почитательницами, с такой силой ударил графа по лицу, что фактически рассек его надвое. Хлынула кровь. Передав его эсэсовцам, Гитлер устремился в седьмой номер к Рёму, который мирно спал и был арестован под аккомпанемент ругательств фюрера, не успев и пальцем пошевелинуть. По словам Геббельса, который также принимал участие в операции, но держался на втором плане, старый друг

Рёма, обергруппенфюрер Хайнес, был обнаружен в соседней комнате также спящим, но в компании со своим шофером, которого Геббельс назвал «мальчиком для радостей». Хайнес пытался сопротивляться, и оба любовника были застрелены на месте.

Тем временем сопровождавшие Гитлера эсэсовцы и полицейские врывались в другие комнаты гостиницы, где арестовывали руководителей «штурмовых отрядов». Арестованных сгонял в подвал гостиницы. Позже они были перевезены в тюрьму Штадельхайм, находившуюся около Мюнхена. К полудню в тюрьмах Германии оказалось около двухсот высокопоставленных штурмовиков. Вечером того же дня шестеро из них были расстреляны в Штадельхайме.

В списке на расстрел 30 июня 1934 имя Эрнста Рёма не значилось. Когда Гитлер поздно вечером вернулся в Берлин, то объяснил своему окружению, что решил помиловать начальника штаба «штурмовых отрядов». Но утром следующего дня Рём был казнен. Дело в том, что ночью Герман Геринг, Генрих Гиммлер, Йозеф Геббельс

и Рейнхард Гейдрих уговорили Гитлера избавиться от этого человека. В адрес его были выдвинуты обвинения в развратном поведении и гомосексуализме. На самом деле его сексуальные пристрастия были всего лишь поводом. Они были искусно использованы для того, чтобы избавиться от неугодного политического соперника.

Кровавая расправа над людьми, негодными Гитлеру, прокатившаяся по всей Германии, получила название «Ночи длинных ножей». Под председательством Германа Геринга берлинский суд издавал смертный приговор за смертным приговором. Арестованных тут же расстреливали. Более сотни людей станут жертвами убийств, которые длились в течение трех дней. Этой решительной «чисткой» Гитлеру удалось избавиться от нежелательных соперников и старых политических противников.

Тем временем Гитлер прибыл в «Коричневый дом» и после короткой речи перед наспех собранными партийными бонзами тут же начал пропагандистское управление процессом. Он несколько часов подряд диктовал в защищенном

сильными отрядами здания распоряжения, приказы, а также официальные заявления, в которых он сам фигурировал в третьем лице, как «фюрер». Но в спешке маскировки и подтасовок он допустил примечательную оплошность: вопреки более поздней, официальной версии событий, ни в одном из многочисленных заявлений 30 июня не шла речь о путче или попытке путча Рёма—вместо этого упоминаются «тяжелеешие оплошности», «противоречия», «болезненные предрасположения», и хотя порой появляется формулировка «заговор», создается все-таки впечатление, что акция имела в своей основе моральные мотивы: «Фюрер дал приказ беспощадно удалить эту чумную язву, — описывал Гитлер свои действия при помощи неудачного образа, — он не потерпит больше в будущем, чтобы репутация миллионов приличных людей страдала и компрометировалась отдельными лицами с болезненными наклонностями».

Понятно, что прежде всего многие руководители СА до последнего момента не могли постичь, что происходит; они не планировали ни

путча, ни заговора, а их мораль никогда не была предметом обсуждения и тем более критики со стороны Гитлера. Например, берлинский группенфюрер СА Карл Эрнст, который, согласно донесениям Гиммлера, планировал на вторую половину дня нападение на правительственный квартал, на самом деле находился в Бремене и собирался в свадебное путешествие. Незадолго до отплытия судна его арестовали и он, полагая, что это грубая шутка его товарищей, смеялся над ней от всей души. Самолетом его доставили в Берлин, после посадки он, смеясь, показывая наручники и перебрасываясь шутками с командой эсэсовцев, сел в подкатившую полицейскую машину. Специальные номера газет, которые продавались перед зданием аэропорта, уже сообщали о его смерти, но Эрнст все еще ничего не подозревал. Через полчаса он упал мертвым у стены в Лихтерфельде, не веря до последнего мгновения в случившееся, с недоуменным «Хайль Гитлер!» на устах.

Вечером Гитлер вылетел назад в Берлин. Там его встречала большая делегация. Один из

участников события записал по свежим следам свои впечатления от прибытия: «Звучат команды. Рота почетного караула берет винтовки “на караул”. Геринг, Гиммлер, Кернер, Фрик, Далюге и около двадцати офицеров полиции идут к самолету. И вот открывается дверь и первым выходит Адольф Гитлер. Он являет собой “уникальное” зрелище. Коричневая рубашка, черный галстук, темно-коричневое кожаное пальто, высокие черные армейские сапоги, все в темных тонах. Непокрытая голова, бледное, как мел, лицо, по которому видно, что эти ночи он не спал, небритый, лицо кажется одновременно и осунувшимся и опухшим... Гитлер молча подает руку каждому стоящему поблизости. В полной тишине—кажется, все затаили дыхание—слышно только щелканье каблук».

Полный нетерпения и возмущения, Гитлер прямо в аэропорту затребовал список ликвидированных. «Раз уж подвернулась такая “уникальная возможность”, как показал позже один из участников событий, Геринг и Гиммлер расширили круг убийств далеко за пределы “рёмов-

ских путчистов". Папен ушел от смерти только благодаря своим личным связям с Гинденбургом, тем не менее он был взят под домашний арест, невзирая на его пост вице-канцлера и все протесты. Два его ближайших сотрудника, личный секретарь фон Бозе и Эдгар Юнг, были застрелены. За своим рабочим столом в министерстве транспорта был убит министриаль-директор Эрих Клаузенер, руководитель объединения "Католическое действие", другая группа отыскала Грегора Штрассера на фармацевтической фабрике, препроводила его в центральное здание гестапо на Принц-Альбрехт-Штрассе и убила в подвале дома. В обед группа убийц проникла на виллу Шляйхера в Ной-Бабельсберге, спросила сидящего за письменным столом, он ли генерал фон Шляйхер и сразу, не дожидаясь ответа, открыла огонь; была застрелена и фрау фон Шляйхер. В списке убитых были далее сотрудник экс-канцлера генерал фон Бредов, бывший генеральный государственный комиссар фон Кар, о "предательстве" которого 9 ноября 1923 года Гитлер никогда не забывал, и патер Штемпфле, ко-

торый был одним из редакторов “Майн кампф”, но потом отошел от партии; затем инженер Отто Баллерштедт, который перешел дорогу партии Гитлера в период его восхождения, и, наконец, не имевший ровным счетом никакого отношения к этим делам музыкальный критик доктор Вилли Шмид, которого спутали с группенфюрером СА Вильгельмом Шмидтом. Самая жестокая волна убийств прокатилась по Силезии, где руководитель СС Удо фон Войрш потерял контроль над своими частями. Примечательно, что людей часто убивали прямо на месте, в конторах, частных квартирах, на улице, со звериной небрежностью, многие трупы обнаруживались лишь спустя несколько недель в лесах или водоемах.

Жестокость, с которой происходила расправа 30 июня 1934 года, оправдывалась национал-социалистической прессой как необходимость жесткого подавления гомосексуализма. В передовице «Фёлькише беобахтер», вышедшего на следующий день после убийств, можно было прочитать: «Во время проведения арестов выявились такие отвратительные картины, что само со-

бой исчезли любые следы сочувствия. Некоторые из руководителей СА удовлетворяли свою похоть сразу в двумя юнцами». Еще в Бад-Висзее Гитлер отдал приказ беспощадно искоренить эту «заразную опухоль».

Глава 5. Запретная слабость

Преследование гомосексуалистов в Третьем рейхе хотя и проходило достаточно специфическим путем, но не было явлением, присущим только национал-социализму. Гонения на гомосексуалистов проходили задолго до 1933 года. Их следы можно отыскать еще в раннем Средневековье. В 1871 году гомосексуализм стал в Германии уголовным преступлением. Об этом говорила статья 175 Уголовного кодекса Германской империи. Если опираться на нацистскую терминологию, то Второй рейх активно использовал для борьбы с гомосексуализмом и аппарат полиции, и юстицию. Так что национал-социалисты начинали свою гомофобскую политику далеко не с нуля, у них уже были определенные наработки. Гитлеру и Гиммлеру не пришлось придумывать

новых законов для регулирования этого вопроса. Им не надо было создавать специфический механизм преследования. Нацистам требовалось всего лишь прийти к власти и осуществить все, что они активно пропагандировали: формирование общества в соответствии с народными идеалами. Те, кто пытался сопротивляться этой политике или хотел избежать ее воздействия, подвергались «искоренению» или «перевоспитанию». Кампания против гомосексуалистов была всего лишь составной частью этой политической линии. «Санитарная очистка тела народа», «продолжение рода», «равновесие в семье»—были лозунгами этой деятельности.

Но все-таки этого было недостаточно, чтобы объяснить готовность общества всячески содействовать этим экстремистским мерам. В начале века дискуссии о решении так называемого «гомосексуального вопроса» вели лишь узкие круги юристов, врачей и представителей отдельных общественных организаций. На первый взгляд эти люди казались странными чудаками. Тем более, если учесть, что во времена Веймарской респуб-

лики наказания за гомосексуализм были фактически отменены. Но предложенный юристами и врачами путь никак не учитывал, даже частично, мнения влиятельных партий. А они требовали отнюдь не отмены, а напротив, ужесточения наказания по 175-ой статье Уголовного кодекса. Предложения политиков были самыми различными: изолировать от общества «половых преступников», подвергнуть их принудительному лечению или же стерилизовать.

Подключившись в 1925 году к этой дискуссии, национал-социалисты не испытывали никаких сомнений. Депутат рейхстага от НСДАП В. Фрик, позже ставший министром внутренних дел, во время парламентских дебатов 1927 года гневно обрушивался на предлагаемую реформу и социал-демократов: «На их партийном съезде в Киле был сделан доклад о духовном обновлении немецкого народа, который предполагал отмену § 175 и отмену наказаний за нарушение супружеской верности. Но мы со всей строгостью будем преследовать людей, попавших под действие этой уголовной статьи, так как они разлагают на-

род». И в этой ситуации разразился скандал вокруг Э. Рёма.

Гомосексуализм незримой тенью следовал за германским национал-социализмом. «Что представляют собой господа нацисты? Убийцы и педерасты». Так жестко и недвусмысленно звучит суждение, высказанное Бенито Муссолини во время дипломатического кризиса между Италией и Германией, последовавшего за убийством австрийского канцлера Дольфуса. И это было далеко не единичным мнением. В Советском Союзе существовал стереотип, что Германия—родина гомосексуализма, который воспринимался многими как немецкая болезнь. Выводом из этого было утверждение, что нацизм—порождение гомосексуализма. Наиболее яркое выражение эта идея нашла в статье Максима Горького «Пролетарский гуманизм», опубликованная в «Правде» 23 мая 1934 года: «Не десятки, а сотни фактов говорят о разрушительном, разлагающем влиянии фашизма на молодежь Европы. Перечислять факты—противно, да и память отказывается загружаться грязью, которую все более усердно и

обильно фабрикует буржуазия. Укажу, однако, что в стране, где мужественно и успешно хозяйствует пролетариат, гомосексуализм, развращающий молодежь, признан социально преступным и наказуем, а в “культурной стране” великих философов, ученых, музыкантов он действует свободно и безнаказанно. Уже сложилась саркастическая поговорка: “Уничтожьте гомосексуализм—фашизм исчезнет!”

В случае Рёма гомосексуализм был не просто вопросом морали. Ганс Блюхер в 1917 году подчеркнул, что в «союзах мужчин» всегда присутствовал гомоэротический элемент отношений. В ходе Первой мировой войны героизм и связанный с ним культ «союза мужчин» получил второе дыхание и достиг своей кульминации в эпоху Третьего рейха. Так же, как во времена Ренессанса и Наполеона, предметом воодушевления стали сверхчеловеческие усилия, которые в основе своей имели скрытый гомоэротический подтекст.

Поколение, пережившее Первую мировую войну, «преднамеренно отказалось от гражданской формы любви» и избрало для себя но-

вую ориентацию. Разгулявшемуся культу мужчины «не нужна была прекрасная женщина в качестве объекта обожания», он стилизовал «пограничную ситуацию открытого военного насилия как оргастическо-сексуальное проявление». В книгах «солдатских националистов», какими были Эрнст Юнгер а также Эрнст фон Заломон, место женщины как сексуального объекта странным образом заняло оружие. Фон Заломон описывал в своих фантазиях сексуальные качества винтовки, этой «невесты солдата»: «Винтовка вздымается и бьется как рыба, я твердо и нежно хватаю ее рукой, зажимаю ее дрожащее дуло между коленями и берусь за ремень».

Элита Третьего рейха знала, что подобная проблема присутствовала в национал-социалистическом государстве. По своей сути НСДАП, СС, СА и «Гитлерюгенд» были классическими «мужскими союзами». По мнению национал-социалистов, в случае СА проблемы частной жизни и моральных установок отдельных штурмовиков постепенно превратились в проблемы общественные и даже политические.

«Самое ужасное, что постепенно в СА стала складываться секта, ядро которой не просто не принимало нормальное понимание здорового народа, но и стало угрожать государственной безопасности». Из сплочения штурмовиков не могло получиться ничего, кроме вероломства по отношению к фюреру и армии, планомерной подготовки ко второй революции, которая бы непременно вылилась в гражданскую войну.

Руководство Третьего рейха пыталось навязать всем немцам мысль, что между гомосексуализмом в СА и угрозой обществу и государству была непосредственная взаимосвязь. Упрек в сексуальной необузданности незаметно превратился в политический аргумент. После подавления «путча Рёма» коричневая элита прекрасно осознала, насколько легко обезвредить политических противников, если обвинить их в гомосексуализме. Два года спустя нацистский режим таким же образом пытался сломать сопротивление католической церкви. Тогда нацистское руководство избавилось от нескольких неудобных служителей культа. Да что священники, этот предлог

использовался для устранения фигур более крупного ранга!

Придя к власти, нацисты получили в свое распоряжение не только гигантский штат полиции, который мог в борьбе с гомосексуализмом опираться на пресловутую 175-ю статью, но и эффективный пропагандистский аппарат, который должен был подготовить общественность к новому витку гонений. Необходимость подобной обработки была очевидна. В 1935 году разразилось несколько громких скандалов, когда в гомосексуализме были уличены некоторые члены «Гитлерюгенда». После «путча Рёма» у общественности стало складываться впечатление, что эта молодежная организация была чуть ли не «инкубатором гомосексуалистов». Родители отказывались посылать своих детей в «Гитлерюгенд», отдавая предпочтение другим юношеским организациям. 1936 год стал переломным в вопросе преследования гомосексуалистов. Если в 1934 году по статье 175 было осуждено всего лишь 1000 человек, то два года спустя по ней проходило в 5,5 раза больше. В 1938 году статистика свиде-

тельствовала почти о 9 тысячах уголовных процессов.

При гестапо были созданы специальные команды, которые должны были ликвидировать «очаги эпидемии» в школах, интернатах и других местах. В тайную политическую полицию рекой потекли доносы. Подобно «хрустальной ночи», ставшей моральным прецедентом для уничтожения евреев, нацистам требовалось нечто подобное для расправы с гомосексуалистами. Таковыми поводами стали два судебных процесса: «монастырский» и «молодежный». На первом было осуждено несколько сотен католических священников, а на втором члены молодежных организаций «бюндише», распущенных гитлеровцами еще в 1934 году.

В «поисках истины» гестапо извлекало из тюрем осужденных и вытягивало из них имена бывших «соучастников». Однажды оно напало на крупного шантажиста, притом весьма оригинального. Ганс Шмидт, сам известный прости- туирующий гомосексуалист, занимался тем, что выслеживал богатых гомосексуалистов и шанта-

жировал их. Иногда ему удавалось застигать их на месте преступления. Тогда он изображал из себя полицейского и под угрозой судебного преследования вымогал у них крупные суммы.

Шмидт был взят из Центральной тюрьмы, где отбывал наказание (уже не в первый раз). Его долго допрашивали. Он охотно рассказал о своих клиентах и жертвах. Он перечислил всех, кого знал: высших чиновников, врачей, адвокатов, коммерсантов, промышленников, артистов. Среди них он упомянул некоего фон Фрича, от которого получил деньги в конце 1935 года. Однажды зимним вечером, поведал Шмидт, он засек на вокзале Ванзее хорошо одетого господина, который «договаривался» с «собратом» Шмидта, тоже занимавшимся гомосексуальной проституцией и известным полиции нравов.

Этот господин имел выправку офицера, был одет в меховую куртку, щеголял в зеленой шляпе, носил трость с серебряным набалдашником и монокль. Шмидт увязался за этими двумя людьми и, после их короткого и гнусного «свидания» в каком-то темном уголке недалеко от вокзала,

окликнул пожилого господина. Дальше все шло по обычному сценарию. Полиция, угроза скандала и... «сделка». У господина было с собой немного денег, и Шмидт проводил его до дома в Лихтерфельде-Эст. Потом в течение нескольких недель Шмидт вымогал у него деньги, заставив его даже снять их со счета в банке. Этого старого господина с дурными наклонностями звали фон Фрич или просто Фрич.

Гестапо тотчас ухватилось за этот неожиданно подвернувшийся случай. Если старым господином, замеченным на воказле, был главнокомандующий фон Фрич, этот хорошо известный монархист, какой великолепный предлог для его устранения! Гитлер, с которым проконсультировались, отказался дать свое согласие на это и велел уничтожить протоколы допроса Шмидта, чтобы похоронить «все это свинство».

Внешне генерал фон Фрич весьма походил на карикатурное изображение прусского офицера: монокль, форма в обтяжку, невысокий рост. В действительности Фрич не был пруссаком. Его отец был первым генералом в семье саксонско-

тюрингского чиновного дворянства, а мать происходила из семьи протестантского пастора из Вестфалии. Воспитанный в духе протестантской этики Фрич был человеком скромным и бескорыстным и жил только на жалованье. Высокая репутация генерала основывалась на его профессионализме. Он был одаренным военачальником, собирал опыт генштабиста во время Первой мировой войны, в Прибалтике, командуя воинскими частями рейхсвера в Ульме, Шверине, Штеттине, Франкфурте-на-Одере, Берлине. Все свое время он посвящал службе, иногда доходя до нервного истощения. Хотя Фрич, прошедший школу Секта, считал себя «только солдатом», его убеждения были националистическими и консервативными, он мечтал о новой войне против Франции и Англии, ненавидел Веймарскую республику, Фридриха Эберта и Филиппа Шейдемана, считал, что все пацифисты, евреи и демократы хотят погубить Германию, и не проводил между ними различия. Как и большинство его коллег, он приветствовал приход нацистов к власти и охотно стал служить новому режиму. Добавим, что,

в отличие от других офицеров рейхсвера, он внимательно проштудировал «Майн кампф».

Американский журналист Уильям Ширер, аккредитованный в 1930-е гг. в Германии, вспоминал, как однажды во время военного парада ему довелось стоять рядом с Фричем: «Я был несколько удивлен тем, что он говорил. Он выпаливал одно за другим ядовитые замечания в адрес СС, партии, различных партийных лидеров по мере того, как они появлялись. Он был полон недовольства всеми ими. Когда показалась машина Гитлера, он пробурчал что-то и занял свое место на время смотра непосредственно за фюрером». Конечно, не стоит преувеличивать оппозиционность Фрича. Он критиковал слишком быстрое вооружение, проводимое Гитлером, и считал, что это вредит воспитанию офицерского корпуса, выступал последовательным противником военных амбиций СА, а потом—СС. Но Фрич никогда не скрывал своей неприязни к нацистам, особенно к СС. Это обстоятельство не ускользнуло от Гитлера, а у Генриха Гиммлера, шефа СС и полиции, всегда вызывало сильное

желание устранить грозного конкурента, который стоял во главе армии.

Ясно дело, эсэсовские чины не послушали Гитлера, так как в том же январе 1938 года полное досье этого дела таинственным образом оказалось в руках Гейдриха. По правде говоря, досье, предъявленное Гитлеру, имело лишь видимость полного. Профессиональный полицейский обнаружил бы в нем существенные «дыры», но в этой области Гитлер был профаном. Например, по-видимому, не проверялся адрес фон Фрича во время зафиксированных событий, не было свидетелей, что он когда-либо жил в Лихтерфельде-Эст или хотя бы имел там временное пристанище; не проверялись банковские операции фон Фрича в конце 1935 и начале 1936 года, не выяснялось даже, имел ли он счет в банке недалеко от станции Лихтерфельде-Эст, куда Шмидт, по его утверждению, сопровождал его. Короче говоря, вся эта секретная «процедура» была крайне слабо документирована.

Тем не менее дело велось опытным сыщиком—главным

инспектором Мейзингером, бывшим мюнхенским полицейским, который пришел в гестапо вместе с Мюллером. Одно из главных действующих лиц чистки 30 июня 1934 года, Мейзингер был личным другом и доверенным человеком Мюллера, который поручал ему самые грязные дела. В качестве компенсации он получил в управление «специальное» бюро, которое давало ему значительный навар. Позднее он был отправлен с миссией в Японию, и в частности контролировал в Токио деятельность журналиста из «Франкфуртер цайтунг», симпатизировавшего когда-то коммунистам и ставшего агентом СД и гестапо, — Рихарда Зорге.

Гейдрих, таким образом, поднял досье, составленное Мейзингером тремя годами ранее. На сей раз Гитлер не отбросил в сторону обвинительные листки. Он даже не спросил, почему они не были уничтожены в соответствии с его приказом, и вызвал фон Фрича в канцелярию. Совершенно не подозревая, какое над ним висит обвинение, генерал пришел. Когда Гитлер задал ему соответствующие вопросы, Фрич с ис-

кренним негодованием отверг обвинение и дал слово чести, что он невиновен. Тогда произошла совершенно невероятная сцена: Гитлер вдруг распахнул дверь, и в нее вошел Шмидт. В своей рейхсканцелярии глава государства, всемогущий фюрер, устроил очную ставку между армейским главнокомандующим и рецидивистом-педерастом! Шмидт взглянул на фон Фрича и произнес лишь одну фразу: «Это он».

Генерал был сражен. От этой безумной сцены он потерял дар речи, невнятно все отрицал, стараясь постичь смысл чудовищной инсценировки, жертвой которой он оказался. Бессильная ярость, оцепенение и презрение спутали его мысли, притупили рефлексy. Гитлер, глядя, как он краснеет и бледнеет, поверил в его виновность и потребовал отставки. Но фон Фрич пришел в себя. Он все отвергал, повторял, что невиновен, требовал судебного расследования Военным советом. Эта бурная встреча происходила 24 января. 27-го фон Фрич был уволен по состоянию здоровья, но решение об этом было опубликовано лишь 4 февраля. В промежутке Геринг, ко-

торый сначала резко выступил против расследования, затем согласился провести его сам и отдал соответствующий приказ гестапо. Получился новый парадокс: вчерашний главнокомандующий вызывался на суд людьми Гейдриха и, что еще более удивительно, пошел на этот суд.

Несмотря на меры предосторожности, принятые, чтобы сохранить в тайне эту операцию до ее завершения, новость распространилась в армии. После дела Бломберга (о нем речь пойдет ниже), о котором никто еще не знал ничего конкретного, это дело вызвало беспокойство. Было чему удивляться в этих двух близко отстоявших друг от друга по времени скандалах. Военные чувствовали подвох и считали, что престижу армии нанесен тяжелый удар. Многие недоумевали. Гомосексуализм был издавна распространен в германской армии. В начале века он стал даже модой, поскольку сам кайзер (который лично был «не из тех») любил окружать себя субъектами, которых он называл «византийцами» и ценил их артистические способности; среди них были послы, один прусский принц, несколько ге-

нералов. Сам начальник кабинета кайзера граф Гюльзен-Гезелер внезапно умер от закупорки сосудов в 1906 году, одетый в костюм оперной танцовщицы. В армии помнили о скандале, который привел в 1907 году к осуждению и ссылке принца Филиппа Эйленбургского за его открытую связь с кирасирским полковником Куно де Мольтке. Фон Фрич никогда не давал повода для пересудов. Его образ жизни казался безупречным, но... кто знает? Наверное, у военных были смутные подозрения, неопределенные опасения, а также боязнь открыто выступить против гестапо, так как никто не сомневался, что оно держит в руках нити этого дела. Эта неясность продолжалась несколько дней.

Гиммлер и Гейдрих не желали такой демаскировки. Тем не менее военные еще пользовались некоторой поддержкой. Вскоре им удалось восстановить исходный пункт истории: все объяснялось созвучием фамилий. Подлинным виновником был кавалерийский капитан в отставке фон Фритш (а не Фрич). Без труда был найден его дом в Лихтерфельде-Эст, где он жил уже десять

лет, но капитан был прикован к постели тяжелой болезнью. Его служанка заявила, что люди из гестапо уже приходили 15 января, то есть за девять дней до того, как была устроена очная ставка вымогателя Шмидта с генералом фон Фричем!

На следующий день военные пришли снова, чтобы спрятать больного в надежное место, но гестапо уже увезло его ночью. Через несколько дней он умер. Следователи с помощью чиновника из министерства юстиции выяснили в банке, что еще 15 января гестапо изъяло текущий счет фон Фритша, на котором были помечены снятия сумм в дни, указанные Шмидтом, а также все сопутствующие документы. В то же время в казарме в Фюрстенвальде был взят один унтер-офицер, бывший денщик генерала фон Фрича. У него пытались вырвать компрометирующие признания. Экономке генерала, арестованной в провинции, где она находилась в отпуске, был учинен такой же допрос с пристрастием. Наконец, выяснилось, что 24 января Шмидт, до того как его привели в канцелярию, был приведен к Герингу, и там Гиммлер и Геринг лично разъяснили ему,

что если он не «признает» генерала, которого покажет ему фюрер, то пусть готовится к очень мучительной смерти. Хотя Геринг торжественно дал Шмидту честное слово, что ему сохраняют жизнь, гестапо расстреляло его через несколько дней. Шмидт—этот человеческий отброс—сыграл, как в свое время ван дер Люббе, свою роль и должен был исчезнуть.

Армия вообще всегда находилась под особым присмотром «особых команд» гестапо. Напомню, что в 1935 году в Германии была восстановлена воинская повинность. Согласно новому закону, военнообязанными были все немецкие мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. Уже год спустя, в 1936 году численность армейских подразделений составляла 550 тысяч человек, а в августе 1939 года командованию вермахта подчинялось 2,6 миллиона солдат. Такая концентрация изолированных от женщин мужчин стала благоприятной средой для «эпидемического расширения гомосексуализма». Репрессии, проводимые в армии, наглядно демонстрирует ниже приведенная таблица.

Криминальная статистика по осужденным в вермахте за гомосексуализм

	Вермахт всего	В том числе			В том числе			
		Сухо- путные войска	Военно- морской флот	Люф- тваф- фе	Офи- церов	Унтер- офице- ров	Рядо- вых	Вспомо- гательных служащих
1939	273	242	3	28	6	48	219,	
1940	1134	895	45	194	36	273	825,	
1941	1700	1153	126	439	50	443	1201	6
1942	1578	1013	149	416	63	436	1054	25
1943	1437	961	128	348	Нет данных			
1944*	830	548	99	183				
*Данные за 1944 год по состоянию на 1 июля								

В целом, это был самый настоящий геноцид. Только между 1937 и 1939 гг. по обвинению в

гомосексуальных связях были арестованы полицией и гестапо 95 тысяч мужчин, из которых 25 тысяч были осуждены. Общее число осужденных по параграфу 175 с 1933 по 1944 год составило, по разным подсчетам, от 50 до 63 тысяч человек, из них 4 тысячи несовершеннолетних.

В иерархии концлагеря гомосексуалисты оказывались всегда на нижней ступени. Их, как правило, назначали на наиболее опасную и мучительную работу, так что смертность среди этой категории заключенных была особенно высока. Вскоре после создания первых концлагерей СС разработало систему внешней маркировки для различных категорий заключенных. Вместе с тем лагерным начальством проводилась политика смешения разрядов заключенных, с тем, чтобы унижая одних и заигрывая с другими, побуждать к доносительству и ненависти среди заключенных. Гомосексуалисты сначала были отмечены желтой полосой с заглавной буквой «А» (на немецком лагерном жаргоне «Arschficker» — намек на анальный контакт) или же большой черной точкой с цифрой 175

(§ 175 Уголовного кодекса) на тюремной робе. Позднее появились треугольники разных цветов. Номер и треугольник нашивались на левую сторону груди и на правую ногу. Красный был цветом политических заключенных, зеленый—уголовников, фиолетовый—свидетелей Иеговы, черный—асоциальных элементов, розовый—гомосексуалистов, коричневый—цыган. Евреи нашивали красные, зеленые, черные и другие отметки поверх своих желтых треугольников, так что получалась шестиконечная звезда. Для указания национальности иностранцев в треугольник вписывалась первая буква, например «Т» для чехов («Tchesh»), «F» для французов и так далее. У тех, кто отбывал заключение за экономические преступления, между нижним концом треугольника и номером стояла черная точка размером с долларовую монету. У тех, кто подозревался в попытках к бегству, на спине и груди были изображены красно-белые мишени. Знак совсем не всегда точно соответствовал «преступлению» заключенного.

Среди различных категорий лагерных заклю-

ченных две имели четкую сексуальную окрашенность: гомосексуалисты и так называемые «осквернители расы». В рамках концлагеря малейшего подозрения в гомосексуализме было достаточно, чтобы превратить и без того нелегкую жизнь заключенного в невыносимую и, в силу распространенного предубеждения против гомосексуалистов, сделать его объектом бойкота со стороны заключенных. Несмотря на то, что среди заключенных гомосексуализм был широко распространен, розовый треугольник служил главной причиной остракизма.

В конце 1943 года Гиммлер издал новый приказ об «очищении» сексуальных извращенцев, то есть гомосексуалистов. Согласно этому приказу каждый гомосексуалист, добровольно согласившийся на кастрацию и зарекомендовавший себя примерным поведением, будет отпущен в самом ближайшем времени. Некоторые из заключенных, принадлежавших к братству розового треугольника, поверили в обещание Гиммлера и согласились на кастрацию, надеясь избежать тем самым смертельных обрядов конц-

лагеря. Но, несмотря на примерное поведение—насколько оно было примерным, зависело лишь от расположения духа коменданта барака и командира из войск СС—добровольно согласившихся на кастрацию освободили только из концлагеря. Но они не получили полной свободы, поскольку их направляли в штрафные части дивизии «Дирлевангер» на Восточный фронт, где им суждено было погибнуть в белорусских лесах, в сражениях против партизан, иными словами, — героически умереть во славу Гитлера и Гиммлера.

Кроме этого, нацисты пытались «научно» решить проблему гомосексуализма и операционным путем вернуть гомосексуалистам «необходимую мужественность». Так, весной 1944 году штурмбаннфюрер СС датчанин доктор Вернет прибыл в Бухенвальд с подписанным Гиммлером разрешением на проведение серии экспериментов с целью «искоренения гомосексуализма» путем имплантации синтетических гормонов. Из пятнадцати человек, подвергнутых операции, двое были кастрированы, двое погибли в ходе операции, остальные умерли вследствие общей слабости.

сти организма.

С однополрой женской любовью в Третьем рейхе дела обсто­яли несколько по-иному. Лесбиянок по закону не преследовали, но отношение к ним было также враждебным. Женщин, как правило, относят к гетеросексуальным существам, и кажется, что сам термин «гомосексуализм» применим только к мужчинам. Судьба многих мужчин и женщин Третьего рейха оказалась в прямой зависимости от этих суждений. По существу, лесбийство осуждалось и замалчивалось, а гомосексуализм был уголовно наказуем. Преследование лесбиянок существовало в более скрытом виде.

Так сложилось исторически, что для женщин и девушек существовала строгая презумпция гетеросексуальности, поэтому явно выраженные суровые меры к «нарушительницам» не считались необходимыми. В 1910 году в Германии предпринимались попытки отнести лесбийство к уголовно наказуемым деяниям, но феминистическая оппозиция быстро победила в этом политическом вопросе. К 1935 году женское движение как таковое было в Германии уничтожено,

а конформизм в поведении преобладал настолько, что нацистское государство не нуждалось в уголовном преследовании лесбийства. Министерство юстиции тогда наотрез отказалось распространить действие статьи 175 Уголовного кодекса, запрещавшей мужскую гомосексуальность, и на женщин. В сущности, это было указанием на то, что лесбиянки представляли куда меньшую угрозу государству, чем гомосексуалисты, — лесбиянок было меньше, их политическая активность не выражена, и выявить их было труднее.

Подавляя лесбийство, нацистское государство опиралось не на Уголовный кодекс, а на запугивание. С приходом нацистов к власти лесбийские клубы и частные места встреч были закрыты. Такая мера создавала видимость пристойности. Клаудия Шопманн в своей работе «Национал-социалистическая сексуальная политика и женский гомосексуализм» пишет: «Чтобы избежать насмешек на улицах, многие лесбиянки меняли стиль одежды и поведения, приближая его к женскому стереотипу. Их вынуждали вести психологически нелегкую двойную

жизнь». Мимикрия стала необходима для выживания. Брюнетки перекрашивались в блондинок, и после 1933 года многие лесбиянки выходили замуж, с тем чтобы избежать общественного внимания. Брак-прикрытие не мог, однако, служить гарантией выживания, особенно для лесбиянок-евреек. Тем не менее Шопманн отмечает, что «при отсутствии других причин для преследования и при условии подчинения общепринятым нормам лесбиянка обычно избегала концлагеря». Примером может служить Элизабет Вуст. В 1944 году Вуст, жена нацистского офицера, была вынуждена отрицать сексуальную связь со своей любовницей Фелицией Шрагенхейм. Признание означало бы немедленное заключение в концлагерь. После многочасовых допросов Вуст по-прежнему заявляла: «Между нами не было и не могло быть лесбийской любви». Эта ложь, засвидетельствованная письменно, десятилетиями хранилась под покровом мучительного молчания и была опровергнута только в 1991 году, когда Элизабет Вуст наконец смогла восстановить истину, рассказав историю своей жизни известной

журналистке Эрике Фишер. Другие же лесбиянки, такие, как Фелиция Шрагенхейм, например, были лишены всякой возможности выжить.

Лесбиянки-нееврейки, не пожелавшие придерживаться принятых норм, отправлялись в заключение в качестве «асоциальных элементов» — весьма разношерстная группа социально неприспособленных, по нацистской классификации. В число асоциальных элементов входили, в частности, проститутки, бродяги, воры и нарушители закона о недопустимости половых связей между арийцами и евреями. В соответствии с принятой для концлагерей системой обозначений асоциальные элементы должны были носить черный треугольник... Свидетельств о преследовании лесбиянок так мало еще и потому, что группа «асоциальных элементов» была очень разнообразной, и лесбиянки не выделялись так, как другие заключенные, к примеру, гомосексуалисты-мужчины, чей особый знак сразу сигнализировал об их преступлении.

В отличие от всех других преследуемых, гомосексуалисты-мужчины считались преступни-

ками и после того, как был повержен нацизм. В Западной Германии статья 175 оставалась в Уголовном кодексе до 1969 года. Многие пострадавшие при нацистах молчали, так как боялись ареста по этой статье. Во Франции гомосексуалистов ожидала та же участь; принятый Виши закон об уголовном наказании за гомосексуализм не был отменен де Голлем, его упразднили лишь в 1982 году при Миттеране. Несмотря на все либеральные реформы, гомосексуалистов и лесбиянок долгое время не относили к жертвам нацизма. В 1989 году в Париже делегация гомосексуалистов смогла возложить венок к памятнику депортированным только после окончания «официальной» церемонии.

Глава 6. Половая алхимия (расовая селекция в нацистской Германии)

Задолго до возникновения Третьего рейха врачи, психиатры и другие ученые многих стран предупреждали об опасности возможного биологического вырождения людей в ранее неведомых социальных условиях: в большой скученности в крупных индустриальных центрах с их искаженными и извращенными (по сравнению с простым крестьянским миром) представлениями, а также необычными (по сравнению с прежними временами) бытовыми условиями. Впрочем, и сейчас никто с полной уверенностью не сможет сказать, что социальные условия, возникшие вследствие урбанизации, прозрачны, контролируемы и не вызывают никаких опасений. В первой трети XX века многим европейцам казалось, что нации подвергаются усиливающемуся давлению алкоголиков, уголовников-рецидивистов, всевозможных асоциальных элементов, больных и калек, воспроизводство которых никак не регулировалось в течение многих поколений; что достижения современной медицины, обеспечивавшие спасение новорожденных с различными наследственными заболеваниями, оборачиваются

со временем против общества, поскольку эти ка-
леки становятся для него обузой. В этих усло-
виях многим казалось, что современная медици-
на и социальная сфера действуют вопреки есте-
ственному отбору, систематически ухудшая, а не
улучшая человеческий материал. Иными слова-
ми, все победы современной науки и социальной
политики представляли как пирровы победы. Та-
ким образом, Гитлер не был особенно оригина-
лен, когда в 1925 году писал в «Майн кампф»,
что полумерой и нелепостью является забота о
продолжении жизни неизлечимо больных людей;
в таких случаях нужен ясный рациональный под-
ход и последовательные действия.

Большинство европейцев было озабочено па-
дением рождаемости, которое казалось опас-
ным ввиду экспансии соседей; проблемой казал-
ся рост рождаемости у своих политических со-
перников. Точно так же, как сейчас в Европе
опасаются роста населения в странах «третье-
го мира», в межвоенный период французы бо-
ялись высокой рождаемости у своих воинствен-
ных соседей—немцев; немцы боялись угрозы бес-

численных «славянских орд»; англичане опасались большой рождаемости у ирландцев; итальянцы сетовали на «бандитский юг»; в европейской части России боялись высокой рождаемости в ближнем к нам азиатском зарубежье. В разных обществах в разные времена присутствовал страх перед иммигрантами, могущими «испортить» хорошую расу, и недовольство эмигрантами, снижающими расовое состояние общества вследствие отъезда за границу. В США, например, имел место страх перед волной эмигрантов из Азии или притоком эмигрантов из бедных регионов Восточной Европы, «белых бедняков», которые якобы снижали сопротивляемость белой расы перед лицом напористых негров. В этой связи существовали квоты на въезд в США определенных расовых типов. Впрочем, евгеника была не только европейской или американской болезнью, она процветала в Китае, в Аргентине, в Бразилии, в Индии.

Задолго до нацистов практические шаги для предотвращения воображаемой перспективы вырождения сделали шведы, хотя первая в мире ка-

федра евгеники была создана в 1909 году в Лондоне и лишь в 1922 году—в университете Упсалы. В Швеции впервые стали практиковать добровольную стерилизацию в целях сохранения расовой чистоты и поддержания нордического типа. Впрочем, в практике евгеники американцы и немцы вскоре обошли англичан и шведов. Почти во всех американских штатах существовала узаконенная практика стерилизации наследственных больных, а в Калифорнии стерилизовывали больше, чем во всех остальных штатах вместе взятых. Воодушевленные законом США об эмиграции, немецкие евгеники заговорили о необходимости принятия подобного закона в Германии (перед лицом притока в страну евреев и южных славян). Также немецкие евгеники распространяли среди немцев всевозможные пропагандистские материалы с графиками и статистикой о затратах на социальную помощь неблагополучным (вследствие наследственных заболеваний) семьям. О необходимости устранять «человеческий балласт» еще в 1920 году писали немецкий юрист Карл Биндинг и немецкий ме-

дик Альфред Хохе. Они оценивали человеческую жизнь масштабами затрат на продукты питания, одежду, жилье, отопление и уход. Нацисты охотно повторяли эти доводы даже в школьных учебниках; потом они первыми перешагнули порог допустимого, задумав втайне от общественности осуществить программу эвтаназии. В начале XX века к евгеническим кругам в Германии примыкали даже социал-демократы; во всех слоях общества находились люди, симпатизировавшие их идеям. Напротив, в Англии, когда некий лейборист внес законопроект о добровольной стерилизации наследственно больных, то Сидней Уэбб протестовал, указывая, что это важное дело не может быть оставлено на усмотрение частных лиц и люмпен-пролетариев. В отличие от Германии, где ученые с большим энтузиазмом восприняли евгенические планы, в Англии никакого воодушевления они не вызвали—по всей видимости, евгеника в силу своего радикализма не подходила консервативным англичанам. В 1929 году английскими психиатрами было установлено, что различными психическими расстройствами стра-

дает около 300 тыс. англичан, из которых только 50 тыс. помещено в лечебницы. Данные статистики произвели сильное впечатление, но в 1931 году британская нижняя палата отвергла закон о стерилизации.

Без резких возражений против евгеники не обошлось и в Германии: в 1923 году профессор Карл Бонхефер (отец Дитриха Бонхефера, известного деятеля антинацистского Сопротивления) выступил с резкой статьей, возражая против насильственной стерилизации людей, родившихся слепыми или глухими, идиотов, эпилептиков, преступников-рецидивистов и людей, имевших, по крайней мере, двоих внебрачных детей. Мюнхенский психиатр Освальд Бумке весьма точно заметил, что в дебатах о стерилизации речь идет прежде всего об арийцах и неарийцах, о долихоцефальных или брахицефальных головах, о нордической расе и неполноценных людях; но в этих сферах абсолютно ничего определенного нет, и ложные рецепты и неопределенные теории могут принести только вред. Бумке далее указывал, что в соответствии с этой логикой нужно убить

не только всех душевнобольных и психопатов, но и инвалидов войны, безработных, пенсионеров и вдов, которые уже не способны рожать.

Проблемы, связанные с евгеникой, коснулись Германии особенно остро и воспринимались частью общественности как подлежащие неременному разрешению. Причины этого, возможно, лежат в ожесточении немцев после Первой мировой войны, усугубленном позором Версальского договора и потрясениями кризиса 1929 года. После 1929 года средств для проведения активной социальной политики не хватало, и все чаще раздавались голоса о необходимости превентивной стерилизации калек (чтобы воспрепятствовать их воспроизводству и таким образом сэкономить средства для поддержания здоровых людей, оказавшихся в нищете вследствие кризиса). В Германии был популярен тезис от том, что в войну действует негативный отбор, и погибают лучшие, а «неполноценные» процветают в тылу (при этом игнорировался тот факт, что в заключительной стадии Первой мировой войны в немецких психиатрических лечебницах и прию-

тах для калек вследствие систематического недо-
едания погибло более 70 тысяч человек). Современная война с отравляющими газами и пулеметами привела к изменению моральных масштабов, чему соответствовало и поведение людей в тылу. Люди стали забывать, что обязанностью здорового и сильного является помощь слабому и больному, а не желание выжить за его счет. Даже представители прогрессистов в Германии в 1914 году высказывались за то, чтобы тратить дефицитные средства не на душевнобольных и калек, а на здоровых людей, которые могут принести стране пользу. Такая риторика немногим отличалась от нацистской. После войны наиболее радикальные публицисты стали призывать к преодолению «устаревшей» иудео-христианской морали и к возврату к первобытным и здоровым нравам спартанцев, которые убивали больных младенцев и беспомощных стариков.

«Социальная стабильность, во-первых, всегда исходит из того, что любое отклоняющееся от общепринятых норм поведение представляет опасность для общества и должно оцениваться

как криминальное, неполноценное или даже вырожденческое. Во-вторых, социум велит настраиваться на работоспособность, чтобы обеспечить себе средства для проживания. Теперь асоциальное поведение состоит не только в отказе от работы, но и от размножения». Приблизительно так выглядел главный постулат нацистского общества.

Овладев массами, национал-социализм попытался свести роль отдельного человека в обществе до минимума. В нацистском государстве отдельная личность ничего не значила, главным было понятие «народ». Чтобы легче было осуществлять господство над массами, миллионы людей должны были унифицироваться под стандарт «нормального человека». Для осуществления этого тоталитарного требования предусматривались различные пути и возможности. Одним из таких было «дисциплинирование тела».

Национал-социализм разделял весь мир на «хороший» и «плохой», «ценный» и «низкокачественный» генетический материал, на законопослушных граждан и персон, являвшихся бель-

мом на глазу нацистского государства. «Хороший» материал должен был отбираться и подвергаться селекции. В качестве вознаграждения таковым обещался социальный рай: финансовая стабильность, поездки в отпуск на «Фольксвагене», полученном по программе «Сила через радость», современный четырехкомнатный дом или квартира. «Плохой» материал подлежал «искоренению». Этих людей попросту уничтожали.

«Экспроприация тела» была подготовлена и проведена при помощи расистской идеологии национал-социализма. Когда чистота и преобладание «арийской расы» были поставлены в центр нового видения мира, а государство стало лишь инструментом осуществления воли этой расы, то о каких-то отдельных личностях не шло и речи. Каждое отдельное тело и его сексуальность должны были послушно стоять на службе режима. Но и этого было мало: нацистские медики и идеологи устанавливали, кто посредством своих половых сношений служил арийской расе, а кто—нет.

подлежало около 400 тысяч человек: «сексуальные уклонисты», «извращенцы», «падшие юноши», вообще все те, кто не собирался безоговорочно подчиняться коричневому государству. Тоталитарное государство решило воздействовать на своих подопечных через самый уязвимый и восприимчивый участок—половую жизнь.

В момент захвата власти нацисты еще не располагали полнотой знаний, которые смогли бы поставить им на службу плодородие миллионов людей. Пока на улицах бесчинствовали штурмовики, не было и необходимости в программе эффективной и малозатратной стерилизации. Но по мере появления новых концентрационных лагерей у нацистов появилось фактически неограниченное поле деятельности. Именно там, за колючей проволокой, они спрятали от «добропорядочных граждан» свои экспериментальные программы. Здесь самыми варварскими методами шли медицинские эксперименты, призванные «социально дисциплинировать» немцев. В распоряжении нацистских врачей оказалась рентге-

новская стерилизация, поточные аборты, опыты по воздействию формалина и нитрата серебра на матку и яичники женщин.

В тридцатые годы женщины уже не могли сближаться с мужчинами, которые им нравились. Мужчины не могли спать с женщинами, которых они любили. В Лондоне и Париже, в США в вопросах половых отношений все еще господствовала щепетильность XIX века. Но лишь одно государство, Третий рейх, задался задачей не просто подбирать подходящих партнеров, а фактически проводить человеческую селекцию. Тоталитарное государство не оставило в немецких кроватях места для секса, который являлся следствием взаимного влечения двух людей. Немцы должны были безоговорочно превратить свою интимную жизнь в политическую акцию, орудие для достижения высших государственных целей. Немецкие тела подлежали унификации так же, как политические и общественные организации, органы власти и предприятия.

Коричневые властители разделяли граждан Германии на «хороших» и «плохих». Тех, кто

должен был произвести потомство, и тех, кому размножение, безусловно, запрещалось. Рождаемость у «хорошего» материала должна была подниматься при помощи борьбы с абортами, предоставления банковских кредитов, бюджетных пособий на детей и налоговых льгот. «Плохому» материалу предписывались запреты на заключение брака, стерилизация и убийство. Борьба за повышение рождаемости и запрет на производство на свет потомства шли в Третьем рейхе рука об руку. Коричневое государство овладело сексуальностью и телами своих граждан, контролировало их, нейтрализовало или использовало их по собственному усмотрению. Интерес нацистских бонз к сексуальности немцев вытекал из человеконенавистнической идеологии, корни которой восходили к 1859 году, когда увидела свет работа Чарльза Дарвина «Происхождение видов».

Английский натуралист исходил из того, что в вечной борьбе за существование выживали только те разновидности, которые лучше всего соответствовали настоящим условиям жизни и существования. Таким образом, в Арктике, напри-

мер, постепенно вымрут коричневые и серые зайцы, так как они быстрее бросаются в глаза белому медведю, нежели их более светлые собратья. Естественный отбор и мутации построили цепочку из различных видов, во главе которой стоит человек. Теория Дарвина открыла английским фермерам викторианской эпохи возможность содействовать развитию своих домашних животных, позволяя размножаться только тем особям, у которых было ярко выражено определенное желаемое свойство.

В XX веке национал-социализм узурпировал теорию Дарвина и дополнил ее представлением о том, что человек не может беспрепятственно управляться природой. Так как человеческая «раса» должна была улучшаться, то требовалось проводить селекцию человека. В «Майн кампф» Адольф Гитлер сравнивал секс с селекцией животных: «Мы, национал-социалисты, являемся хранителями высших арийских ценностей на земле. Вот почему на нас лежат высшие обязательства. Чтобы суметь выполнить эти обязательства, мы должны суметь убедить наш народ сде-

лать все необходимое для защиты чистоты расы. Мы должны добиться того, чтобы немцы занимались не только совершенствованием породы собак, лошадей и кошек, но пожалели бы, наконец, и самих себя». Или другая цитата: «В результате всего этого нашему народническому мирозерцанию, безусловно, удастся вызвать к жизни такую эпоху, когда люди будут видеть свою высшую задачу не в том, чтобы улучшать качество собаки, лошади, кошки, а в том, чтобы создавать более высокую расу людей. Это будет эпоха, когда одни люди в сознании необходимости будут молча кое от чего отказываться, а другие будут радостно жертвовать и давать».

Национал-социализм

жаждал получить сверхчеловека. Чтобы арийская раса не погибла, а человек не опустился на животный уровень, его арийская кровь должна была оставаться чистой. А потому генетическое наследие арийцев не должно было смешиваться с наследственным материалом низших рас. Главные идеологи национал-социалистического государства требовали повышения рождаемости

только у арийской части населения. В битве за рождаемость они были заинтересованы не просто в сухих цифрах. Большое внимание уделялось «расовому качеству» грудных детей. Лозунгом того времени стало—«дифференцированное размножение». Чтобы на свет появилась смена, соответствовавшая идеологическим представлениям национал-социализма, размножаться могли только те супружеские пары, которые получили на это специальное разрешение.

Чтобы претворить в жизнь этот проект, государство должно было поставить арийскую расу в центр всех своих начинаний. Само государство устанавливало, кто может иметь детей, а кто нет. Для Гитлера этот момент имел исключительное значение, а потому государство должно было «с предельной точностью и тщательностью отбирать из общего числа народных товарищей природный материал, который должен был быть поставлен на службу обществу».

Не сделай этого государство, и «народное общество» было обречено на гибель. В свете этих идей половая жизнь больше не являлась

частным делом. Напротив, каждая семейная пара должна была знать, что за каждый половой акт она несет ответственность перед «народным сообществом». Половая жизнь, в буквальном понимании слова, реквизировалась у рядовых немцев и ставилась на службу государству. В нацистском государстве институт брака не был придуман для удовлетворения потребностей отдельных индивидуумов. Как только за немецкими молодоженами закрывались двери нацистских загсов, оба супруга оказывались вплетенными в сложную жизнь народного сообщества, которая ставила под угрозу существование интимной жизни любого рядового немца.

Интимная жизнь в общепринятом понимании этого понятия являлась для национал-социалистических идеологов отказом от единства с народом, сопротивлением осуществлению расового порядка природы, несогласием с принципом «крови и почвы». В определенной мере любовные отношения, выведенные за рамки политических требований, могли трактоваться даже как сопротивление новому режиму. Лич-

ное счастье должно было исчезнуть из семейной жизни в национал-социалистическом государстве, где сексуальные отношения потеряли какую-либо связь с чувственной сферой. Половая жизнь немцев должна была лишь обеспечивать арийской расе господство над миром.

В известной мере нацисты позаимствовали постулаты расистской идеологии, которая возникла многими десятилетиями раньше. За век до этого предпринимались попытки сформировать представление и описать природу «идеального человека». Фридрих Шиллер активно занимался изучением проблемы избранного человека. Жан-Жак Руссо описывал суть безупречного человека как «благородного дикаря». В конце XIX века эти представления приобрели более радикальный характер благодаря философии Ницше. Помноженные на антисемитизм, в начале XX века эти идеи стали базой для возникновения национал-социалистического расового учения.

Научные открытия XIX века привели к биологизации всех областей общественной жизни. Эрнст Хекель, граф Гобино и многие другие ос-

новоположники «научного расизма» перенесли открытие Чарльза Дарвина на сферу общественной жизни. Само общество описывалось ими как живой организм, который жил по законам борьбы за выживание. Гюнтер Манн, директор медико-исторического института в Майнце заявлял: «История народов станет специальной ветвью зоологии». По его мнению, только самые выдающиеся человеческие виды в борьбе за существование могли создавать высокоразвитые цивилизации. Получить шанс на выживание должна была только та общность, чьи умственные способности были гораздо выше, чем у соседних племен и народов. История показывает пути развития народов в зависимости от их среды обитания. И тут не может быть равенства, так как исходные посылки у всех народов разные. Разнообразие культур объяснялось различиями в размере мозга, различиями в климате обитания и условиями добывания пищи.

В наступающем тогда XX столетии расовая история станет одной из самых популярных дисциплин. Проблемы подъема и упадка различных

народов исследовались на многочисленных семинарах, в бесчисленных статьях и публикациях. Многие именитые ученые посвящали этому вопросу целые книги. В век империализма немцы больше не испытывали страха перед возможным закатом собственной культуры. Чтобы предотвратить собственный упадок, требовалось всего лишь поставить заслон на пути смешивания рас и исчезновения собственно немецкой крови. Именно расовое смешение виделось как предпосылка для гибели культуры. Постепенно эволюционное развитие подобных культур останавливалось, и они угасали.

Уже в 1883 году Гуго де Фриз хотел предотвратить этот крах при помощи новой науки—евгеники. Главным условием для дальнейшего существования культуры и цивилизации станет селекция человеческого материала. Это голландский ботаник, ставший одним из отцов социал-дарвинизма, хотел наблюдать за рождением тех, кто препятствовал выживанию цивилизаций. По его мнению, было бы лучше, если бы эти люди вовсе не рождались. Право на размножение полу-

чали наиболее выдающиеся человеческие субъекты. Они должны были рано сочетаться браком и находиться в таких условиях жизни, которые только содействовали появлению как можно более многочисленного здорового потомства. Де Фриз не собирался предоставлять зачатие ребенка на волю случая. Размножаться могла только супружеская пара, чья расовая полноценность была подтверждена научными данными: «Если же выявится, что новорожденный является слабым и неполноценным, то коллегия врачей должна принять решение о продолжении его жизни или усыплении при помощи небольшой дозы морфия. Родители в данном случае не должны долго скорбеть и быть ведомыми мятежными чувствами, но быть довольными, что им представился шанс попробовать второй раз произвести на свет потомство».

В 1895 году Альфред Плётц в качестве дочерней науки вывел от евгеники «расовую гигиену». Плётц провозгласил моральную ответственность ученых. Но речь шла не о негуманной и даже бесчеловечной постановке вопросов в евгени-

ке. Он провозгласил, что «упразднение» и «отбор» становятся главной обязанностью ученых, так как выжить может только то общество, которое последовательно проводит в жизнь расовую гигиену. Чтобы парам, «достойным размножения», были предоставлены более комфортные условия жизни, низкокачественные члены общества должны были «выпалываться». 10 лет спустя, в 1905 году, Плётц сыграет решающую роль при создании «Общества расовой гигиены», которое несколько десятилетий будет распространять по всей Европе его идеи. К 1930 году в Германии возникнет 10 филиалов этого общества. В Австрии их будет несколько меньше—всего лишь четыре. В Веймарской республике средние слои с восторгом встретят идеи социал-дарвинизма, расовой гигиены и евгеники. Новое учение о природе общества видело в образованном бюргере идеальный тип человека и требовало преобразования действительности на основе принципа естественного неравенства людей. Поборники расовой гигиены, а также приверженцы евгеники и социал-дарвинизма противопоставляли демо-

кратическому государству свою новую элитарную идеологию.

Почва для осуществления человеконенавистнической сексуальной политики Третьего рейха была подготовлена и удобрена задолго до прихода нацистов к власти. Это сделали широкие круги общественности и многие ученые. Однако только нацистам удалось претворить эти идеи в жизнь. Именно они начали осуществление этих принципов, когда 14 июля 1933 года издали указ «О предотвращении появления наследственно больного потомства», который стал инструментом устранения социально-демографической «чересполосицы». Теперь манипуляции в сфере сексуальных отношений получили государственное одобрение и могли систематически осуществляться. Теперь власти могли спокойно стерилизовать любых социально неподходящих режиму людей, противников нового режима, гомосексуалистов, лесбиянок, «преступников на сексуальной почве», «извращенцев» и даже тех, кто нарушал супружескую верность.

Воспользовавшись принятым в 1933 году законом о «О предотвращении появления наследственно больного потомства», нацисты развернули форменный террор, проводя массовую стерилизацию. В течение последующих двух лет стерилизовали около 30 тысяч человек. Расовые нюрнбергские законы 1935 года направили этот неупорядоченный процесс в организованное русло. Вмешательство в сексуальную жизнь так называемых «асоциальных» людей и страдающих наследственными болезнями стало носить методический характер.

Окончательно эти действия были легализованы на Нюрнбергском съезде партии, который состоялся 15 сентября 1935 года. Теперь на помощь нацистскому режиму приходили многочисленные законы, облегчавшие бюрократический путь вторжения в интимную жизнь немцев: закон о стерилизации, закон о стандартизации здравоохранения, законы об охране здоровья и брака. Появление на свет этих законов положило правовую основу для различения «желательной» и «недопустимой» половой жизни. Теперь тот, кто

не соответствовал национал-социалистическим представлениям, не просто терял право на неприкосновенность личной жизни, но мог быть арестован, изувечен—интимная жизнь переставала быть таковой. Правда, для принудительной стерилизации предписывалось соблюдение определенных юридических норм. Однако, как говорят факты, тоталитарное государство могло вмешиваться в самые интимные сферы жизни, лишь только формально прикрываясь юридической законностью. Неприкосновенность частной жизни ликвидировалась как таковая.

Чтобы создать в обществе необходимую атмосферу понимания, Йозеф Геббельс использовал для пропаганды нюрнбергских законов кинофильмы. По тем временам—новый ход. Появилась целая серия подобных фильмов: «Прегрешения отца» (1935), «Страдающий наследственной болезнью» (1936) и «Жертвы прошлого» (1937). Они показывали публике с шокирующей стороны последствия половой жизни наследственно больных людей. Мультфильмы должны были распространять расистские взгляды сре-

ди юных немцев. Пропагандистские возможно-сти анимационного кино, построенного по образцу американских студий Диснея, очень воодушевили как Геббельса, так и самого Гитлера.

По итогам Нюрнбергского съезда партии 1935 года значительно расширился круг людей, в интимную сферу которых могло вмешиваться национал-социалистическое государство. В 1935–1936 годах в принудительном порядке было стерилизовано почти 90 тысяч людей. Этот процесс не пошел на убыль даже в годы войны. Число подвергавшихся стерилизации несколько сократилось после нападения на Польшу, но это длилось недолго. В целом за двенадцать лет существования Третьего рейха нацисты сделали бесплодными почти полмиллиона людей. Ни разу не было удовлетворено ходатайство органов социальной защиты или здравоохранения, а таковых насчитывалось более 40 тысяч.

Автоматически подвергались стерилизации люди, страдавшие шизофренией, маниакальной депрессией, наследственной эпилепсией или тяжелыми физическими уродствами. В эту кате-

горию попадали слепые и глухие, чьи родители страдали такими же недугами. Недееспособными признавались алкоголики и больные туберкулезом, равно как и те, кто когда-то болел сифилисом и гонореей. Они также не имели права на производство потомства.

Чтобы обосновать стерилизацию, органы здравоохранения Третьего рейха очень охотно прибегали к такому понятию, как «моральное слабоумие», что должно было соответствовать дебильности. Но «моральное слабоумие» оказалось очень размытым понятием. Оно было некой собирательной категорией, которая должна была служить для преследования тех людей, которые не подходили под социальные образцы национал-социалистической Германии. Слабоумными могли оказаться те люди, чье развитие было несколько заторможено в младенческом возрасте, или оно шло нормально, но люди нарушали общепринятые нормы поведения. В категории слабоумных могли оказаться как дети, прогулявшие школьные занятия, так и страдающие ночным недержанием мочи.

Опасность стерилизации в связи со «слабостью» нависала над выходцами со дна общества. Как раз в годы мирового экономического кризиса работающий пролетариат сформировал картину немецкого общества. Рабочие массы, над которыми должно было господствовать НСДАП, были в большинстве своем нищими. Только за 1929 год несколько тысяч людей умерли от голода или эпидемий, бушевавших в рабочих кварталах. Германия, казалось, скатывалась обратно в XIX век. Детская смертность достигала невообразимых размеров. Рождаемость катастрофически падала. Массовое обнищание привело к появлению таких явлений, как массовый алкоголизм и психическая неуравновешенность. Впрочем, в Третьем рейхе рабочие стали жить гораздо лучше. Многие продолжали постоянно конфликтовать с полицией и властями, но вовсе не по политическим, а скорее бытовым причинам. В глазах нацистов обедневшие, опустившиеся семьи, которые вынуждены передавать своих детей на попечение государства, рассматривались как «асоциальные».

Круг людей, к которым нацистский режим решил применить (по «социальным» соображениям) стерилизацию, неограничен: гомосексуалисты, алкоголики, наркоманы, евреи, просто недовольные Гитлером. Несмотря на весь шовинистический порыв нацистов, воспевание боевой доблести, инвалиды Первой мировой войны оказались ненужными нацистскому государству—они являлись бременем для общества. Нацистов вообще мало интересовало, были ли получены травмы и увечья во время войны или на работе в мирное время. Они клеймили всех инвалидов как «общеизвестных симулянтов», «невротиков», «проныр, получавших пенсию».

Стерилизовать могли и тех, кто «не был в состоянии вести рентабельное хозяйство, кто не осознавал ответственности за воспитание детей, пригодных для народного сообщества». Люди, не готовые принять роли и поведенческие стандарты, предписанные нацистами, попадали в категорию «наследственно негодных», очень быстро получая диагноз «моральное слабоумие». Немецкая исследовательница Христиана Ротма-

лер полагала, что основными жертвами программы массовой стерилизации стали выходцы из низших слоев, которые пытались зарабатывать себе на жизнь случайными приработками. Они, как правило, происходили из больших семей, где господствовала нищета, а потому дети не могли получить достойного образования.

Для осуществления программы стерилизации при немецких судах создавались специальные заведения—«Суды наследственного здоровья» (ЕГГ). Нацизм, положивший в основу идеи, презиравшие права человека, взял на вооружение разработки Гуго де Фриа, Альфреда Плётца и другие поборников евгеники, которые жаждали провести проверку «уровня размножения» отдельного человека. В этих судах обрабатывались заявления, предоставляемые ночлежками для нищих, биржами труда, тюрьмами и союзами по борьбе алкоголизмом. В принципе с подобными заявлениями могли выступать и медики. Но врачи в большинстве случаев предпочитали не обращаться в ЕГГ. Дело было не в их гуманистических принципах или клятве Гиппократ.

Все было проще, они боялись за свою практику—пройди слушок, что тот или иной врач направляет свои пациентов на стерилизацию, и к нему просто перестали бы ходить. После поступления в «Суд наследственного здоровья» заявления на определенную личность проводилось краткое дознание—опрашивались работодатели этого человека, его друзья, родственники, функционеры местной ячейки НСДАП. Сам суд был простой формальностью. Нередко за 15 минут рассматривалось по три-четыре дела. В первые годы осужденные на стерилизацию могли опротестовывать такое решение и в качестве собственной защиты привлекать медиков, в данной ситуации выполнявших роль адвокатов. Но в 1936 году имперский руководитель медиков, Герхард Вагнер, лишил врачей возможности выступать на стороне «асоциальных личностей». Апеллировать можно было только к членам «Суда наследственного здоровья». Попавшие в этот суд были, по сути, обречены—даже в сомнительных случаях предписывалась стерилизация. Представшие перед наследственными судьями фактиче-

ски не имели никакой возможности спасти свое будущее потомство. Единственный путь избежать стерилизации заключался в том, чтобы доказать невозможность контактов с противоположным полом. Однако это было возможно только в монастыре, и то в редком случае.

После принятия решения «наследственными судьями» осужденные доставлялись полицией в больницу. Тот, кто пытался скрыться и не являлся в «Суд наследственного здоровья», тут же объявлялся в имперский розыск. Пойманные упрямцы подвергались так называемому «шестинедельному курсу» в закрытых специальных учреждениях. Там проверялся диагноз «наследственных судей».

Только для 10 % женщин, стерилизованных в принудительном порядке, это вмешательство прошло без осложнений. Нацисты не делали исключений даже для детей, стерилизация которых в условиях еще несформировавшихся половых органов была очень рискованной. Нацистские врачи проводили операции без учета сложения, возраста, психической и физиологической

конституции жертвы. Страх, потрясение, защитные реакции в условиях фактического отсутствия наркоза делали это насильственное вмешательство предельно опасным. Многие из жертв стерилизации умирали прямо на операционном столе. Причины смерти были самые различные: нарушение работы сердца, остановка легких, закупорка сосудов. После операции многие кончали жизнь самоубийством, так как не могли перенести нанесенную им физическую и психологическую травму.

Нацистские властители цинично заявляли, что принудительная стерилизация вовсе не являлась каким-то наказанием, что она направлена только на соблюдение интересов немецкого народного сообщества и самого индивида, что стерилизация вовсе не являлась поводом для общественного презрения и не могла затрагивать честь и достоинство прошедших через эту программу.

Между тем, согласно закону, прошедшие через стерилизацию обязались сохранять молчание. Чувство унижения они должны были хра-

нить в себе. О постигшем их физическом и психическом горе они не должны были никому говорить, даже близким людям. По большому счету, несколько десятков тысяч мужчин и женщин были просто искалечены. При этом осложнения у женщин возникали гораздо чаще, чем у мужчин. Согласно нюрнбергским расовым законам они не были «пригодны для брака», а потому не могли создавать семью. Под страхом уголовного наказания им запрещались отношения с расово полноценными мужчинами, которые могли воспроизводить арийских детей. Судьба этих женщин была трагичной, после принудительной стерилизации они с трудом находили работу. В основном они занимали малооплачиваемые должности. Им приходилось забыть о том, что они могли быть домохозяйками, женами, матерями—этот путь был для них навсегда закрыт. В то время, когда материнство считалось высшим женским идеалом, эти женщины были не просто изувечены, они были морально и психически изуродованы. Кроме того, стерилизованные мужчины могли в определенной мере продолжать свою

сексуальную жизнь вне брака. Для женщин это было просто невозможно.

Однако как раз желание вступить в брак стало поводом для попадания в «Суды наследственного здоровья». Нацистское государство активно организовывало консультации по вопросам брака, где женихи и невесты просвещались относительно «наследственного здоровья расы». Но многие не хотели добровольно посещать эти консультации, а потому в 1936 году подобные проверки стали обязательными при заключении брака. Накануне свадьбы будущие молодожены получали вызов в отделы здравоохранения, которые проверяли, не находится ли эта пара и их родственники в картотеке «негативно отмеченных личностей». Если в медицинских учреждениях возникали сомнения, то жениха и невесту вызвали для исследования их способности воспроизводства потомства. При малейших подозрениях на наследственные отклонения им отказывалось в браке.

Примерно один—два раза в неделю в консультациях по вопросам брака назначались приемные

часы. Затем врачи и санитары проводили обширное исследование, по итогам которого заседал так называемый «совет здорового брака». Этот «наследственный техосмотр» должен был гарантировать, что новое «супружеское сексуальное предприятие» будет работать на благо государства. Способность к размножению и сексуальная производительность являлись предпосылкой для исполнения супружеского долга. Здесь отбраковывались не только люди, неспособные произвести полноценное потомство, склонные к «извращениям», но и те, кто, по мнению нацистских экспертов, не мог воспитать детей, преданных гитлеровскому режиму. У мужчин дополнительно проверялись профессиональные навыки, а у женщин—способность вести домашнее хозяйство и быть достойной матерью. Если экспертиза давала негативную оценку, то врач мог посоветовать жениху или невесте подыскать себе другого супруга. Это было официальным требованием о смене сексуального партнера. Но даже наследственно здоровые пары не могли рассчитывать на одобрение государством собственного брака.

«Недостойными для размножения» и «непригодными для брака» считались люди, у которых имелись некоторые хронические болезни, например камни в почках. Покажется нелепым, но людям, у которых было варикозное расширение вен, приходилось удалять его, дабы воспроизвести совершенно здоровое потомство.

В нацистских консультациях мужчины и женщины рассматривались не как отдельные лица, а как члены семейного союза. Члены семьи регистрировались в «генеалогической таблице». Для этого необходимо было получить соответствующие справки в органах власти, больницах, местных группах НСДАП. Установленная «расовая ценность» людей заносилась в специальные картотеки. Из картотек консультационных пунктов с 1935 года формировались региональные картотеки специальных медицинских ведомств, которые, в свою очередь, объединялись в общеимперскую сеть по поиску «кандидатов на исправление».

Коричневые властители вовсе не предполагали, что врачи и медицинские попечители из консультационных пунктов действительно будут

помогать молодым парам устраивать их личную жизнь. Напротив, консультационные пункты должны были выявлять тех, кто собирался вести «политически независимую» половую жизнь. Консультационные пункты превратились в первичное заведение по осуществлению человеческой селекции. Врач здесь превращался в вершителя судеб, решавшего дальнейшую судьбу молодой пары. В нацистском государстве врачи стали злоупотреблять доверительным отношением своих пациентов. В Третьем рейхе именно врачи стали выносить вердикт о допустимости связи между двумя молодыми людьми. Именно врачи стали первым инструментом, благодаря которому нацистам удалось проникнуть в самые интимные сферы жизни людей.

О половой жизни иностранцев, угнанных на работу в Германию, нацистское государство проявляло куда меньшую заботу. Несмотря на то, что стерилизация проводилась в соответствии с принятыми законами, вмешательство в человеческие отношения власти даже не пытались прикрывать неким подобием «псевдоправового госу-

дарства». Они опирались на авторитет человека в белом халате. Чтобы более эффективно эксплуатировать миллионы людей, угнанных из России, Польши, Голландии, Франции, Бельгии, нацистские врачи не одобряли беременности. Немецкой промышленности были нужны работники, а не ущербные с расовой точки зрения дети. Так что не приходилось говорить о какой-то защите материнства. Это было бы в высшей мере наивно. Нацисты делали все возможное, чтобы избежать беременности угнанных на принудительные работы женщин. Часто сама работа не способствовала деторождению. У многих от непосильного труда случались выкидыши. С 1943 аборты в среде угнанных работниц приняли такой невообразимый размах, что католическая церковь решилась на протест. Только в Нижней Саксонии аборты были сделаны у 25 % женщин. В Восточном Ганновере беременность была искусственно прервана у каждой третьей женщины. Все проводилось в ужасных условиях. Больницы отказывались принимать женщин, угнанных из других стран, мотивируя это тем, что все больничные

койки были заняты немцами. Аборты делались прямо в бараках. Проводили их русские и польские врачи, которые также были доставлены на принудительные работы в Германию.

Если у русских, польских или французских женщин все-таки появлялись на свет дети, то их тут же арестовывали и вместе с детьми направляли в концентрационный лагерь. Это было равнозначно смертному приговору для новорожденного. В «детских концлагерях» матери же, как правило, не надолго переживали своих детей.

До 1933 года «Национал-социалистический союз немецких врачей» был одной из самых малозначимых организаций НСДАП. Он был создан достаточно поздно, не имел никакой ясной цели и до прихода Гитлера к власти всего лишь пытался выполнять функции коричневого профсоюза медицинских работников. Но после 1933 года его численность стала быстро расти. В него вливались все профессиональные медицинские объединения. В 1934 году он был готов унифицировать всю немецкую медицину. В то время в «Национал-социалистическом союзе немецких

врачей» состоял почти каждый второй медик.

Большинство врачей даже не думали сопротивляться требованиям, которые предъявлял новый режим. Они беспрекословно участвовали не только в стерилизации 400 тысяч людей, но и усыплении почти 5 тысяч детей. Во время осуществления акции эвтаназии Т4 они убили более 70 тысяч стариков, инвалидов, людей с умственными и психическими отклонениями. Медицина лишила жизни всех, кого нацистский режим считал «жизненно неважными», «наследственно больными» и «низкокачественными».

Национал-социалистические врачи были инструментом, при помощи которого национал-социалистическое государство «устраняло нежелательную жизнь» и всячески содействовало защите ценной «генетической субстанции». В первые годы существования Третьего рейха нацистские бонзы еще не располагали полнотой научных данных, которые бы позволили им провести грань между «селекцией» и «упразднением». Однако в концентрационных лагерях поле для экспериментов было фактически неограни-

ченным, там врачи получили возможность для проведения своих человеконенавистнических экспериментов. Нигде доступ к человеческим «морским свинкам» не был столь открытым, нигде в распоряжении врачей-изуверов не находилось так много подопытных, как в концентрационных лагерях.

Никто из верхушки Третьего рейха не имел специализированного медицинского образования. К чему обращаться к химическим препаратам, если не полностью еще изучены целебные силы природы? Наверняка таким вопросом задавался Генрих Гиммлер, который проявлял псевдонаучный интерес к изучению неизвестных возможностей «новой немецкой медицины». Для этого в концлагере Дахау он создает плантацию лекарственных трав. Впрочем, у этого безобидного на первый взгляд начинания была и обратная сторона. В концентрационном лагере Равенсбрюк проводятся опыты по гомеопатической стерилизации еврейских и польских женщин. Доктор Адольф Покорный предложил Генриху Гиммлеру в октябре 1941 изучить воздей-

ствие одного североамериканского растения на человеческий аппарат размножения. Исследования, проводимые в рамках немецкой фармацевтической промышленности, в итоге показали, что сок растения *Caladium seguinum* (диффенбахия кровавая) лишает животных и птиц плодородия. Но, несмотря на невероятные усилия, это растение не удалось развести в тепличных условиях. Попытки синтезировать его составляющие химическим путем также не увенчались успехом.

Гиммлер вновь задался вопросом: каким способом можно быстро и без особых затрат устранить из немецкого народного сообщества «нежелательный и низкокачественный материал»? В мае 1942 года Генрих Гиммлер обратил внимание на опыты Карла Клауберга, гинеколога из Кёнигсхютте. Он уже давно занимался проблемами плодородия у женщин. Сын кузнеца из Вупперсхофа, он в 1925 году защитил диссертацию о действии женских половых гормонов. После получения ученой степени Клауберг в течение семи лет вместе с химиками фирмы «Шерингер» исследовал в университетской клинике г. Киля воз-

возможности синтетических гормонов, которые были призваны исцелить женское бесплодие.

Когда к власти пришли нацисты, Клауберг стал заниматься предотвращением нежелательных беременностей. Он обещал рейхсфюреру СС разработать метод стерилизации, который не предполагал хирургической операции. Он утверждал, что «стерилизационная команда» из одного врача и 10 человек вспомогательного персонала сможет «обработать» за день не менее тысячи человек. Гиммлер пришел в восторг от подобной перспективы. В декабре 1942 года он направил Клауберга в концентрационный лагерь Биркенау, где тот должен был ставить свои опыты на женщинах-заключенных. Но в этом лагере Клауберг пробыл недолго. В апреле следующего года он направился в Освенцим, где блок № 10 был перестроен специально для проведения опытов по стерилизации. «Блок Клауберга», как называли заключенные это жуткое помещение, был оснащен четырьмя экспериментальными площадками, фотолабораторией и самым современным рентгеновским оборудовани-

ем. Но так как гинеколог был гражданским лицом, он только как бы арендовал у СС и помещения и женщин-заключенных. За оборудование, помещение и предоставленных ему заключенных он должен был платить одну имперскую марку в неделю. Как видим, жизнь заключенных в Освенциме почти ничего не стоила. Клауберг, наблюдая за женской репродуктивной системой, опробовал на 700 женщинах воздействие сульфата бария и смеси формалина с новокаином. Отдельные женщины получали от трех до пяти инъекций в живот. Введенный состав должен был сделать яичники нежизнеспособными, а яйцеклетки спаять между собой, вследствие чего женщина на всю жизнь оставалась бы бесплодной. При помощи рентгена он наблюдал за результатами своих опытов. Но они оказались неутешительными. Почти у всех стерилизованных женщин поднималась температура и начиналось воспаление брюшины. Метод Клауберга оказался «неэффективным». Не стоило забывать, что Гиммлер не хотел терять рабочую силу. Стерилизация не должна была приводить к массовой потере рабов, тру-

дившихся в концентрационных лагерях, которые превратились в сеть специальных предприятий, приносивших рейхсфюреру весьма неплохой доход.

Летом 1942 года программу стерилизации с Гиммлером обсуждал Виктор Брак, сотрудник канцелярии фюрера. Он настоял на том, чтобы при помощи рентгеновской радиации стерилизовать два-три миллиона европейских евреев. В письме Гиммлеру от 23 июня 1942 года Виктор Брак напоминал, что стерилизация, как она обычно проходила у страдавших наследственными болезнями, была неприемлема, так как была очень длительной и дорогостоящей. Он еще раз рекомендовал рейхсфюреру СС сосредоточить свое внимание на рентгеновской кастрации, которая была относительно дешевой, и через нее в кратчайшее время могли проходить тысячи человек.

Начальник канцелярской службы Гитлера вначале предполагал, что лица, подлежащие стерилизации, должны были на некоторое время подходить к административному окну для запол-

нения документов. В течение этих нескольких минут они облучались рентгеновскими лучами. Таким способом через это «окно» можно было бы пропустить до 4 тысяч человек за день. Стоимость этого проекта нацисты оценивали в 15–20 тысяч марок.

Вначале среди медиков шли споры. Нет, они были посвящены вовсе не чудовищности этого проекта. Просто эсэсовские врачи сомневались, что таким образом можно стерилизовать мужчин. Доктор Хорст Шуман утверждал, что стерилизация мужчин при помощи рентгена требовала значительно большего времени, а стало быть, ее стоимость увеличивалась в несколько раз. Чтобы внести ясность в этот вопрос, в конце 1942 года он направился в лагерь Биркенау. Там в блоке № 30 он подвергал здоровых мужчин и женщин в возрасте от 17 до 25 лет воздействию рентгеновских лучей, которое длилось в различных случаях от пяти до девяти минут. Для того, чтобы изучить воздействие лучей на ткань яичников и яичек, Шуманн заставлял мужчин опускать пенис и мошонку на рентгеновскую пластину. Женщин

он устанавливал между двумя дисками, которые облучали снизу спину и живот. Последствия этих экспериментов были чудовищными. Дело доходило до тяжелейших лучевых ожогов, от которых заключенные просто медленно умирали. Все подопытные, прошедшие через барак № 30, страдали от лучевой болезни. Сам Шуман, естественно, находился в специальной комнате, защищенной толстыми свинцовыми плитами.

Чтобы проверить, насколько успешно прошла рентгеновская стерилизация, некоторым женщинами удаляли яичники. С целью экономии времени Шуман удалял их через брюшную полость без соблюдения каких-либо элементарных правил медицинского искусства. Нередко за два часа он проводил по десятку подобных «операций». Шуман и его коллеги, эсэсовские врачи, нередко даже наспех зашивали тела прооперированных женщин. Многие из них умирали от потери крови. Одна из этих жертв, выжившая в этом аду, так описывала эти события: «Из инфицированных ран тек гной, поднялась высокая температура... Воспаление легких. Мое тело опухло,

если я нажимала на руку, то после нажатия еще долго оставалось пятно. Они давали мне медикаменты. Я была словно парализована и не могла их принимать. Все мое тело полностью опухло. Мы знали, что стали деревом, которое больше не в состоянии приносить плоды. Эксперименты разрушили наши органы. Мы плакали, думая об этом. Нас использовали как каких-то подопытных кроликов».

Но мужчины чувствовали себя после облучения не намного лучше, чем греческая еврейка, которая написала приведенные выше строки. Сначала они должны были сдать свою сперму. Затем без наркоза их кастрировали. Удаленные яички тут же изучались с исследовательской лабораторией.

В лагерях смерти беременные женщины не должны были рожать. Их ждал аборт в исполнении эсэсовского хирурга. Если кому-то все-таки удавалось родить, то новорожденного тут же убивали. Летом 1942 года Генрих Гимлер прекратил действие тайного распоряжения, согласно ко-

торому судьба новорожденного в концлагере зависела от его расовых критериев. Отныне было несущественно, являлся ли отцом ребенка чистокровный ариец или нет.

Большую часть аборт в женском концентрационном лагере Равенсбрюк в 1942–1943 годах провел доктор Рудольф Розенталь. Он не был гинекологом и не имел ни малейшего опыта в прерывании беременности. Для него это было всего лишь практикой, которая превращалась в изуверскую пытку. Ему ассистировала любовница из числа заключенных, которая работала при нем медицинской сестрой. В 1943 году Розенталь был арестован при попытке похитить меха и драгоценности со складов СС. Теперь он сам стал заключенным лагеря Заксенхаузен. Его «фаворитка», связями с которой он «запятнал честь СС», была переведена в Освенцим.

Но нередко в концентрационных лагерях прерывание беременности проходило более «простым» способом. Поскольку заключенные не обследовались медиками, беременность охранники нередко замечали лишь на седьмом месяце. В

данном случае несчастную женщину просто избивали до тех пор, пока у нее не случался выкидыш. Как правило, мать умирала вместе со своим ребенком. Те женщины, которые все-таки выжили, теряли рассудок, и их ждала неминуемая смерть. Эсэсовцам не были нужны заключенные, которые были не в состоянии работать.

Чтобы спасти своих соотечественниц от газовых камер, еврейские врачи, оказавшиеся в концлагере, тайно делали аборты. Нередко женщин доставляли буквально контрабандными путями в больницы и лазареты. И именно там прерывалась беременность или втайне устраивали роды. Кто-то пытался вывезти новорожденных на волю, но это удавалось только единицам. В основном детей приходилось умерщвлять, так как их крик выдал бы не только свою мать, но и людей, поместивших ее в лазарете. В 1947 году очевидица этих событий, Ольга Ленгель, рассказывала, что как только новорожденный раскрывал рот, ему приходилось давать смертельную дозу какого-нибудь лекарства.

Но несмотря на весь террор эсэсовских вра-

чей, некоторые дети, появившиеся на свет в лагерях, все-таки выжили. Для этого в Равенсбрюке даже была предусмотрена центральная комната, где матери после родов отдыхали три дня. Затем они переселялись в грязные, нетопленные помещения санчасти № 2. Там роженицы делили кровати с женщинами, болевшими различными заразными болезнями. Нередко на одной кровати располагалось две или даже три женщины. Новорожденных обычно клали отдельно от матери. На одной пружинной кровати лежало по несколько младенцев. Ночью, когда они начинали плакать, никто не мог им помочь—у всех просто не было сил. Как писала одна свидетельница: «Мы не могли сомкнуть глаз, мучительно представляя, как они лежали там, барахтающиеся, без рубашечек, без подгузников, в замызганных пеленках, на прогнившей соломе. Мы слышали их жалобный писк. На следующее утро они были обессилены, измучены и изранены. Это было страшно, но мы не знали, что надо было делать, чтобы помочь этим малышам. Как правило, жизнь новорожденного не превышала шести недель».

Для матери высшим счастьем было, если бы неделю спустя после родов ее не направляли вновь на работы. Своих детей они доверяли больным или нетрудоспособным арестантам. «Матерей редко можно было чем успокоить. Спустя четырнадцать дней грудные дети не выглядели обнадеживающее. С тощим сложением и тонкой кожей, пепельно-серым, сморщенным личиком, телом, исцарапанным грубой щеткой при мытье».

Глава 7. «Лебенсборн» («Источник жизни»)

Никакая другая структура Третьего рейха после войны не была настолько мифологизирована и окутана завесой тайны, как «Лебенсборн». По количеству мифов, рожденных вокруг этого заведения, на задний план отступает даже пресловутое «Наследие предков» («Аненербе»). До сих пор заведение, созданное в 1936 году, является поводом для многочисленных спекуляций.

Чем же оно было на самом деле? Биологической лабораторией? Специальным эсэсовским борделем, где после утех с «новой элитой» белокурые арийские матери должны были рожать таких же детишек? Источники, дошедшие до нас из эпохи Третьего рейха, однозначно называют цели этого заведения: «Задачи “Лебенсборна” лежат исключительно в демографической области.

Поддерживая ценные с расовой и наследственно-биологической точки зрения многодетные семьи, «Лебенсборн» заботится о представляющих наибольшую ценность будущих матерях и принимает их на попечение в собственные материнские дома. Кроме того, он постоянно заботится о появившихся там на свет детях».

Идея домов «Лебенсборн» восходит непосредственно к одному из основных постулатов нацистской идеологии: если немецкий ребенок был зачат, он должен появиться на свет. Мировоззренческим фундаментом для «Лебенсборна» служила несколько переработанная и адаптированная нацистами к условиям Третьего рейха теория «социал-дарвинизма». Эта теория, как мы уже говорили, переносила тезисы учения Чарльза Дарвина о естественном отборе на общественную жизнь: в борьбе за существование победит та раса, которая имеет «лучшую кровь». Именно этот момент предопределяет, кто станет более сильным. Но на практике этот «естественный расовый отбор» нивелируется благами и достижениями цивилизации. В цивилизованном

мире могут выжить бессильные, больные, неспособные люди, что для нацистов было противоестественным. Это было почти преступлением против природы. Согласно принципам нацистского социал-дарвинизма, это «ненормальное развитие» должно было искусственно корректироваться. Прежде всего, надо было предотвратить, чтобы «ценная кровь» арийцев смешивалась с «неполноценными» расами: при этом расовые качества «северо-германского типа» рисковали ухудшиться. Остановить этот «дегенеративный» процесс предполагалось через управление демографическими процессами. Это было не чем иным, как селекцией человеческого вида.

История «Лебенсборна» показала, что он не был евгеническим учреждением, в котором соединялись светловолосые, голубоглазые женщины и мужчины, дабы дать фюреру новых детей. Не было они благотворительной организацией, которая из любви к ближнему заботилась о матерях и их детях, рожденных от анонимных эсэсовцев. Это был эсэсовский институт, помогающий в разработке новых расовых биологических прин-

ципов, положенных в основу создаваемой «Германской всемирной империи». Это был инструмент расовой политики, которая была ориентирована на формирование «германской расы господ» и уничтожение всех недочеловеков.

В девяти немецких и тринадцати иностранных заведениях «Лебенсборна» содержалось в среднем от 35 до 40 женщин, которые решили поставить себя на службу народу и немецкой расе. Но как такое незначительное количество молодых женщин могло помочь расово-биологическим принципам «всемирной империи»? Если отбросить в сторону самую извращенность этой затеи и жизненную трагедию тех матерей и детей, которые оказались связанными с «Лебенсборном», то мы обнаружим, что эта структура была неким проявлением эзотерических представлений рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, неким фольклорным порождением его больной фантазии.

«Лебенсборн» был учрежден в Берлине по инициативе Генриха Гиммлера десятью ничем не примечательными офицерами СС. В уставе этого

заведения говорилось:

«1. Поддерживать ценные с расовой и наследственно-биологической точки зрения многодетные семьи;

2. После тщательной проверки служащими Главного управления СС по вопросам расы и поселений семьи матери и семьи производителя (!), размещать в «Лебенсборн» и заботиться о наиболее ценных будущих матерях, дабы на свет появлялись не менее расово ценные дети;

3. Заботиться об этих детях;

4. Заботиться о матерях этих детей».

Благодаря созданию этой организации, Гиммлер хотел укрепить свои позиции в сфере расовой политики, контроль над которой он мог потерять. Дело в том, что в то время многие национал-социалистические организации, имевшие прямой выход на Гитлера, например, «Национал-социалистическое народное вспомоществование», хотели также определять расовую политику рейха.

«Когда я сегодня ждал Еву на Вазаплатц, мне вновь бросилось в глаза невероятное количество

беременных женщин и то с какой готовностью они стремятся принять новую ношу в своем животе. Раньше они скрывали, а теперь нарочито подчеркивают свою беременность. Теперь женщины словно кокетничают при помощи своей беременности. Они носят свои животы как партийный значок. Складывается впечатление, что вся Германия—это мясная фабрика или мясной магазин».

Наблюдение, сделанное в 1942 году Виктором Клемперером, 61-летним евреем, который умудрился выжить в нацистской Германии. Наряду с глубоким презрением к политическому контексту нового демографического взрыва, его заметки отчетливо показывают, насколько нацистское господство изменило оценку женского плодородия. И хотя со временем уровень рождаемости вновь стал падать, материнство оставалось чуть ли не центральным достижением в жизни каждой женщины, именно от него зависело ее общественное признание.

Но многого Виктор Клемперер не видел. Например, внебрачное материнство, несмотря на

всё, оставалось общественным позором. Не состоящие в браке женщины, как правило, горделиво не демонстрировали свой живот на улицах городов. Несмотря на возможность уголовного преследования, многие из таких девушек решались на нелегальные аборты. Другие пытались сочетаться браком, прежде чем родился ребенок. Третьи скрывали беременность как можно дольше, а затем покидали свое старое место жительства, перебираясь к родственникам, либо снимая новую квартиру, откуда шли в частные родильные дома. Но имелись женщины, которым удалось устроиться при «Лебенсборне». Во многом именно эта организация побудила их стать матерями-одиночками. В одной из брошюр «Лебенсборна» говорилось, что «Мать незаконно-рожденного ребенка в наших глазах куда ценнее тех, кто из страха перед морализаторами решается на лишение жизни своего плода».

По юридическим причинам «Лебенсборн» был учрежден как общественный союз, что давало ему право официально приобретать недвижимость. В 1938 году он стал напрямую почи-

няться рейхсфюреру СС. С самого начала своего существования «Лебенсборн» фактически стал прибежищем для матерей-одиночек. В то время нацистское руководство было озабочено недостаточно высоким уровнем рождаемости в стране и чрезвычайно большим количеством аборт. Гиммлер неопределенно говорил о 600–800 тысячах искусственных прерываниях беременностей в год. Он весьма негативно относился к «мелкобуржуазным представлениям» о браке, которые приводили к такому катастрофическому числу аборт. Если к этому прибавить давно уже запланированную кровавую войну, то уровень населения и вовсе должен был упасть.

Само собой разумеется, «Лебенсборн» поддерживал не всех беременных девушек, не имевших мужей. Туда попадали только те, кто подходил с расовой точки зрения—речь могла идти лишь о «распространении хорошей крови». В действительности 56 % женщин, подавших заявление о приеме в «Лебенсборн», получали по тем или иным причинам отказ. Почти половина из 1371 детей, которые появлялись на свет до

конца 1939 г. в «Лебенсборне», были рождены матерями-одиночками (53,4 %). Другая половина детей появились от женщин, чьими мужьями являлись штурмовики и эсэсовцы. «Лебенсборн» становился популярным. Там очень заботились о детях. Во многих областях их матери даже оставались там работать, чтобы почаще видеть своих отпрысков.

Неуклонно приближавшаяся мировая война вынудила нацистов прибегнуть к более интенсивной демографической политике. В октябре 1939 года Гиммлер издал приказ о внебрачных детях. В нем рейхсфюрер СС говорил: «В рамках все еще необходимых гражданских законов высшим заданием для не состоящих в браке девушек и женщин является сохранение хорошей крови. Появление у них детей—это не ветреность, а самая глубокая нравственная серьезность матери, чьим детям суждено оказаться на поле боя, и только злой рок знает, вернутся ли они домой либо падут во имя Германии».

За это Гиммлер подвергся жесткой критике, прежде всего со стороны вермахта и католиче-

ской церкви. В своих многочисленных выступлениях перед гауляйтерами, партийными функционерами и руководительницами «Союза немецких девушек» он был вынужден защищать свой приказ, мотивируя это тем, что было получено его одобрение от самого Гитлера. В итоге Гиммлер изменил свой приказ, сделав его не столько категоричным, но о полной его отмене не могло быть и речи. В вопросе матерей-одиночек и внебрачных детей в национал-социалистической идеологии имелаась настоящая политическая трещина. Особенно остро дебатировался вопрос, являются ли разрешенными добрачные и внебрачные половые отношения? НСДАП не могла дать однозначный ответ на этот достаточно щекотливый вопрос. Гиммлер занимал крайнюю позицию: для Германии просто был необходим демографический взрыв. Появились ли эти дети в семье или вне брака, для него не играло никакой роли. Самоотверженно отстаивая свою позицию, он еще в 1934 году заявил, что политическая победа вовсе не значила «победы немецкой крови». В противовес ему официальный печатный

орган НСДАП «Фёлькише беобахтер» («Народный обозреватель») писал, что внебрачный ребенок по своему расовому значению вовсе не равен ребенку, рожденному в семье. Главными противниками Гиммлера в этом вопросе стали высший партийный судья НСДАП, тесть Мартина Бормана, Вальтер Бух и «Расово-политическое управление» партии. Критические голоса даже иногда появлялись на страницах издаваемого СС журнала «Народ и раса».

Идеи Гиммлера не находили поддержки у широких слоев населения. Даже некоторые руководители СС заявляли свой протест против уравнивания в правах внебрачных детей из «Лебнсборна» с детьми из «нормальных семей». Врач Грегор Эбнер как руководитель «Главного управления здравоохранения» и самая важная фигура в «Лебенсборне» говорил совсем иное: «Наши моральные понятия о добре и зле руководствуются только интересами нашего народа. Добро — это то, что идет на пользу нашему народу, а зло — то, что вредит ему».

Гиммлер всячески хотел уберечь женщин от

абортов—он полагал, что «Лебенсборн» ежегодно мог спасти жизни как минимум 100 000 детей. Этот мечтатель хотел через пару десятков лет получить дополнительно около полумиллиона новых солдат.

«Лебенсборн» обращался ко всем женщинам, в том числе и незамужним, не делать аборты и отдать своих будущих детей на попечение государства. Для тех, кто собирался избавиться от ребенка по каким-то моральным соображениям (из страха прослыть гулящей, прижившей чьего-то ребенка), «Лебенсборн» гарантировал анонимность. «Лебенсборн» пытался оправдать и реабилитировать социальный статус матери-одиночки. Чтобы защитить таких женщин, «Лебенсборн» был даже готов работать по конспиративным, условным адресам. После подобных акций сокрытия детей действующие законы начали сдавать сбои, пока и вовсе не перестали действовать.

Начиная с июля 1938 года, руководитель каждого из заведений «Лебенсборна» три раза в неделю организовывал занятия по идеологиче-

скому и мировоззренческому обучению будущих матерей. Они слушали записи речей партийных руководителей НСДАП, читали вслух главы из гитлеровской «Майн кампф», делали доклады по темам, предложенным эсэсовскими офицерами. Для многих девушек подобное времяпровождение едва ли могло представлять какой-то интерес.

Чтобы быть принятыми в одно из заведений «Лебенсборна», будущие матери подвергались самой строгой проверке. Среди формальных требований наличествовало требование, обычно применяемое для кандидатов на вступление в СС. Оно предполагало составление родословной, которая должна быть прослежена по возможности до 1 января 1800 года. Кроме этого требовались: «наследственный лист», в котором отмечались все возможные наследственные болезни, «Лист врачебного осмотра», анкета, в которой описывались подробности зачатия ребенка, личность отца, планировался ли брак с отцом-производителем и т. д. В завершение женщина должна была дать подписку, которая фактически

являлась государственной присягой. В ней она утверждала, что отцом ребенка действительно является заявленный мужчина. «Расовая» оценка матери имела три бала:

I—соответствовала расовым нормам приема в СС

II—среднеевропейские расовые показатели

III—ранее не имела отказа в приеме в «Лебенсборн» как расово неполноценная или не представляющая биологической ценности.

Случалось, что дети попадали в «Лебенсборн» из полных семей. Как правило, в этих случаях супруга обманывала своего благоверного, по каким-то причинам не желая, чтобы он знал о ее беременности. Как правило, причиной этой беременности были связи на стороне. Но Эбнер неохотно принимал таких детей, так как в подобной ситуации матери руководствовались не расовыми или политическими, а чисто личными соображениями. К тому же было очень затруднительно установить личность истинного отца ребенка, так как многие отказывались назвать имена своих любовников.

Сколько женщин «отметилось» в немецких «Лебенсборнах», можно судить лишь приблизительно—около 6 тысяч. Из них только 35 % состояли в браке, остальные должны были стать матерями-одиночками. Но на фоне статистики, которой оперировал Гиммлер (600–800 тысяч абортс ежегодно), 4 тысячи девушек, решившихся родить своего ребенка в «Лебенсборне», были неимоверно маленькой долей. Но дело тут не в «Лебенсборне», а в необходимости «отбора новой элиты».

Возьмем для примера заведение «Лебенсборна» в Хёхорсте. В период между 1938–1941 годами там родилось 214 детей. Затем рождаемость резко упала. Очень сложно установить, приходили туда некоторые роженицы повторно и были ли у кого близнецы; можно допустить, что количество рожениц, побывавших там, равно количеству рожденных детей.

68 детей (31,3 %) были рождены от женщин, состоявших в браке, 149 (68,7 %) незамужними. Впрочем, такое соотношение существовало не всегда. В годы войны в «Лебенсборне» на трех

детей от замужних женщин, приходилось четыре от матерей-одиночек. Именно в эти годы к пенсионеркам, работавшим в «Источнике жизни», стали присоединяться многие молодые матери. Насколько молодые? Где-то в документах встречалась акушерка 24 лет. Где-то секретарь одного из филиалов, женщина 27 лет. Были, конечно, и исключения, кто-то из бывших сотрудников вспоминал 54-летнюю Терезу, которая родила вполне здорового малыша. Была и 15 летняя Лотта, о беременности которой не знала только родная бабушка.

Нередко в «Лебенсборн» попадали жены эсэсовцев. Они использовали филиалы «Ленбенсборна» как комфортабельные родильные дома, проводя там всего лишь несколько дней. Но подобная практика стала популярной лишь в годы войны, когда о новорожденных стало сложно заботиться. Но в первые годы существования «Лебенсборна» эсэсовские жены боялись идти в «Источник жизни». Они опасались, что будут приравнены к внебрачным матерям. К тому же в самих СС существовало мнение, что эта органи-

зация была таинственной, покрытой завесой секретов. Этих женщин куда больше привлекал статус жены офицера СС, тем более что в «охран-ных отрядах» приветствовалось рождение детей.

Тем временем в узком кругу своих сподвижников Генрих Гиммлер делился своими планами. Каждая женщина, которая к возрасту 30 лет не завела собственного ребенка, могла бы «получить» его в «Лебенсборне». В качестве отца будущего потомства она могла выбрать себе одного из трех эсэсовцев, некоторое время затем пребывая в одном из ведомств «Лебенсборна». В данной ситуации женщину рассматривали всего лишь как объект оплодотворения, некий демографический механизм, которому надлежало занять соответствующее место в национал-социалистическом государстве. Она должна была безропотно подчиниться диктату воспроизводства будущих поколений.

В первые годы Второй мировой войны «Лебенсборну» удалось укрепить свои позиции. Среди оккупированных Германией стран оказались

Норвегия, Дания и Нидерланды, которые, если прибегать к нацистской терминологии, были расово-ценными странами. Здесь эсэсовское ведомство решило позаботиться о внебрачных детях немецких солдат. К примеру, в Норвегии и Дании почти каждый десятый солдат имел возлюбленную из числа местного населения. После войны только в Норвегии от подобной связи официально родилось около 9 тысяч детей, что подтверждалось соответствующими документами.

В западной зоне оккупации исключением являлась лишь Франция, так как нацисты не относили эту страну к германскому компоненту. В 1942 году во время застольного разговора с Гитлером рейхсфюрер СС сделал одно предложение. Предлагалась широкая программа производства «манкуртов». Совсем юные французские дети должны были помещаться в немецкие интернаты, где они должны были утратить свою национальную идентичность, которую должно было сменить осознание принадлежности к германской расе. Имена матерей заносились в строго секретные досье, которые СС хранило отдельно

от записей, сделанных в обычных муниципальных и церковных регистрационных книгах. Имена отцов иногда вовсе не указывались. Некоторые женщины оставляли в конце концов детей у себя, но сотни других из чувства стыда или из-за нужды отдавали их на усыновление в семьи высокопоставленных эсэсовцев или просто бросали. Гиммлер не гнушался никакими средствами ради достижения своей безумной цели—умножения представителей высшей германской расы. Службы СС организовывали похищения детей арийского типа в Польше и на других оккупированных территориях и через весь Третий рейх везли их в центры «Лебенсборн», где их «онемечивали», а затем передавали приемным родителям из числа членов нацистской партии. От детей с врожденными дефектами администрация «Лебенсборна» избавлялась: иногда их отправляли в клиники для безнадежно больных, где младенцев умерщвляли ядом или морили голодом.

По предварительным подсчетам Гиммлера, он мог переправлять в Германию ежегодно около 1000 детей, что привело к окончательному ра-

совому ослаблению ряда стран, Франции в том числе. В ноябре 1943 года в своей речи перед руководством эсэсовского штандарта «Германия» он заявлял: «Если на немецкой стороне не окажется вся хорошая, вся германская кровь мира, это однажды сможет привести к нашей гибели. Поэтому каждый германец, обладающий хорошей кровью, переселившийся к нам и ставший немецко-ориентированным германцем, будет борцом за наше дело. Я действительно хочу там, где мне позволяют возможности, собирать немецкую кровь всего мира, красть ее у других народов».

На Востоке, чуждом немецкому духу, он предполагал совершенно другую политику. Если славянские дети соответствовали северному европейскому типу, то они должны были подвергнуться онемечиванию. Так, например, летом 1943 года в Рогозно, одном из административном округов оккупированной Польши, работницы отдела соцобеспечения в сопровождении полицейских чиновников «конфисковали» более 20 детей из польских семей. Они вывозились в «Ле-

бенсборн», а затем оказывались в немецких приемных семьях. Но предполагаемого Гиммлером «улова» здесь не оказалось. Программа онемечивания шла со скрипом. Тем не менее даже такие единичные случаи были гигантской трагедией и для семьи, и для самих детей. Получив новые имена и фамилии, дети после войны так и не смогли во многих случаях найти своих настоящих родителей. Если говорить об объемах подобной программы, то из Польши до 1944 года оказалось вывезено около 250–300 ребятишек. Эта акция, по сути, провалилась, так как эсэсовские семьи не горели желанием, как это планировалось руководством СС, усыновлять польских и французских детей.

После высадки союзников в Нормандии все зарубежные филиалы «Лебенсборна» оказались ограничены одной страной—Норвегией. Когда кольцо фронтов стало сжиматься вокруг Германии, руководители многочисленных филиалов, матери и дети постепенно концентрировались в баварском Штайнхёринге, месте, где был создан первый «Лебенсборн». По иронии судьбы пре-

ступная иллюзия нашла свой конец там же, где и получила путевку в жизнь. Согласно показаниям на Нюрнбергском трибунале, за всё время правления нацистов в «Лебенсборне» родились более 18 000 тысяч детей. Другие историки говорят о 90 000 человек, прошедших через это заведение.

Но как бы ни были внушительны эти цифры, «Лебенсборн» так и не смог стать важной составляющей политической и социальной жизни в Третьем рейхе. Он остался периферийным явлением, которое так и не смогло стать центром формирования национал-социалистической расовой политики. Почему это произошло? Во-первых, «Лебенсборн» постоянно конкурировал с другими нацистскими организациями, например, уже упомянутыми нами «Национал-социалистическим народным вспомоществованием». Эсесовский «Источник жизни» не мог долго противостоять этой массовой и хорошо организованной партийной структуре. Во-вторых, гиммлеровские идеи так и не смогли прижиться в немецком народе. Ни одна другая организация, кроме СС, не решилась открыто поддер-

жать отказ от традиционной морали в вопросах взаимоотношения полов. Даже преданные вассалы из СС не стремились воплощать в жизнь идеи своего рейхсфюрера. Если посмотреть на статистику, то в 1939 году в среднем на одну рядовую эсэсовскую семью приходилось 1,1 ребенка, на семьи руководителей СС—1,5. Очередной парадокс—люди, которым требовались новые солдаты и которые создавали селекционные проекты, вовсе не горели желанием начать исправление демографической ситуации со своей семьей. И наконец, в-третьих, Генрих Гиммлер никогда не был вторым человеком в Третьем рейхе, как это пытаются изобразить некоторые исследователи. На это место в разное время претендовали Герман Геринг, Йозеф Геббельс и Мартин Борман, но никак не рейхсфюрер СС. Остается вопросом, смог бы Гиммлер воплотить свои идеи в жизнь, даже если бы Германия выиграла Вторую мировую войну.

А пока обратимся к судьбам тех, кто «приложился» к «Источнику жизни». Профессии матерей, оказавшихся в «Лебенсборне», могли быть

самыми разными: преподавательница, акушерка, врач, медсестра, портниха, шляпница, парикмахер, официантка, стенографистка, бухгалтер, писательница, функционер «Союза немецких девушек».

Но, как правило, в «Лебенсборне» оказывались женщины, которые работали на новых профессиях, либо современном производстве—у них не было времени на уход за детьми. Не исключено, что при отборе претенденток на рождение ребенка в «Лебенсборне» учитывались не только здоровье и расовый тип претендентки, но и ее социальное положение. Женщин, работающих в частных домах, было гораздо меньше. Возможно, как ни цинично это прозвучит, это связано с тем, что незапланированная беременность была для них неким неизбежным «профессиональным риском», с которым они не только постоянно мирились, но и умели избежать его. Эти женщины не нуждались в «Лебенсборне». Вот несколько биографий тех, кто, так или иначе, был связан с «Лебенсборном».

Герде в 1938 году был 21 год. Она работа-

ла секретаршей и жила с родителями на окраине Бремена. Как и многие девушки ее возраста, она была безумно влюблена. Ее возлюбленный так настойчиво говорил о свадьбе, что она уступила ему и вскоре обнаружила, что беременна. Однако все сложилось не так, как она планировала. Так как родители Герды старались изобразить из себя приличное семейство, они пригрозили влюбленным, что в случае внебрачной беременности они либо выгонят дочь из дому, либо спровоцируют у нее выкидыш. Было очевидно, что они хотели скрыть беременность любой ценой, даже если речь шла о жизни их дочери.

Все бы было ничего, но отец ребенка испугался последствий и скрылся— теперь ситуация стала и вовсе невыносимой. Девушка даже отважилась было на аборт, но домашний врач отказался пойти на это. Тогда Герда решила переехать к родственнице в Силезию и родить там ребенка. Но и этот план сорвался. Наконец домашний врач, сжалившись над несчастной девушкой, предложил ей обратиться в «Лебенсборн». Она еще не знала, что этот врач был эсэсовцем.

Предложенный вариант ей показался весьма подходящим. Девушка, выросшая, можно сказать, вместе с режимом, была, по сути, плоть от плоти Третьего рейха и не испытывала никаких страхов по поводу заведений СС. Некоторое время она работала в местном бюро НСДАП, была функционером женского подразделения «Гитлерюгенда». Так почему бы в сложной жизненной ситуации не обратиться в эсэсовскую структуру «Лебенсборн»?

Не менее сложная ситуация приключилась у Терезы, которая после родов стала работать акушеркой в Хёхорсте. Она полюбила мужчину, который был на 20 лет старше ее. Он был женат, занимал солидное положение в обществе, был высокопоставленным штурмовиком, имел солидную врачебную практику. В 1936 она забеременела. Тогда было заключено соглашение, что дочь Терезы будет расти у отца, тем более, что его жена была бездетной. В обмен на это Тереза должна была прекратить любые отношения со своим возлюбленным. Сама Тереза не собиралась уводить мужчину из семьи, но жертвовать собой она

тоже не хотела. Тогда ей было всего лишь 19. Но договоренность оказалась пустыми словами. Любовная интрига вспыхнула с новой силой, и Тереза забеременела второй раз. В то время она получила образование и стала акушеркой. На выручку ей пришел случай. На остановке трамвая ей попала в руки эсэсовская газета «Черный корпус», где была напечатана статья о «Лебенсборне». Тереза подала туда заявление, представившись акушеркой, хотя пока и не сдала для этого необходимых экзаменов. Эсэсовские чины поспособствовали ей в получении работы в «Лебенсборне», где она могла родить своего второго ребенка. Ее однокурсницы, ничего не знавшие о ее беременности, очень удивились такой стремительной карьере. Летом в 1938 году она родила девочку.

Ситуации с замужними женщинами были прозаичными, лишенными какого-либо драматизма. Лота давно жила в браке. В 1942 она забеременела в четвертый раз. Ее мужа, офицера Ваффен-СС, никогда не было дома. Вначале он учился в юнкерской школе, а затем воевал на за-

падном фронте. Именно он настоял на том, чтобы Лота пошла в «Лебенсборн». Там она родила не только четвертого, но и пятого ребенка.

Мета была уже беременна, когда она сочеталась браком. Поэтому молодожены решили обратиться в «Лебенсборн». Супруг настоял на этом шаге, так как он не мог допустить, чтобы его жена родила через 5 месяцев после свадьбы. В то время он командовал батальоном СС и не хотел, чтобы его молодая жена давала какой-то повод для слухов.

Была и третья группа женщин. Они не были беременны, но очень хотели родить ребенка. В архивных документах, в частности, можно было найти письмо некой Лизы-Марии, которая в июле 1944 года интересовалась у руководства «Лебенсборна»: может ли она завести ребенка от какого-нибудь из эсэсовских офицеров?

Учительница музыки Ирма фактически не нуждалась в добром совете. Она уже выбрала себе мужчину, от которого хотела родить ребенка. В своем письме руководителю «Лебенсборна» Георгу Эбнеру она описывала ситуацию. Ей

33 года. Она страстно любила одного мужчину, но эта связь не могла продолжаться, так как он был женат и воспитывал детей. Ирма не хотела быть матерью-одиночкой, а потому испрашивала разрешение на беременность и роды в рамках деятельности «Источника жизни».

Нередко судьбы детей, рожденных в «Лебенсборне», складывались очень сложно. С раннего детства Хельгу Карау не оставляло ощущение, что с ней что-то не так. Хельга родилась в нацистской Германии в самом начале Второй мировой войны, и о первых годах ее жизни у нее остались смутные воспоминания—изысканная обстановка, важные особы в отутюженных мундирах, жизнь в довольстве и комфорте. Насколько Хельге было известно, ее мать выполняла обязанности секретаря в двух канцеляриях: советника Гитлера Мартина Бормана и шефа пропаганды Йозефа Геббельса. Матильда Карау больше ничего не рассказывала дочери о том времени. Лишь после ее смерти в 1993 году Хельга начала изучать семейное прошлое. То, что ей удалось выяснить, повергло ее в ужас.

Матильда была «мечтой любого национал-социалиста»—белокурая, высокая, красивая голубоглазая девушка. Кроме этого она была убежденной нацисткой. Сначала она работала у очень высокопоставленных функционеров. Когда 14 июня 1940 года немецкие войска заняли Париж, она ехала в отпуск на Балтийское море, где повстречала на празднике победы молодого офицера вермахта, вернувшегося из Франции на родину. Она провела с ним всего лишь одну ночь. Когда она поняла, что «в положении», отец ребенка был далеко на Западе. Она, не задумываясь, направилась в «Лебенсборн», где написала подробные объяснительные относительно отца ребенка и ситуации с его зачатием.

Появившись на свет, Хельга была причислена к избранницам фюрера, поколению расово чистых детей, которым предназначено было населить территорию немецкой империи—«тысячелетнего рейха», властвующего над покоренной Европой.

Когда Хельге было полгода, мать вернулась в Берлин к месту службы—в канцелярию Геб-

бельса, а ребенка оставила на попечение высокопоставленного сотрудника гестапо. Первые годы жизни Хельги прошли в оккупированной нацистами Польше, в немецком военном городке близ Лодзи. Здесь под руководством ее приемного отца в расположенном неподалеку концлагере Челмно в газовых камерах были уничтожены тысячи евреев.

В конце войны Хельгу перевезли в разбомбленный Мюнхен, и там она впервые оказалась на попечении у своей матери. Теперь, когда она пытается собрать воедино разрозненные фрагменты жизни тех лет, ее мучают угрызения совести. «До четырех лет меня растили и воспитывали представители нацистской элиты, — вспоминает Хельга. — Я жила с убийцами». Хельга Карау только после смерти своей матери Матильды в 1993 году узнала о своем «высоком избранничестве».

Хельге Карау и еще тысячам европейцев средних лет приходится переживать последствия одного из самых опасных социальных экспериментов—эксперимента по созданию

«высшей расы» и опытов, инициированных рейхсфюрером СС. Гиммлер ценил «кровь викингов» и поощрял связи германских солдат с норвежками. Но дома «Лебенсборн», как уже говорилось, были и во Франции, и в Бельгии, и в Люксембурге. После войны многие лебенсборнские дети были вынуждены жить с ярлыками «нацистских выкормышей» и пребывать в неизвестности относительно своего происхождения.

Те, кто пытался что-либо узнать, часто сталкивались с решительным нежеланием соотечественников вспоминать свое нацистское прошлое. Настоящие или приемные родители этих детей не желали говорить о программе «Лебенсборн», а немецкие средства массовой информации не поднимали тему расовых экспериментов Гиммлера на протяжении нескольких десятилетий. К тому же тысячи архивных записей, касающихся программы «Лебенсборн», были уничтожены в последние дни войны войсками СС, что весьма затрудняло точное установление личностей детей и их родителей. И все же тайна некоторых из двадцати тысяч лебенсборнских детей,

возможно, разъяснится.

В декабре прошлого года немецкие журналисты обнаружили в государственном архиве Берлина около тысячи затерянных lebensборнских дел, а в Норвегии сегодня действуют две организации, помогающие тем, кто родился в годы войны в норвежских домах «Левенсборн», отыскать своих настоящих родителей.

Командование вермахта призывало рядовых солдат, служивших в Норвегии, оплодотворять как можно больше норвежских женщин, и многие норвежки охотно соглашались вынашивать будущих арийцев. Преуспевавшим в производстве детей эсэсовцам Гиммлер предлагал повышение по службе. Глава СС лично входил во все хозяйственные мелочи в жизни родильных домов в Норвегии и Германии, совершал инспекционные поездки и даже разработал особую белковую диету для lebensборнских детей.

К весне 1945 года «тысячелетний рейх» рухнул, а вместе с ним и гиммлеровский план приумножения высшей расы. Конец нацистского режима должен был иметь серьезные последствия

для тысяч маленьких детей, брошенных теперь на произвол судьбы. Весной 1945-го, по мере продвижения войск союзников в Германии, эсэсовцы спешно закрывали один родильный дом за другим, свозя сотни детей вместе с их секретными досье в главный дом в Штайнхеринг. В начале мая туда вошли американские части. Согласно одной из версий, штурмовики успели перед бегством разложить огромный костер, в котором сожгли все документы. Другая версия утверждает, что американцы отрезали нацистам путь отступления к горам, в ходе боя бумаги были выброшены в реку Изар. Так или иначе, возможность установить личности детей была утрачена навсегда.

Еще более горькой должна была стать участь детей в Норвегии. Там эсэсовцы не успели уничтожить лебенсборнские документы, и после капитуляции Третьего рейха 8 мая 1945 года на тысячи женщин и их детей обрушился гнев их освобожденных соотечественников. Их оскорбляли и избивали; школьные учителя, одноклассники и соседи обзывали их «нацистскими свинья-

ми». Полиция отправила 14 тысяч женщин, вступавших в связь с немецкими солдатами, в лагерь для интернированных. Глава самой крупной в Норвегии психиатрической лечебницы заявил, что у тех, кто имел отношения с немецкими солдатами, были «психические отклонения», и 80 процентов их потомства должно быть умственно отсталым.

Пауль Хансен прожил с этим ярлыком большую часть своей жизни. Он стал плодом мимолетной связи летчика «люфтваффе» и местной уборщицы, которая отказалась от ребенка сразу после его рождения. Хансен, которому сейчас за 60 лет, провел первые три года своей жизни в относительном благополучии в доме «Лебенсборн» к северу от Осло. Все, по его словам, изменилось после окончания войны—из-за его немецкого происхождения. Хансена перевели в сборный пункт для lebensборнских отказных детей. Мальчик, страдавший эпилепсией, был передан в этот центр для усыновления. Кроме него там находилось еще 20 lebensборнских детей, но центр не смог найти для них приемных семей.

Чиновники министерства по социальным вопросам объявили, что немецкие дети-полукровки страдают умственной отсталостью, и распределили их по психиатрическим клиникам. Хансен помнит, как его оскорбляли и избивали охранники, помнит ночи, проведенные в загаженных палатах, под безумные вопли товарищей по несчастью. «Я говорил им: я не сумасшедший, выпустите меня отсюда, – рассказывает он. – Но меня никто не слушал». Из клиники Хансен вышел лишь в 22 года.

Он нашел себе крохотную квартирку и работу на заводе и начал искать своих родителей. Лебенсборнские документы в норвежских архивах были недоступны, однако при помощи норвежского бюро Армии спасения Хансену удалось выяснить, что его отец умер в Германии в 1952 году. Его мать вышла замуж за другого солдата вермахта и жила в Восточной Германии в городке Пазевальк. В 1965 году он отправился на встречу с ней, ехал на поезде и пароме и помнит, как волновался, подходя к ее дому. Но воссоединение не состоялось. «Я надеялся, что она раскроет мне

свои объятья и скажет: “Сынок!” Но ей до меня не было никакого дела, – вспоминает Хансен. – Когда я сказал, что провел свою жизнь в сумасшедшем доме, она ответила: “Ну и что? Не ты один!” Хансен ушел и больше к матери не ездил.

Последние годы принесли Хансену малую толику утешения. Он женился, но его брак продлился недолго: после многих лет, проведенных в клиниках, ему было трудно жить вместе с кем-либо. И все же теперь его жизнь стала более или менее сносной: как говорит он сам, это оттого, что все большее число выходцев из норвежских домов «Лебенсборн» решаются открыто говорить о своем прошлом, делясь воспоминаниями о пережитом с такими же, как они. Хансен признается, что обрел «новых братьев и сестер» благодаря своему членству в группе психологической поддержки. После того, как недавно архивы «Лебенсборна» были рассекречены, многим детям войны удалось узнать правду о своем происхождении. Недавно Хансен и еще шестеро выходцев из домов «Лебенсборн» выступили с иском против государства, требуя многомиллионной ком-

пенсации за десятилетия жестокого обращения. В канун Нового года премьер-министр Норвегии Хьель Магне Бунтевик, похоже, признал ответственность своего правительства и впервые публично принес извинения за «притеснения и беззакония», творившиеся в отношении детей войны.

А вот тревоги Хельги Карау еще не кончились. Живя с матерью в послевоенном Мюнхене, она часто интересовалась своим происхождением. «Я была крупная, светловолосая, то, что называется арийского типа, и очень отличалась от южных немцев. Поэтому все спрашивали меня, откуда я приехала, – вспоминает Хельга. – Я не знала, что отвечать им». Мать скрывала от нее правду, говоря только, что ее отец был военным и погиб во время Второй мировой войны.

И вот однажды вечером в середине 70-х она увидела по телевидению немецкий документальный фильм о программе «Лебенсборн» и о детском доме в Штайнхеринге, который опекало СС. Неожиданно «все встало на свои места», вспоминает Хельга. И все же она не решалась ни о

чем спрашивать свою мать: «Я боялась. И мне не хотелось с ней ссориться». Однако после смерти Матильды Карау в 1993 году Хельга отправилась в местечко Пуллах неподалеку от Мюнхена, где когда-то жили ее приемные родители и где ныне расположена штаб-квартира немецкой разведслужбы. Здесь она ознакомилась с нацистскими архивами, из которых и узнала правду о своем приемном отце и о тех преступлениях, которые он совершил, претворяя в жизнь «окончательное решение еврейского вопроса».

Хельга не вылезала из библиотек, знакомясь с немногочисленными исследованиями о программе «Лебенсборн». Последние кусочки головоломки обнаружились в 1994 году, в день ее рождения. Ей позвонил человек, представившийся ее настоящим отцом. Для Хельги это было потрясением. «Я спросила его: “Почему вы звоните мне через 53 года?” Ему было уже за 80, он был болен раком, и он сказал, что в последнее время все чаще думает о дочери, которая родилась у него в годы войны. На следующий день они встретились. “Он был очень милый, —

вспоминает Хельга, – я полюбила его с первого взгляда”. Отец рассказал Хельге о ночи любви, проведенной с ее матерью, о своей военной службе в оккупированном Париже и карьере торговца недвижимостью после войны. “Он стал миллионером”, – рассказывает Хельга. Когда отцу стало хуже, она круглые сутки ухаживала за ним и надеялась унаследовать хотя бы часть его состояния. Но когда отец умер в 1996 году, Хельга получила письмо из адвокатской конторы, оповещающее, что ей не оставлено ничего. Незаконнорожденное дитя “Лебенсборна” не имело прав на наследство. “Все, что мне перепало, это долги”, – говорит Хельга.

В прошедшие после этого годы хоть какой-то отдушиной для нее были беседы с подружкой-психологом, посвященные детским годам Хельги. Она несколько раз посетила то место, где родилась—первый дом «Лебенсборн» в Штайнхеринге. Но и по сей день Хельга Карау никак не может примириться со своим прошлым. В отличие от Норвегии, в Германии нет никаких групп поддержки для выходцев из «Лебенсбор-

на», а у немецкого общества нет желания обсуждать эту проблему. Хельга все еще опасается, что ее могут посчитать нацисткой только потому, что она, по ее собственным словам, «росла рядом с убийцами». Во время беседы с корреспондентом «Ньюсуика» в одной из гостиниц в центре Мюнхена она заметно нервничала, замирая каждый раз, когда слово «Лебенсборн» звучало слишком громко, и настаивала на том, чтобы разговор о ее прошлом велся только в недоступной для посторонних ушей и глаз кабинке. «Мне до сих пор стыдно, что я родом из “Лебенсборна”, – признается она. Этот стыд—горькое наследие, доставшееся от нацистов тем, кто, по их мнению, должен был править миром.

Другой случай мог стать просто хрестоматийным. Она родилась в ноябре 1945 года. Ее отцом был сержант немецкой армии Альфред Хаазе, который находился в Норвегии в числе 400 тысяч солдат вермахта и частей СС и поддерживал интимную связь с девушкой по имени Синни Лингстад из деревушки на севере Норвегии. Как уже говорилось, связи между немецкими военно-

служащими и норвежскими женщинами всячески поощрялись германским руководством с целью «очищения». После поражения Германии мать и бабушку этой девочки заклеямили как предательниц. Они были вынуждены эмигрировать в Швецию, где через два года Синни умерла—у нее отказали почки. Спустя почти 30 лет Альфред Хаазе, в то время—вышедший на пенсию кондитер, совершенно случайно узнал, что брюнетка из знаменитого шведского квартета «АББА», Анни-Фрид—его дочь. Они встретились в 1977 году по настоянию основателя группы «АББА» Бенни Андерсона, который тогда являлся мужем Анни-Фрид.

«Она добилась в Швеции поразительного успеха, который никогда бы к ней не пришел, если бы она осталась в Норвегии, где ее считали бы уродиной», — говорит Тор Брандакер, представитель организации «Источник жизни детей войны». Как утверждают члены этой организации, после войны к «немецким детям» относились как к людям второго сорта. Лишь немногим из них удалось получить приличное образование

и хорошую работу.

«Большинству из них было трудно завязывать интимные отношения с другими людьми и вообще найти свое место в жизни, – говорит адвокат Ранди Спайдеволд, представляющая интересы “детей войны”. – Это неудивительно, если учесть, что в молодости их называли немецкими идиотами, никчемными вырожденками, которые не имеют права на жизнь».

По словам британской газеты «Обсервер», после войны норвежские чиновники классифицировали женщин, поддерживавших отношения с немецкими солдатами, и их детей как «людей ограниченных способностей и асоциальных психопатов». Считалось, что «немецкие дети» представляли угрозу норвежскому государству в силу их «нацистских генов». Многие из них, как утверждает «Обсервер», были отправлены в больницы для умалишенных, где над ними издевались, а некоторых насиловали. Другие попали в детские дома, из которых вышли лишь в 60-е годы мало приспособленными к жизни взрослыми людьми. В ходе процесса Ранди Спайдеволд намерена

представить документы, подтверждающие, по ее словам, что над «немецкими детьми» и их матерями проводились эксперименты с использованием наркотиков и других химических веществ в интересах норвежской армии, Университета Осло и американского ЦРУ.

У правящих антифашистов Германской Демократической Республики проблем с человеческим наследием нацизма не было. Это подтверждают найденные недавно документы. Уже вскоре после образования ГДР, в 1949 году, в секретных службах СЕПГ (ГБ Германской Демократической Республики—Штази) возникла идея использовать молодых граждан ГДР—выходцев из детских домов «Лебенсборна»—в качестве шпионов. Ради укрепления своих позиций, новая власть имущие Восточной Германии без угрызений совести воспользовались наследием Гитлера, основанным на его презрении к человечеству в целом, – а именно судьбами людей, в детстве привезенных в Германию в ходе акции Гиммлера «Лебенсборн». По принципу: в борьбе против классового врага все средства хороши. У этих

людей в глазах Штази было одно неоценимое достоинство: преимущественное право на получение гражданства в тех странах, в которых они родились.

Но это была далеко не единственная сенсация, которая в последнее время упоминалась в связи с проектом «Лебенсборн». Не иначе как разорвавшейся бомбой можно назвать откровения бывшего оберштурмфюрера СС Эриха Рунге, обитающего в Испании. Сведения, рассказанные бывшим эсэсовцем, подтвердил доктор Алесандро Джовенезе, проживающий в Бразилии (с 1943 по 1945 год—офицер медслужбы СС). Так в чем же заключалась сенсация? В баварских Альпах была построена секретная лаборатория, основной целью которой являлось наблюдение за младенцами, родившимися в результате оплодотворения «биологическим материалом» Гитлера женщин «арийской расы». Еще в 1940 году заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс (испытывавший ревность к проектам Гиммлера) выступил на секретном заседании в рейхсканцелярии со смелым предложением: Гитлер дол-

жен иметь своих собственных детей. «Только те, в чьих жилах течет священная кровь фюрера, вправе наследовать его верховную власть в Германии», – заявил Гесс. Сразу же встал вопрос: кто из германских женщин достоин выполнить особую миссию—быть искусственно оплодотворенной и нормально выносить ребенка лидера Третьего рейха? Но год спустя Гесс предпринял свой знаменитый полет в Англию, чтобы убедить Черчилля заключить мир с Германией, где был арестован. В Берлине его объявили сумасшедшим—соответственно, все проекты Гесса были закрыты или отложены. Тем не менее в сентябре 1943 года доктор Джовенезе (находившийся на севере Италии) был вызван в Мюнхен, где ему предложили войти в медицинскую службу СС и принять участие в исполнении так называемого «Проекта “Тор”». По сути, это был все тот же план Гесса, но уже значительно расширенный, и на этот раз за него отвечал лично Генрих Гиммлер. Планировалось оплодотворить спермой Гитлера около сотни женщин от 18 до 27 лет, прошедших “расовый отбор”. Разумеется,

женщины не посвящались в подробности—им говорили, что они будут вынашивать потомков “идеальных арийцев”. Практически все суррогатные матери были немками, и только две в качестве эксперимента—норвежками: Гитлер обязательно хотел, чтобы его кровь “смешалась с кровью викингов”. После того как ребенок родился, его под тщательным наблюдением врачей перевозили в секретный комплекс в баварских Альпах, рядом с австрийской границей. Официально база называлась “отделение “Лебенсборн” № 1146”, и местные жители были уверены, что там, как и в других подобных отделениях, воспитывают детей, рожденных от эсэсовских офицеров. Возможно, многие случаи оплодотворения были неудачными из-за того, что тогда врачи не располагали столь совершенным медицинским оборудованием, как сейчас. Но можно предполагать, что незадолго до конца войны в комплексе уже находились не менее двух десятков новорожденных детей, биологическим отцом которых был Адольф Гитлер. Несколько раз в комплекс приезжал с инспекцией лично Гиммлер—

возможно, в нацистском руководстве были не совсем довольны результатами: дети развивались нормально, но уникальных способностей за ними не замечали. Считая Гитлера полубогом, от его потомства ожидали необычного—что дети начнут ходить с полугода, разговаривать с трех месяцев, гипнотизировать взглядом. Ничего подобного не произошло.

6 мая 1945 года в комплексе был получен приказ об эвакуации. Все документы были уничтожены, а сотрудники проекта «Тор», имевшие на руках фальшивые паспорта, благополучно скрылись. Дети были розданы в руки сердобольных крестьян в баварских и австрийских деревнях: людям говорили, что это осиротевшие младенцы из крупного роддома, который разбомбила авиация союзников. Здание основной лаборатории было взорвано. Куда же делись остававшиеся в морозильной камере частицы «биологического материала» Гитлера, доктор Джовенезе не знает: скорее всего, они были уничтожены.

Казалось бы, на этом тему «Лебенсборна» можно было закрыть. Но она вновь и вновь полу-

чает продолжение. Европа вымирает. Эту грустную истину констатировал один из последних демографических бюллетеней Совета Европы. Хотя число жителей Старого Света, составляющее сегодня около 814 миллионов человек, растет, происходит это за счет иммиграции из стран «третьего мира». И хуже всего ситуация с демографией на европейском Севере, долгое время бывшем единственным мировым заповедником голубоглазых и светловолосых гомо сапиенсов. Европейские политики, конечно же, обеспокоены сложившейся ситуацией, но настоящую панику испытывают правые экстремисты в Германии и Скандинавии: «арийский тип», считающийся у них человеческим идеалом, вот-вот растворится среди «неполноценных» народов.

Если добавить к этому результаты прочих демографических исследований, отмечающих, что в связи с рядом неподдающихся контролю обстоятельств—в частности, из-за общего потепления и загрязнения окружающей среды—стремительнее всего убывает хрупкое блондинистое население, то станет ясно, что проблема

рождаемости стала для нацистов вопросом жизни и смерти.

В поисках спасения лидеры североевропейских наци обратились к истории Третьего рейха и нашли то, что искали: «Лебенсборн». В Швеции открылась первая в стране «ферма» по выведению настоящих арийцев. Еще в 1995 году 48-летний немецкий адвокат Юрген Рейгер, один из лидеров правых радикалов, купил в центральной Швеции помещичью усадьбу «Свенеби сэтери», состоящую из двухэтажного каменного господского дома, нескольких служебных построек и 650 гектаров полей и лугов. Деньги на приобретение «коричневой усадьбы» нашлись в фонде бывшего эсэсовца Вильгельма Тейтена, разбогатевшего после войны на биржевых спекуляциях. Свое многомиллионное состояние Тейтен завещал «товарищам по борьбе» на стимулирование воспроизводства представителей нордической расы.

В частности, на средства Тейтена бездетные нацистские пары отправлялись в Великобританию для оплаты услуг суррогатных матерей (в

Германии этот вид услуг запрещен), его фонд помогал проводить искусственное оплодотворение семьям «хороших кровей», но не способным по медицинским показателям к естественному зачатию. Следующим этапом стимулирования размножения нацистов стало создание сети «Родников жизни» нового поколения. Распорядитель воли покойного Юрген Рейгер купил несколько поместий в Германии, где, как сообщает журнал «Шпигель», созданы «дома любви» для молодых наци. Шведская усадьба первоначально была приобретена в качестве своеобразного «арийского кибуц»: молодые шведские правые экстремисты селились на ее территории и занимались животноводством. В свободное от работы время они проводили военные учения, готовясь к сражениям будущего, и наращивали интеллектуальный потенциал, изучая труды основоположников движения.

Парадоксально, но «гнездо наци» финансировалось из бюджета ЕС. Юрген Рейгер получил пособие в количестве одиннадцати миллионов крон (более полутора миллионов долларов) на

«экологическое свиноводство». Однако нацистский «колхоз» вскоре был закрыт из-за нежелания молодых бойцов ковыряться вилами в навозе. Какое-то время поместье жило в сонном режиме: лишь изредка туда наезжали представители правых партий для встреч и тренировок. И вот Юрген Рейгер нашел для своей собственности новое применение. По сведениям газеты «Афтонбладет», имение должно стать центральным учреждением в сети «Источников жизни». Дело в том, что немецкие власти слишком пристально следят за «коричневыми», и потому воплощение давней идеи Гиммлера сопряжено с массой трудностей. В Швеции, не испытавшей ужасов войны и немецкой оккупации, отношение к духовным наследникам фюрера куда либеральнее. Не случайно, что именно Швеция завоевала сомнительные лавры европейского лидера по созданию и распространению музыки правых экстремистов, известной как «Белая сила».

Первых результатов деятельности «нацистской конюшни», как называли поместье в Швеции, придется ждать еще долго. Молодые пары и

одинокие «штурмовики», прошедшие расовый и идеологический отбор, съезжаются в шведскую глубинку со всей Европы. Левые радикалы, регулярно схватывающиеся с «наци» в уличных потасовках, относятся к проекту Юргена Рейгера как к доказательству полного вырождения идеологических противников.

— Известно, что светлые волосы и голубые глаза—регенеративный признак! — язвят скандинавские блондины и блондинки левых взглядов, готовые бросить на алтарь борьбы даже свою собственную внешность. — Так теперь оказалось, что наци даже размножаться сами не способны. Им в этом будут помогать на «конюшне».

Но в Швеции им не найти на это дело блондинок. Они так закомплексованы утверждениями, что блондинки глупее брюнеток, что предпочитают улучшать породу с неграми.

Портрет в интерьере. «Образцовый» супруг. (Мартин Борман)

Вопреки распространенному мнению, что у фюрера не было слабостей, близкое окружение знало об одной странной приверженности Гитлера—он любил быть свидетелем на свадьбах. На этой свадьбе он тоже был свидетелем. От этого бракосочетания осталось несколько фотографий. Вот за спиной сидящих молодоженов выстроилась почти вся верхушка нацистской партии: Адольф Гитлер, Рудольф Гесс, Вальтер Бух, тогдашний глава СА франц Пфееффер фон Заломон. А вот другая фотография. Молодожены направляются на «Мерседесе» Гитлера зарегистрировать

свой брак. На переднем сиденье рядом с водителем Штайнбиндером сидит Гитлер. На заднем жених—Мартин Боман, невеста—Герда Бух и Вальтер Бух, отец невесты. Все мужчины облачены в коричневую форму штурмовиков. В определенной мере Мартин и Герда являлись неким воплощением идеальной нацистской супружеской пары. Мужчины же, сидящие в автомобиле, персонифицировали собой успех нацистского движения. Дело происходило 2 сентября 1929 года. Буквально накануне фюрер заключил союз со «Стальным шлемом», пангерманскими националистами и Немецкой народно-национальной партией, который проложил ему путь к власти.

Отец невесты, Вальтер Бух, был сыном баденского судьи. В годы войны он был командиром батальона. В нацистскую партию вступил очень рано, в 1922 году, и по праву считался ветераном НСДАП. Он командовал штурмовыми отрядами во Франконии, но вскоре получил повышение. В 1927 году послушный и выдержанный Бух был назначен Гитлером главой партийного суда—УШЛА (комиссия по расследованиям и арбитра-

жу). Здесь вместе с Ульрихом Графом и Гансом Франком Вальтер Бух следил за моралью членов нацистской партии и решал, насколько соответствовали уставу те или иные действия национал-социалистической идеологии. Звездный час Буха настал летом 1934 года. Именно он собрал весь компромат на Эрнста Рёма, что должно было смягчить последствия от «Ночи длинных ножей». После этого Вальтер Бух была назначен главным судьей НСДАП.

Его дочь, Герда, вступила в нацистское движение буквально накануне свадьбы. Несмотря на это, она очень быстро зарекомендовала себя как активная и преданная национал-социалистка. В любом поступке Гитлера она видела великий замысел по спасению Германии. Она сформировала своеобразную домотканую версию национал-социализма, ориентированного на женщин. Неудивительно, что не прошло и пары лет, как она получила золотой партийный значок.

Жениху, Мартину Борману, еще предстояло сыграть ведущую роль в истории Третьего рей-

ха. Он был выходцем из семьи среднего достатка. Всю мировую войну прошел рядовым стрелком. После ее окончания некоторое время работал смотрителем одного имения. Уже тогда Борман принадлежал к одной из многочисленных антисемитских организаций. Свою политическую биографию он начал в добровольческом корпусе Росбаха. Но известность пришла к нему после политического убийства. 31 мая 1923 года он вместе со своими соратниками по фрайкору забил до смерти учителя начальной школы Вальтера Кадова. Поначалу все это пытались списать на обыкновенную уголовщину. Никому не хотелось возиться с политическим преступлением, тем более, что молва говорила, что приговор Кадову был вынесен тайным немецким судом «фемой», которая внушала просто мистический ужас многим обывателям. Может, все было бы списано на пьяную драку, но дело передали в Лейпциг. И тут вскрылись многие интересные моменты. Оказывается, у Кадова был обнаружен членский билет «Союза коммунистической молодежи», но это было полдела. Выяснилось, что именно его,

Вальтера Кадова, многие фрайковорцы считали виновным в выдаче французам Лео Шлягетера—офицера, организовавшего саботаж во время оккупации Рура. После расстрела Шлягетер превратился в героя национального сопротивления, а Кадов был негласно приговорен к смерти.

Но в тюрьме Мартин Борман и его сообщники пробыли недолго. Большой срок, десять лет каторжных работ, получил только зачинщик убийства Рудольф Хёсс. После прихода к власти нацистов он был вознагражден, на него посыпались чины, а в 1939 году он стал комендантом печально известного лагеря смерти—Освенцима. Борман же отсидел в тюрьме всего 12 месяцев. После освобождения он тут же вступил в НСДАП. Поначалу он был секретарем партийной ячейки в Тюрингии, но в 1928 году был переведен в Мюнхен в центральный штаб СА, где работал кассиром. Постепенно этот аккуратный и расторопный функционер поднялся на самую вершину нацистской иерархии. В 1933 году он уже был руководителем аппарата Рудольфа Гесса, ближайшего помощника Гитлера, единственного человека,

который называл фюрера на «ты». Постепенно он освободил своего шефа от ежедневно рутинной работы и стал в своем роде незаменимым человеком. В 1938 году Борман уже работал в аппарате Гитлера. Он хорошо знал, как преподнести себя. Он брал на карандаш все замечания Гитлера и тут же давал им ход. После полета Гесса в Англию Борман стал главой партийной канцелярии, постепенно превращаясь в секретаря фюрера. Он стал тенью Гитлера. Он был типичным клерком, который прекрасно освоил хитрости аппаратной игры. Ему не было равных в хитрости. Постепенно он стал заведовать любыми контактами Гитлера. Никто не мог попасть к фюреру, минуя Бормана, – ни Геббельс, ни Геринг, ни Гиммлер. Именно Борман создал для Гитлера любимое поместье Бергхоф. Именно здесь проводила большую часть времени жена Бормана – Герда.

Брак Мартина Бормана и Герды Бух можно было назвать образцовым с нацистской точки зрения. Они делают детей для фюрера, словно сеют и собирают урожай. Чем больше, тем лучше.

За четырех детей есть «Железный крест Немецкой матери» в бронзе, за шесть—в серебре, за восемь—в золоте. У Герды Борман их девять. Герда всегда росла в немецком доме, где царили усердие, порядок и честность. Ее отец с юности приучил, что надо быть порядочными наци. А у Герды должна быть приличная профессия. Она будет воспитательницей в детском саду. Девушка с прической Гретхен—с уложенной венком косой—застенчива и мечтательна. Она играет на гитаре и поет народные песни. На одном из партийных собраний она влюбляется в своего будущего мужа. Борман в доме хозяин. Его жена должна помалкивать. Критику он запрещает. В том числе и со стороны своей матери. Ей он пишет: ведение домашнего хозяйства и воспитание детей строится согласно моим указаниям, которым должна следовать Герда.

Герда должна также порвать со своими родителями. Ее отец—партийный судья—обвинил одного гауляйтера в личном обогащении. Как он дошел до этого, ворчит Борман. Одним словом, хватит. Больше никаких визитов. Герда слуша-

ется. Она плодовита. Она постоянно беременна. Дети мал мала меньше подрастают. Вспыльчивый отец угощает детей пинками за малейший проступок. Герда мирится.

Гитлер ценит эту красивую женщину, которая во всем подчиняется мужу. Так должно быть. Сидя в Оберзальцберге вместе с другими женами нацистов у камина, она за весь вечер не произносит ни одного слова. Но у Герды два лица. В своих письмах Борману она—фанатичный член партии, рисует дикие планы, выступает за окончательное решение еврейского вопроса. Да, это она усвоила уже от родителей. Еврей—это не человек. Он—бактерия, он—гниль.

А Борман? Тот позднее доверит ей все возможные секреты из штаб-квартиры НСДАП. То, что Геббельс хочет закрыть театры, («только никому не рассказывай»). Что Геринг пишет злобой из-за плохих сводок от пилотов. И, наконец: к сожалению («никому об этом не говори») фюреру снова нехорошо. У него из-за раздражения опять были спазмы. Борман пишет также о покушении на Гитлера 20 июля 1944 года в «Вольф-

шанце», пишет о том, какие наступательные планы были выданы противнику. «Папочка, у меня начинается кружиться голова», — пишет в ответ Герда.

То, что ее муж постоянно ей изменяет, она переносит с большим достоинством. Сойдясь с актрисой Маней Беренс, Мартин гордо сообщил об этом жене в письме от 21 января 1944 года. Дескать, он всегда считал актрису очень привлекательной, но никогда с ней не спал. Однако в октябре 1943 года, встретившись с ней после долгой разлуки (до этого Маня была частой гостьей в доме Борманов, даже жила там), он почувствовал неодолимое влечение к ней. Несмотря на сопротивление, поцеловал ее и увлек своей «безумной страстью». Далее дословно идет такой пассаж: «Ты ведь знаешь мою волю! Не могла же Маня долго сопротивляться мне. Сейчас она моя, и я счастлив. Как ни странно, я чувствую себя дважды женатым мужчиной». Борман заверяет, что он доволен обеими женщинами—Гердой и Маней. Письмо кончается фразой: «Теперь я должен быть вдвойне и втройне осторожен, что-

бы быть здоровым и сильным».

Уже 2 января 1944 году фрау Борман отвечает на письмо мужа пространным письмом. Она утверждает, что давно понимала: между мужем и актрисой что-то происходит. К Беренс она испытывает самые теплые чувства, дети к ней тоже прекрасно относятся, ведь Маня такая хорошая хозяйка! Нельзя, чтобы одинокие женщины не имели детей. Но в случае с Беренс «все будет в порядке», «я тебя знаю». Какой игривый намек!

Далее фрау Борман строит обширные планы, она как бы конструирует образец для будущих семейных отношений не только своих с Борманом, но и других идеологически выдержанных супружеских пар. Чтобы половая жизнь Мартина Бормана не прерывалась, Герда предлагает такой план: она и Маня Беренс будут попеременно беременеть—один год беременна она, на другой год—Маня.

В письме от 4 февраля 1944 года Герда Борман развивает массу идей: она считает, что каждый здоровый мужчина хороших кровей должен

получить возможность состоять в браке с двумя или тремя женщинами. И второй, и третий браки следует приравнять к первому, «основному». Государство обязано признавать их и создавать такие же условия второй или третьей жене, как и первой. Что касается Мани Беренс, то она, Герда Борман, с радостью будет нянчить ее с Борманом детей и с неменьшей радостью предоставит заботам актрисы своих детей.

После рождения этого замысла Герду уже нельзя остановить. Она намерена ввести чрезвычайные браки. Хочет, чтобы любой мужчина мог по закону иметь несколько жен. Она готовит проект текста и формуляры и бомбардирует ими своего мужа. Слова «нарушение супружеской верности» должны быть изъяты из книг и фильмов. Она бы создала со всеми своими подругами коммуны, если бы он этого захотел.

Да, а потом солдаты, находящиеся на фронте, они из-за больших потерь должны просто чаще получать отпуск. С тем, чтобы могли позаботиться о своем потомстве. Одним словом, все нужно будет урегулировать после того, как закончится

война. Как после тридцатилетней войны, пишет она. Тогда здоровые, полноценные мужчины тоже могли иметь по две жены. А Борман делает на полях пометку: «фюрер придерживается такого же мнения». Под конец фрау Борман так расхрабрилась, что составила даже соответствующую официальную бумагу (образец), которую должны будут подписывать оба супруга:

«Я, Мартин Борман, родившийся 17 июня 1900 года, объявляю, что с согласия моей жены Герды, родившейся 23 октября 1909 года, желаю заключить национальный чрезвычайный брак с Маней Беренс. Это союз должен иметь ту же силу перед законом, что и мой первый брак».

«Я, Герда Борман, урожденная Бух, согласна в решении моего мужа заключить национальный чрезвычайный брак с Маней Беренс Я согласна, что данный союз должен иметь ту же силу, как и связи, что объединяют нас».

Глава 8. Особая мораль для новой элиты

На всех фотографиях он выглядит всегда одинаково: гладко причесанный, в пенсне, с небольшой щеткой усов и застывшей в уголках тонких губ презрительной улыбкой. Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС, повинный в гибели миллионов людей, внешне был похож скорее на школьного учителя, нежели на палача. Современники вспоминали, что его манеры только укрепляли это впечатление. Гиммлер поражал всех своей «нечеловеческой исполнительностью и узколобой добросовестностью». Он напоминал машину, а не человека. Рейхсфюрер СС всегда пытался быть последовательным. Его поведение полностью соответствовало критериям, которые он примерял к другим людям. 4 октября 1943 года в секретном обращении к офицерам СС в Познани Гиммлер заявил: «Меня ни в малейшей степени не интересует, что произойдет с русскими или чехами. Все, что другие нации смогут предложить нам в качестве чистой крови, наподобие нашей, мы примем. При необходимости сделаем это путем похищения их детей и воспитания в нашей среде. Процвetaют ли нации или погибают го-

лодной смертью, подобно скоту, интересует меня лишь постольку, поскольку мы используем их в качестве рабов для нашей культуры. В противном случае они не представляют для меня интереса. Погибнут от истощения 10 тысяч русских женщин при рытье противотанковых рвов или нет, интересует меня лишь в том смысле, отроют они эти рвы для Германии или нет».

Очень простой моральный принцип. С одной стороны высокородная раса, которая должна вести себя благопристойно в общении с себе подобными, а с другой—человеческий скот, низшие формы жизни.

С этой точки зрения Гиммлер был глубоко моральным человеком. Он далеко неслучайно смог стать во главе самой большой машины для убийства в истории человечества. Ведь даже его личная жизнь была сформирована подобными расистскими установками.

Основные факты биографии Генриха Гиммлера достаточно хорошо известны. Он родился в 1900 году в Мюнхене, в семье учителя. Гебхардт Гиммлер—так звали отца будущего рейхсфюрера

СС—был директором гимназии, имел чин тайного советника по ведомству просвещения. А еще Гиммлер-отец был воспитателем принца из королевского баварского рода Вительсбахов. Династия эта так и не стала правящей, хотя баварские сепаратисты возлагали на нее какие-то надежды. С юности Генрих мечтал о карьере офицера и в конце 1917 года даже вступил добровольцем в пехотный баварский полк, но на фронт так и не попал. В 1919 году, как многие фронтовики, записался в «добровольческие корпуса», а затем присоединился к нацистам. Параллельно Гиммлер не отказывал себе в удовольствии... разводить кур на ферме: в 1919 году он поступил в Мюнхенский технический университет на факультет сельского хозяйства, закончил его и получил соответствующий диплом. Именно за это в среде штурмовиков молодой Гиммлер заработал прозвища «Генрих-навоз» и «Генрих-птицевод».

Гиммлер всегда пытался придать себе военно-романтический вид. Когда он не попал на фронт, то присоединился к группе дуэлянтов и приобрел долгожданный шрам на

лице. Но его слабый желудок не позволял принимать участие в почти ритуальных попойках этого братства. Его отношения с девушками были скорее по-школьному товарищескими, нежели эмоционально порывистыми. Почти для проформы, так как это делали все, он влюбился в дочь его домовладелицы Майю Лориц. «Я бы счастлив назвать эту замечательную девочку своим другом». Он любил с ней вести разговоры о религии, о зоологии, о взаимоотношениях полов, и наконец обнаружил, что нашел в ее лице сестру. Однажды сестра его друга Людвига Захлера заявила, что Генрих просто-напросто не воспринимает женщин как таковых. В ответ на это молодой Гиммлер заявил: «Настоящий мужчина может испытывать к женщине три различных вида любви. Сначала любить, как любимого ребенка, которого надо ругать и наказывать за его шалости, но в то же время защищать и лелеять из-за его слабости и неопытности, ведь именно за это его и любят. Во-вторых, он может любить ее как жену, как преданного и понимающего товарища, который помогает ему в жизненной борьбе, все-

гда поддерживает своего мужа. И, наконец, он может любить ее как женщину, чьи ноги он будет целовать, чья женская нежность и искренняя чистая святость будут давать ему силы».

Первый тип отношений, являвшихся платоническими, давался Гиммлеру легче всего. Однажды, путешествуя по стране, он заметил девочку, ребенка двух-трех лет, которая ела конфеты и проявляла живой интерес к Баварии и королю Людвигу II. Во время обеда в вагоне-ресторане он встретил другую девушку, молодую официантку «привлекательное существо, с хорошей фигурой и симпатичным лицом. Несмотря на юность, на ней же были видны следы порока, той пучины в которая она собиралась кинуться». Его поразило созвучие женского тщеславия молодой официантки и полуодетой малышки, с разрешения родителей скакавшей по поезду. «Они совершенно были лишены чувства скромности». Уже здесь мы видим ханжество, которое со временем у Гиммлера достигло невероятных размеров. Из-за его ханжеских представлений рухнула помолвка у старшего брата Гебхардта. В 1923 году он об-

ручился с девушкой, в невинности которой Генрих очень сомневался. Он нанял детективов из агентства Макса Блямла, дабы те подробно разузнали все о фроляйн Пауле. Гиммлер нередко прибегал к подобным приемам и в личных целях. Но вернемся к Гебхардту и Пауле. Влюбленные просто не выдержали морализаторства Генриха и в итоге отложили свадьбу, которая так никогда не состоялась.

Представления о взаимоотношениях полов у Гиммлера были очень странными. Так, например, он был намерен вступить в половые отношения в возрасте 26 лет. Откуда взялась эта дата? Его семейная жизнь была далека от идеальной. Почти сразу же после женитьбы у Гиммера появилась дочь—Гудрун. Она родилась в 1929 году, чуть больше года спустя после того, как ее отец и мать поженились. Ее мать Марга—голубоглазая блондинка, дочь богача из Восточной Пруссии. Гудрун оставалась любимицей отца, и он всячески заботился о ней, даже когда брак начал распадаться, и Гиммлер все больше времени проводил с любовницей в Берлине.

Неспособная больше рожать, Марга, которая была на восемь лет старше мужа, взяла на воспитание мальчика, но Гиммлер совершенно им не интересовался, предпочитая засыпать свою «куколку»-дочь дорогими подарками. Его посещения родного дома в Мюнхене стали столь редкими, что Гудрун все чаще на самолете возили в Берлин к отцу, тогда очень влиятельному человеку в Германии, чтоб тот мог провести с ней несколько часов.

У него уже была любовная связь с секретаршей Хедвиг Ротхаст, которая подарила ему столь желанного кровного сына, названного Хельге (странное имя для мальчика). Гудрун оставалась его любимицей, о чем она свидетельствует в одной из записей в дневнике во время войны. В возрасте 12 лет Гудрун записала, что отец «побаловал» ее, взяв в однодневную поездку в один из лагерей смерти: «Сегодня мы ездили в концлагерь СС в Дахау. Мы видели там абсолютно все, что можно было увидеть. Мы видели работы в саду. Там такие грушевые деревья. Мы видели картины, сделанные заключенными. Великолеп-

но. И после этого очень много ели... это было прекрасно».

Дочь личного фотографа Хоффман, Генриетта, обрученная с руководителем молодежи рейха Бальдуром фон Ширахом, рассказала, как была однажды на кофе у рейсхфюрера СС: «Я не знала ни одного другого мужчины, который бы до такой степени находился под башмаком у своей жены, как Генрих Гиммлер. Он переполнен доброжелательностью, но чем милее он становится, тем хуже относится к нему Марга Гиммлер. Шеф СС был дома пустым местом, вынужден был всегда уступать. А его жена самым строгим голосом всегда говорит: Генрих! Никаких разговоров. Любое слово она подавляет злым взглядом. А по вечерам герой жениного башмака пьет слабый чай, настоящий на ромашке».

Когда Генриетта фон Ширах узнала, что у Гиммлера есть любовница, она удивилась, откуда у этого человека взялось мужество. Однажды приглашение побывать у этой любовницы получает Герда Борман, приглашение к «зайчику» на говядину с овощами под соусом. Гиммлер распо-

рядился обустроить ей квартиру, и теперь предстоит ее осмотреть. Герда в полном восторге рассказывает своему мужу, что все очень красиво и практично.

Вообще Гиммлера отличали две черты— неистовая гомофобия и скрытые извращенные наклонности. В качестве примера первой можно привести решение, принятое шефом СС в отношении доказательств гомосексуализма Фридриха Великого. «Когда мне было предоставлено около дюжины свидетельств, — рассказывал Гиммлер личному врачу, — я отложил их в сторону и заявил, что они сфабрикованы задним числом. Моя интуиция говорит (!!!), что человек, завоевавший Пруссии место под солнцем, не мог обладать такими склонностями, как слабовольный гомосексуализм».

Очень многие обращали внимание на его порнографический акцент, который, несмотря на ханжество обывателя в Третьем рейхе, был присущ Генриху Гиммлеру. Глава СС, опираясь на генетику, даже пытался выступить теоретиком сексуальных отношений. Его вдохновляли не толь-

ко слухи о якобы проводившемся в СССР искусственном оплодотворении женщин. Наиболее яркой фантазией на эту тему, которую нельзя считать нормальной, было его представление о том, что в древности у германских народов существовал обряд отдавать девочек на выданье в село, где они проходили инициацию, совокупляясь с сельскими юношами на могилах предков.

Задачи, которые ставил Гиммлер в этой связи, были не столько абсурдными, сколько извращенными. Он лично распорядился, чтобы исследовательское общество «Наследие предков» («Аненербе») сотрудничало с «Лебенборном» в рамках изучения темы «Правовые аспекты древнегерманских обрядов в области брака». Эта внешне безобидная тема должна была содействовать появлению незаконнорожденных детей. Сам Гиммлер наотрез отрицал традиционный взгляд, что среди незаконнорожденных равное количество талантливых и бездарных детей. Желая внедрить свой тезис в массы, он распорядился, чтобы в «Наследии предков» было подготовлено исследование с длинным и странным названием

«Жизнеописание великих людей, которым обязана Германия и Европа, которые имели внебрачное происхождение, либо были поздними детьми в многодетных семьях». Следуя за своими бредовыми идеями и субъективными симпатиями, он пытался вырастить в «Лебенсборне» тип человека, обладавшего греческим носом, а «Аненербе» должно было объяснить, почему у этого типа именно греческий нос и откуда он появился в Германии. Он даже предлагал рекрутировать в ваффен-СС людей именно с таким профилем, что должно было упростить задачу изучения их физических и умственных характеристик.

А вот другая из затей главы СС. Одержимый наукой, он распорядился проводить опыты по спасению людей от переохлаждения (благая, казалось бы, цель). Один из отчетов, направленный Гиммлеру его фаворитом доктором Рашером, заканчивался словами: «Исследования по обогреву животным теплом продвигаются вперед очень медленно. Для предотвращения переохлаждения принимается во внимание улучшение летной формы». Но Гиммлер принципиально на-

стаивал на продолжении изучения пресловутого «животного тепла». О чем же шла речь?

В одном из личных разговоров он как-то заметил, что «рыбачки, спасая своих замерзших мужей, согревали их своим телом в постели». Он полагал, что каждый должен был знать, что животное тепло действует так же, как и искусственное, а потому Рашер должен был дальше заниматься этим направлением.

Этой идеей Гиммлер переплюнул по своей извращенности многих нацистских бонз. Есть все основания полагать, что, настаивая на проведении этих опытов, рейхсфюрер руководствовался не только научными интересами—он не был таким уж педантичным экспериментатором, как его любят изображать в литературе последнего времени. Парадокс личности Гиммлера заключался в том, что он сочетал в себе черты извращенного порнографа и рассудительного бюрократа. Некоторые психоаналитики видели в этом явный намек на его бурные сексуальные переживания юности. В литературе о Гиммлере широко распространено клише о «скрупулезном педанте»,

скрывавшемся под маской «мелкого бюргера». Очень поверхностное суждение. После 1939 года в нем проявились наклонности, мало сочетаемые с такой характеристикой: он лично присутствовал при наказаниях и казнях женщин-заключенных, а позже начал проецировать медицинские эксперименты в область сексуальных отношений. То, что для многих извращенных личностей было только недостижимой мечтой, Гиммлер смог превратить в действительность при помощи имевшихся у него средств.

Так вот, накануне конференции «Врачебные проблемы кораблекрушений и переохлаждения» Гиммлер поторапливал Рашера: «Мне очень любопытны опыты с животным теплом. Я полагаю, что они могут принести блестящие и значительные результаты». Опыты было решено проводить в Дахау, куда из лагеря Равенсбрюк были доставлены четыре «публичные женщины» (были ли они на самом деле проститутками или такую роль им определил Гиммлер, сейчас установить трудно). Теперь опыты с «животным теплом», вышедшие далеко за чисто медицинские рамки,

превратились в форменные оргии. Рашер приказывал двум женщинам обогревать заключенного, который от переохлаждения терял сознание. Когда подопытный приходил в себя, они должны были вступить с ним в сексуальную связь, что, по мнению Рашера, должно было заменить обогревание в горячей ванне. На эти развратные опыты в Дахау не раз приезжал посмотреть сам Гиммлер; вряд ли он это делал из деловых соображений. Позже, находясь в камере смертников, глава «Наследия предков» Вольфрам Зиверс показал, что Дахау со временем превратилось в своего рода «сексуальное предприятие», в котором «работали» красивые женщины-заключенные.

Несколько другой тип эсэсовского руководителя являл собой Рейнхрайт Гейдрих. Он не стеснялся своих сексуальных приключений. Да, собственно, его карьера в СС началась только благодаря достаточно щекотливой ситуации. Именно его сексуальные приключения стали причиной того, что на блестящей карьере этого молодого честолюбца был поставлен крест. В декабре 1930 года у Гейдриха, тогда лейтенанта военно-

морского флота, завязался бурный роман с Лилией Матильдой фон Остен. Эту девушку он спас, когда та случайно упала с лодки в воду и стала тонуть. История вполне романтическая, если не считать, что Гейдрих уже был обручен. Для кадрового офицера подобное поведение было позором. Историю, может, и удалось бы замять, но обиженной невестой оказалась дочь директора концерна ИГ-Фарбен, который был лично знаком с адмиралом Эрихом Редером. Гейдрих предстал перед офицерским судом чести. На нем он вел себя высокомерно и заносчиво. Так что ничего удивительно, что его отправили в отставку. Оказавшись не у дел, Гейдрих тут же предложил свои услуги Гиммлеру. Быстро поднявшись по служебной лестнице в СС, он безжалостно расправлялся не только с антифашистами и людьми неугодными нацистам, но и личными противниками. В разряд таковых мог попасть любой его подчиненный, на кого обратила внимание очередная особа легкого поведения, проигнорировав «патрона с холодными глазами». Гейдрих никогда не отказывал себе в удовольствии «пошляться по девоч-

кам». Именно он после открытия «Салона Кити» натолкнул Гиммлера на одну мысль.

Вспоминая девственниц Рима и «мудрых женщин» германской старины, шеф СС изобрел новое видение для прекрасного пола— Возвеличенная Женщина. Рейхсфюрер СС рекомендовал Гитлеру открыть «Женские академии мудрости и культуры». Туда должны были попадать женщины, преданные национал-социализму, чтобы в стенах этих академий не только пройти соответствующее обучение, но и выработать женственность и внешнюю привлекательность. Физические упражнения должны были чередоваться с занятиями по истории, искусству, обучению иностранным языкам, основам дипломатии. В «Женских академиях» кроме это предполагалось изучение игры в шахматы, что, по мнению Гиммлера, должно было расширить умственные возможности женщин и выработать быстроту реакций. Вообще программа обучения в академии планировалась очень богатая. Там была и верховая езда, и плавание, и езда на автомобиле, и даже стрельба из пистолета. Об основах кулина-

рии и ведения домашнего хозяйства говорить не приходилось—это были само собой разумеющиеся предметы. Те, кто оканчивал «Женские академии мудрости и красоты», получал право называться Возвеличенной Женщиной (один из вариантов словосочетания «Ее Величество»). Предполагалось, что это звание приравнивало статус женщины к обладательнице серебряного и золотого креста матери, высшей женской награды Третьего рейха.

Планы Гиммлера по созданию «Женских академий» в определенной мере дополняли и продолжали деятельность проекта «Союза немецких девушек» «Вера и красота». Здесь, в Академии, «цветок молодой женственности должен быть тщательно выращен и доведен до совершенства». Гиммлер считал это важным аспектом продолжения рода, на этом строилась его расовая концепция. Более того, Возвеличенные Женщины с их обучением, больше подходящим Мата Хари, могли использоваться в работе разведывательных служб и Министерства иностранных дел. Но в основном их функция сводилась к

тому, чтобы быть женами «преторианцев» Третьего рейха. В «Женские академии мудрости и красоты» могли попасть только белокурые и голубоглазые девочки—это было чуть ли не обязательным пропуском. Они должны были рожать такое же расово безупречное потомство. Ожидалось, что Возвеличенные Женщины будут выбирать себе в мужья перспективных офицеров СС или сотрудников правительственных структур. Если выбор затягивался, то Гиммлер, намекал, что руководство Третьего рейха само могло подобрать подходящего жениха. В случае, если кандидат в мужья уже имел супругу, следовал развод, и бывшим женам предоставлялась государственная пенсия—они не должны были мешать процессу расового облагораживания немецкого общества. Дети, появившиеся от подобного «идеального брака», тут же брались на полное государственное обеспечение. В перспективе они рассматривались как кандидаты на руководящие посты. Гиммлер говорил о фактическом создании нового наследного дворянства.

Удивительным в этом утопичном проекте яв-

лялось вовсе не его грубая расовая подоплека, и не планы по выращиванию чистокровных помощниц для новой элиты—эти оба аспекта были вполне естественными для национал-социалистической идеологии. В глаза бросается банальное несоответствие идеи «Женских академий» основным постулатам нацистского мировоззрения. Новая эсэсовская элита мечтала вовсе не о многодетной матери и трудолюбивой домохозяйке. Она жаждала появления достаточно остроумных, обаятельных женщин—предмета восхищения и вожделения других партийных функционеров. В эсэсовском понимании женщина в этом вопросе превращалась именно в предмет зависти и удовольствия. Гиммлер даже был готов признать, что Возвеличенным Женщинам был открыт путь в чисто мужские сферы деятельности. Проще говоря, новый тип женщин должен был всячески использовать соблазны, дарованные им природой, а вовсе не свои материнские инстинкты. Более того, требовалось, чтобы женщина сохранила свою специфическую индивидуальность.

Как мы видим, существовало два различных идеала немецкой женственности. Разделительная линия между ними проходила по границе: простой гражданин— представитель новой элиты. Романтичный Гиммлер пытался совместить в Возвеличенной Женщине качества кокетливой королевы Елизаветы, коварство мадам Помпадур и плодовитость императрицы Марии Терезы. Как-то этот идеал он обрисовал одной фразой: «Эти женщины должны иметь такие качества, как спортивное изящество, культурную образованность, деликатные чувства и тонкость выражения их». Но все это оставалось в планах. Программа женского образования, равно как и воспитания в рейхе вообще, вряд ли позволяла развить подобные женские качества.

В целом почти все высшие эсэсовские чины были поголовно озабочены одной проблемой: появление потомства у их подчиненных. За год до прихода к власти (!) Гиммлер издал следующий приказ: «СС—это союз немцев нордического типа, отобранных по особым критериям.

1. В соответствии с национальным социали-

стическим мировоззрением и сознавая, что основой будущего нашего народа является отбор и сохранение расово чистой и наследственно здоровой крови, я ввожу для всех неженатых членов СС, начиная с 1 января 1932 года, процедуру получения официального разрешения на брак.

2. Конечная цель—наследственно здоровый, полноценный род немецкого, нордического типа.

3. Разрешение на брак дается или нет единственно и только по критериям расовой чистоты и наследственного здоровья.

4. Каждый эсэсовец, намеревающийся жениться, должен получить официальное разрешение рейхсфюрера СС на этот брак.

5. Члены СС, проигнорировавшие отказ в официальном разрешении на свой брак, исключаются из рядов СС.

6. Задача надлежащего рассмотрения заявлений о вступлении в брак возложена на Расовое Управление СС.

7. Расовым Управлением СС ведется специальная «Родословная книга СС», в которую заносятся данные о семьях членов СС, после по-

лучения ими официального разрешения на свой брак или после утверждения их заявления о включении сведений о своей семье в эту книгу.

8. Рейхсфюрер СС, руководитель Расового Управления и служащие этого Управления обязуются своей честью не разглашать полученные ими сведения.

9. Для СС является неоспоримой истиной, что с изданием этого указа сделан шаг огромного значения. А потому, мы недостижимы для насмешек, издевок и непонимания. Будущее—за нами!».

После прихода к власти Гиммлер с маниакальным упорством развивал это направление. Нередко карьера того или иного эсэсовца зависела от количества детей в его семье. Но в некоторых случаях попытка сыграть на этой слабости рейхсфюрера СС, могла стоить очень дорого. Это наглядно показывает нам пример уже упомянутого выше эсэсовского врача Зигмунда Рашера.

В литературе Рашер изображается как отвратительнейший извращенец, проводивший по заказу Гимлера опыты в лагерях над заключенными.

ми. Казалось, что перед ним открывалось великое будущее, однако перед ними открылись двери эсэсовских казематов, куда он попал на этот раз не как врач-экспериментатор, а как заключенный.

Что же произошло? Рашер пал жертвой собственного тщеславия. Но эту историю лучше рассказать поподробнее. Утром 23 марта 1944 года мюнхенский выпуск партийной газеты «Фёлькише беобахтер» («Народный обозреватель») опубликовал объявление, в котором говорилось о пропаже маленького ребенка. Несколько часов спустя мюнхенская полиция начала искать свидетелей, которые могли видеть в районе Хольцкирхенского вокзала женщину с грудным ребенком в сопровождении мужчины. Описание женщины было тут же опубликовано во всей мюнхенской прессе. Следы привели к квартире фрау Каролины Рашер (Нини Диль). 28 марта туда отправилась полиция, но ее, видимо, предупредили о визите, так как в квартире был задержан только ее супруг, Зигмунд Рашер. Вначале Рашер наотрез отказывался называть местопребывание супруги.

Это он мотивировал своим эсэсовским званием и секретными разработками. Несмотря на угрозы и ссылки на рейхсфюрера СС, Рашер был доставлен в президиум мюнхенской полиции. В протоколе от 28 марта значилось следующее: «На основании имеющихся сведений существует подозрение, что фрау Рашер завладела чужим ребенком с целью выдать его за собственного. Цели ее поступка непонятны, их планируется выяснить после допроса».

Когда выяснявший обстоятельства похищения президент мюнхенской полиции барон фон Эберштейн доложил подробности дела Гиммлеру, тот был вне себя от ярости. Нет, ярость была обращена не против Эберштейна, начавшего дело против любимца рейхсфюрера, а выплеснута на самого Рашера и его супругу. Это уголовное дело вскрыло всю порочность и мелочность Зигмунда Рашера и его жены. Так что же произошло на самом деле?

В 1936 году 43-летняя вдова мюнхенского театрального режиссера Оскара Диля, Каролина (сценический псевдоним Нини) познакомилась в

одной из клиник с молодым ассистентом хирурга, 27-летним Зигмундом Рашером. Между ними сразу завязались любовные отношения. По мнению их друзей, эта странная пара подходила друг другу не только физически, но и душевно, так как они давали друг другу чувство полной защищенности. Стесняясь того, что ее любовник был значительно моложе ее, а она сама уже не могла иметь детей, в 1939 году Нини симулировала беременность. Чтобы маскарад был более убедительным, она решила похитить чужого ребенка и выдать его за собственного. Она поехала в Прагу, где нашла сговорчивую акушерку, которая оформила ей документы на ребенка по имени Петер Генрих Диль, который якобы родился 25 ноября 1939 года. С этим ребенком она возвратилась в Мюнхен. Несмотря на все ухищрения, Рашер вскоре узнал, что ребенок не принадлежал ни ему, ни его подруге. Что делать? Одобрить заговор Нини? В пользу этого решения говорили несколько обстоятельств. Во-первых, Рашер был более чем зависим от бывшей певицы, а потому не мог проявить сколько-нибудь серьезного со-

противления. Во-вторых, Рашер прекрасно знал, что Гиммлер любил многодетные семьи, а потому он мог использовать Нини в своих собственных целях, пытаясь приблизиться к рейхсфюреру СС.

Нини, знакомая с Гиммлером еще с двадцатых годов, хитро использовала свои старые связи, чтобы выгодно подать себя, своего мужа и свою семью. Она хитроумно использовала мелкобуржуазные представления о семейном счастье, которые охотно тиражировались нацистской пропагандой. С одной стороны, она еженедельно писала Гиммлеру письма, полные пустоватой женской трепотни. С другой стороны, хладнокровно и расчетливо выискивала будущих матерей, которые были готовы отдать ей ребенка на попечение. В то время, как Рашер ненадолго оказался в 1941 году на североафриканском фронте, Нини решилась еще на одно похищение. Так у нее 19 апреля появился второй сын. Восхищенный Гиммлер тут же прислал «счастливой матери» букет цветов, а она кротко написала в записке, что ее сын родился здоровым, хотя роды и были

преждевременными. Вернувшись с фронта, Рашер «сердечно благодарил» рейхсфюрера СС за щедрое и постоянное снабжение его семьи фруктами, которые «были столь необходимы для мамы и ребенка», и как бы невзначай прислал ему фото обоих детишек.

То, что Рашер пошел на риск со вторым ребенком, подчинившись женщине, с которой он даже не состоял в законном браке, демонстрировало его алчность: сожительствуя с Нини, он мог рассчитывать на ее пособие, которое она получала как вдова. Он мог разорвать любовную интригу с увядающей певицей, но ее авантюры и махинации настолько затянули его, что бросить ее было более чем затруднительно. Однажды Гиммлер намекнул ему, что неплохо было бы подумать о супружестве, и обещал, что в случае заключения законного брака его возлюбленная не потеряет пособия вдовы.

Но и на этом хитроумный спектакль не подошел к концу. В начале 1942 года, когда Рашер начал эксперименты в Дахау, его жена продолжала пресмыкаться перед Гиммлером, Брандтом и

Зиверсом. Она смогла добраться до Гиммлера, которому пожаловалась, что очень боится предстоящей операции. «Я знаю, что во время войны человеческая жизнь не так уж много значит, — говорила она, — но я важна для нашего маленького кружка ¹. . . Мой муж, который как хирург может предпринимать хладнокровные меры, становится нерешительным, когда речь идет о его жене». После таких слезливых тирад Гиммлер сделал все возможное, чтобы его старую подругу со «времени борьбы», к которой он относился с большой симпатией, прооперировали лучшие врачи Германии. 20 марта 1942 года он прибыл в дом Рашеров, естественно, захватив с собой «скромный» подарочек. В гостях он пообещал супружеской чете прислать из Больцано четыре ящика с яблоками и инжиром. В каждый из своих визитов глава СС заносил Рашерам такие презенты, как шоколад и кофе в зернах (в годы войны эти продукты были более чем дефицитными). Не обошлось и без ответных показательных благо-

¹ Имелась в виду семья Рашеров.

дарностей в адрес «многоуважаемого любимого рейхсфюрера». В одной из открыток прожженная авантюристка писала: «Что Вы сделали для нас, Ваших друзей! Так много хороших дел! Это дало нам возможность долгое время готовить для детей вечернее пюре. Петер всегда так беспокожно дергает ножками, когда приходит пакет, словно отгадывая, от кого он пришел и есть ли в нем шоколад. Ваш шоколад полезен и моему мужу, который работает в Дахау». Поразительная смесь наивных строчек с конкретными просьбами о дальнейшей поддержке супруга, и комментариями к садистским опытам.

Рашер тем временем поднимался по служебной лестнице. В конце 1942 года за заслуги ему было вручено эсэсовское кольцо с «мертвой головой». В 1944 года он рассчитывал на крест за боевые заслуги, который был введен в СС в сентябре 1943 года.

Между тем в доме Рашеров справляли новое «рождение». Третий ребенок, опять же сын (Гиммлер любил семьи, где были мальчики), был записан 25 ноября 1942 года в отделе регистра-

ции актов гражданского состояния как Дитер Герхардт. На самом деле его звали Кнабе Уто и родился он в семье бедной швеи. Гиммлер, узнав о появлении у его изобретательного врача третьего ребенка, был настолько восхищен, что передал фото трех детей Рашера шефу главного управления СС, чтобы тот опубликовал ее во внутренних эсэсовских изданиях. И тут Рашер решил замести следы.

В середине декабря 1943 года пропала кузина Нини Диль, которая не только страдала от неверно назначенного Рашером комплекса лечения, но и была замешана во всех трех похищениях. Ее тело было обнаружено лишь в апреле 1944 года. До сих пор не ясно, что с ней произошло. То ли супруги Рашер решили избавиться от нежелательной свидетельницы, которая слишком много знала, то ли она сама покончила с собой, не вынеся тяжкого заболевания, как это предположили тогда в мюнхенской полиции. Так или иначе, но смерть Юлии Мушер стала косвенной причиной окончания «эры Рашера» (так называли этот период в Дахау). Даже лишившись по-

мощницы, Нини Диль не отказалась от мысли совершить четвертое похищение. Она начала знакомиться с матерями, которые родили детей 13 февраля 1944 года (среди них была даже холостая цыганка). Почему-то ее выбор пал на фрау Тайсс, которая сразу после пропажи ребенка заявила об этом полиции. Увидев объявления в газетах, Нини впала в панику— впервые ее план дал трещину. Она подкинула Раймонда Тайсса, так звали похищенного ребенка, в больницу, решив проработать вариант с цыганенком. Но тут в дело вмешалась полиция.

Позже во время следствия было установлено, что Нини похитила не четырех, а восьмерых детей! В мае 1944 года в мюнхенской тюрьме вслед за своим мужем оказалась и сама Нини. Даже здесь она не теряла надежду: она смогла заманить к себе в камеру санитарку, где напала на нее, пытаясь бежать. 20 ноября было принято решение препроводить ее в концентрационный лагерь Равенсбрюк. На транспорте, следовавшем в лагерь, разыгралась новая сцена. Закованная Нини Рашер представилась фрау Дёрфлер, заявив, что

якобы Рашер поменялась в Мюнхене с ней одеждой, а сама бежала на свободу. Но трюк не сработал, и она была доставлена в Равенсбрюк, где ее поместили в отдельную камеру. Тут она разыграла новый спектакль. «Жизнь больше ничего не значит. Прошу Вас не оставлять моего мужа, который ни в чем не виноват», – начеркала она на клочке бумаге, адресованном перед ее «самоубийством» лично Гиммлеру. «Позвольте ему заниматься наукой. Виноватая, я покидаю жизнь. Я умоляю Вас позаботиться о Петере. Я больше не смогу увидеть моих любимых детишек! Мне очень трудно уходить из жизни, так как я люблю своего мужа и детей». Все эти сентиментальные строки предназначались только для того, чтобы рейхсфюрер обеспечил ей особые условия пребывания в концлагере. Гиммлер в ответ распорядился обходиться с ней «корректно», не дав никаких привилегий за исключением того, что она могла читать и работать швеей; она могла не носить робу заключенной и не брить волосы наголо. И никто, кроме самого коменданта лагеря, не знал, кто эта заключенная. Несколько ме-

сяцев Гиммлер решал, что сделать с супругами. Их дети были направлены в один из филиалов «Лебенсборна». В начале 1945 года он подписал Нини Диль смертный приговор—она закончила свои дни на виселице.

Зигмунду Рашеру повезло не намного больше. Несмотря на то, что он никогда не принимал активного участия в похищении детей, Гиммлер решил держать его под арестом в мюнхенских казармах СС. В конце февраля 1945 года он оказался в Бухенвальде, где был посажен в подвальную камеру вместе с английским капитаном Пейном Бестом. Последний был в курсе многих эсэсовских дел, в том числе знал подробности проведения экспериментов над людьми. Он предложил Рашеру бежать, а результаты его экспериментов опубликовать в швейцарской прессе, что могло стать своего рода индульгенцией для доктора-садиста. Гиммлер, предчувствовавший бесславный конец войны, очень опасался чересчур много знавшего Рашера. Но он пока не решался ликвидировать ненужных свидетелей. Было решено перевести их на юг. 3 апреля Рашер и еще несколь-

ко особых заключенных были эвакуированы на юг страны. По пути следования Рашер пытался развлекать своих спутников практическими медицинскими советами. Неурядицы войны привели эвакуационную команду на старое «место работы» Рашера в лагерь Дахау. 17 апреля их разместили в специальных бараках, с отдельными камерами. 26 апреля, за несколько дней до окончания войны, хауптштурмфюрер Бонгартц принял решение ликвидировать всех «особых заключенных». По иронии судьбы Рашер погиб там, где обрекал на мучительную смерть сотни людей.

Была ли подобная история типичной для эсэсовских чинов? Надо заметить, что Рашер представлял особый тип эсэсовца, к которому принадлежала дюжина жесточайших офицеров «черного корпуса», взять хотя бы коменданта Бухенвальда Коха. Нини Диль-Рашер была тоже характерным типом эсэсовских женщин, к которым относились жена коменданта Коха и санитарка из Освенцима Ирма Грезе. Этот случай представлял скорее интерес для психологов, нежели историков. У всех них была одна общая

черта: презрение к традиционным нормам морали и ощущение себя эсэсовской элитой—все это приводило к развитию в них криминальных наклонностей, а имеющиеся возможности и фактическая неподконтрольность превратили их в омерзительных преступников. Почему Гиммлер решил ликвидировать супругов Рашеров? Потому, что они нарушили строгий кодекс «черного ордена» или потому, что видел в них опасных свидетелей?

На эти вопросы нельзя ответить однозначно. Известно, что оба супруга рано разочаровались в жизни, а потому использовали свое положение в Дахау, чтобы играть чужими жизнями. Фрау Рашер считала, что все, с кем она вступала в контакт, должны были ей подчиниться. Это относилось и к ее мужу, и к заключенным, которых она использовала в качестве уборщиков и ассистентов. Во время следствия было установлено, что она давала заключенным далеко идущие намеки на то, что она «могла бы взять их под свое покровительство». Рашер же, являясь по своей сути нигилистом, устроил заключенным насто-

ящий ад. В нем, как почти во всех эсэсовцах, извращенным образом переплелись жажда знаний и понимание неизбежности смерти. В любой деятельности он проявлял себя как садист: не важно, шла речь об исследовании рака, хирургии или опытах по заморозке— главным для него была власть над жизнью других.

Глава 9. Проституция: преследования и государственная поддержка в Третьем рейхе

Когда во время Второй мировой войны какой-нибудь немецкий линкор швартовался во французском порту Брест, то в борделях немецких оккупантов начиналась напряженная работа. Женщины «просто оставались лежащими между номерами. Не было больше туалетных кабинок, женского белья, заигрывания и соблазнения, они просто задирали юбки, чтобы в них за сутки вонзилось до пяти дюжин поршней». Такие слова мы сможем найти в автобиографическом романе Лотара Гюнтера Буххаймса «Шлюпка».

Венерические болезни всегда являлись ужасом для руководства любой армии. Немецкий вермахт вовсе не был каким-то исключением. Эти болезни подрывали здоровье солдат и существенно снижали боеспособность воинских под-

разделений. Почти сразу же после оккупации Франции и Польши вермахт просто захлестнула эпидемия венерических болезней, которая стала в определенный момент принимать весьма угрожающие размеры. В годы Второй мировой войны почти каждый десятый немецкий солдат переболел сифилисом или триппером. Подобную проблему руководство Третьего рейха попыталось решить благодаря созданию воинских борделей. Почти сразу же во Франции, Скандинавии, балканских странах, России и Польше возникла сеть «домов терпимости», которые имели право посещать лишь немецкие военнослужащие.

Педантичные немцы, считавшие во время войны каждый грамм маргарина, каждую пару теплых шерстяных носков, посылаемых на фронт, каждое офицерское пальто с собачьим воротником, также вели строгий учет фронтовых публичных домов и проституток. Для этого в рамках военного ведомства было создано специальное министерство. Интересно, что все проститутки, работавшие в полевых публичных домах, числились чиновниками этого министерства! Так

что гитлеровскую Германию вполне можно считать первой страной, официально легализовавшей проституцию. Ведь проститутки получали жалованье, страховку, имели определенные льготы, а если бы (не дай Бог) Третий рейх просуществовал еще лет 30, то заслуженно получили бы пенсию как участники боевых действий! В начале войны дамы из фронтовых публичных домов делились по категориям: одни предназначались солдатам, вторые—сержантскому составу, третьи—офицерам. Позже категории отменили.

В вопросе сексуального обслуживания несколько особняком стояла африканская кампания немецкой армии. В пустыне почти не было развлечений, и солдаты Африканского корпуса изнывали от скуки. Чтобы хоть как-то поднять их дух, была создана специальная рота пропаганды, которая устраивала концерты и самодеятельные спектакли, показывала фокусы, крутила любимые кинофильмы. Но в ней не было женщин.

Большинство солдат любило играть в футбол, занималось перетягиванием каната и так да-

лее. Излюбленным развлечением стала карточная игра скат. Армейская полевая газета «Оазис» прочитывалась от корки до корки. Учитывая, что условия приема в пустыне были великолепными, солдаты могли поймать почти любую коротковолновую радиостанцию Европы и слушали радио с раннего утра до позднего вечера.

Даже в глубоком тылу было крайне мало мест, где можно было расслабиться и отдохнуть. В Триполи и Бенгази имелось несколько баров и пивных, существовали клубы в Дерне и еще в паре городов. В Триполи на Виа Тассони, дом 4, имелся тыловой бордель вермахта, но большинство «африканцев» его так и не увидело. Я видел фотографии дамочек, работавших там. Их явно вербовали среди итальянок, которые соглашались ехать в пустыню, но ни одна не отличалась красотой. Единственные немки, которых можно было встретить в пустыне, были медсестры. Около 200 женщин работало в тыловом госпитале в Дерне. Их умение очень потребовалось германским солдатам в ходе предстоящих боев.

Во время африканской кампании вермахту

вообще-то не полагались собственные публичные дома. В Ливии, Египте и Эфиопии генерал Эрвин Роммель решил воспользоваться услугами местного населения. Однако солдаты из Африканского корпуса редко прибегали к их услугам. Во-первых, жуткая африканская жара убивала любое сексуальное желание. А во-вторых, немцам были запрещены половые сношения с «цветными». Европейские женщины в этих местах встречались очень редко, к тому же большинство из них были очень стары. С другой стороны, арабские девицы, несмотря на все запреты, оказались очень популярными у немецких офицеров. Они очень охотно брали в качестве прислуги молодых и привлекательных арабских девушек.

Во время боевых действий в Европе у вермахта не было возможности создать публичный дом в каждом крупном населенном пункте. Соответствующий полевой комендант давал согласие на создание подобных учреждений только там, где дислоцировалось достаточно большое количество немецких солдат и офицеров. Во многом о реальной деятельности этих борделей оста-

ется только догадываться. Полевые коменданты брали на себя ответственность за оборудование публичных домов, которые должны были соответствовать четко определенным гигиеническим стандартам. Они же устанавливали цены в борделях, определяли внутренний распорядок публичных домов и заботились о том, чтобы в любой момент там было достаточное количество доступных женщин.

В борделях должны были иметься ванны с горячей и холодной водой и обязательный санузел. В каждой «комнате для свиданий» должен был висеть плакат «Половые сношения без противозачаточных средств—строго запрещены!». Любое применение садомазохистской атрибутики и приспособлений преследовалось по законам. Но на торговлю эротическими картинками и порнографическими журналами военное начальство смотрело сквозь пальцы.

В проститутки брали не каждую женщину. Чиновники министерства тщательно отбирали кандидатуры для секс-обслуживания солдат и офицеров. Как известно, немцы считали себя высшей

арийской расой, а такие народы, как, к примеру, голландцы или финны, – по определенным критериям, родственными арийцам. Поэтому в Германии очень строго следили за кровосмешением, и браки между арийцами и приближенными не приветствовались. О неарийцах и говорить не приходилось. Это было табу. В гестапо существовал даже специальный отдел «этнического сообщества и здравоохранения». В его функции входил контроль «за семенным фондом рейха». Немца, вступившего в половую связь с полькой или украинкой, могли отправить в концлагерь за «преступное разбазаривание семенного фонда рейха». Насильники и гуляки (конечно, если они не служили в элитных войсках СС) выявлялись и наказывались. Этот же отдел следил за чистотой крови проституток в полевых борделях, и поначалу критерии были очень жесткими. В офицерских публичных домах имели право работать только истинные немки, выросшие во внутренних, исконно германских землях Баварии, Саксонии или Силезии. Они должны были быть ростом не ниже 175 см, обязательно светло-

волосые, с голубыми или светло-серыми глазами и обладать хорошими манерами.

Врачи и фельдшеры из воинских подразделений должны были обеспечивать публичные дома не только мылом, полотенцами и дезинфицирующими средствами, но и достаточным количеством презервативов. Последние, кстати, до конца войны будут централизованно поставляться из Главного санитарного управления в Берлине.

Лишь воздушные налеты мешали незамедлительным поставкам подобных товаров на фронт. Даже когда в Третьем рейхе стали возникать проблемы со снабжением, а для отдельных отраслей резина предоставлялась по особому графику, нацисты никогда не скупились на презервативы для собственных солдат. Кроме как в самих борделях солдаты могли приобрести презервативы в буфетах, на кухнях и у ответственных за снабжение.

Но самое поразительное в этой системе даже не это. Все дело в пресловутой немецкой пунктуальности. Немецкое командование не могло позволить, чтобы солдаты пользовались сексуальными услугами когда захотят, а сами жри-

цы любви работали под настроение. Все было учтено и подсчитано: для каждой проститутки были установлены «нормы выработки», причем брались они не «с потолка», а научно обосновывались. Для начала немецкие чиновники поделили все бордели по категориям: солдатские, унтеро-фицерские (сержантские), фельдфебельские (старшинские) и офицерские. В солдатских публичных домах по штату полагалось иметь проституток в соотношении: одна на 100 солдат. Для сержантов эта цифра было снижена до 75. А вот в офицерских одна проститутка обслуживала 50 офицеров. Кроме этого, для жриц любви был установлен определенный план обслуживания клиентов. Чтобы получить в конце месяца зарплату, солдатская проститутка должна была обслужить в месяц не менее 600 клиентов (из расчета, что каждый солдат имеет право расслабиться с девочкой пять-шесть раз в месяц)!

Правда, такие «высокие показатели» возлагались на тружениц постели в сухопутных войсках. В авиации и флоте, которые в Германии считались привилегированными родами войск,

«нормы выработки» были намного меньше. Проститутке, обслуживавшей «железных соколов» Геринга, ежемесячно нужно было принять 60 клиентов, а по штату в авиационных полевых госпиталях полагалось иметь одну проститутку на 20 летчиков и одну на 50 человек наземного обслуживающего персонала. Но за тепленькое местечко на авиабазе нужно было еще побороться.

Из всех стран и народов, участвовавших в войне, немцы наиболее ответственно подходили к сексуальному обслуживанию своих солдат. Вот строчка из дневника генерала Гальдера, возглавлявшего в начале войны немецкий генеральный штаб: «23 июля. Пока все идет согласно плану. Текущие вопросы, требующие немедленного решения: 1. Лагеря для военнопленных переполнены. Надо увеличить конвойные части. 2. Танкисты требуют новых моторов, но склады пусты. Нужно выделить из резерва. 3. Войска двигаются быстро. Публичные дома не успевают за частями. Начальникам тыловых подразделений снабдить бордели трофейным транспортом».

А вот о своих союзниках (венграх, болгар-

рах, словаках, финнах и пр.) немцы заботились уже поменьше. Питание, оружие и обмундирование поставляли, а организацию публичных домов возложили на самих союзников. И только венгры смогли организовать что-то наподобие полевых борделей. Остальные же выкручивались как могли, так как доступ в немецкие заведения для солдат сателлитных армий был закрыт.

Во Франции, Нидерландах, Бельгии и Скандинавии немецкая армия, как правило, прибегала к услугам уже существующих борделей. В западной зоне оккупации владельцы публичных домов быстро поняли, что сотрудничество с оккупантами—выгодное дело и предоставили свои заведения и их «персонал» в распоряжение вермахта. Как правило, за подобную уступчивость они получали половину от всех доходов. «Сотрудничество» с французами пошло настолько хорошо, что уже год спустя после оккупации Франции только в центре Парижа насчитывалось 19 борделей для немецких солдат. Еще десяток публичных домов находился на окраинах этого города.

На Востоке увеселительные заведения пришлось создавать по-новому. Для тех, кто не помнит, поясню: при Сталине (да и не только при нем) проституция в СССР была запрещена. Немецким оккупантам приходилось самостоятельно подыскивать подходящих девушек. Многие из наших соотечественниц оказались перед сложным выбором: быть угнанными для принудительного труда в Германию либо «проходить службу» в борделе. Впрочем, выбор и пожелания девушек мало интересовали немцев. Здесь оккупанты особо не церемонились, да и не разбирались. В публичных домах могли оказаться даже еврейки. Расовое происхождение в этом вопросе было, как говорится, делом десятым. Важны были женская привлекательность и фигура. В «восточных» борделях немецкие солдаты могли только мечтать об обстановке и гигиенических стандартах публичных домов Франции и Голландии. «Там везде отвратительно воняло: пот, духи, сперма, моча. Все это превращалось в многосоставной запах жадности. Его не отбивал никакой парфюм. Нередко на месте выдавались за-

жимы для носа», — писал один очевидец.

Изначально в бордели принимали одних чистокровных немок. Многие женщины отправлялись обслуживать солдат рейха из патриотических побуждений. Они попадали в ранг госслужащих с приличной зарплатой, страховкой и льготами.

Со временем оказалось, что своими силами Германии не обойтись. Тогда на фронтовые койки стали укладывать женщин национальностей, близких к арийским. Например, из Прибалтики. Позже стали набирать просто девиц из местного населения. Правда, они не являлись служащими рейха и льготы на них не распространялись.

Со временем в борделях стали работать только местные русские девушки. Как уже говорилось, иногда дефицит жриц любви восполнялся из жительниц Прибалтики. Информация о том, что нацистов обслуживали только чистокровные немки, — миф. Проблемами расовой чистоты была озабочена только верхушка нацистской партии в Берлине. Но в военных условиях никто не интересовался национальностью женщины. Оши-

точно также считать, что девушек в борделях заставляли работать только под угрозой расправы. Очень часто их туда приводил лютый военный голод.

Бордели в крупных городах Северо-Запада России, как правило, располагались в небольших двухэтажных домах, где посменно работали от 20 до 30 девушек. В день одна обслуживала до нескольких десятков военнослужащих. Публичные дома пользовались небывалой популярностью у немцев. «В иной день у крыльца выстраивались длинные очереди», — писал один из нацистов в своем дневнике. За сексуальные услуги женщины чаще всего получали натуральную оплату. Например, немецкие клиенты банно-прачечного комбината в Марево Новгородской области частенько баловали излюбленных славянок в «бордель-хаусах» шоколадными конфетами, что тогда было почти гастрономическим чудом. Денег девушки обычно не брали. Буханка хлеба—плата гораздо более щедрая, чем быстро обесценивающиеся рубли.

За порядком в публичных домах следи-

ли немецкие тыловые службы, некоторые увеселительные заведения работали под крылышком немецкой контрразведки. В Сольцах и Печках нацистами были открыты крупные разведывательно-диверсионные школы. Их «выпускники» засылались в советский тыл и партизанские отряды. Немецкие разведчики здраво полагали, что «колоть» агентов легче всего «на женщине». Поэтому в Солецком борделе весь обслуживающий персонал был завербован абвером. Девушки в частных беседах выясняли у курсантов разведывательной школы, насколько они преданы идеям Третьего рейха, не собираются ли перейти на сторону советского Сопротивления. За такую «интимно-интеллектуальную» работу женщины получали особые гонорары.

В некоторых столовых и ресторанах, где обедали немецкие солдаты, были так называемые комнаты свиданий. Официантки, посудомойки помимо основной работы на кухне и в зале дополнительно оказывали сексуальные услуги. Есть мнение, что в ресторанах знаменитой Грановитой палаты в Новгородском кремле располага-

лась такая комната свиданий для испанцев «Голубой дивизии». Об этом говорили в народе, но официальных документов, которые подтверждали бы этот факт, нет. Столовая и клуб в небольшой деревне Медведь получили известность среди солдат вермахта не только «культурной программой», но и тем, что там показывали стриптиз!

В одном из документов 1942 года мы находим следующее: «Так как имевшихся во Пскове публичных домов для немцев не хватало, то они создали так называемый институт санитарно-поднадзорных женщин или, проще говоря, возродили свободных проституток. Периодически они также должны были являться на медицинский осмотр и получать соответствующие отметки в особых билетах (медицинских удостоверениях)».

У немцев было много способов привлечь местных женщин к работе в борделе. Главной приманкой служили деньги и еда. Уборщица здесь получала 250 рублей (советский рубль ходил на оккупированной территории наравне с маркой по курсу 10:1), врач и бухгалтер—по 900

рублей, а сами труженицы постели зарабатывали примерно по 500 рублей в неделю.

Плотские утехы по-немецки педантично регламентировалась. Вот распорядок дня проституток города Сталино:

6.00—медосмотр

9.00—завтрак

9.30–11.00—выход в город

11.00–13.00—пребывание в гостинице, подготовка к работе

13.00–13.30—обед

14.00–20.30—обслуживание солдат и офицеров

21.00—ужин

Ночевать проституток обязывали только в гостинице.

Командование вермахта строго следило за уровнем жизни «западных» проституток. Соответствующая комендатура составляла списки, в которые заносились фамилия, имя девушки, год и место рождения, ее постоянное местопребывание. После поступления на эту работу девуш-

ки получали статус «деятеля культуры», который предполагал наличие особых документов и специального порядкового номера. С этого момента их жизнь была строго регламентирована. Они постоянно жили в борделе. Визиты к врачу или парикмахеру они могли совершать лишь в сопровождении специально выделенного для этого офицера или солдата. Даже этот путь перемещения по городу был строго определен оккупантами—ни шага в сторону. В случае, если у «искусствоведа» из публичного дома обнаруживалась беременность, то девушка была обязана отработать еще три месяца. После того, как она покидала публичный дом, никто больше не интересовался ее участью.

Особо сложным вопросом для военных администраций являлась цена посещения борделя. Во Франции, Скандинавии, Бельгии и Нидерландах солдат мог «отдохнуть» от будней и ужасов войны за пару имперских марок. Визит в лучшие бордели этих стран стоил фактически вдвое дороже—5 имперских марок. Если солдатам вермахта это было не по карману, они предпочита-

ли «снимать» более дешевых девочек в злачных местах, коих тогда было множество.

С «русскими» было не все так просто. Зимой 1941 года 20 русских проституток в Констанце организовали форменную забастовку. Причиной для волнений явились вовсе не патриотические чувства, а высокая стоимость их услуг, из-за чего к ним фактически не ходили солдаты. Работать с румынами и итальянцами они принципиально отказывались. Чтобы хоть как-то удержать в узде разгневанных проституток, немецкое командование решило выплачивать им ежедневно по 15 тысяч лей, что было приблизительно равно обслуживанию пятнадцати клиентов.

В налаживании полевой секс-индустрии немцы не обошли и такой вопрос, как правила поведения солдат и девушек в борделе. Здесь тоже существовали свои законы, причем каждый род войск к общим параграфам добавлял свои. К примеру, летчиков проститутка непременно должна была встречать в одежде, с аккуратным макияжем (неопрятность работниц строго наказывалась). Нижнее белье девушки, равно как и

постельное, должно было быть безукоризненно чистым и меняться для каждого посетителя. А вот в сухопутных войсках, где с комфортом дело обстояло похуже, да и время на каждого клиента было ограниченным (в день нужно было принимать 10–20 человек), девушка могла встречать очередного счастливчика уже лежа в постели в одном нижнем белье. Постельное белье в солдатских борделях полагалось менять после каждого десятого клиента. Но это не означало, что проститутка могла позволить себе принимать солдат в антисанитарных условиях. Всех девушек, а также их комнаты, ежедневно осматривал врач, при необходимости он тут же назначал профилактические или лечебные процедуры. За этим строго следил управляющий борделем, обычно имеющий медицинское образование. А чтобы облегчить контроль и повысить мобильность, дабы успевать за наступающими или отступающими войсками, бордели делали небольшими—по 5, 10 и 20 работниц в каждом.

Кроме того, что каждый немецкий солдат имел право расслабиться с девочкой пять-шесть

раз в месяц, командиры могли от себя лично выдать ему поощрительные талончики. Такая награда могла ожидать того, кто уничтожит вражеского офицера выше командира роты или пулеметный расчет. В то же время талончик в публичный дом в руках командира был орудием (и очень действенным) для поддержания дисциплины в роте или батальоне. Ведь за нарушения порядка солдата могли лишиться полагаемого по графику посещения борделя.

Если же солдат хотел расслабиться в борделе, то его пребывание там было строго регламентировано—до мелочей. Прежде чем оказаться в обществе проститутки, он проходил подробный инструктаж у своего начальства. Во-первых, он должен был строго-настрого соблюдать предписание пользоваться презервативами, о чем ему напоминали вывески в каждом из номеров публичного дома. Он должен был вручить девушке плату, затем сделать отметку в специальном талоне об оплате сексуальных услуг. В данном талоне отмечались ее имя, фамилия и учетный номер. Данный талон солдат должен

был хранить в течение двух месяцев. Это делалось на тот случай, если бы он подхватил какую-нибудь венерическую болезнь. При наличии талона врачи могли определить, через какую девушку он заразился. Если посетитель хотел перед «процедурой» что-нибудь выпить, то он мог заказать прямо в борделе пиво, вино или минеральную воду. Но это касалось только западной зоны оккупации. В Польше и России торговля спиртным в борделях была строго запрещена.

Кстати, непосредственно за войсками двигались лишь солдатские и сержантские публичные дома. Они размещались в деревушке или городке неподалеку от части, куда солдат и получал увольнительную. Тем же офицерам, которым нельзя было далеко отлучаться от своих воинских частей, проститутки доставляли... на дом. А солдаты и сержанты к увольнительной получали специальный талончик-пропуск. Его выдавали по строгому списку, а перед выходом к даме солдата обязательно осматривал врач подразделения, дабы не допустить заражения девочек очень распространенными среди солдат

кожными и грибковыми заболеваниями. Солдаты имели талончик голубого цвета, сержанты—розового. Но с этого все строгости только начинались. Во-первых, солдату для посещения проститутки отводился всего лишь час. При входе в бордель он должен был предъявить солдатскую книжку, зарегистрировать талон (корешок с отметкой о посещении потом следовало вернуть в канцелярию части), получить средства личной гигиены (в этот джентльменский набор входил кусочек мыла, маленькое полотенце и три презерватива). Потом полагалось помыться, причем по регламенту мылиться нужно было дважды! И лишь после этого бравый солдат мог явиться к проститутке. Время на подготовку к процессу зачитывалось в общее время, полагаемое по правилам. Так что для утех с проституткой оставалось минут сорок—сорок пять.

Несмотря на врожденную педантичность и строгость, среди немцев все-таки были горячие головы, нарушавшие порядок. Частенько солдаты пробирались в сержантские бордели, где девочки были получше. Кто-то даже умудрялся по-

падать в офицерские. Правда, и расплачиваться за удовольствие в случае поимки приходилось дорого—до 10 суток гауптвахты. Однако больше всего среди солдат вермахта было распространено другое нарушение. По различным причинам (смущение, неопытность, моральные принципы) некоторые солдаты хоть и получали положенный талончик, но в бордель не шли. Поэтому среди солдат процветал бартер—ловеласы выменивали талончики в обмен на сигареты, шнапс, брюквенный мармелад. А талончики-то были именные! Любителям лишний раз оторваться приходилось исправлять фамилии, подделывать подписи, переодеваться. Но это уже была чистой воды самоволка.

Тот, кто полагал, что контакты с девушками являлись его личным делом, очень ошибался. Он некоторое время находился под контролем гигиенической службы. Извиняюсь за подробность, но даже для снятия использованного презерватива существовали определенные регламенты. Для западных борделей руководство вермахта выработало пять директив (!) об утилизации проти-

возачаточных средств.

Сразу же после посещения борделя солдат должен был проследовать в специальную санитарную комнату, где он должен был быть исследован не предмет «неудобных» заболеваний. Если требовалось, его тут же госпитализировали. Подобные жесткие предписания способствовали тому, что большинство солдат предпочитало пользоваться услугами бесчисленных уличных проституток. Чтобы в данном случае избежать очередной эпидемии венерических болезней, военная администрация пошла на то, чтобы зарегистрировать всех уличных «жриц любви», обеспечив им определенную плату в обмен на периодические медицинские проверки. В итоге около 6 тысяч парижских проституток проходили еженедельное обследование у военных врачей.

Но большинство немецких солдат плевать хотело на запрет спать с уличными девушками, которые не имели санитарной карты. Вермахт не мог справиться с повальной проституцией, которая приобрела повсеместный характер. Облавы не давали желаемого результата. Рискуя быть

обвиненными в подрыве боеспособности немецкой армии, в Париже работало около 100 тысяч проституток! Кстати, выдвижение подобного обвинения не было неким преувеличением. За половые сношения с немецкими солдатами девушку, не имевшую «промыслового свидетельства», могли очень строго наказать.

Но не только немецкие войсковые генералы понимали, что сексуальные потребности являются важным компонентом для сохранения дисциплины в мужском коллективе. Эта мысль пришла в голову многим комендантам концентрационных лагерей и руководителям структур, которые отвечали за использование доставленных на принудительные работы иностранцев: там возникают специальные бордели. В июне 1941 года после посещения концентрационного лагеря Маутхаузен Генрих Гиммлер распоряжается создать из заключенных публичный дом, который бы могли посещать эсэсовцы. Необходимые для этого проститутки были найдены в лагере Равенсбрюк. Именно там доктор Вальтер Зоннтаг принимал свой «товар». Этот вечно подвыпивший садист

принимал под свое командование девушек, ранее работавших на панели. Он цинично приказывал им раздеваться, детально исследуя их тела. Если девушки были хорошо сложены, привлекательны и не больны, то они автоматически оказывались в эсэсовских борделях. Перед тем, как они выходили «на службу» им выделяли особый паек, а иногда они даже посещали солярий. Менее симпатичные девушки попадали в публичные дома для арестантов и участников принудительных работ.

Как правило, больше полугода в концентрационных борделях девушки не протягивали. Кроме несколько улучшенного питания, там они получали чисто символическую плату, а традиционный для лагерей тюфяк заменялся нормальной кроватью. В условиях массового голода и высокой смертности многие женщины-заключенные добровольно вызывались на эту «работу». Но это было лишь передышкой, спустя несколько месяцев они обычно возвращались обратно в Равенсбрюк, но уже беременные и, по обыкновению, больные сифилисом. Там их ждал шприц со

смертельной инъекцией. Начальству концентрационных лагерей не было дела до каких-то там больных и беременных проституток. Из борделя попасть на волю не удавалось никому. Гиммлер и не думал давать такое послабление. Однажды он бросил, что «подобную чепуху им пообещал какой-то сумасшедший».

Чтобы на корню пресечь любые половые отношения между немецкими женщинами и доставленными на принудительные работы в Германию мужчинами (а их было 8 миллионов), в 1941 году Мартин Борман распорядился создать бордели в «трудовых лагерях». Гиммлер охотно поддержал эту идею. Ему была необходима иностранная рабочая сила. Но куда больше ему требовались эти специфические бордели. Он боялся, что миллионы инородцев испортят чистоту немецкой расы. «Кроме того, после посещения борделей производительность труда занятых в военной промышленности рабочих могла бы увеличиваться», – заявлял он. В интересах военной экономики Гиммлер разработал трехступенчатую систему поощрений иностранных рабочих.

За небольшие заслуги они могли награждаться несколькими сигаретами. За усердие в труде они получали небольшую сумму денег. «Ударники» принудительного производства могли посетить бордель, созданный специально для подобных случаев.

Подобные «трудовые дома терпимости» находились в совместном ведении бирж труда, немецкой полиции и «Немецкого трудового фронта». Часть издержек по содержанию этих борделей перекладывалось на руководство предприятий, где была задействована иностранная рабочая сила. К 1943 году в Третьем рейхе насчитывалось около 60 подобных заведений для угнанных рабочих. Только в одном Гамбурге их было шесть.

В «рабочих борделях» проститутка должна была обслужить в целом 300 мужчин. Чтобы женщины работали более эффективно, они должны были оплачивать аренду помещения, а также продовольственное снабжение, отопление и белье. Безвозмездно предоставлялось только медицинское обслуживание. В подобных борде-

лях можно было встретить женщин самых разных национальностей. Они прибывали из всех оккупированных стран. Если они были хороши собой, то могли без проблем зарабатывать в день до 200 имперских марок. По желанию их могли переслать на родину, откуда они были угнаны. И это в то время, когда другие на немецких предприятиях зарабатывали по 80 марок в месяц.

Но нацисты не все время придерживались столь «дружелюбного» отношения к проституции. Поначалу ситуация была полностью противоположной. «Законопослушные» бюргеры не желали видеть на улицах своих городов проституток. Их преследовали. Пойманные проститутки в Третьем рейхе подвергались принудительной стерилизации. Здесь они были нежелательным элементом.

Бедность и голод, разочарование и отчаяние захлестнули немецкое общество в годы мирового экономического кризиса. Миллионы безработных оказались выброшенными на улицу. Для женщин, у которых не было образования, проституция являлась едва ли не единственным способом за-

работать себе на жизнь. Они продавали себя за несколько марок повсюду: в гостиницах и трактирах, в кафе и концертных залах, на вокзалах и в кино, в театрах и скверах. Но в 1929 году, за четыре года до прихода нацистов к власти, в Германии вспыхнула острая дискуссия об угрозе нравственному здоровью молодежи.

26 мая 1933 национал-социалисты добавляют в уголовный кодекс параграф, с которого началось преследование проституток. Теперь за беспокойство отдельного гражданина или компании с развратными предложениями любая женщина или мужчина могли угодить в тюрьму. После того, как в Веймарской республике проституция существовала вполне легально, национал-социалистические законодатели видели перед собой непечатый край работы.

Получив новый уголовный кодекс, нацисты решили очистить улицы Германии от «падших женщин». Только в Гамбурге за полгода было задержано более 1500 женщин, обвиненных в проституции. В ноябре 1933 года большинство из них попали в специальные исправительные учре-

ждения.

Но согласно действующему праву задержание проституток было недопустимым, однако коричневые диктаторы этого не соблюдали. На борьбу с проституцией были брошены не только полиция, но органы здравоохранения и исполнительная власть. Новый режим хотел продемонстрировать всем свою борьбу с пороком. Проститутки теперь должны были жить на специальных публичных улицах—бордельштрассен. Постепенно в национал-социалистической Германии продажная любовь должна была исчезнуть вообще. Сначала она должна стать невидимой, затем недопустимой, а под конец и вовсе запрещенной.

Нацисты были единодушны в том, как должен был выглядеть «приличный немецкий бордель». Лестничные клетки должны были денно и нощно освещаться. В домах, которые не имели центрального отопления, в каждой комнате должна быть установлена печка. Сутенер, или, говоря юридическим языком, «наймодатель» должен был заботиться о чистоте постельного белья и полотенцах. На первом этаже предпола-

галось наличие плотных занавесок, чтобы «защищать пешеходов от сцен аморального поведения». Девушкам было запрещено показываться у окон или у входных дверей. Нацисты предполагали создание бордельштрассен, но их не стоит путать с «кварталами красных фонарей». Нацистские бордели имели мало схожего с салонами для развлечений. Тот, кто предпочитает продажную любовь, не должен был чувствовать себя уютно. Любая продажа алкогольных напитков в подобных борделях попадала под строгий запрет.

Некоторые из находящихся под наблюдением полиции борделей должны были служить псевдонаучным потребностям нового режима. Так, например, в штутгартском борделе на Клостерштрассе проститутки должны были сохранять бывшие употребления презервативы. Затем они передавались в лаборатории национал-социалистических исследовательских организаций. Там врачи изучали их содержимое с расово-научной точки зрения.

Постепенно давление на проституток усиливалось. В 1934 году они могли быть арестованы,

если не проходили своевременную медицинскую проверку, по статье, предполагавшей наказание за распространение венерических болезней. Как правило, двухлетнее заключение они отбывали в концентрационных лагерях Равенсбрюк, Моринген или Лихтенбург.

В то время связь с проститутками считалась не просто порочной, а недопустимой для людей высшего света и общественных деятелей. «Какое влияние может оказать женщина, даже не сознавая того, на историю страны, а следовательно, и всего мира!»—такую запись сделал 26 января 1938 года в своем дневнике полковник Альфред Йодль. И далее: «Может показаться, что мы живем в роковое для немцев время». Дело началось в один январский день 1938 года—почти как в венской оперетке. 12 января немецкие газеты сообщили, что фельдмаршал фон Бломберг, военный министр, женился в Берлине на фрейлейн Еве Грун. Официальные сообщения об этом событии были скромными и не привлекли всеобщего внимания: «Имперский военный министр генерал-фельдмаршал фон Бломберг 12 января,

в среду, сочетался браком с фройляйн Грун. Фюрер и рейхсканцлер и генерал-полковник Геринг были свидетелями». Намерение фон Бломберга вновь жениться (его первая жена умерла задолго до этого), казалось, было совсем невинным. Свидетелями на бракосочетании, которое прошло в интимной обстановке, были Адольф Гитлер и Герман Геринг. Газеты не поместили ни одной фотографии и не дали никаких комментариев, что было весьма удивительно, учитывая ранг молодожена. Церемония прошла очень скромно, без венчания в церкви, что было нормально для того времени: церковь подвергалась резким нападкам со стороны партии.

Было известно, что фельдмаршал, вдовец, имел взрослых детей. Одна из его дочерей вышла замуж за сына генерала Кейтеля. Зато почти ничего не было известно о новобрачной; говорили только, что она происходит из очень скромной семьи, что прекрасно соответствовало социалистической пропагандистской фразеологии нового режима. Фрейлейн Грюн была секретаршей Бломберга. К концу 1937 года генерал настоль-

ко потерял голову, что предложил ей выйти за него замуж. Берлинские кумушки были восхищены бракосочетанием Золушки и прекрасного принца, хотя принц годился ей в отцы.

Золушка оказалась весьма интересной особой и занималась отнюдь не домоводством. Меньше чем через неделю после церемонии стали ходить странные слухи: шептались, что молодая «маршальша» — проститутка низкого пошиба. Эти слухи распространялись в официальных кругах, и люди не могли удержаться от сопоставления некоторых странных обстоятельств: свадебная церемония была проведена поспешно и в обстановке чрезмерной скрытности; говорили, что новобрачную освободили от необходимости предъявлять многочисленные официальные бумаги, в частности сведения о судимости и документы о гражданском состоянии бабушек и дедушек. Наконец, новобрачные тотчас же отправились в свадебное путешествие неизвестно куда.

Спустя несколько дней после свадьбы печать опубликовала фотографию. Репортер застиг парочку на прогулке по Лейпцигскому зоопарку и

получил великолепный снимок на фоне клетки с обезьянами. Фотография попала на стол графа Гелльдорфа, начальника берлинской полиции. Зная о слухах по поводу «маршалыши», он распорядился начать с 20 января секретное расследование, и собранное им досье содержало столь пикантные детали, что он с трудом им поверил.

Ева Грун, свидетельствовали документы, родилась в 1914 году в Нойкельне, рабочем предместье Берлина, и, хотя ей едва исполнилось двадцать четыре года, ее прошлое было бурным. Ее мать содержала в Нойкельне, на Элизабетштрассе, очень подозрительный «массажный салон». Мамаша Грун, находившаяся под надзором полиции нравов, была дважды судима. Юная Ева, довольно хорошенькая, пошла по пути своей родительницы. Она занималась проституцией, и ее несколько раз задерживала полиция нравов семи немецких городов. У нее были нелады с правосудием и в 1933 году, после захвата власти нацистами. Было раскрыто дело о порнографических фотографиях, и после расследования, кото-

рое провело Центральное бюро по борьбе против непристойных изображений и текстов, ее опознали и арестовали за то, что она позировала для этих фотографий. Еве тогда было всего лишь девятнадцать лет, она заявила в свою защиту, что ее бросил любовник, она осталась без средств и согласилась на эту «работу», потому что за нее платили шестьдесят марок.

Гелльдорф сравнил одну из этих фотографий, имевшихся в архивах, со снимком, который опубликовали газеты. Сомневаться не приходилось: молодая женщина, улыбавшаяся перед клеткой с обезьянами, была той, что позировала для непотребных фотографий. Наконец, берлинская служба судебной идентификации располагала ее антропометрическими данными и отпечатками пальцев, взятыми в связи с делом о краже, в которой она обвинялась.

Чуть не сойдя с ума от своих открытий, Гелльдорф уведомил о них генерала Кейтеля— ближайшего сотрудника, друга и даже почти родственника Бломберга, поскольку их дети состояли в браке. Тем самым он серьезно нарушил

правила секретности, за что ему досталось бы от Гиммлера, если бы тот был информирован об этом. Гелльдорф надеялся, что Кейтель предупредит Бломберга об угрожающей ему опасности. Но Кейтель уклонился и сделал вид, что ему неприятно получать такие сведения. Он отправил Гелльдорфа вместе с досье к... Герингу, который, как всем было известно, сам мечтает стать в один прекрасный день военным министром.

Геринг воспринял новость очень нервно. Он казался искренне огорченным и поведал Гелльдорфу, что Бломберг заранее уведомил его и фюрера, что его невеста «имеет прошлое». Разумеется, ни он, ни Гитлер не могли предположить, что это «прошлое» будет столь скандальным, и поэтому Гитлер не воспротивился этому браку. Геринг обещал Гелльдорфу предпринять необходимые шаги.

Свидание между ними произошло 22 января. Гитлера тогда не было в Берлине, он уехал в Мюнхен. На следующий день у Геринга состоялся самый настоящий секретный военный совет, в котором приняли участие Геринг, Гиммлер и Гей-

дрих. Союз, позволивший в свое время устранить Рёма, таким образом, укрепился.

24 января Гитлер вернулся из Мюнхена, и Геринг тотчас рассказал ему все. Гитлер по обыкновению всплакнул, потом решил, что брак должен быть немедленно расторгнут. По совету Геринга Гитлер запретил Бломбергу появляться в канцелярии и надевать военную форму. Эта новость постепенно распространялась в высших армейских кругах. Возникло множество вопросов. Как могла состояться эта свадьба? Как допустила ее полиция, которая знала о прошлом невесты? Как Гитлер мог стать на ней свидетелем? Маршалы-министры, офицеры, верные традициям, обычно не посещают промышленные окраины или места, где обитают девицы вроде Евы, и тем более не ищут там себе жен. Кто же подставил старому наивному солдату молодую и смазливую проститутку, маленькую развратницу, где-то подобранную наудачу?

На все эти вопросы могли ответить Гиммлер, Гейдрих и Мюллер. Они могли сказать, почему не открыли ничего из прошлого Евы Грун, которую

знали давно. И почему они все это проигнорировали, хотя Центральное бюро по борьбе против непристойных изображений и текстов, арестовавшее Еву в 1933 году, находилось в ведении их преданного сотрудника и друга Артура Небе. Служба судебной антропометрии, располагавшая данными о приметах Евы, тоже зависела от этого человека. Даже если они просто забыли—а такую вероятность нельзя исключать—распорядиться о традиционном расследовании, как только было объявлено о бракосочетании, то сам Бломберг должен был бы обратиться к ним. Пусть и наивный, но фельдмаршал проявил некоторую щепетильность, прежде чем жениться на Еве, когда узнал кое-что о ее прошлом. Совершенно непонятно, почему он решил довериться не кому иному, как Герингу. «Могу ли я жениться на молодой женщине низкого происхождения?»—спросил он его. Толстый Герман успокоил: «Это будет очень хороший брак для партийной пропаганды. Женитесь смело на вашей “рабочей”. Поощренный этими дружескими словами, фельдмаршал снова пришел к нему через несколько недель. Его

невесту преследует один бывший ее “друг”. Он хотел бы, чтобы Герман тайно поручил полиции удалить этого навязчивого типа. И полиция действительно вмешалась. Но она забыла сообщить маршалу, что бывший любовник Евы был сутенером, известным ее службам, и что, заручившись его молчанием, она переправила его в Южную Америку, хорошо наполнив его кошелек и пригрозив, что с ним обойдутся круто, если он вздумает вернуться в Германию.

Таким образом, меры предосторожности были приняты, и бравый маршал мог спокойно вступать в брак. Однако все эти предосторожности оказались тщетными, иначе каким же чудом Гелльдорф сумел раскрыть тайну? Это злосчастное дело позволило провести широкомасштабную операцию, совершить государственный переворот в стиле господ с Принц-Альбрехтштрассе.

Бломберг укатил в Италию, освобождая путь для Геринга, который уже видел себя военным министром, и Гиммлера, который надеялся воспользоваться этим, чтобы войти в большую семью генералов. Его полки СС составляли чет-

верть вермахта. Трудно передать, как обрадовался Геринг, заполучив такие документы, ведь это означало, что Бломбергу придется уйти, и тогда пост главнокомандующего достанется ему, Герингу. А он так давно поставил себе эту цель. Бломберг, прервав медовый месяц в Италии, вернулся в Германию, чтобы похоронить мать. 20 января, не имея представления о том, какая каша вокруг него заварилась, он пришел в свой кабинет в военном министерстве и занялся делами.

Но заниматься ими долго ему не пришлось. 25 января Геринг представил взрывоопасный документ Гитлеру, который только что вернулся из Берхтесгадена. Фюрер пришел в бешенство—фельдмаршал обманул его! Он был свидетелем на свадьбе фельдмаршала, а теперь оказался в дурацком положении. Геринг быстро согласился с фюрером и вечером нанес Бломбергу визит и выложил все новости. Разоблачения прошлого его жены ошеломили фельдмаршала, и он готов был немедленно развестись с ней. Но Геринг вежливо пояснил, что этого недостаточно. Командование армии требовало отставки фельдмаршала. Как

следует из дневниковой записи Йодля, сделанной двумя днями позднее, начальник генерального штаба генерал Бек сказал Кейтелю: «Непозволительно, когда главнокомандующий женится на проститутке». 25 января Йодль узнал от Кейтеля, что фюрер уволил фельдмаршала. Через два дня шестидесятилетний опальный военачальник покинул Берлин и отправился на Капри, чтобы завершить свой медовый месяц.

Следом за ним на идиллический остров прибыл его морской адъютант, что добавило еще один гротескный штрих к этой трагикомедии. Адмирал Редер, напутствуя лейтенанта фон Вангенхайма, распорядился потребовать от Бломберга развестись с женой во имя спасения чести офицерского корпуса. Молодой морской офицер, будучи самонадеянным и необычайно ревностным служакой, по прибытии на остров предстал перед фельдмаршалом и сразу вышел за рамки инструкции: вместо того, чтобы предложить своему бывшему начальнику развод, он призвал его поступить в соответствии с кодексом чести и стал совать ему в руку револьвер. Несмотря на опалу,

жизнь фельдмаршалу не опротивела—вероятно, он все еще был влюблен в жену, невзирая на ее прошлое. Он не принял предложенного ему оружия, заметив, что у них с молодым морским офицером «различные взгляды на жизнь», о чем немедленно написал Кейтелю.

В конце концов, фюрер ведь пообещал вернуть его на высокую должность, едва скандал уляжется. Согласно дневнику Йодля, Гитлер сказал Бломбергу при его увольнении: «Как только пробьет час Германии, вы опять будете рядом со мной и все, что было раньше, забудется». Действительно, Бломберг писал в своих неопубликованных мемуарах, что во время их последней встречи Гитлер неоднократно подчеркивал, что в случае войны его снова назначат верховным главнокомандующим вооруженными силами. Однако, как многие другие обещания Гитлера, оно осталось невыполненным. Имя фельдмаршала Бломберга оказалось навсегда вычеркнуто из армейских списков. После нападения Германии на Польшу фельдмаршал просил фюрера доверить ему хотя бы корпус, но диктатор согла-

сил ся на это, только если Бломберг разведется. Он всю войну прожил с женой в Баварии и умер в Нюрнберге 13 марта 1946 года, где давал показания как свидетель на процессе против главных нацистских военных преступников.

Постепенно под понятие «проститутка» стало попадать все больше немецких женщин. К ним причислись женщины, болевшие венерическими болезнями; особы, которые вели асоциальный образ жизни. Тот, кто не хотел брать на вооружение моральные нормы нового режима, рисковал быть обвиненным в проституции. Женщин, ведущих беспорядочную половую жизнь, причисляли к категории так называемых HWG-персон. Собственно, для национал-социалистов не имелось никакой разницы между проститутками и HWG-персонами. Во время войны женщина, чей муж находился на фронте, могла попасть в концентрационный лагерь и вовсе за малую провинность. Она могла быть обвинена в подрыве боеспособности страны посредством заведения любовника! Подобное обвинение опять же приравнивало таких женщин к проституткам. Женщины, которые

не жаждали подчиняться нацистским представлениям о домохозяйке, рисковали попасть в отбросы женского рода, неспособные к созиданию и страдающие наследственными болезнями. Идеальная женщина должна шить, мыть, стирать и гладить. «Киндер, кляйде, кюхе—дети, платья, кухня»—вот ее удел. Те, кто не был согласен, могли попасть в исправительные заведения и даже быть стерилизованы.

Практика стерилизации проституток была введена в 1934 году. После этого их объявляли недееспособными. Но так как проституция не являлась достаточным обоснованием для насильственной стерилизации, обычно формальным поводом для этого становилось их «умственное слабоумие», что, в свою очередь, могло быть наследственной болезнью.

Несколько больше повезло тем женщинам, которые продавали свое тело, совмещая проституцию с государственными заданиями. Речь здесь идет прежде всего о пресловутом «Салоне Китти», воспетом в одноименной картине киномонстра от эротики Тинто Брасса. Вальтер Ше-

ленберг в своих мемуарах так описывал ситуацию с созданием этого «разведывательного» борделя:

«У меня раздавался телефонный звонок, и голосом, в котором звучали похотливые интонации, Гейдрих сообщал:

– Сегодня вечером мы должны отправиться вместе, в штатском. Сначала где-нибудь пообедаем, а потом пройдемся по значным местам.

Во время обеда его разговор становился неприличным. По мере того, как мы перебирались из кабачка в кабачок, он старался подпоить меня, но я всегда отнекивался, ссылаясь на то, что недостаточно хорошо себя чувствую, и ему ни разу это не удалось.

В один из вечеров у него зародилась идея, что для СД было бы неплохо организовать такое заведение, в котором можно было бы «развлекать» важных посетителей-иностранцев в неофициальной обстановке с помощью соблазнительного женского общества. В такой атмосфере, полагал он, даже самый чопорный дипломат неминуемо расслабится и выболтает полезные сведения.

ния.

Вскоре после этого я получил приказание Гсй-дриха создать такое «учреждение», поскольку все возрастающее количество иностранных дипломатов, прибывающих вместе со своим окружением в Германию, делало его создание почти общественной необходимостью. Это заведение должно было называться «Салон Китти».

Через посредничество внешне безобидного дельца был снят в аренду большой особняк в одном из фешенебельных районов Берлина. Меблировка и украшение дома осуществлялись под наблюдением одного крупного архитектора. После него за работу принялись технические специалисты. Для установки микрофонов были построены двойные стены. Микрофоны подсоединялись к звукозаписывающим аппаратам, которые регистрировали каждое слово, произнесенное в доме. Наблюдение за аппаратурой осуществляли три опытных техника из управления СД, с которых взяли клятву о соблюдении тайны. Мнимый владелец особняка был обеспечен необходимой домашней прислугой с тем, чтобы заведе-

ние могло отличаться великолепным обслуживанием, погребом и столом.

Следующей задачей было найти «хозяек дома». Шеленберг отказался иметь с этим что-либо общее, указав Гейдриху, что его отдел располагал такими ценными женщинами-агентами, которых направить на подобную работу он просто не мог. Один из подчиненных Гейдриха, Артур Небе, начальник уголовной полиции, ранее в течение многих лет работавший детективом по обнаружению тайных притонов разврата, согласился взять на себя выполнение этой задачи. Из крупнейших городов Европы он завербовал самых высококвалифицированных и образованных «дам полусвета». В своих мемуарах Шеленберг с сожалением констатировал, что довольно большое количество женщин из высших кругов германского общества также более чем охотно изъявили желание служить своей родине подобным образом.

«Салон Китти» определенно дал свои результаты: некоторые из гостей раскрыли удивительнейшие секреты, главным образом дипломатиче-

ские тайны, которые Гейдрих, со своей обычной хитростью, использовал против Риббентропа и его министерства иностранных дел, так как никто, даже сам Риббентроп, не знал, кому в действительности принадлежал «Салон Китти». Одним из наиболее крупных уловов оказался итальянский министр иностранных дел граф Чиано, посещавший этот салон вместе с другими важными дипломатами. Гейдрих, разумеется, не упускал возможности провести, как он говорил, «личное инспектирование» заведения.

Портрет в интерьере. Развод по-нацистски. (Герман Эссер)

Герман Эссер был одним из самых ранних товарищей Гитлера по нацистской партии. Более того, он был членом НСДАП № 2. В политической неразберихе первых послевоенных лет в Мюнхене Эссер оказался ловким тактиком и стал одним из самых верных сподвижников Гитлера (именно он впервые публично назвал Гитлера «фюрером»), привлекая, благодаря своему красноречию, на его сторону все новых и новых сторонников. Однако собственные интересы Эссер ставил превыше всего. Однажды, не получив вовремя своего партийного жалованья, Эссер пришел в ярость и заявил, что переметнется к коммунистам, если те пообещают ему хорошие заработки,

и раскроет для них все партийные секреты нацистов. Подобная угроза со стороны Эссера не удивила Гитлера. «Мне всегда было известно, что Эссер мошенник, – сказал Гитлер. – Но я вынужден использовать его, пока это необходимо. Мне приходится держать его при себе, потому что только таким образом я могу приглядывать за ним... Я использую его как оратора, оказывающего воздействие на определенный тип публики. Но я никогда не доверю ему политической власти»

Эссер принадлежал к очень маленькой группе жестких людей, которые не имели особых талантов, но продвинулись по партийной лестнице благодаря своей слепой преданности Гитлеру. Среди таковых мы увидим бывшего сержанта Макса Амана, мясника Ульриха Графа или вышибалу Христиана Вебера. Герман Эссер родился в 1900 году. От своих товарищей он отличался тем, что на собраниях одинаково хорошо говорил и работал кулаками. За ним давно уже закрепились репутация негодяя. О его любовных похождениях ходили самые невероятные истории. Нередко

он мог крутить роман с несколькими женщинами сразу. Политические теоретики вроде Антона Дрекслера или Грегора Штрассера считали его невыносимой обузой. Но Гитлер считал его очень полезным человеком.

Когда фюрер после провалившегося путча оказался в крепости Ландсберг, то руководство в партии попытались захватить Грегор Штрассер, генерал Людендорф и Альфред Розенберг. Этому решили воспротивиться Юлиус Штрейхер и Герман Эссер, которые решили сохранить преданность Гитлеру. Эти два персонажа стоили друг друга—оба, и Штрейхер, и Эссер, были просто зоологическими антисемитами. Они решительно воспротивились участию нацистов в парламентских выборах 1924 года, что очень устраивало Гитлера. После выхода из тюрьмы фюрер не забыл этой слепой преданности. Когда Дрекслер захотел исключить Эссера за аморальное поведение из партии, то Гитлер решительно отрезал: «Пошел к черту!». Эссер был оставлен в НСДАП. Лояльный негодяй для Гитлера был в то время важнее человека с собственным мнением.

9 марта 1933 года после прихода нацистов к власти в Баварии появился собственный национал-социалистический правительственный кабинет. В нем Герман Эссер получил пост министра экономики. Свой вклад в «ренессанс Баварии» он видел в том, что в ту же ночь вызвал к себе предыдущего министра, доктора Штюцле, и лил ему на ноги кипяток. В конечном счете, Штюцле был забит до смерти эсэсовцами 30 июня 1933 года. Тем временем Герман Эссер был выдвинут от Баварии на пост вице-президента немецкого рейхстага, который он должен был занимать наряду с Германом Геригном и Гансом Керрлем. Но это был неподходящий кандидат для канцелярской работы. В итоге он занял пост главы имперского туристического союза. Вопреки ожиданиям многих, Эссера не уволили и не лишили всех постов, хотя талантов у него не было никаких. Напротив, 27 января 1939 года Гитлер сделал его госсекретарем в имперском министерстве народного просвещения и пропаганды. Геббельс был не в восторге от такого подарка.

Но вернемся к личной жизни этого коричне-

вого ловеласа. К середине 30-х годов Эссер был одет уже не в коричневую форму штурмовика, а в штатский костюм. Но такая трансформация еще не значила, что он будет вести образ жизни, подобающий добропорядочному ветерану НСДАП.

5 июля 1923 года Герман Эссер женился на безупречной с нацистской точки зрения девушке Терезе Дайнингер. Год спустя у них родился сын, а в июне 1926 года появился второй. Но после трех лет семейной жизни Эссер исчерпал свой моногамный репертуар. И он заводит любовную связь с фрау Штрасмайер. Судя по тому, что в один момент он заразил свою любовницу гонореей, это была его далеко не единственная связь на стороне. Дело дошло до того, что об этом прискорбном факте фрау Штрасмайер сама сообщила фрау Эссер по телефону. Подобный поворот событий окончательно отбил желание у Эссера вести размеренный семейный образ жизни. Летом 1933 года, уже являясь министром, он покинул свою жену и сыновей. Весной 1934 года он вновь появился в своей семье, но вовсе не для того, чтобы покаяться. Он просто бросил фрау

Штрасмайер, которая ждала от него ребенка. Но семейная жизнь не наладилась. У Эссера назревает новый роман с девушкой по имени Анна Бахерль. Их отношения завязались, наверное, еще в 1933 году. Осенью 1934 года Герман Эссер вновь покидает семью. В 1935 года эта девушка родила от него мальчика.

После интрижки с фрау Штрасмайер, которая длилась семь лет, Эссер решил придать себе некую респектабельность и подал прошение о разводе. Но оно было отклонено, а самому Эссеру было рекомендовано вернуться в семью. Но Эссер не отказался от своей затеи. В 1935 году он вновь подает прошение. Снова безрезультатно. Попытка повторилась несколько лет спустя. На это раз Берлинский суд преподнес ему некий подарок на Рождество—23 декабря 1938 года он получил свой долгожданный развод. Но на этот раз в дело вмешалась его жена. Она подала кассацию. 17 марта 1939 года развод был аннулирован. В дело вмешалась политика. Кассационный суд принял во внимание, что «Тереза Эссер была честной и порядочной женщиной, кото-

рая являлась верным товарищем своего супруга в период борьбы». Герман Эссер вновь стал добиваться развода. На этот раз он напирал на то, что занимает ответственный пост в министерстве Геббельса. Развод ему вновь дали. Тяжба затянулась. С юридической точки зрения закон был на стороне Германа Эссера, так как в соответствии с § 55 нового законодательства о браке такой брак не подлежал восстановлению, а примирение с Терезой было вряд ли возможно. Желание же Эссера жениться на Анне Бахерль, матери его троих незаконнорожденных детей, вполне соответствовало интересам национал-социалистического общества. Неизвестно, сколько бы длилась эта судебная тяжба, но Герман Эссер вовремя решил обратиться к Гансу Генриху Ламмерсу, руководителю канцелярии фюрера. Тот, в свою очередь, рассказал об этом недоразумении самому Гитлеру. Гитлер оказался изумленным, что развод Эссера превратился в такую проблему. 23 ноября 1938 года Ламмерс ознакомил имперского министра юстиции Франца Гюртнера с распоряжением фюрера дать развод Эссеру. При этом было

подчеркнуто, что суду надлежало проявлять заботу не об уже давно распавшихся семьях, а о создании новых, более крепких. Не стоило придавать слишком много веса узам формального брака. Судьба семьи Эссеров была решена, ведь, еще в 1936 году руководитель нацистских юристов Ганс Франк выпустил директиву, что решения фюрера являются выше всяких законов.

Глава 10. Разноликая война

Тема солдатского секса на фронте неизменно касается двух табу, которые нам придется нарушить. Во-первых, это неизменно связано с геноцидом и до сих пор идущими спорами о преступлениях вермахта. В Германии вообще долгое время по моральным соображениям не говорилось об изнасилованиях, совершенных немецкими солдатами, и фактах их сожительства с женщинами оккупированных территорий. В странах, воевавших в годы в Второй мировой войны против Гитлера, эта тематику тоже нельзя назвать популярной. Это связано со второй проблемой. В бывших оккупированных странах женщины, «путавшиеся» с ненавистными оккупантами, являлись национальным позором.

Не стоит забывать, что меры наказания против «немецких проституток» были просто драконовскими, а потому сегодня эту тему пытаются по возможности обходить стороной. Научные работы по этой теме настолько редки, что их можно пересчитать по пальцам одной руки. Однако со временем, когда затянулись раны войны, эта тема стала притягивать к себе самое пристальное

внимание.

На Западе оккупанты и жители оккупированных территорий в течение долго времени жили бок об бок. Как заметил один исследователь, когда они шли по тротуару, то при желании могли даже уступить друг другу дорогу. На восточном фронте насилие было осознанным средством ведения войны. Но многие совершившие здесь преступления молчали. Равно как из стыда молчали и их жертвы. Здесь шла беспощадная война на уничтожение. Именно поэтому до сих пор, спустя столько лет, многие историки считают изучение этой темы нетактичным и даже неприемлемым. Эта сторона войны для каждой из сторон оказалась ужасным, неизгладимым и шокирующим переживанием.

В оккупированных западных странах сложился невероятный феномен, который получил название «захватчики любят побежденных». Нигде в других местах нельзя было найти подобных проявлений. На это есть банальная и жестокая причина. Банальная причина: война в Бельгии, Франции, Голландии, Дании и Норве-

гии была скоротечной. Солдаты, не задействованные в длительных военных операциях, были расквартированы надолго и не планировали покидать свое место приписки. На восточном фронте, напротив, война была в самом разгаре. Военные группировки перебрасывались с места на место. Постоянной линии фронта на восточном фронте не было никогда, а потому в любом месте немецкие солдаты располагались только временно. Немецкие подразделения, находившиеся в 1940–1944 годах на Западе, называли свою службу «шампанской кампанией». Жизнь была достаточно спокойной. Она почти не напоминала о войне.

Теперь о жестокой причине. На востоке вермахт был втянут в планомерную кампанию по уничтожению местного населения. Западные оккупированные страны с точки зрения нацистской верхушки вполне соответствовали арийским идеалам. Правда, не было полной ясности в отношении французов, которые для бывшего ефрейтора Адольфа Гитлера были смертельным врагом немецкого народа. Однако даже здесь, во Фран-

ции, контакты с местным населением вовсе не возбуждались. В других странах они даже приветствовались. В то время верхушка рейха вынашивала идею создания «Великой германской империи», в рамках которой жители западных стран рассматривались как равнозначный немцам расовой компонент. Дабы не вызвать ненужной напряженности у «братских германских народов», немецкие солдаты пытались в личном общении вести себя сдержанно. По крайней мере, это наблюдалось в Скандинавии, Бельгии и Голландии. Норвежцы язвительно замечали, что солдаты вермахта вели себя как «бойскауты». Но еще раз подчеркну, это относилось только к западным странам. Но что касалось Восточного фронта, зверств нацистов здесь никто не оспаривает.

Хочется привести цитату одного современника. «Когда мне говорят, что Франция ждала Освобождения, мне искренне кажется, что это неправда, – писал режиссер Франсуа Трюффо. – Я видел вокруг много безразличия. Люди ходили в театры, в кино, во время войны было очень

много зрелищ. Была и кровь, выстрелы, сведение счетов, много любовных историй. Существует сексуальный аспект оккупации, о котором не говорят никогда».

Только в 1998 году увидела свет работа Эббы Дрольсхаген, норвежской писательницы немецкого происхождения. Эта книга называлась «Остриженные и не оставленные в покое» и состояла почти целиком из интервью с норвежскими женщинами, которые в годы оккупации поддерживали любовные связи с солдатами вермахта. Дрольсхаген пыталась установить, сколько же норвежек имели роман с немецкими солдатами.

«Остриженные и не оставленные в покое» достаточно двойственное и символическое название. Дело в том, что после освобождения оккупированных территорий «немецкие шлюхи», как нередко называли девушек, сожительствовавших с немцами, брили наголо и выставляли напоказ возмущенной толпе. Одна из свидетельниц этого писала: «Брить девушку за то, что она любила официального врага своей страны, явление абсолютно глупое и чудовищное». Это было во-

все не порывом чувств, вызванных долгожданным освобождением. Подобные эксцессы были в какой-то мере оправданы в первые сумбурные дни после освобождения, так как они совершались в определенном аффекте. Но упоминания о подобных мерах наказания мы можем найти в заметках, которые были напечатаны газетами чуть ли не в 1946 году! Вот один пример из норвежской газеты: «К сожалению, случается, что люди сами берут себе в руки право карать мелких изменников родины. Так произошло, например, и с фрау Лоддефьорд. В субботу группа юношей что-то праздновала, когда зашла речь об этой женщине, вышедшей замуж за немца. Было предложено побрить ее наголо, что подвыпившая кампания единодушно поддержала. Группа переместилась к дому, где жила эта женщина. Она заперла дверь и попыталась откупиться. Но это не возымело действия. Юноши взобрались на балкон и в лучших традициях диверсантов захватили дом. Женщина предвидела свою участь. Она разрешила трем юношам сбрить свои волосы. Она была острижена по всем правилам искусства. Кто-

то из кампании захотел сфотографировать ее. Но женщина набросилась на этого юношу и его попытка оказалась безрезультатной. В то же мгновение прогрехотало три выстрела. Это кампания, в манере союзников, давала салют победы. Мы, конечно, не говорим, что совершенное ими—это хорошо. Но история нам показалась настолько забавной, что мы не могли скрыть ее от своих читателей».

Американская военная оккупационная администрация в послевоенное время столкнулась с крупной проблемой— контактами американских солдат с немецкими девушками. Подобные связи просто вызвали эпидемию венерических болезней. Комический армейский журнал «Звезды и полосы» в своих многочисленных публикациях выводил фигуру отвратительной, грязной и злой немецкой девушки по имени Вероника Данкешён. Имя с двойным подтекстом. Кроме откровенно немецкого звучания, начальные буквы ее имени и фамилии—VD—в англосаксонских странах являлись общепринятым обозначением венерических болезней (venereal diseases). Этот журнал

предупреждал американских солдат: «Красивая девушка—это как мелодия. Но красивая немецкая девушка—это и похоронный марш. Она ненавидит тебя. Как ненавидит и ее брат, который борется против тебя. Как Гитлер, который жаждет всего мира. Так что—никакого братания».

Военная администрация союзников боялась по большому счету только двух вещей—венерических болезней и нацистской пропаганды. Там полагали, что уже, по сути, разгромленные немцы могли прибегнуть к коварной тактике «троянского коня» и ослабить американскую армию.

Но вернемся к солдатам вермахта. После войны в только что освобожденных западных странах стала проводиться кампания по депортации «немецких девиц» вместе с их детьми в Германию. Обоснование для этих действий по злой иронии судьбы звучало вполне по-нацистски. «Общество прибегает к таким мерам, чтобы сохранить чистоту рода», — писала одна норвежская ежедневная газета. Иногда даже употреблялось не менее нацистское словосочетание—

«расовый позор». В понимании многих мужчин тело женщины являлось политическим оружием, которое должно было быть обращено против врага. Во время войны вся личная жизнь становилась политическим явлением, и отделить их друг от друга было очень затруднительно.

Так насколько были распространены связи между немцами и жительницами оккупированных территорий? Но сначала посмотрим на структуру населения оккупированных стран. На Нормандских островах соотношение оккупантов и гражданского населения составляло 1:1. В Норвегии была другая пропорция—1:8. В отдаленных северных областях страны мы могли увидеть совсем другую картину—на 10 немецких солдат приходился один (!) местный житель. Вообще на Норвегию при населении в 3,2 миллиона человек приходилась полумиллионная немецкая военная группировка. В этих условиях даже при всем желании нельзя было избежать контактов. Эбба Дрольсхаген как-то процитировала одну женщину, жившую на острове Джерси: «Можно и не ссориться, если прожить пять лет

бок о бок». Немцы, которые находились там, были любезны и вежливы. Они вовсе не нанизывали младенцев на штыки, как это любила изображать английская пропаганда. Французская писательница Симона де Бефойр восторгалась в своих дневниках периода войны: «Какое фантастическое приключение досталась этим молодым немцам—быть победителями Франции. Один месяц они наступали невредимыми, накормленные, хорошо одетые, державшиеся как избранная раса». Рвение немецких солдат, согласно Симоне де Бефойр, было «совершенно изящно», а сами они проявляли «спонтанную, дружелюбную и открытую любезность». «Водители немецких грузовиков были в высшей мере симпатичны, предупредительны и максимально тактичны. Они были готовы помочь, даже не проявляя никаких намерений познакомиться. Они как бы воплощали собой немецкое великодушие».

Но чтобы отвлечься от лирики, необходимо обратиться к такой сухой науке, как статистика. Опросы среди американских солдат, вернувшихся из Германии, показали, что трое из четверых

имели сексуальные связи с немками. В отношении немецких солдат придется опираться на менее точные, но с научной точки зрения безукоризненные медико-социологические подсчеты. Они основываются на данных о рождении детей в оккупированных странах, чьими отцами были немцы.

Возьмем, к примеру, Данию. Как правило, один ребенок приходился на десять существующих немецко-датских пар. К концу войны от таких связей было рождено 5500 детей. По крайней мере именно у такого количества младенцев официальным отцом являлся немец. Значит, где-то 40–60 тысяч датских девушек имели половые отношения с оккупантами. В условиях, когда в то время в Дании проживало около полумиллиона девушек и женщин в возрасте 15–30 лет, получается, что каждая десятая датчанка сожительствовала с немцами. В Норвегии, обнаружим схожую картину. В 1989 году были опубликованы сведения о том, что после войны около 40–50 тысяч норвежек услышали в свой адрес ругательство «тусекртос». Это словечко, до сих пор име-

ет оскорбительный оттенок. Если учесть, что в стране проживало 400 тысяч женщин обозначенного возраста, то мы увидим, что и здесь в связь с оккупантами вступала каждая десятая женщина. На фоне этих подсчетов и сведений кажется абсурдным сообщение лондонского радио о том, что всего лишь 400 норвежек «предали свою нацию и флиртовали с врагом».

Но последние расчеты, произведенные в Норвегии, показали, что половые связи с немцами поддерживало 80–90 тысяч тамошних девушек. Получается, что почти каждая пятая молодая норвежская женщина имела немецкого возлюбленного! Между Данией и Норвегией было одно принципиальное различие. Дания была более прогрессивной страной, в ней были хорошо известны способы контрацепции, реклама противозачаточных средств не была чем-то зазорным. Норвегия же, напротив, была крестьянской страной, где, как и стоило предполагать, господствовали патриархальные устои. Кроме того, норвежские женщины, родившие детей от немцев, получали финансовую поддержку от оккупационных

властей. Это был достаточный стимул для того, чтобы указывать в качестве отца ребенка немецкого солдата или офицера. В Дании такое правило не действовало, а потому там особенно не стремились указывать на отцовство новорожденного. К тому же общественное мнение в Дании не было расположено приветствовать такие связи. Полиция Дании уже в сентябре 1940 года зарегистрировала первые случаи срезания волос у девушек, «путавшихся» с немцами. Девушки, сожительствовавшие с немцами, в Дании в самого начала воспринимались как «падшие».

Однако трактовка этих подсчетов затруднительна, так как очень сложно вписать в официальную статистику внебрачных детей. Дрольсхаген утверждает, что почти 50 % внебрачных детей в Норвегии было рождено от оккупантов. Действительно, с началом оккупации этот показатель значительно вырос. Это касается и Нормандских островов. На Джерси количество внебрачных детей выросло вдвое, а на Гернси — вчетверо! Нередко о немецком отцовстве даже не считали нужным умалчивать.

Немецкие оккупационные власти не предпринимали ничего, чтобы помешать этим связям. Нередко, руководствуясь арийским мировоззрением национал-социализма, они даже приветствовали любовные интрижки своих солдат. Оккупационная политика, по замыслу нацистской верхушки, лишь ненадолго должна была исходить из военных и экономических интересов, в перспективе она должна была свестись к демографической политике, целью которой провозглашалось «возрождение германской расы». Например, Генрих Гиммлер вынашивал мысль о гомогенной «Германской империи», где ценные, с расовой точки зрения, «братские» народы должны были быть перемешаны между собой.

Впрочем, вскоре внебрачные дети немецких солдат стали создавать проблемы. В начале 1941 года прагматично мыслящее командование вермахта предложило урегулировать в суде спорные вопросы отцовства, которые все чаще и чаще стали возникать в оккупированных Норвегии, Нидерландах, Бельгии, Франции и Нормандских островах. Гитлер согласился с этим предложе-

нием. Но поскольку для него речь шла о важнейшем расово-политическом вопросе, решение было принято в специфической форме. Сначала Гитлер хотел урегулировать вопрос отцовства в Норвегии и Голландии. В июле 1942 было решено, что норвежские и голландские молодые матери, засвидетельствовавшие немецкое отцовство своего ребенка, могли пользоваться особыми условиями проживания и специальным обслуживанием. Это касалось выплаты денежного пособия, размещения в клиниках и больницах, поиска более привилегированной работы.

«Биологическая структура» германской расы должна была в том числе поддерживаться активными мероприятиями «Лебенсборна». В «Лебенсборне» в качестве повода для распространения своей работы на оккупированные немцами территории использовали решение Гитлера, принятое в июле 1942 года. Руководитель этого эсэсовского проекта Грегор Эбнер с радостью воспринял решение о расширении своей деятельности и начале работы в Норвегии. Он планировал, что сможет перевести норвежских матерей и

их детей на юг Германии, который он считал расово отсталым. Скандинавские женщины должны были укрепить расовую структуру Германии. Гиммлер был восхищен этой затеей. Он хотел начать активную германизацию внебрачных детей, рожденных в Скандинавии и Голландии. С этой целью он распорядился переселить в Германию около 2000 норвежских женщин. Кроме этого пятью авиатранспортом в немецкие структуры «Лебенсборна» было вывезено около 250 норвежских детей. Во время Нюрнбергского трибунала инициаторы этой акции оправдывались, что эти действия происходили с согласия норвежских женщин и норвежского судебного департамента, а стало быть, полностью соответствовали букве закона. Тем временем «Лебенсборн» появился и в самой Норвегии, до конца войны там было открыто девять родильных и детских домов. В них было рождено около 6000 детей. Все это позволило рассматривать Норвегию как расовый резерв Третьего рейха.

Дания также входила в расовые планы нацистов. Командование вермахта сообщало в мини-

стерство иностранных дел, что в период с сентября 1941 по сентябрь 1942 года в Дании официально зафиксировано 700 случаев рождения детей от немецких военнослужащих. Реальная же цифра была куда как больше! Теперь датские женщины получили такие же привилегии, как норвежки и голландки, родившие от немецких солдат. Однако, «Лебенсборн» в этой стране возник только накануне капитуляции Германии в мае 1945 года. После крушения Третьего рейха этот филиал «Лебенсборна» был передан Красному Кресту как гинекологическая клиника для немецких беженцев. В Бельгии филиал «Лебенсборна» — «Арденны» открылся в марте 1943 года. В нем предполагалось обслуживание 30 матерей. Впрочем, это заведение у бельгийцев было настолько непопулярным, что его руководство вынуждено было запросить у СС вооруженную охрану. К тому же немецкий персонал всегда недоверчиво относился к бельгийским сотрудникам. Когда в том филиале наступила смерть одного из немногих немецких детей и было установлено, что он был задушен — под подозрение тут же попали все бель-

гийские санитарки. Как оказалось, смерть произошла по недосмотру одной из немецких медицинских сестер. Но даже результаты расследования не сняли напряженность в этом заведении.

По сведениям эсэсовских структур, во Франции к октябрю 1943 года число внебрачных детей немецкого происхождения достигло 85 тысяч. Цифра ничем не подтвержденная и необоснованная, но в любом случае руководство СС настаивало на открытии во Франции филиала «Лебенсборна». Заведение «Вестланд» было открыто в феврале 1944 года под Парижем. Однако его деятельность продолжалась всего лишь несколько месяцев. В июне 1944 года союзники высадились в Нормандии, и его работа была прекращена.

Учреждения вермахта обращали очень большое внимание на внебрачных детей своих солдат. Полевая комендатура 515, базировавшаяся на острове Джерси, всерьез опасалась за судьбу детей, когда немецкая сторона отказалась от их содержания. Летом 1943 года комендант этого острова писал: «Кругом северный тип. Речь идет о безупречных с расовой точки зрения де-

тях и матерях. Можно полагать, что речь идет о более расово ценном материале, чем во Франции». Также комендант указывал, что матери 60 из 80 внебрачных немецких детей столкнулись с крайне враждебным отношением местного населения. Поскольку обозначенные женщины вполне сносно объяснялись по-немецки, то было предложено переселить их в Германию.

Впрочем, взаимоотношения оккупантов и местных жителей не стоит идеализировать даже на Западе. Немецкая армия творила зверства не только на Востоке. На Нюрнбергском трибунале рассматривались массовые случаи насилия. Во Франции военное руководство само командовало изнасилованиями в рамках карательных акций против Сопротивления. «В одно из мест приехала команда СС. Она проводила карательную акцию в одной крестьянской усадьбе, где долгое время скрывались два участника Сопротивления. Но поскольку эсэсовцы не смогли их арестовать, то они сорвали свой гнев на хозяевах. Их изнасиловали, истязали ножом, после чего расстреляли из пулемета. Этого им показалось мало, и эсэсов-

цы распяли на дверях усадьбы трехлетнего сына казненных хозяев».

На Восточном фронте также были неоднократные случаи контактов между немецкими солдатами и местными женщинами. Но эти связи не имели ничего общего со странной военной романтикой, которую можно было встретить на Западе. Мясорубка Восточного фронта мало походила на «шампанскую кампанию». Если война на Западе была жесткой, то боевые действия на Восточном фронте были не чем иным, как машинным способом уничтожения человека, где даже сексуальные отношения являлись инструментом истребления. Немецкая армия на Востоке вела истребительную войну не только против военных частей противника, но и против гражданского населения. В этих условиях генерал Вильгельм Кейтель требовал, чтобы «в этой борьбе любые средства применялись даже против женщин и детей, если это только способствовало победе».

На Нюрнбергском процессе немецкая армия была обвинена в многочисленных преступлениях, совершенных в СССР, в том числе и массовых

изнасилованиях. Но свидетели, участники и пострадавшие неохотно распространялись об этих зверствах. В Германии до сих пор не принято говорить, что сексуальное насилие над женщинами было одним из аспектов ведения боевых действий. По выражению одного из историков, немцы предприняли «психическую и культурную блокаду» в этом вопросе.

Однако в ходе «тотальной войны» уничтожаться должен был не только военный потенциал противника, но и его моральный дух. Для этого все средства были хороши. Изнасилования женщин разрешались как само собой разумеющиеся действия. Немецким солдатам внушали, что «в борьбе для достижения успеха любые средства хороши и необходимы». В ноте 6 января 1942 года Народный комиссар иностранных дел В.М. Молотовым говорил: «Нет предела народному гневу и возмущению, которые вызывают во всем советском населении и в Красной Армии бесчисленные факты подлых насилий, гнусного глумления над женской честью». Это только официальная реакция. Но до нас дошли много-

численные свидетельства, на которые сейчас в Германии предпочитают закрывать глаза.

Советские обвинители на Нюрнбергском трибунале в 1946 году представили многочисленные доказательства сексуальных преступлений, совершенных оккупантами на территории СССР. Ужасающие примеры. «В селе Семеновское Калининской области немцы изнасиловали двадцатипятилетнюю Ольгу Тихонову, жену красноармейца, мать троих детей, находившуюся в последней стадии беременности, причем шпагатом связали ей руки. После изнасилования немцы перерезали ей горло, прокололи обе груди и садистски высверлили их.

Освобожденная в начале сентября нашими войсками деревня Басманово Глинковского района Смоленской области после хозяйничанья немцев представляла собой сплошное пепелище. В первый же день фашистские изверги выгнали в поле более 200 школьников и школьниц, приехавших в деревню на уборку урожая, окружили их и зверски перестреляли. Большую группу школьниц они вывезли в свой тыл «для господ офице-

ров».

В украинском селе Бородаевка Днепропетровской области фашисты изнасиловали поголовно всех женщин и девушек. В деревне Березовка Смоленской области пьяные немецкие солдаты изнасиловали и увезли с собой всех женщин и девушек в возрасте от 16 до 30 лет. Повсеместно озверевшие немецкие бандиты врываются в дома, насиловуют женщин, девушек на глазах у их родных и их детей, глумятся над изнасилованными и зверски тут же расправляются со своими жертвами. В городе Львове 32 работницы львовской швейной фабрики были изнасилованы и затем убиты германскими штурмовиками. Пьяные немецкие солдаты затаскивали львовских девушек и молодых женщин в парк Костюшко и зверски насиловали их. Старика-священника В. Л. Помазнева, который с крестом в руках пытался предотвратить насилие над девушками, фашисты избили, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком. В Белоруссии, возле города Борисова, в руки гитлеровцев попали 75 женщин и девушек, бежавших при приближе-

нии немецких войск. Немцы изнасиловали, затем зверски убили 36 женщин и девушек. Шестнадцатилетнюю девушку Л. И. Мельчукову по приказу немецкого офицера Гуммера солдаты увели в лес, где изнасиловали. Спустя некоторое время другие женщины, также отведенные в лес, увидели, что около деревьев стоят доски, а к доскам штыками приколоты умирающая Мельчукова, у которой немцы на глазах других женщин, в частности В. И. Альперенко и В. М. Березниковой, отрезали груди.

В городе Тихвине Ленинградской области пятнадцатилетняя М. Молодецкая, будучи ранена осколком, была привезена в госпиталь (бывший монастырь), где находились раненые немецкие солдаты. Несмотря на ранение, Молодецкая была изнасилована группой немецких солдат, что явилось причиной ее смерти».

Уничтожение оккупантами населения русских, польских и чешских территорий шло в два этапа. Убийство еврейского населения следовало за первым туром грабежа и насилия. Вначале расправлялись с евреями. София Глюшкина

вспоминала о немецком терроре: «Следующей ночью в 2 часа они снова постучались в дверь. Вошел комендант и направился к жене недавно казненного еврея. После ужасной кончины своего супруга она не переставала рыдать. Плакали также ее трое детей. Их вывели. Мы думали, что их убьют. Но немцы оказались еще большими изуверами. Их сначала изнасиловали внизу во дворе».

Многочисленные свидетельства говорят о том, что расовые принципы «коричневой империи» не удерживали солдат от изнасилования женщин «низших рас». Заседание судейской коллегии СС в 1943 году пришло к выводу, что в соответствии с нюрнбергскими расовыми законами наказанию должен был подвергнуться каждый второй эсэсовский чин. Для Ваффен-СС нарушение этих законов каралось смертной казнью, о чем говорилось в многочисленных директивах Генриха Гиммлера. Тем не менее эти распоряжения не выполнялись. Комендант эсэсовцев, базировавшихся в Латвии, заявлял, что для них эти приказы не имели силы.

Если дело и доходило до суда, то наказания

для эсэсовцев и немецких солдат были смехотворными. Так, например, после изнасилования 70-летней русской старухи и ее дочерей наказание девяти эсэсовцев заключалась лишь в переводе в другую воинскую часть. В другом случае трое немецких военнослужащих после изнасилования русской девушки были всего лишь понижены в звании.

На Западе за подобные преступления офицеры и солдаты несли куда более строгое наказание. За примерами далеко ходить не стоит. За изнасилование француженки один немецкий офицер был приговорен к пяти годам концентрационного лагеря.

Безнаказанность немецких солдат и эсэсовцев только потворствовала сексуальному насилию. В Польше немецкие оккупанты каждую ночь предпринимали вылазки в еврейские гетто. Не стеснялись они и днем. Они заставляли раздеваться попавшихся женщин и девушек, приказывая им лечь на землю. После этого наиболее привлекательные насиловались самым грязным образом.

Еврейский гинеколог в Варшавском гетто свидетельствовал следующее: «Массовые изнасилования происходили в стекольном магазине на улице Свитокер. Немцы прямо на улице хватали самых красивых и здоровых девушек, заставляя их упаковывать в магазине зеркала. Когда девушки завершали работу, их насиловали». На улице Франциска в Варшавском гетто немецкие офицеры взяли в заложницы сорок еврейский женщин. Их затащили в один из домов, заставили напиться и танцевать голыми, после чего их изнасиловали.

На фоне этих преступлений вопрос: возможно ли вообще, чтобы имелись добровольные сексуальные контакты между немецкими солдатами и гражданским населением? — кажется циничным.

Настоящие любовные связи в преобладающем большинстве были просто невозможны. Если принимать во внимание идеологию СС и вермахта, то действия оккупантов вылились в отвратительнейший коктейль и военного насилия, презрения к женщинам и расизма. Так как на Восточном фронте шли постоянные бои и воен-

ные части надолго не задерживались в одном месте, не могло быть и речи о возникновении подобия мирной жизни, которое мы могли наблюдать на Западе. Немногие добровольные сексуальные контакты, которые все-таки имелись, предпочитали не афишировать. Сами немецкие солдаты опасались строжайших наказаний за «братание с представителями низших рас». Сами женщины тоже не собирались распространяться о подобных связях, так как в конце войны и на Востоке, и на Западе они могли подвергнуться суровым репрессиям со стороны своих же соотечественников. Многие наши сограждане, пригнанные в годы войны на принудительные работы в Германию, после 1945 года оказались в сталинских лагерях. Они воспринимались как политически неблагонадежные люди, так как имели контакты с немцами. Принудительность выселения, как правило, не бралась в расчет

Чувства стыда и страха перед политическими репрессиями заставили на десятилетия замолчать женщин Восточной Европы. И до сих пор у нас не принято говорить о добровольном сожи-

тельстве с немецкими солдатами. Как ни парадоксально, но в отличие от западных стран у нас до сих пор не имеется ни одного научного исследования по данной тематике, по этой проблеме не ведутся общественные дискуссии. Единственным источником, проливающим свет на сексуальные преступления оккупантов, являются документы, представленные советскими обвинителями на Нюрнбергском трибунале. Но все это можно объяснить—никто не заинтересован вытаскивать на белый свет грязное белье, и уж тем более никто не жаждал вновь возвращаться к болезненным воспоминаниям. О подобных связях пытались забыть сразу же после окончания войны. Приведу шокирующий пример. Прижитого в годы войны «немчонка» женщины далеко не всегда оставляли в живых. Известны случаи, когда мать собственноручно убивала младенца, потому что он «сын врага». В одном из партизанских воспоминаний описан подобный случай. За три года, пока в деревне «столовались» немцы, русская женщина прижила от них троих детей. В первый же день после прихода советских войск

она вынесла свое потомство на дорогу, положила рядом и с криком: «Смерть немецким оккупантам!» разбила всем головы булыжником...

Отсутствие обсуждения по этой тематике в России привело к тому, что в Германии до сих пор отказываются признать свою ответственность за сексуальное насилие, которое творили немецкие солдаты на территории СССР. Видимо, эта щекотливая тема ждет своего часа, когда уйдут из жизни те, кого она касается. Не стоит забывать, что для старшего поколения немцев сексуальные преступления во время войны ассоциируются с «Иваном, насилующим женщин», а вовсе не с доблестными солдатами немецкой армии. Это был некий эффект замещения, шоры, за которые пытались спрятаться немцы. Нельзя отрицать, что бойцы Красной Армии не раз совершали эксцессы на оккупированной немецкой территории. Но они были всего лишь ответной реакцией на зверства, совершенные немцами, которые развязали Вторую мировую войну.

По мнению военного социолога Рут Зайферт, изнасилование является крайним актом насилия,

который осуществлен сексуальными средствами. Для фрау Зайферт сексуальное насилие в годы войны было всего лишь проявлением многовекового враждебного отношения мужчины в отношении женщины. Изнасилование—это всего лишь попытка унижить женщину и сделать ее покорной. Война, насилие и показная мужественность всегда шли рука об руку. Поэтому насилие как бы уже заложено в саму внутреннюю структуру армии.

Это, конечно, не значит, что каждый солдат станет насильником. Тем не менее война благоприятствует сексуальному насилию. В этом отношении Вторая мировая война ничем не отличается от современной ситуации на Балканах. Сразу же после окончания боевых действий завоеватель берет на себя «традиционное право» изливать свою ненависть на побежденных и их женщин. Как немецкие солдаты творили сексуальное насилие над женщинами России, Франции, Белоруссии, Украины, так американские, британские, французские и русские солдаты ответили подобными же действиями на занятой территории Гер-

мании. По большому счету изнасилования немецких женщин были всего лишь мстью за то, что нацистский режим во время войны творил на оккупированных территориях.

Пик сексуального насилия приходился на апрель—май 1945 года. Третий рейх бился в агонии, и война подходила к концу. В определенной степени этот сюжет выходит за рамки этой книги, но мы все равно остановимся на нем. Массовые изнасилования в основном состоялись в Берлине весной 1945 года. После себя они оставили глубокие следы в коллективной памяти немцев. Но в отличие от сексуальных преступлений, совершенных немцами на восточных оккупированных территориях, этот сюжет хорошо изучен в Германии. Причина этого интереса кроется в политике Федерального министерства беженцев и инвалидов войны, которое в свое время проявило повышенный интерес к «насилию, творимому Красной Армией», что должно было содействовать более активному переселению немцев в западную зону оккупации. В десяти огромных томах содержится множество свидетельств о бесчислен-

ных злоупотреблениях красноармейцев. О сексуальном насилии даже был снят фильм. Режиссер Хейке Сандер назвал его «Освободители и освобожденные». В своем пояснении к этой ленте он говорил: «Немецкие женщины и девушки насильовались русскими, поляками, французами и американцами, а во время отступления немецкой армии даже чехами, сербами и словаками».

Берлин в конце апреля 1945 года. Там, где когда-то стояли дома и магазины, сейчас находятся выгоревшие руины. Солдаты Красной Армии наносят последний удар в сердце Третьего рейха. По растерзанным улицам между развалинами домов и обгоревшими танками передвигаются массы людей. Усталые, разочарованные женщины тащат за собой нагруженные доверху каким-то скарбом тележки, тачки и детские коляски. За ними следуют испачканные детишки.

Беглецы сообщают жителям Берлина, что авангард Красной Армии ведет себя прилично и был крайне дисциплинированным, но прибывающие за ним воинские части тут же начинают грабежи и насилие. Слухи о насилиях «вар-

варов с востока» с быстротой молнии распространяются по разрушенной немецкой столице. Красноармейцев представляют в соответствии с клише, навязанными нацистской пропагандой—раскосый монголоид, убивающий детей. Истери-ческий страх перед русскими не идет ни в какое сравнение с ужасами войны последних месяцев. Йозеф Геббельс знал свое дело—он накрепко вбил в немецкие мозги образ восточного недочеловека с окровавленными по локоть руками. В последние дни войны нацистские агитаторы сознательно сеяли панику среди населения.

Когда наша армия заняла Берлин, опасения немцев во многом оправдались. Что это было горьким уроком истории, справедливым возмездием за высокомерие Третьего рейха, плата за военное безумие Гитлера? Не будем давать ответ на этот вопрос. Отмечу лишь, что в конце апреля 1945 года Берлин не был способен к защите. В немецкой столице почти не осталось мужчин. Из 2 700 000 тогдашних жителей Берлина, почти 2 миллиона составляли женщины. Остальными были дряхлые старики и дети. Если верить

немецкой статистике, то между 24 апреля и 3 мая 1945 года жертвами сексуального насилия стали 110 000 немецких женщин. Некоторые из них подверглись насилию не раз. Впрочем, эта цифра никак не обосновывается. Не исключено, что она была использована западными странами для антисоветской пропаганды. К тому же не стоит забывать, что многие немецкие женщины сожительствовали с советскими солдатами и офицерами, чтобы защитить жизнь своих детей, супругов, братьев и друзей. Нередко офицеры склоняли немок к сожительству под угрозами высылки в Сибирь. Но сама эта цифра кажется весьма сомнительной. Причин для этого несколько. Обычно массовые насилия происходили после окончания боевых действий. Тут же немецкие сведения указывают на период самых ожесточенных боев в Берлине. К тому же сами немцы говорили о дисциплинированности передовых частей Красной Армии. Помножим этот факт на кровопролитные бои, и мы получим, что 110 тысяч изнасилованных женщин наверняка являются выдумкой.

Но после окончания войны в советской оккупационной зоне—в Померании и Восточной Пруссии—число жертв насилия становится еще больше. Так как в деревне вряд ли имелась возможность спрятаться, то в сельских районах женщины пострадали сильнее, чем в городах. В Восточной Пруссии акты насилия стали проявляться уже в конце 1944 года. В целом при наступлении на Берлин пострадало 1900 женщин и девушек. Особенно туго приходилось немецким санитаркам и женщинам, служившим во вспомогательных частях. Международные соглашения не закрепляли за ними статус военнослужащих, а потому эти девушки не могли попасть под защиту, которая предоставлялась военнопленным. Недоработка международной дипломатии очень дорого обошлась женщинам, фактически находившимся на службе в немецкой армии. Так как они не имели статуса военнослужащих, то могли приравниваться к партизанам. В итоге они оказались беззащитными: их могли изнасиловать или даже расстрелять. В начале января 1945 года в Восточную Пруссию было направлено около 1000

девушек. Они так и не прибыли к месту назначения. Это исчезновение молодых женщин вовсе не было единичным случаем. Например, в конце войны во Франции пропало без вести около 25 000 добровольных помощниц вермахта.

Жертвами союзников могли быть не только немки. В их число попадали еврейки, которым удалось пережить холокост, и женщины, угнанные на принудительные работы в Германию. Насилию подвергались не только зрелые женщины, но и девочки-подростки и даже старухи. Сейчас немцы говорят о том, что командование Красной Армии закрывало глаза на эти эксцессы. Опьяненные победой красноармейцы мстили за преступления, совершенные у них на родине. Рут Андреас-Фридриха, участник сопротивления, активный антифашист так комментировал события начала 1945 года: «Русское опьянение от победы проявилось в плоти. В плоти наших женщин. Они овладевают ими без разбора; это творится каждую ночь».

Насиловать могли на лестничных клетках, в квартирах или прямо на улицах. Крикнув «По-

шли по женщинам!», красноармейцы выискивали свои жертвы в бомбоубежищах. Они нападали на беженцев, утаскивали женщин, разбиравших уличные завалы, проводились «рейды» по местам уборки картошки. Одну и ту же женщину могли насиловать несколько раз. Нередко это происходило публично на глазах соседей, родственников, детей. Иногда соучастниками этих эксцессов были сами немецкие мужчины. Одна женщина рассказывала: «Меня привязали к скамье и изнасиловали. Немецкие мужчины, находившиеся в бункере, не только не воспрепятствовали этому, но наоборот, помогали русским, так как они боялись, что те взорвут наше убежище».

В последнее время в нашей прессе любят муссировать тему, что изнасилований в зоне оккупации наших союзников было на порядок меньше. Мол, у них и бордели были, и культура сексуального общения выше. Не будем далеко ходить за примерами. За первый день пребывания французских войск в Штутгарте было зарегистрировано 1198 случаев изнасилований немецких женщин. Распущенность французов была настоль-

ко невообразимой, что дело о сексуальном насилии над немками пришлось разбирать в сенате США. Сенатор Джеймс Эстланд, избранный от штата Миссури, в июне 1945 года докладывал о неслыханном преступлении, совершенном сенегальскими солдатами, входившими с туземные части французской армии. Туземцы в течение пяти дней насиловали несколько сотен женщин, загнанных в штутгартскую подземку. В то время французская сторона обвинила сенатора во лжи, мотивируя это тем, что в Штутгарте не было никакого метро, а сам докладчик был расистом. Можно было, конечно, согласиться с этой версией, если не принимать во внимание три факта. Во-первых, в Штутгарте тогда, действительно, не было метро. Но зато была подземная стоянка трамваев, которая со временем превратилась в автотоннель. Во-вторых, в те дни в полиции оказалось несколько заявлений об убийствах женщин, совершаемых людьми в чалмах. В то время такой головной убор могли носить только французские туземцы. И наконец, в-третьих, много лет спустя после окончания войны ста-

ли известны подробности взятия союзническими войсками итальянского города Монте Кассино. В составе союзников находились марокканские войска. Марокканцы были посредственными солдатами, зато им не было равных в убийствах пленных после завершения сражений. Они также отличились по части изнасилования гражданского населения. В ту ночь, после завершения битвы за Монте Кассино и организованного отхода немцев, дивизия марокканских солдат—12 000 марокканцев—снялись со своего лагеря и, как саранча, опустились на группу горных сел в окрестностях Монте Кассино. Они изнасиловали в этих сёлах всех женщин и девочек, которых им удалось найти, — их число оценивается в 3000 женщин, в возрасте от 11 до 86 лет. Они убили 800 мужчин-сельчан, пытавшихся защитить своих женщин. Некоторых женщин они насиловали до такой степени, что несколько сотен из них от этого погибли. Марокканские солдаты отбирали самых красивых девушек для группового изнасилования, и длинные очереди темнокожих марокканцев выстраивались перед каждой из них

в ожидании своей очереди, в то время как другие марокканцы держали жертвы. Двух сестёр, 15 и 18 лет, насиловали свыше 200 марокканцев каждую. Одна из них скончалась от этих изнасилований. Другая провела последние 53 года в психической клинике. Марокканцы насиловали в сёлах и юношей.

Сейчас немецкая сторона, придерживаясь нелепой политкорректности, не акцентирует внимание на этих фактах. Как же! Обличение туземных частей в массовых сексуальных преступлениях и расправах с немецкими и итальянскими женщинами, перед которыми меркнут некоторые зверства гитлеровцев, пахнет расизмом. Куда лучше приписывать все эксцессы русским. Те по привычке не только поверят в свою исключительную жестокость, но еще и извинятся. Вполне возможно, эта глава не появилась бы на свет, если бы не многочисленные публикации в «желтой прессе», где в приступе национального мазохизма, помноженном на изуверскую гордость, констатируется, что в советской зоне оккупации изнасилований было чуть ли не на порядок больше,

чем у союзников. Непростительное отношение к своей истории. Никто не отрицает эксцессов, вызванных войной. Но это еще не позволяет издеваться над нашим прошлым. Если размах насилия, творимого красноармейцами, был настолько велик, то почему в сенате США предполагалось слушание о туземных частях французской армии?

В годы войны трагедия пришла в каждую советскую семью, и ярости солдат и офицеров, вступивших с боями на вражескую землю, не было предела. Лавина мести могла захлестнуть Германию, однако этого не произошло. Бесчинства над местным населением—убийства, грабежи, насилия над женщинами, совершаемые военными Красной Армии и других союзных армий, в том числе США и Великобритании, действительно, приняли весной 1945 года тревожные масштабы. В различных районах, куда вступала Красная Армия, ее отношения с населением складывались неоднозначно. Предотвратить насилие не удалось, но его сумели сдержать, а затем и свести до минимума.

С вступлением Красной Армии на территорию стран-агрессоров были приняты чрезвычайные меры против бесчинств по отношению к мирному населению. 19 января 1945 года Сталин подписал приказ, который требовал не допускать грубого отношения к местному населению. Но этого приказа оказалось недостаточно. Тогда 20 апреля 1945 года была выпущена Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующим войсками и членам военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении отношения к немецким военнопленным и гражданскому населению. В ней в категоричной форме приказывалось изменить отношение к немцам, — как к военнопленным, так и гражданским. Обращаться с ними лучше. Подчеркивалось, гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам должно было облегчить ведение боевых действий.

Наряду с разъяснительной и воспитательной работой, принимались жесткие карательные ме-

ры. Как свидетельствуют данные Военной прокуратуры, в первые месяцы 1945 года за совершенные бесчинства по отношению к местному населению было осуждено военными трибуналами 4148 офицеров. Несколько показательных судебных процессов над военнослужащими завершились вынесением смертных приговоров виновным. Захотелось бы еще раз обратить внимание на цифру—4148 офицеров! И это в тех условиях, когда французы вообще отказывались признать-ся в зверствах, творимых туземными частями, а американцы за период с 1942 по 1947 года приговорили к смерти за насилие над гражданским населением всего лишь четырех человек.

Можно привести другой документ: доклад военного прокурора 1-го Белорусского фронта Л. Яченина о выполнении директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта об изменении отношения к немецкому населению, который датирован маем 1945 года. В нем, в частности, говорится, что в отношении к немецкому населению со стороны советских военнослужащих безусловно достигнут значитель-

ный перелом. Факты бесцельных и (необоснованных) расстрелов немцев, мародерства и изнасилований немецких женщин значительно сократились. В нем не отрицалось, что насилия над женщинами все ещё имеют место. Но вместе с тем подчеркивалось, что этим широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливались на наших военнослужащих.

Точку в этом сюжете поставили вовсе не историки, а российские дипломаты. Когда в Англии появилась книга, исключительно посвященная «сексуальным преступлениям красноармейцев», то посольство Российской Федерации в Великобритании было вынуждено выступить с заявлением. Обращаясь к редактору газеты «Дейли телеграф», российский посол Г.Карасин писал: «Сэр! Как гражданин России и посол этой страны в Великобритании, я отказываюсь поверить в то, что статья под заголовком “Войска Красной Армии насиловали даже русских женщин, которых они освобождали из лагерей” могла полу-

читать разрешение на публикацию у ваших коллег, обладающих хотя бы минимальным знанием истории Второй мировой войны. У меня нет никакого желания вступать в дискуссию по поводу этих очевидно лживых утверждений и инсинуаций. Позорно иметь какое бы то ни было отношение к явной клевете против народа, спасшего мир от нацизма. Факт появления этой статьи накануне дня памяти жертв Холокоста превратил ее в акт богохульства не только против России и моего народа, но и против всех стран и миллионов людей, пострадавших от нацизма. Я считаю, что миллионы людей, спасенных Советской Армией, и героизм российских солдат являются очевидным свидетельством в пользу моих слов».

Заключение. Сексуальное
«обаяние» нацизма

Приблизительно год назад меня позабавала одна новость, просочившаяся в сообщениях информационных агентств. Оказывается, немцы решили изменить имидж нации и хотят, чтобы их воспринимали в мире не как «фашистов», а как «сексуальных гедонистов». По мысли германских властей, порнография, а также гомосексуальная культура—это наиболее ценное в глазах остального мира из всего «немецкого наследия». Более того, Германия намерена провести целую серию кампаний по улучшению имиджа страны за рубежом. Основная задача кампании—борьба с укоренившимися в европейских странах стереотипами восприятия немцев. В Европе до сих пор немцы зачастую ассоциируются с образами блондинов-националистов.

Заявление по меньшей мере нелепое. Заменить нацизм на немецкую порнографию—некорректно. В массовом сознании они стали чуть ли не единым целым. В настоящий момент нацизм—это не столько политическая доктрина, сколько разновидность шоу-бизнеса, грандиозное зрелище, представление, шоу. Нынеш-

няя «привлекательность» нацизма не в содержании, а в форме: весь его внешний антураж, вся его красивая и соблазнительная, кабареточно-карнавальная, праздничная обертка с легкостью превращается в сексуальный фетиш, разжигающий похоть миллионов, пробуждающий и высвобождающий самые темные инстинкты толпы.

Посмотрим на «главнейшее из искусств». В кино тема сексуальности нацизма воспета просто в неимоверном количестве фильмов. Список можно начинать с киношедевров Висконти («Гибель богов»), Бертолуччи («Конформист»), Кванти («Ночной портье»). Продолжить этот перечень можно балансирующими на грани порнографии фильмами Пазолини («Сало, или 120 дней Содома»), Брасса («Салон Китти»). А подвести итог фильмами, которые появляются только в «специализированных» магазинах: «Гретхен в армии—фройляйн в униформе»; «Женский лагерь 119»; «Зверь в горячке»; «Ильза—волчица СС»; «Красные ночи гестапо» и т. д. Все эти фильмы только укрепляют мысль, живущую в темных углах подсознания, что на-

цизм, равно, как и весь фашизм в целом есть ни что иное, как сексуальная вседозволенность, половой беспредел.

Но шоу-бизнес на то и есть шоу-бизнес, чтобы подпитывать мифы, дабы извлекать из них выгоду. На самом деле реальность была не столь откровенной и грязной. «Гретхен в униформе» на самом деле оказались «Стемпфортскими женами»²: глуповатенькими, слишком идеальными и покладистыми, в преобладающем большинстве блондинками, улыбчивыми, готовыми выполнить любую прихоть своих недалеких мужей. Третий рейх подобно идеалистическому Стемпфарту, городку с милыми домиками, утопающими под кронами высоких деревьев (а разве не так изображала свою страну нацистская пропаганда?), предпочитал жить под лозунгом: «Купи себе идеальную жену». Не верите? А когда-нибудь видели брачные объявления времен Тре-

² «Стемпфортские жены» — голливудский фильм, в котором повествуется о городе, где все мужчины превратили своих жен в андроидов.

тьего рейха? Вот парочка из них: «Вдовец, 60 лет от роду, хочет вновь жениться на нордической супруге, которая готова подарить ему детей, чтобы старая семья не вымерла по мужской линии», «Пятидесяти двух лет от роду, чисто арийский врач, участник битвы при Танненберге, который намеревается поселиться в сельской местности, желает для себя мужского потомства путем официальной женитьбы на здоровой арийке, девственной, скромной, бережливой домохозяйке, привыкшей к тяжелому труду, с широкими бедрами, на низких каблуках, без сережек, по возможности без собственности».

Нацистская идеология всегда опиралась на бинарную модель человека. Нацистские представления постоянно соотносились с критерием: «свой—чужой», «враг—друг», «мужчина—женщина». В целом этничность и расизм Третьего рейха выступали в качестве фактора сексуального подавления. Но если, по признанию одной женщины—участницы телемоста между СССР и США, «в СССР секса—нет», то в нацистской Германии секс был. Точнее, должен был

быть. И причем только «арийский секс». Наряду с «арийским искусством», «арийской наукой», «арийским образованием». Сексуальные отношения в Третьем рейхе являются еще одной наглядной иллюстрацией к вопросу о подавлении личности тоталитарной идеологией нацистского государства.

Приложения

1. Речь имперского министра народного просвещения и пропаганды Йозефа Геббельса по поводу открытия в Берлине выставки «Женщина», 19 марта 1933 г.

Вам из-
вестно, что национал-социалистическое движение как единственная партия отстраняет женщину от непосредственной повседневной политики. Поэтому на него во многих отношениях жестоко, но несправедливо нападают. Мы отстраняем ее от парламентски-демократических козней, которые определяли немецкую политику 14 прошедших лет, не потому что мы не уважаем женщину, а потому что мы ее слишком уважаем. Сегодня в общественной жизни женщина имеет то же самое значение, что и прежде. Никто, понимающий современность, не сможет вынашивать сумасбродную идею о вытеснении женщины из общественной жизни, с работы, из профессиональной жизни и заработка. Но при этом нельзя не сказать, что вещи, которые являются делом мужчины, должны оставаться за мужчиной, а к этому относятся политика и обороноспособ-

ность народа. Это не отрицательное суждение о женщине, а только указание на ее способности и задачи в областях, которые наиболее соответствуют ее сущности. Об опасности прослыть реакционером я выскажусь ясно: первое, лучшее и наиболее подходящее место женщины—в семье, и чудеснейшая задача, которую она может выполнить—задача подарить детей своей стране и народу.

2. Речь Гитлера перед национал-социалистическими женщинами на съезде НСДАП в Нюрнберге, 8 сентября 1934 г.

Чувство, и прежде всего душа женщины всегда дополняли дух мужчины. Если в человеческой жизни иногда сдвигались сферы труда между мужчиной и женщиной в неестественном направлении, то это происходило не потому, что женщина стремилась к господству над мужчиной. Причину надо было искать в том, что мужчина был не в состоянии полностью выполнить свою задачу.

Чудо природы и Провидения состоит в том, что невозможен никакой конфликт обоих полов друг с другом, пока каждая часть выполняет задачу, предписанную ей природой.

Слова о женской эмансипации—это только слова, выдуманные еврейским интеллектом, а на их содержание наложил отпечаток тот же самый дух. В действительно хорошие времена немецкой жизни немецкой женщине никогда не нужно было себя эмансипировать, у нее было именно то, что природа дала ей как достояние для управления и сохранения, точно так же как и мужчине в его хорошие времена никогда не нужно было бояться, что его вытеснят с его позиции по отношению к женщине.

Если говорят, что мир мужчины—это государство, мир мужчины—это его борьба, готовность к действию ради сообщества, то, может быть, можно было бы сказать, что мир женщины—меньший мир. Ведь ее мир—это ее муж, ее семья, ее дети и ее дом.

3. Торжественное обещание юнгме-

дель, 1939 г.

Юнгмедель, которые сегодня, в день рождения фюрера, принимаются в БДМ, должны дать торжественное обещание:

Руководительница БДМ: «Я торжественно обещаю верно и самоотверженно служить фюреру Адольфу Гитлеру в Гитлерюгенде».

Юнгмедель повторяют.

Руководительница БДМ: «Я торжественно обещаю всегда выступать в защиту единства и товарищества немецкой молодежи».

Юнгмедель повторяют.

Руководительница БДМ: «Я торжественно обещаю повиноваться имперскому фюреру молодежи и всем руководительницам БДМ».

Юнгмедель повторяют.

Руководительница БДМ: «Я торжественно обещаю возле нашего священного знамени, что всегда буду стараться быть достойной его. Да поможет мне Бог».

Юнгмедель повторяют.

Руководительница БДМ: «Как ответственная руководительница БДМ принимаю вас в ряды

Союза немецких девушек».

4. Письмо министра внутренних дел Вильгельма Фрика, 5 октября 1933 г.

Среди женщин-чиновниц, учительниц и служащих царит беспокойство по поводу проводимых в их отношении различными имперскими, земельными и муниципальными органами увольнений.

В принципе я считаю правильным, что при одинаковой пригодности мужчин и женщин для государственной службы предпочтение отдается кандидатам мужского пола. С другой стороны, я должен указать на то, что в определенных областях, а именно в сфере работы с молодежью и социального обеспечения молодежи, отчасти—на уроках, интересы дела требуют применения женщин на местах чиновников и служащих.

Далее, ряд жалоб дает мне повод обратить внимание на то, что замужние женщины-чиновники и учителя могут быть уволены только тогда, когда их экономическое обеспечение представляется гарантированным на длительный

срок.

5. Распоряжение генерального уполномоченного по выполнению 4-летнего плана Германа Геринга, 15 февраля 1938 г.

Для смягчения нехватки женской рабочей силы в сельском и домашнем хозяйстве я постановляю следующее:

1. Незамужняя женская рабочая сила в возрасте до 25 лет может быть принята на работу частными и государственными предприятиями и учреждениями в качестве работницы или служащей только тогда, когда она может подтвердить трудовой книжкой не менее чем одногодичную работу в сельском или домашнем хозяйстве. Происходящие из сельской местности девушки, ищущие работу, должны работать в деревне. Доказательства не требуются при приеме на работу в сельское и домашнее хозяйство.

6. Директива министра труда Франца Зельдте, 16 сентября 1938 г.

Во время войны женщин следует использо-

вать в экономике и органах управления в большем масштабе, чтобы освободить мужчин для вооруженной борьбы. При этом на службе обороны рейха следует отказаться от привычек мирного времени и решительно отодвинуть обстоятельства, которые при иных условиях запрещают использование женщин. Все же во время войны женский труд должен найти свои границы там, где он превращается в угрозу для источника жизни нации. Поэтому и во время войны недопустим ущерб для здоровья женщин, который рано или поздно может превратиться в угрозу для выполнения задачи материнства. Далее, при использовании женской рабочей силы следует учесть, что женщины по своей душевной и физической предрасположенности способны не ко всем видам выполняемых мужчинами работ и что неправильное использование оказало бы негативное воздействие на результат труда:

I. Общие точки зрения

1. Женщины не могут быть заняты на работах, которые несут с собой серьезный вред для здоровья (отравляющие, ядовитые и сильно раз-

дражающие сырье и газы, опасные для здоровья пары и пыль, сильная жара и тряска).

2. Женщинам нельзя поручать никакой тяжелой работы, для которой они непригодны физически.

3. Женщины не должны быть заняты на работах, которые требуют особого присутствия духа, решительности и быстрых действий.

4. Женщинам в целом не могут быть доверены работы, которые требуют особого технического склада ума и технических знаний. Но использование возможно и здесь:

а) у женщин с хорошей сообразительностью после специального технического обучения;

б) при строгом контроле специалистов.

7. Закон о защите работающей матери, 17 мая 1942 г.

Немецкая женщина может выполнить свою самую главную работу для народного сообщества—рождение здоровых детей—только тогда, когда она защищена от любого ущерба и убытков до и после родов. Забота

о достаточной защите распространяется на всех немецких женщин. Но первоочередной является защита работающей матери, которая, несмотря на тяжелые условия жизни, дарит отечеству детей. Чтобы она могла, не подвергаясь опасности, выполнить свой материнский долг, имперское правительство приняло следующий закон, который здесь обнародуется:

§ 2. Запрет на работу для будущих матерей

1) Будущая мать не может работать, если в соответствии с медицинским свидетельством находятся в опасности жизнь и здоровье матери и ребенка.

2) Будущие матери не могут работать на тяжелых физических работах, например, поднятии и переносе тяжелых грузов, при которых они подвержены вредному воздействию опасных для здоровья сырья и лучей, пыли, газов или паров, холода или сырости либо тряски.

3) Будущие матери в течение последних 6 недель до родов могут по их желанию освободиться от любой работы.

4) Имперский министр труда может: распо-

рядиться об устройстве комнат отдыха и других мерах защиты будущих матерей на предприятиях и в учреждениях.

§ 3. Запрет на работу после родов

1) Роженицы не могут работать до истечения 6-недельного срока после родов. Для кормящих матерей этот срок продляется до 8 недель, для кормящих матерей после преждевременных родов—до 12 недель:

§ 4. Запрет на сверхурочную, ночную работу и работу в праздничные дни

Будущие кормящие матери не могут работать на сверхурочной работе, в период между 20 и 6 часами утра, а также в воскресные и праздничные дни. Кроме того, в сельском хозяйстве запрещена любая работа продолжительностью свыше 9 часов в день. В особых случаях управление промыслового надзора может допускать исключения.

§ 6. Запрет на увольнение

Женщины не могут увольняться против их воли по причине беременности. Во время беременности и до истечения 8 месяцев после родов

недействительными являются увольнения и по иной причине, если фюреру предприятия к моменту увольнения было известно или незамедлительно сообщено о беременности или родах.

§ 7. Еженедельная заработная плата

1) Женщины, застрахованные в органах государственного страхования, в течение 6 недель до и 6 недель после родов получают еженедельное содержание в размере среднего заработка последних 13 недель, но не менее 2 рейхсмарок ежедневно. Кормящие матери получают еженедельное содержание в течение 8 недель после родов, а при преждевременных родах—в течение 12 недель:

8. Речь Гитлера в рейхстаге, 4 мая 1941 г.

... Миллионы немецких женщин трудятся на селе, в поле и при этом должны, упорно работая, заменить мужчин. Миллионы немецких женщин и девушек работают на фабриках, в мастерских, учреждениях и там заменяют своего мужчину. Не будет неправильным, если мы потребуем, что-

бы эти миллионы создающих немецких соотечественниц стали примером для многих сотен тысяч других. Ведь если мы сегодня в состоянии мобилизовать больше половины Европы на труд ради этой борьбы, то как полноценной субстанцией во главе этого процесса труда является наш собственный народ. Поэтому мы обязаны включить рабочую силу всей нации в этот самый гигантский во всемирной истории процесс вооружения. Необходимые для этого меры предпринимаются с национал-социалистической решимостью и основательностью.

9. Телеграмма Геббельса в партийную канцелярию, 2 июля 1941 г.

В последних докладах СД «Сообщения из рейха» снова приводятся резкие жалобы на поведение женщин во время туристических поездок и на курортах. Просто возмутительно, когда не только из докладов СД, но и из других источников постоянно получаешь жалобы на то, что эти женщины спят до 12 часов дня, затем до смерти мучают бедный персонал, танцуют и пьянствуют

до ночи, а потом еще и приводят к себе мужское обслуживание за 60 марок.

Здесь подошло бы только одно средство: этот женский сброд из кругов плутократии нужно, наконец, привлечь к работе. Нужно было бы установить, что за девушки и женщины пребывают на одном курорте по несколько недель, а затем послать их на военные фабрики. Это лучше, чем все призывы вести себя скромно, которые у этих женщин так и так не дают никакого результата.

Население как в подвергающихся бомбежкам, так и в курортных районах более чем возмущено тем, что против этого женского сброда вообще ничего не предпринимается.

Ответ Бормана, 6 июля 1941 г.

Я повторно указал фюреру на недовольство работающих и, соответственно, привлеченных к принудительному труду женщин теми женщинами, которые убивают время на теннисных кортах, в кафе, на курортах и т. д. При этом я опять доложил фюреру, что наши партийцы снова требуют введения трудовой повинности для этих женщин. Во время моего последнего доклада, состо-

явшегося примерно 14 дней назад, фюрер возразил мне, что он основательно обдумал это положение дел и после этого пришел к убеждению, что мы сами навредим себе, если введем трудовую повинность для таких женщин. Для него совершенно ясно, сказал фюрер, что эти неработающие женщины, происходящие большей частью из реакционных кругов, основательно навредили бы нам на фабриках и, соответственно, испортили бы настроение женщин, отбывающих повинность.

10. Гюнтер Каутман. «Грядущая Германия. Воспитание молодежи в рейхе Адольфа Гитлера», 1943 г.

Требуемые достижения на вечере:

1. Фюрер и его движение.

Над всей службой юнгмедель должен находиться долг перед фюрером, который является для нас образцом и ориентиром в своей борьбе и труде.

а) Юнгмедель должна знать место и день рождения фюрера и уметь рассказывать о его

жизни.

б) Она может рассказать об истории движения и борьбе СА и Гитлерюгенда.

в) Юнгмедель знает ближайших соратников фюрера.

г) Юнгмедель знает все строфы «Песни о Германии» и песни «Хорст Вессель», а также значение национальных праздников.

2. Гитлерюгенд.

а) Юнгмедель должна знать, почему мы носим имя Гитлерюгенд.

б) Она должна называть известных ей павших участников Гитлерюгенда и рассказывать об их борьбе.

в) Юнгмедель должна знать, что означает ее вымпел и какую команду подает жезл вымпела.

г) Юнгмедель может на сборе спеть три песни о Гитлерюгенде.

3. Немецкий народ за границей.

а) Юнгмедель должна уметь по памяти нарисовать примерные контуры карты Германии.

б) Она должна знать значение Версаля и знать, какие районы мы должны были уступить

и каким государствам они отошли.

в) Она может рассказать о немецком народе во всем мире.

4. Родина.

а) Юнгмедель знает свой собственный район (значение наруканного треугольника) и может указать, какие местности и наиболее значительные города в нем находятся.

б) Она может рассказать о прошлом своей малой родины, а также о ее сказках, сагах, песнях и обычаях.

в) Юнгмедель должна уметь рассказывать о жизни наиболее значимых личностей своей родины.

Требуемые достижения в спорте.

1. Бег на 60 м за 12 секунд.

2. Прыжок на 2,5 м.

3. Бросание мяча на 20 м.

4. Бросание мяча в цель с расстояния 6 м в мишень размером 60х60 на высоте 2 м.

5. Плавание на 100 м без учета времени или, если в радиусе 6 км нет возможности для плавания и возможности научиться плавать, 8-

километровый поход без поклажи в течение 2 часов. . .

Требуемые достижения в поездке.

1. Участие в поездке продолжительностью 1,5 суток с полагающимся снаряжением и ночевкой на молодежной турбазе.

2. Заправка постели и аккуратное оставление лагеря.

3. Выполнение организационной службы (служба на кухне, покупки и т. д.).

4. Укладывание багажа.

5. Знание важнейших видов деревьев и сортов зерна.

6. Знание важнейших обозначений на карте (масштаб 1:25 000).

11. Сообщения немецких газет 1933–1943 гг.

А. «Франкфуртер цайтунг», 11 августа 1933 г.:

Отдел производственных ячеек Национал-социалистической организации производственных ячеек Нижней Франконии опубликовал рас-

поражение, в котором говорится, что в последнее время в НСБО было принято большое количество женщин. Это является достоинством, которым может гордиться женщина, и поэтому ее долг—действовать в национал-социалистическом духе. В этой связи объявляется, что нарумяненным и напудренным женщинам запрещен доступ на все мероприятия НСБО. Женщины, курящие в общественных местах, в ресторанах, кафе, на улице и т. д., будут исключаться из НСБО. Амтсвальтерам предписано осуществлять соответствующий контроль.

Б. «Везер-цайтунг», 16 января 1935 г.:

С 1 января в Германии прекратила свое существование система жиголо. Хотя желающие танцевать дамы немного грустят об этом, в интересах мужского достоинства следует приветствовать это решение правительства. Быть жиголо не было профессией, в лучшем случае—побочной профессией. Если требовался кавалер, хороший внешний вид, бойкий танец, хороший смокинг, умение поддерживать разговор, по возможности на нескольких языках, — за это предлагались три

марки. Профессия жиголо была не романтичным, а скорее совершенно расчетливым занятием с точно отрегулированной практикой.

Здесь нужно было ждать, пока не начнется танец, и затем бросаться на не приглашенную даму. Ей не нужно было быть ни миловидной, ни молодой, ей не нужно было и уметь танцевать... У каждого жиголо было некоторое количество дам, чем больше, тем лучше для него, которые 1–2 раза в неделю приходили в это заведение, чтобы танцевать с ним.

В. «Франкфуртер цайтунг», 1 июня 1937 г.:

На одном собрании НСДАП обергруппенфюрер СС Йекельн выступил против «осветляющих средств». Светлые волосы и голубые глаза давно не являются бесспорными доказательствами того, что человек относится к нордической расе. Девушка, которая сегодня хочет выйти замуж за эсэсовца, должна быть безупречна во всех отношениях. Поэтому от нее требуется наличие имперского спортивного значка. Может быть, сегодня некоторые еще не могут понять это требова-

ние. Но Германии не нужны женщины, которые могут прекрасно танцевать на 5-часовом чаепитии, ей нужны женщины, доказавшие свое здоровье спортивными достижениями. А для укрепления здоровья копые или шест подходят лучше, чем губная помада.

Г. «Франкфуртер цайтунг», 1 января 1943 г:

Женские волосы в принципе следует носить короткими. Парикмахеры не должны больше обрабатывать волосы, которые в среднем длиннее 15 сантиметров. Следовательно, в будущем клиентка не должна иметь права на обслуживание, если ее прическа требует слишком много времени для обслуживания из-за длинных волос. Необходимость экономить время тем самым создает моду. . . дамы будут носить короткие волосы.

Чтобы сократить время ожидания, парикмахеры должны по возможности ввести систему предварительной записи. В принципе в первую очередь следует обслуживать раненых и отпускников с фронта. . . Женские парикмахеры должны быть переучены на мужские стрижки. . . Нако-

нец, парикмахеры должны строго придерживаться того правила, что мужчины и молодые люди до 16 лет больше не могут позволить себе перманент.

12. Франц Каде. «Поворот в воспитании девушек», 1937 г.

Труд домохозяйки больше не стоит—как прежде—на самой нижней ступеньке ценности. Служанка больше не стоит ниже фабричной работницы. Национал-социализм дал всему ручному труду, в том числе и этому, полный почет. Поэтому домашнее хозяйство и ручной труд больше не могут быть «побочными» областями. Далее, следует считать заблуждением, что все, связанное с домашним хозяйством и материнством, является чисто техническим делом, которое можно сделать за несколько часов как-то между прочим. Деятельность домохозяйки и матери—больше чем чисто техническое, это—выражение позиции и образа мыслей. Следовательно, это не какое-то «материальное» действие, которое определяется только с точки зрения полезности.

Это—и не бездуховное действие, а тесно связано с духовным.

13. Выступление Рудольфа Гесса перед домохозяйками Верхней Франконии, октябрь 1936 г.

Мы добились того, что потребности немецкого народа в хлебе и муке, картофеле, сахаре и молоке могут быть обеспечены за счет собственного производства на 100 процентов, то есть полностью.

Но небольшой процент от общей потребности овощей и мяса, несколько больший процент яиц и молочных продуктов и относительно высокий процент потребности в жирах надо покрывать за счет ввоза из-за границы. Результатом этого положения являются колебания в снабжении и ценах. Но то, что мы уже в высокой мере стали независимыми и в важных областях можем себя полностью прокормить—только это—огромное достижение, за которое мы благодарны имперскому продовольственному сословию. . .

Но то, что все же отсутствует, должно быть

ввезено. Однако нужно ввозить не только продукты, а, как вы знаете, значительное количество сырья, необходимого для поддержания работоспособности нашей промышленности, обеспечения работы для миллионов людей и завершения вооружения...

Мы готовы, и в будущем—если необходимо, съесть несколько меньше жиров, несколько меньше свинины, на несколько штук меньше яиц, потому что мы знаем, что эта маленькая жертва—жертва на алтарь свободы нашего народа. Мы знаем, что валюта, которую мы экономим благодаря этому, пойдет на пользу вооружению. И сегодня верен лозунг «Пушки вместо масла». Фюрер не относится к тем, кто делает дело наполовину. Так как вооруженный мир принудил нас вооружиться, мы вооружимся полностью: еще одним орудием, танком, самолетом больше—значит, больше уверенности для немецких матерей, что их дети не будут убиты на несчастной войне—не будут замучены большевистскими бандами. Мы позаботимся о том, чтобы окончательно исчезло желание напасть на нас!

14. Циркуляр Бормана, 7 августа 1944 г.

По поручению фюрера я напоминаю о следующих принципах:

1. Супруги руководящих партийных работников должны воздерживаться от любого вмешательства в служебные дела своих мужей. Прямотаки мерзко, когда жены пытаются каким-то образом повлиять на решения своих мужей или личностные оценки, которые они дают.

2. Жены ни в коем случае не должны бравировать титулами или званиями своих мужей. Они имеют этот титул только тогда, когда сами его получили.

3. Титул или звание того или иного товарища по партии никогда не могут давать повода к кичливости или хвастовству жене или другим членам его семьи. Скромность и образцовое поведение постоянно производят более благоприятное впечатление, нежели явные или скрытые указания на титул или звание.

4. Должны быть запрещены все без исключения так называемые общественные мероприя-

тия, которые дают повод думать, что жены товарищей по партии без убедительного служебного повода используют положение своих мужей.

5. Чем дольше продолжается война, тем сильнее выдвигается на авансцену обязанность членов партии быть для всех остальных соотечественников примером готовности к борьбе, веры в победу и скромной сдержанности в личных делах. В равной мере это касается их жен и остальных членов семьи. Особенно к этому относится, что их жены:

а. Безупречно и примерно включаются в разнообразные ограничения и нагрузки военного времени и избегают видимости того, что они требуют для себя лучших условий, чем остальные соотечественники.

б. Будучи привлеченными к важным военным работам, образцово выполняют свои обязанности.

в. Проявляют необходимую сдержанность в требованиях к домашней прислуге и ее использованию в рамках обязательных для всех предписаний.

г. Предпринимают путешествия любого рода только в действительно необходимых случаях.

15. Циркуляр Бормана, 7 августа 1944 г.

По поручению фюрера я напоминаю о следующих принципах:

1. Супруги руководящих партийных работников должны воздерживаться от любого вмешательства в служебные дела своих мужей. Прямотаки мерзко, когда жены пытаются каким-то образом повлиять на решения своих мужей или личностные оценки, которые они дают.

2. Жены ни в коем случае не должны бравировать титулами или званиями своих мужей. Они имеют этот титул только тогда, когда сами его получили.

3. Титул или звание того или иного товарища по партии никогда не могут давать повода к кичливости или хвастовству жене или другим членам его семьи. Скромность и образцовое поведение постоянно производят более благоприятное впечатление, нежели явные или скрытые указа-

ния на титул или звание.

4. Должны быть запрещены все без исключения так называемые общественные мероприятия, которые дают повод думать, что жены товарищей по партии без убедительного служебного повода используют положение своих мужей.

5. Чем дольше продолжается война, тем сильнее выдвигается на авансцену обязанность членов партии быть для всех остальных соотечественников примером готовности к борьбе, веры в победу и скромной сдержанности в личных делах. В равной мере это касается их жен и остальных членов семьи. Особенно к этому относится, что их жены:

а. Безупречно и примерно включаются в разнообразные ограничения и нагрузки военного времени и избегают видимости того, что они требуют для себя лучших условий, чем остальные соотечественники.

б. Будучи привлеченными к важным военным работам, образцово выполняют свои обязанности.

в. Проявляют необходимую сдержанность в

требованиях к домашней прислуге и ее использованию в рамках обязательных для всех предписаний.

г. Предпринимают путешествия любого рода только в действительно необходимых случаях.

16. Распоряжение о защите брака, семьи и материнства, 9 марта 1943 г.

Совет министров по обороне рейха издал следующее распоряжение, имеющее силу закона:

Статья I. Нападение на брак, семью и материнство

§ 1 1). Супруг, который по злому умыслу или из-за грубой личной выгоды отчуждает, разрушает или игнорирует семью и тем самым наносит ущерб другому супругу или имеющему право на содержание потомку, наказывается тюрьмой до двух лет или денежным штрафом.

2). Попытка наказуема.

§ 2 1). Тот, кто умышленно избегает предусмотренной законом обязанности обеспечивать содержание, так что находится под угрозой жизненная потребность лица, имеющего право на со-

держание, или была бы в опасности без помощи государства или других людей, наказывается тюремным заключением.

2). Попытка наказуема.

§ 3. Тот, кто бессовестно отказывает забеременевшей от него женщине в помощи, которая ей нужна по причине беременности или родов, вследствие чего находится в опасности мать или ребенок, наказывается тюрьмой. (...)

Статья II. Аборт, уничтожение способности к продолжению рода и сбыт средств для предохранения от беременности

... § 5 1) Женщина, которая убивает свой зародыш или позволяет совершить это убийство другому лицу, наказывается тюремным заключением, а в особо тяжких случаях—заключением в каторжную тюрьму.

2) Попытка наказуема.

3) Кроме того, тот, кто убивает плод беременной, наказывается каторжной тюрьмой, а при наличии смягчающих обстоятельств—тюрьмой. Если тем самым преступление постоянно наносит ущерб жизненной силе немецкого народа, то сле-

дует выносить решение о смертной казни.

4) Тот, кто предоставляет беременной средство или предмет для убийства плода, наказывается тюрьмой, а при отягчающих обстоятельствах—каторжной тюрьмой.

§ 6. Тот, кто в иных случаях, кроме предусмотренных законом, преднамеренно разрушает способность к оплодотворению или деторождению другого лица с его согласия или по собственному произволу либо постоянно препятствует путем облучения или лечения гормонами, наказывается тюремным заключением на срок не менее 3 месяцев, а при наличии отягчающих обстоятельств—каторжной тюрьмой, если это преступление в соответствии с иными предписаниями не влечет за собой более тяжелого наказания.

§ 7. Тот, кто преднамеренно или по халатности в нарушение этого закона изготавливает, пропагандирует или пускает в обращение средства или предметы, которые должны прерывать или предотвращать беременность или предупреждать венерические заболевания, наказывается

тюрьмой до 2 лет или денежным штрафом. (...)

18. Сообщение газеты «Франкфуртер цайтунг», 6 января 1937 г.

Как сообщает имперская палата изобразительных искусств, расово-политическое управление НСДАП сделало замечание, что на публике неоднократно появлялись изображения нашего времени, которые наглядно или по смыслу, к прискорбию, показывают немецкую семью с одним или двумя детьми. Национал-социализм борется с распространением системы двух детей, так как она неумолимо ведет немецкий народ к гибели. Он ставит требование по меньшей мере четырех детей в каждой семье, чтобы как минимум сохранить сегодняшнюю численность населения. Там, где это позволяет художественная необходимость, – а это возможно в большинстве случаев, – мастера изобразительного искусства, особенно художники и графики, должны ставить перед собой цель в рамках возможной художественной формы показывать не менее четырех немецких детей, если изображается «семья».

19. Десять заповедей для выбора супруга, изданных имперским комитетом народного здравоохранения, ноябрь 1934 г.

...2. Если ты наследственно здоров, ты не должен (должна) остаться безбрачным(ой)

Все, что есть в тебе, все качества твоего тела и духа—преходящи. Они—наследие, подарок твоих предков. Они продолжают жить в тебе и в непрерывной цепи. Тот, кто без серьезных оснований остается безбрачным, разрывает эту цепь поколений. Твоя жизнь—только временное явление, род и народ продолжают свое существование. Духовное и физическое наследие возрождается в детях:

...5. Как немец (немка), выбирай только супруга(у) той же или нордической крови.

...Смешение неподходящих друг другу рас (гибридизация) часто ведет к вырождению и гибели людей и народов и тем быстрее, чем меньше расовые качества подходят друг другу. Оберегай себя от упадка, держись подальше от инородцев внеевропейского расового происхождения! (...)

6. При выборе своего супруга спрашивай о его предках.

Ты женишься (выходишь замуж) не только за своего супруга, но и в известной мере за его предков. Полноценных потомков можно ожидать только там, где есть полноценные предки. Дары разума и души в точности так же являются частью наследственности, как цвет глаз и волос. Плохие задатки наследуются точно так же, как и хорошие. Хороший человек может нести в себе зародышевые клетки (наследственность), которые в детях превращаются в беду. Поэтому никогда не выходи замуж (женись) за хорошего человека из плохой семьи...

7. Здоровье—предпосылка внешней красоты.

... Требуй от своего будущего спутника, чтобы он (она) прошел медицинскую проверку на пригодность к браку, как ты сам (сама) должен это сделать...

8. Женись только по любви.

9. Ищи себе не (друга) подругу, а спутника для брака.

... Смыслом брака являются ребенок и выра-

щивание потомства. Только у духовно, физически и расово одинаковых людей может быть достигнута эта высшая цель на благо их самих и их народа. . . Слишком большая разница в возрасте между супругами легко превращается в угрозу равновесия в браке.

10. Ты должен (должна) хотеть как можно больше детей.

Сохранение народа гарантировано только при наличии трех или четырех детей. Только при максимальном количестве детей имеющиеся в роду задатки проявляются в максимальном числе и разнообразии: ты уйдешь, а то, что ты дашь своим потомкам, останется. В них возродишься ты сам(а). Твой народ живет вечно!

20. Закон о защите здоровья немецкого народа, 18 октября 1935 г.

§ 1 1). Брак не может быть заключен,

а) если один из обрученных страдает от болезни, связанной с опасностью заражения, которая может вызвать опасения во вреде для здоровья другого обрученного или здоровья потомков;

б) если один из обрученных находится под постоянной или временной опекой;

в) если один из обрученных, не будучи под опекой, страдает от психического заболевания, которое делает этот брак нежелательным для народного сообщества;

г) если один из обрученных страдает от наследственной болезни, указанной в законе о предотвращении наследственно больного подрастающего поколения.

2) Постановления пункта (в) первого абзаца не препятствуют браку, если второй обрученный бесплоден.

§ 2. Перед заключением брака обрученные должны подтвердить свидетельством управления здравоохранения (свидетельством о пригодности к браку), что нет никаких препятствий для заключения брака в соответствии с § 1.

§ 3 1). Заключенный в нарушение § 1 брак является недействительным, если выдача свидетельства о пригодности к браку или содействие служащего загса в заключении брака проведено обрученными с помощью подачи заведомо лож-

ных сведений. Он также является недействительным, если заключен за границей с целью обойти настоящий закон. Объявление брака недействительным может производиться только прокуром.

2) Брак действителен с самого начала, если препятствия к нему возникают позднее.

§ 4 1). Тот, кто добивается запрещенного бракосочетания (§ 3), наказывается тюрьмой на срок не менее 3 месяцев. Попытка наказуема. . .

§ 5 1). Предписания настоящего закона не применяются, если оба обрученных или жених имеют иностранное гражданство.

22. Открытое письмо Гесса незамужним матерям, Рождество 1939 г.

Сознавая, что национал-социалистическое мировоззрение отвело семье подобающую роль в государстве, в чрезвычайные периоды для народа могут быть предприняты особые меры, отклоняющиеся от основных правил. Именно во время войны, которая требует смерти многих лучших мужчин, каждая новая жизнь имеет особое зна-

чение для нации. Поэтому если безупречные в расовом отношении молодые мужчины, которые возвращаются на поле боя, оставляют после себя детей, которые несут их кровь в следующие поколения, детей от таких же наследственно здоровых девушек соответствующего возраста, немедленная женитьба на которых по каким-либо причинам невозможна, то о сохранении этого полноценного национального достояния будет проявлена забота. Сомнения, оправданные в нормальные времена, здесь должны отступить.

23. Приказ Гиммлера всем органам и формированиям СС и полиции, 28 октября 1939 г.

Любая война—это кровопускание наилучшей крови. Бывало, что победа, достигнутая силой оружия, оборачивалась для народа уничтожающим поражением его жизненной силы и крови. При этом, как ни прискорбно, необходимая гибель лучших мужчин—еще не самое худшее. Гораздо хуже—нехватка во время войны живущих, а после войны—не зачатых детей.

...Выходя за границы, вероятно, в остальном необходимых гражданских законов и обычаев, высшей задачей немецких женщин и девушек хорошей крови (также и не состоящих в браке) может быть желание—не из легкомыслия, а по глубочайшей нравственной причине! — стать матерью детей отправляющегося на фронт солдата, о котором только одной судьбе известно, вернется ли он на родину или погибнет за Германию.

Именно в настоящее время также и для тех мужчин и женщин, которые находятся в тылу, святым долгом является стать отцом или матерью.

...1. Над рожденными в браке или внебрачными детьми хорошей крови, отцы которых погибли на войне, от имени рейхсфюрера СС будут осуществлять опеку специально уполномоченные на то лица. Мы придем на помощь этим матерям и с человеческой точки зрения возьмем на себя воспитание, а с материальной—заботу о подрастании этих детей вплоть до совершеннолетия таким образом, чтобы эти матери и вдовы не испытывали нужды.

2. СС позаботятся обо всех зачатых во время войны законным или внебрачным образом детях, а также о беременных женщинах и детях, если те будут испытывать нужду или находиться в стесненных материальных условиях. После войны, если отцы возвратятся, по их личному обоснованному ходатайству будет оказываться щедрая дополнительная материальная помощь. (...)

24. Доклад «Лебенсборна», 1939 г.

832 полноценные немецкие женщины, хотя и не были замужем, решились, несмотря на тяжелые жертвы, подарить нации ребенка и не идти по пути аборта, на который сегодня в рейхе ежегодно еще вступает около 600 000 женщин. Если взять за основу, что каждый родившийся ребенок своей будущей рабочей силой внесет в немецкую экономику сумму в 100 000 рейхсмарок, то благодаря деятельности «Лебенсборна» только к настоящему моменту для будущего немецкого народа созданы ценности на сумму 83 200 000 рейхсмарок.

25. Записи Бормана о высказываниях

Гитлера, 27–28 января 1944 г.

Как подчеркнул фюрер, после этой войны у нас будет 3–4 млн. женщин, которые больше не имеют и, соответственно, не получают мужчин. Вытекающий из этого спад рождаемости был бы непереносим для нашего народа: сколько дивизий, подчеркнул фюрер, у нас отсутствовало бы через 20–45 лет. . .

Общественное, то есть всеобщее, просвещение может по указанным причинам быть проведено только после войны. Для этого приводится только одна причина: сегодня мы еще не можем апеллировать к женщинам, мужья которых, вероятно, еще погибли, и не можем начинать наше просвещение, принимая во внимание наших солдат. . . Эти констатации показывают, какие препятствия мы должны устранить и какие условия создать, чтобы добиться жизненно необходимого увеличения рождаемости:

1. Мы должны создать и для матерей, которые по прежним правилам официально не замужем, точно такую же всеобъемлющую моральную и материальную поддержку. К этому отно-

сится в том числе: дети без проблем должны получать фамилию отца.

2. Далее: по особому прошению мужчины должны вступать в прочные брачные отношения не только с одной, но и еще с одной женщиной. В этом браке женщина без проволочек получает фамилию мужа, дети—фамилию отца. . .

. . . 4. Как я уже упоминал раньше, необходимо, чтобы мы отменили и запретили теперешние обозначения «отношений», которые звучат более или менее одиозно. Напротив, мы должны даже найти хорошие, дружелюбные названия. . .

5. После этой войны бездетные браки и холостяки должны быть обложены более высоким налогом, чем прежде. Прежнее налогообложение холостяков должно быть детской игрой по сравнению с налоговым бременем, которое на них следует возложить в будущем. Доходы от этого налога на холостяков должны служить для поддержки матерей, которые получают детей, для материальной поддержки наших стремлений к подрастающему поколению.

26. Типовой учебный план имперской службы матерей, 1934 г.

Общее обучение

обучение

матерей

национал-социалистическому мировоззрению

задачи женщины в новом государстве

женщина как представительница народа (демографические вопросы)

учение о наследственности и забота о наследственности как задача матери

женщина в немецком праве

немецкие обычаи и немецкие праздники

Ведение домашнего хозяйства

Приготовление пищи

правильный выбор и правильное приготовление блюд с практическими упражнениями

беседы о калорийности наиболее распространенных продуктов питания

Домашнее хозяйство

практические указания по ведению домашнего хозяйства

как я создаю уютную квартиру ограниченными средствами

Шитье

улучшение и изменение одежды

изготовление детской одежды

Ведение домашнего хозяйства в узком смысле

ле

покупки

распределение денег на хозяйственные нуж-

ды

домашняя бухгалтерия

Мать и ее ребенок

беременность

роды и послеродовой период

Уход, питание, одежда младенца и ма-

ленького ребенка

с практическими упражнениями

физическое и психическое развитие здорово-

го ребенка

трудновоспитуемые дети

детская игра, детское пение и материал для

детского чтения, занятия с детьми с практическими упражнениями

Охрана здоровья и лечение

охрана здоровья в семье

охрана здоровья матери

детские болезни

инфекционные болезни

лечение на дому, включая приготовление
больничного питания и уход за больным

Религиозно-нравственное воспитание

брак в свете религии

ребенок и религия

культивирование религиозных обычаев в се-
мье

27. Приказ Гиммлера «О защите немецкой молодежи», 6 апреля 1942 г.

Для порядочного мужчины позорно совра-
щать молодую несовершеннолетнюю девушку,
приносить ей несчастье в легкомысленной игре
и этим отнимать у большинства нашего народа
будущую жену и мать.

Никогда не забывайте, как бы вы были возму-
щены, если бы была погублена ваша собственная
несовершеннолетняя дочь или сестра. С полным
правом вы потребовали бы безжалостного пре-
следования виновного.

Я полагаю, вы знаете, что я думаю о законах и обстоятельствах жизни абсолютно естественно и великодушно. Но точно так же вы должны знать, что я буду безжалостно наказывать любого в наших рядах, кто гнусно и безответственно использует неопытность или легкомыслие несовершеннолетней девушки. Начальники должны сообщать мне о каждом случае подобного рода.

28. Письмо имперского министра юстиции комиссару оккупированных норвежских районов, 18 июня 1942 г.

В соответствии с прежним результатом консультаций официальной комиссии по уголовному праву империи не предусматривается наказание за противоестественный разврат между женщинами. Основания для ненаказуемости в основном следующие:

Однополая деятельность между женщинами—если не говорить о потаскухах—распространена не так широко, как у мужчин, и больше избегает наблюдения общественности. . . . Связанные с этим более

значительные трудности обнаружения таких действий таили бы в себе опасность несправедливых показаний и расследований. Важная причина наказуемости разврата между мужчинами, которая заложена в фальсификации общественной жизни из-за создания отношений личной зависимости, не относится к женщинам из-за их менее значимого положения на государственных и общественных постах. Наконец, женщины, которые предаются противоестественным сношениям, не в той мере, как гомосексуальные мужчины, потеряны навсегда как факторы зачатия, так как, насколько показывает опыт, позднее они снова возвращаются к нормальным половым отношениям.

Список использованной литературы

Bleuel, Hans Peter: Strength through joy: sex and society in Nazi Germany. – London: Secker amp; Warburg, 1973. – XI, 272 S.: Ill.

Burleigh, Michael: The racial state: Germany 1933–1945 / Michael Burleigh and Wolfgang Wippermann. – Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 1991. – 386 S.

Homosexualität in der NS-Zeit: Dokumente einer Diskriminierung und Verfolgung / hrsg. von Günter Grau. Mit e. Beitr. von Claudia Schoppmann. – Orig.-Ausg. – Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verl., 1993. – 373 S.: Ill.

Lilienthal, Georg: Der Lebensborn e.V. : ein Instrument nationalsozialistischer Rassenpolitik / Georg Lilienthal. – Stuttgart (u.a.): Fischer (u.a.), 1985. – VII, 264 S.

Maiwald, Stefan:
Sexualität unter dem Hakenkreuz: Manipulation und Vernichtung der Intimsphäre im NS-Staat / Stefan Maiwald; Gerd Mischler. – Hamburg (u.a.): Europa-

Verl., 1999. – 287 S.

Schneider, Wolfgang:
Frauen unterm Hakenkreuz / Wolfgang Schneider. –
1. Aufl. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 2001. –
239 S.

Schmitz-Koester, Dorothee: 'Deutsche Mutter,
bist du bereit. . . : Alltag im Lebensborn / Dorothee
Schmitz-Köster. – 1. Aufl. – Berlin: Aufbau-Verl.,
1997. – 245 S

Schoppmann, Claudia.
Nationalsozialistische Sexualpolitik und weibliche
Homosexualität. – Pfaffenweiler, 1997

Schoppmann, Claudia: Verbotene Verhaeltnisse:
Frauenliebe 1938–1945 / Claudia Schoppmann. – 1.
Aufl. – Berlin: Querverl., 1999. – 155 S.

Westenrieder, Norbert: 'Deutsche Frauen und
Mädchen! : Vom Alltagsleben 1933–1945 / Norbert
Westenrieder. – Düsseldorf: Droste, 1984. – 138 S.

Джордж Моссе. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: Центрполиграфиздат, 2003

Зигмунд, Анна Мария. Женщины нацистов. – М.: Ладомир, 2001

Кох-Хиллебрехт М. Номо Гитлер: психограмма диктатора—Мн.: ООО «Попурри», 2003

Пленков С. Ю. Третий рейх. Социализм Гитлера (очерк истории идеологии). – СПб.: Издательский дом «Нева», 2004

Простаков С.В. Жены и любовницы нацистов. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000

Ржевская Е.М. Геббельс: Портрет на фоне свастики. – М.: Слово, 1994

Салкелд О. Лени Рифеншталь. Триумф и воля. – М.: Изд-во Эксмо, 2003

Черная Л. Б. Коричневые диктаторы. – М.: Республика, 1992

Шааке Э. Женщины Гитлера. – М.: Изд-во «АСТ», 2003

Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. – М.: СП «Дом Бирунти», 1991

Шпеер А. Воспоминания. – Смоленск: Русич, 1997

PDF Generation

Generated on *21 декабря 2008 г.* by **fb2pdf** version 3.14

<http://www.fb2pdf.com/>